

В.В.Трепавлов

**ТЮРКСКИЕ
НАРОДЫ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЕВРАЗИИ**

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани

BIBLIOTHECA TATARICA

В.В. Тrepавлов

**ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРАЗИИ**

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Казань - 2011

ББК 63.3
Г 66

BIBLIOTHECA TATARICA

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев*

Трепавлов В.В.

Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды / Отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: ООО «Фолиант», 2011. – 252 с.

На обложке мавзолей Аяк-Камыр в Улытауском районе Карагандинской области Казахстана. Начало XV в.(?), фото Е.Х. Хорош. Предположительно усыпальница хана Золотой Орды Тимур-Кутлуга.

ISBN 978-5-94990-032-1

© Трепавлов В.В., 2011
© Институт истории АН РТ, 2011
© ООО «Фолиант», 2011

Содержание

Предисловие	4
Золотая Орда после распада: воспоминания о единстве	8
Хадж из Дешт-и Кипчака в XIII–XVII вв.	24
Арало-Каспийский регион на перекрестке культур и цивилизаций	34
Малая Ногайская Орда. Очерк истории	39
Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь».....	71
«Шесть Сыновей». Остатки Ногайской Орды в казахских степях	79
Ногаи в Башкирии (XV–XVII вв.)	95
Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история).....	121
Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии).....	152
Сакральная топография кочевых степей (XIII–XVII вв.).....	171
Ана Идель = Волга-Матушка.....	181
Представления об истории и историческом времени у кочевников Евразии позднего средневековья	204
Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблемы адаптации).....	215
Источники и литература.....	229

Предисловие

В этой книге собраны работы, написанные автором в разные годы и посвященные различным вопросам истории тюркских народов XIII–XVII вв. Рассматриваемый полутысячелетний период – это эпоха существования на политической карте Евразии Золотой Орды (Улуса Джучи) и ее наследных ханств.

Для большинства российских читателей название средневекового государства Золотая Орда ассоциируется с мрачной эпохой «монголо-татарского ига». В школах и вузах учащимся до сих пор внушается представление о периоде 1230-х – 1470-х гг. как о времени жестокого порабощения Русской земли завоевателями, высасывании ими соков из многострадальной Руси. Ханские баскаки выколачивали, дескать, дань – «царев выход», князья садились на отчие столы не иначе как по ярлыку ордынского хана-«царя», кровавые татарские всадники совершали набеги на мирные города и селения... В общем получается жуткая картина бесправия и унижения, длившихся без малого два с половиной столетия.

Этот исторический штамп, впитанный поколениями российских школьников и студентов, уходит корнями не просто в официальную имперскую историографию по главе с великими Карамзиным и Соловьевым. Такое отношение к Золотой Орде, ее правителям и жителям, формировалось русскими интеллектуалами уже в XIII веке и объяснялось мировоззрением, кругозором, политическими и культурными стереотипами средневековых авторов. Дело в том, что летописи (один из главных источников, рассказывающих о тех временах) составлялись по большей части в духовной среде. Священники и монахи отображали современную действительность сквозь призму привычных для них библейских образов и аналогий.

Едва восточно-христианский мир успел оправиться от крестоносного разгрома Константинополя в 1204 г., как разразилось новое нашествие иноплемеников, и православие потерпело новое поражение. Монгольское завоевание Руси воспринималось как неоспоримое свидетельство того, что Господь отвратил свой лик от Святой Руси, отказал ей в своей милости и благодати. Кровавые княжеские распри, беспринципные интриги и свары на протяжении предыдущих десятилетий, наведение на враждебные княжества «диких половцев» лишило русских людей божественного заступничества. Кара пришла в виде чужеземного порабощения. Сравнения с библейскими прецедентами напрашивались сами собой: не так ли пребывал в услужении фараону «избранный народ» Израилев? не так ли оказался он в вавилонском пленении?

Теперь нужно было молиться и уповать на благосклонность Всевышнего. А пока она не воссияла, терпеть и переносить лишения, связанные с «игом» (ярмом) – именно это понятие ввели в обиход церковные писатели для обозначения режима, установленного монголами на Руси.

Соответственно и падение «ига» в XV веке воспринималось духовными писателями (и внимавшей им аудиторией) как результат божественного благоволения. Ну, а Орда заслуженно покатила в исторические тартарары, якобы расплатившись за долгое поругание православного христианства¹.

В общем, эпоха монгольского завоевания и подчинения Золотой Орде традиционно стала восприниматься как национальная трагедия, черная полоса в русской истории.

Совсем по-другому смотрели на эту историческую ситуацию историки евразийской школы. Эта школа сформировалась в среде русской эмиграции 1920-х гг. и имеет сейчас немало последователей (правда, среди не ученых, а в основном людей, которые профессионально не занимаются изучением прошлого). Общая схема евразийской идеи сводится к исторической преемственности великих континентальных держав – Тюркского каганата, Монгольской и Российской империй. Они будто бы объективно передавали друг другу функцию собирания народов в общих границах. При такой трактовке Россия (иногда добавляют: и СССР) выступала в качестве наследницы объединительной миссии предыдущих «сверхдержав» Евразии.

Давно, часто и во многом справедливо историки критикуют концепции Л.Н. Гумилева. Но в литературном мастерстве изложения своих взглядов ему не отказывает никто. В одной из самых своих ярких работ, книге «Поиски вымышленного царства», Л.Н. Гумилев предлагает взглянуть на исторический процесс как бы с трех позиций: из мышинной норы, с кургана и с высоты птичьего полета. Если воспользоваться таким оригинальным подходом при разборе русско-татарских отношений, то окажется, что наша традиционная историография объясняет их, как правило, глядя «из мышинной норы». Можно уверить себя, что Святая Русь есть центр мира, и тогда получится, что она всегда была окружена врагами, посягавшими на ее свободу, что она веками стояла, как крепость, отбиваясь от посягательств разномастных недругов.

Если же подняться чуть выше и посмотреть «с кургана», то окажется, что Русь изначально пребывала в окружении равновеликих и равноценных ей государственных и культурных систем и взаимодействовала с ними. К таким системам принадлежали европейские страны и Византия, мир ислама и языческий мир тюрко-монгольских степных кочевников.

¹ Об отношении русских к «монголо-татарам» именно сквозь призму христианского провиденциализма см. новые исследования: Амелькин, Селезнев 2005, гл. 1; Рудаков 2009.

А если бы нам довелось взмыть на высоту «птичьего полета» и, следуя Гумилеву, обозреть Евразию в середине XIII в., то мы увидели бы колоссальную державу – Еке Монгол Улус. Как и любая империя, монгольское царство имело сложную структуру. Наряду с уделами сыновей Чингисхана (в том числе Улусом Джучи – Золотой Ордой), туда входили наместничества и автономные владения разного статуса и ранга. Русь как часть Монгольской империи находилась точно в таком же положении, как Уйгурия, Рум (сельджукская Малая Азия), Грузия, страна енисейских кыргызов. Все эти государства сохраняли собственных правителей и домонгольское внутреннее устройство.

С ослаблением Монгольской империи, в течение второй половины XIII – первых десятилетий XIV в. от нее постепенно отделилась Золотая Орда (Улус Джучи). Историки традиционно проявляют большой интерес к ней. Это вызывается несколькими причинами.

Во-первых, ордынская административная структура оказалась настолько устойчивой, что надолго пережила государство, в котором была создана, и продолжала функционировать (в основных чертах) в наследных ханствах и Ордах. В других бывших улусах Монгольской империи – в Китае и Иране – этого не произошло; правда, в Средней Азии некоторые устои имперской государственности то и дело обретали второе дыхание благодаря политике Тимура (Тамерлана) и узбекских ханов, переселившихся в Мавераннахр в XVI в.

Во-вторых, система управления Золотой Орды объективно оказывала значительное воздействие на русские княжества. Поэтому изучение истории Руси XIII–XVI вв. является неполным без учета этого фактора, и в историографии сложилось целое направление, изучающее восточные черты русской государственности и культуры.

В-третьих, государственность Золотой Орды обнаруживает достаточно редкий исторический пример длительного бесконфликтного сосуществования на огромной территории подданных, принадлежащих к разным сферам экономики (кочевые скотоводы и оседлые земледельцы), исповедующих разные религии, говорящих на разных языках.

При всей важности названных проблем историки сталкиваются с довольно скудным их освещением в средневековых текстах. Важнейшими источниками при изучении истории Золотой Орды управления являются немногие сохранившиеся ханские ярлыки; определенную помощь оказывают арабские и персидские хроники, русские летописи. Практически не сохранилось хроник и актов, созданных непосредственно в Улусе Джучи. Почти все известные источники о нем написаны за ее пределами – нередко за тысячи километров от Орды и людьми, никогда в ней не бывавшими. Основная информация исходит из арабских и персидских сочинений. С учетом этих сложностей воз-

никает необходимость объединения и координации усилий ученых разных дисциплин: востоковедов, историков-русистов, археологов и проч. – как из России, так и из других стран (среди которых на первое место я поставил бы Казахстан, поскольку географически половина Золотой Орды располагалась на его современной территории²).

В публикуемой здесь серии очерков вниманию читателей предлагаются исследования как по золотоордынскому периоду истории тюркских народов, так и охватывающие более позднее время – когда Джучиев улус распался, уступив место ханствам-преемникам. Эти очерки были опубликованы в виде статей в различных научных изданиях России и Казахстана в 1990–2000-х годах. Тексты публикуются в авторской редакции с незначительными изменениями и дополнениями.

Ноябрь 2010 г.

² Современные казахстанские историки предпочитают называть левое крыло Джучиева улуса Ак (Белой) Ордой, оставляя наименование Золотой Орды для территории к западу от Яика. В российской историографии сохраняется употребление понятий «Золотая Орда» и «Улус Джучи» как полных синонимов.

Золотая Орда после распада: воспоминания о единстве

В первой половине XV в. Золотая Орда (Улус Джучи) вступила в стадию необратимого распада и образования на ее месте новых государств. Причины этих процессов коренились в особенностях политического и социально-политического развития государства на протяжении предыдущего столетия. В единственном монографическом исследовании, специально посвященном этой теме, – книге М.Г. Сафаргалиева «Распад Золотой Орды» (1960 г.) собран весь основной фактический материал, который иллюстрирует постепенную дезинтеграцию Орды. Указанной работой историография данной проблематики не ограничивается. Однако авторы абсолютного большинства научных трудов сосредотачивали внимание на междоусобной борьбе группировок татарской знати в конце XIV – XV в. и на истории вновь сформировавшихся ханств и Орд, т.е. на факторах и результатах разложения Улуса Джучи.

В определенной степени здесь сказывалась позиция официальной российской (имперской) и советской исторической науки: развалилась угнетательница Золотая Орда, кончилось ненавистное иго, и народы, вздохнув с облегчением, получили возможность самостоятельного развития. При этом ханства-наследники Орды преподносились как агрессивные соседи и непримиримые противники освободившихся народов – прежде всего русского народа и создаваемого им Московского государства. Смакование противоречий и конфликтов между ними было основным сюжетом при исследовании этнополитической ситуации в бывшем Джучиевом улусе.

А вот явления, институты и идеологические конструкции, которые были общими для этих ханств и при этом осознавались их жителями как общее достояние, находились на далекой периферии интереса исследователей. Почти не обращалось внимания на реликты утраченного единства Джучиева улуса. Между тем пребывание в составе единой державы на протяжении более чем двух столетий не могло не оставить следа в социальной структуре и политической организации постзолотоордынских государств, в их экономике и культуре, наконец, в ментальности, психологии и исторической памяти поданных бывшей Золотой Орды¹. К сожалению, содержание источников

¹ Не случайно известный тюрколог, признанный специалист в области татарской истории М.А. Усманов при изучении различных проблем истории и источниковедения Улуса Джучи доводит их рассмотрение до середины XVI в. (см. его книгу (Усманов 1979), а также сборник, в который вошли материалы конференции, организованной по инициативе М.А. Усманова в 1998 г. в Казани (Источниковедение 2002)).

таково, что некоторые приблизительные наблюдения при анализе этих аспектов мы можем делать главным образом в отношении элитных слоев. Массовое сознание основной массы населения тюркских государств XV–XVII вв. остается практически недоступным для анализа.

Впрочем, за долгий период научного изучения поздней Золотой Орды очерченный круг вопросов все же попадал в поле зрения историков. Некоторые авторы с разных сторон и позиций высказывали суждения по этому поводу.

Так, М.А. Усманов писал о единстве правящего дома Джучи для всего бывшего золотоордынского пространства, отчего крымские ханы приглашались в Казань, казанские принцессы выходили замуж за Гиреев, а ногайские княжны – за правителей Казани (Усманов 1997: 43).

Д.М. Исхаков предполагает сохранение клановой системы, объединявшей военно-служилую знать, и относительно однотипное устройство ханств, где существовали юрты правящих племен, и представители этих племен могли свободно перемещаться из одного ханства в другое, оседая на территории соответствующих родовых владений (Исхаков 2009б: 7–9). Следовательно, данный исследователь распространяет на родовую аристократию ту закономерность, которую М.А. Усманов отметил для династической знати.

А.Гайворонский видит попытки восстановления единства Ордынского государства в активной политике крымского хана Менгли-Гирея по отношению к его татарским соседям и соперникам. Самым главным успехом его на этом поприще был разгром Большой Орды в 1502 г., присоединение части ее территории и уход населения в Крым (Гайворонский 2007, ч. II). Правда, развить эту политику в дальнейшем его сыну и преемнику Мухаммед-Гирею не удалось, т.к. вскоре после занятия Астрахани в 1523 г. он был убит ногаями, и впоследствии претензии Крыма на главенство в бывшей Золотой Орде были уже чисто номинальными.

И.В. Зайцев убедительно продемонстрировал тесные культурные связи между поволжскими ханствами, Крымом, Ногайской Ордой и Средней Азией, показал, что «несмотря на политический развал, постзолотоордынские государства представляли собой единое культурное пространство, связанное общностью традиций, языка, науки, литературы и образованности» (Зайцев 2009: 33).

В.П. Юдин предпринял попытку реконструировать официальную государственную идеологию Монгольской империи, ее улусных подразделений и позднейших ханств. Эту идеологию исследователь назвал чингизизмом. По его мнению, чингизизм являлся религиозной системой, «универсальной идеолого-мировоззренческой концепцией и прагматической доктриной». В основе «нового иллюзорного мировоззрения» лежал культ Чингис-хана – мифологизированной личности основателя империи; на чингизизме зиждилась и монополия Чингисидов на царствование после распада Улуса Джучи (Юдин 1992:

15–21, 29, 30, 54–56). Далекое не все историки поддержали эти умозаключения. Возражения вызвала, в частности, уверенная интерпретация В.П. Юдиным чингизизма как религии (см., например (Измайлов 2002: 248–251, 259, 260)). Однако В.П. Юдину принадлежит приоритет в постановке вопроса об общей для постордынского пространства совокупности историко-политических идеологем.

Важная и интересная тема золотоордынской политической традиции (в ракурсе формирования своеобразного «пантеона» общезначимых исторических деятелей) получила также убедительное освещение в работах И.Л. Измайлова (Измайлов 2002; Исхаков, Измайлов 2007: 185–195).

* * *

Автору этих строк уже приходилось высказывать мнение о том, что институциональные связи между частями бывшей Золотой Орды в XV–XVI вв. были выстроены в некую систему. Эта система основывалась, во-первых, на «инерции» прежнего единства распавшегося Джучиева улуса; во-вторых, на исключительных царственных прерогативах фамилии Джучи, не ограниченных отдельными юртами и стольными резиденциями; в-третьих, на относительной этнической однородности тюркоязычного населения на громадном пространстве Дешт-и Кипчака и некоторых сопредельных регионов.

Возможно, в данную межгосударственную (и надгосударственную) парадигму отношений каким-то образом оказался встроен и бывший чагатайский Мавераннахр – после отеснения Тимуром от власти улусных ханов-Чагатаидов и последующей реставрации владычества потомков Чингис-хана Мухаммедом Шейбани. Во всяком случае во второй половине XVI в. бухарский хан Абдаллах II был близок к установлению своей гегемонии в восточном Деште и имел значительный вес в глазах своих северных соседей – правителей Сибирского и Казахского ханств и Ногайской Орды.

Следует подчеркнуть, что речь должна идти именно об инерции, пережитках единой государственности, т.к. в действительности никаких центростремительных процессов на постордынском пространстве не было заметно. Хотя и возможно, что ностальгия по золотоордынским временам существовала. По ряду источников можно судить, что «золотым веком» считался апогей стабильности великой державы – ханствования Узбека и Джанибека².

Вероятно, историки порой излишне абсолютизируют (или модернизируют) межгосударственные отношения, в том числе границы между юртами XV–XVI вв. В историографии утвердилось мнение о четком делении Джучиева улуса на два крыла с загадочными, «плавающими», нечетко атрибутируе-

² Ссылки на благодатные времена этих ханов в текстах XIV–XVI вв. см.: Кононов 1958: 77; ПСРЛ, т. 6: 92; РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 56.

мыми цветовыми обозначениями. Из источников, повествующих о событиях XIII в. (Рубрук, Рашид ад-Дин), можно вывести существование там двух автономных ханств. Однако относительно следующего столетия такой же ясной картины уже нет. То есть продолжают действовать беки правого и левого крыльев, но непонятно, насколько эта принадлежность соотносится с реальным разделением государства.

В трудах тюркских хронистов XVI–XVII вв. (Абу-л-Гази, Кадыр Алибека, Утемиш-хаджи, анонимных авторов «Дафтар-и Чингиз-наме») крылевая территориальная структура практически не отразилась. Разве что Утемиш-хаджи рассказывает о выделении Чингис-ханом Саину-Бату правого крыла по Итилю, а Иджану-Орду – левого крыла по Сырдарье, упоминаются племена правого и левого крыла да приводится похожая на легенду история о распределении юрт разного цвета между Чингисовыми внуками – сыновьями Джучи (Утемиш-хаджи 1992: 92, 93). Однако у того же Утемиш-хаджи отношения между правителями и жителями крыльев никак не напоминают сосуществование двух отдельных самостоятельных государств. Напротив, они были очень тесно связаны как части единого имперского организма.

Представляется, что в истории Улуса Джучи однажды наступило время, когда деление его на крылья превратилось в абстракцию, простое обозначение ранга племен и их предводителей. Возможно, такую перемену следует связывать с чрезвычайным усилением правого крыла государства в первой половине XIV в. Начало данному процессу было положено, очевидно, при хане Тохте, который выдал Баяну ярлык на царствование в левом крыле в 701 (1301–1302) г. (Рашид ад-Дин 1960: 68). Затем последовали попытка совместных действий Узбека и Баяна против Хулагуидов, свержение войсками Узбека сыгнакского хана Мубарака (который попытался выйти из повиновения Сараю), правление Тинибека б. Узбека в Сыгнаке, ярлык Джанибека Чимтаю и военная поддержка последнего в борьбе за Сыгнак... (подробно см. (Ускенбай 2002: 25–31)). Естественно, в той ситуации были проигнорированы номинальные принципы старшинства левой стороны над правой и первенства потомков Орду-эджена перед потомками Бату.

В ходе названных событий произошло фактическое объединение территории государства под верховенством сарайских правителей. Это иллюстрируется борьбой восточной аристократии именно за столицу на Нижней Волге во второй половине XIV в. Впоследствии, в XVI в., когда на фоне полного распада ханства правого крыла довольно сильными стали выглядеть восточно-джучидские монархи, у иноземных наблюдателей (Иран) сложилось впечатление, будто главный трон Джучидов находится на востоке Дешт-и Кипчака: «Касим-хан (казахский. – В.Т.)... стал царем Дешта... Хакк-Назар-хан,

сын Касим-хана, после отца его сел на царство и теперь является повелителем Дешта» (Сборник 1941: 212).

Более близкие к татарским владениям и, несомненно, более компетентные русские современники не считали, что единство Золотой Орды распостранялось на столь долгий срок. В летописных перечнях «царей ардинских», составленных во второй половине XV в., последним из этих «царей»-ханов назван «Зеди-салтан» (ПСРЛ, т. 23: 168), т.е. Джелал ад-Дин б. Тохтамыш, или «Зеди-салтан Булхартан» (ПСРЛ, т. 28: 143)³.

Крымцы смотрели на преемственность власти, естественно, с собственных позиций и выстраивали свою цепь правителей. В 1506 г. на пиру у короля польского и великого князя литовского Александра Ягеллона послы крымского хана вспоминали о традиционных связях между татарами и литовцами, приводя имена предшественников своего государя Менгли-Гирея: «Тактамышша, Чжелегдиня, Перберди, Кебек, Керемьберди, Кадерберди (все это искаженные имена сыновей Тохтамыша. – В.Т.), Магметъ Силехмат (т.е. Улуг-Мухаммед⁴ и Сеид-Ахмед. – В.Т.), Ажи Кгиреи, Мордовлат (Нурдевлет. – В.Т.), Менди Кгиреи» (Lietuvos 1995: 53)⁵. Таким образом, к легитимным монархам в данном случае не причислялись ни ставленники могущественного беклербека Эдиге (Едигея) 1400–1410-х гг., ни ханы Большой Орды – потомки Кучук-Мухаммеда, ни тем более правители отколовшихся от Золотой Орды областей в Среднем Поволжье и за Волгой. В представлении бахчисарайских политиков законная ордынская власть находилась с середины XV в. в руках Хаджи-Гирея («Ажи Кгирея») и его потомков⁶.

³ В более ранних русских текстах Джелал ад-Дин, который погиб в 1412 (1413?) г., упоминается как Зелени-салтан. Возможно, «Бултархан» – это искаженное имя восточно-джучидского хана Абу-л-Хайра, умершего в 1468 г.

⁴ Из двух тезоименных ханов соответствующего периода – Улуг-Мухаммеда и Кучук-Мухаммеда здесь скорее всего ведется речь о первом. В грамотах крымского царевича Ахмед-Гирея польскому королю Сигизмунду I 1511 и 1514 гг. содержатся ссылки на времена «великого князя Витовта и... царя Тактамышша и... великого царя Магометя», упоминаются «першии отцы и деды наши Тохтамыш (так. – В.Т.) царь и велики Магмет царь» (РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 371, 538). «Великий Магометь-Магмет» – явный перевод имени-прозвища Улуг-Мухаммеда.

⁵ Полагаю, что в данном перечне ханов отражена не только «официальная точка зрения на смену правителей в Крыму – официальная Гирейская версия образования “Тохтамышева юрта”», как пишет И.В. Зайцев (Зайцев 2009: 189) (хотя это, безусловно, верно), но и версия преемственности ханской власти во всей Золотой Орде после Тохтамыша.

⁶ Аналогичной трактовки придерживались при общении с крымцами власти Польско-Литовского государства, некогда поспособствовавшие воцарению Гиреев. Около 1515 г. (документ не датирован) в Бахчисарай отправлялся королевский посол. В наказе ему предписывалось говорить хану Мухаммед-Гирею в том числе следующую

* * *

Самостоятельные государства, которые образовались на территории Улуса Джучи, обычно обозначались в тюркских языках как «юрты», в московских и литовских источниках как «Орды». В историографии замечен хронологический рубеж, после которого русское обозначение Джучиева Улуса как Орды начинает сменяться Ордами во множественном числе. Это договор Ивана III с его братом, волоцким князем Борисом Васильевичем от 13 февраля 1473 г.: «А Орды (вместо прежнего, обычного для документов подобного рода «Орда». – В. Т.), брате, ведати и знати нам, великим князем. А тебе Орды не знати... А коли яз в Орды не дам, и мне у тебя не взяти» (Духовные 1950: 226). Аналогичные обороты встречаются в межкняжеских докончаниях 70–80-х гг. XV в., причем там множественность татарских юртов уже не оставляет сомнения («Орды ведати», «Орд не знати», «в Орды не дам»), т.к. не совпадает с формой родительного падежа единственного числа «Орды не знати» (как в цитированной договорной грамоте 1473 г.).

Правда, в отдельных текстах того же периода встречается и фразы с одной «Ордой»: «А Орда знати и ведати нам, великим князем, а тебе Орды не знати..., а коли яз князь велики выхода в Орду не дам, и мне и у тебя не взяти» (Духовные 1950: 279 – договор между Иваном III и князем Михаилом Андреевичем Вереysким и Белозерским 1482 г.; почти то же см. с. 333 – договор между великим князем рязанским Иваном Васильевичем и его братом Федором 1496 г.); «А коли ти будет к Орде послати, и тебе послати по думе с нами... а без нашии ти думы в Орду не слати» (Духовные 1950: 297 – московско-тверской договор 1484/85 г.). Но это представляется механическим повтором клишированных оборотов, выработавшихся в течение прошлых десятилетий, до 1473 г., или же (что менее вероятно) выделением Большой Орды среди прочих юртов в качестве получателя выхода.

В соглашении между сыновьями Ивана III, заключенном по его требованию в 1504 г., перечислены те татарские государства, которые считались на Руси самостоятельными: «выходы в ординские, и в Крым, и в Асторохань, и в Казань, и во Царевичев городок...» (Духовные 1950: 366; то же см. в духовной грамоте Ивана III того же года: 362) (подробнее см. Черепнин 1948: 212, 223; Горский 2000: 165–167)). Следовательно, к тому времени оформились Крымское, Казанское, Астраханское и Касимовское ханства; Ногайская Орда тогда считалась «казачьим» образованием без определенного статуса; с Сибирским (Тюменским) юртом и Казахским ханством Москва почти не поддерживала отношений.

шее: «У московского (великого князя Василия III. – В. Т.) предки холопья были, предков твоих дань завсегда даивали к столу царскому, на котором ты, брат наш, сидишь (здесь и далее в цитатах курсив мой. – В. Т.)» (РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 639).

Однако межгосударственное разграничение постордынского пространства являлось в определенной степени условным. Одним из показателей такой условности служит статус правящих династов. Ханы в Казани, Хаджи-Тархане, Чинги-Туре, Сыгнаке, узбекских и казахских кочевых ставках, как правило, не обозначали свое географическое местонахождение. В глазах подданных и в исходящих официальных документах они были просто «ханами» – не казанскими, не тюменскими и т.п. Исключение составляют Гирей. Их пышная титулатура с перечислением подвластных территорий и народов, с одной стороны, обнаруживает явное подражание османам, но с другой, демонстрирует притязания и нереализованные амбиции этой периферийной ветви Джучидского дома. Прочие правители на бывших землях Улуса Джучи считали свою принадлежность к «золотому роду» Чингисидов достаточным основанием для декларирования своих монархических прерогатив, без привязки к конкретному стольному городу и тем более к общности подвластных подданных («узбекский», «казахский»).

Появление сразу нескольких суверенных государей на пространстве некогда единой державы позволяет ставить вопрос об их иерархии, взаимном ранжировании. Пока представляется, что равными между собой в статусе были все обладатели ханского ранга, может быть, за единственным исключением хана Большой Орды – домениальной части правого крыла Джучиева улуса в Нижнем Поволжье и Предкавказье⁷.

Даже после завоевания этой Орды крымцами в 1502 г. ее номинальный престол продолжал существовать, просто считалось, что теперь его занимают победители-Гирей (ниже мы еще вернемся к этой ситуации). Но в 1514 г. сыновья большеордынского хана Ахмеда, собравшись в Тюменском улусе на Тереке, избрали из своей среды нового хана – царевича Хаджике и тем самым формально восстановили Большую Орду (Трепавлов 2001: 151, 152).

А в 1527 г. выехал из Литвы на родину, в заволжские степи, еще один сын Ахмеда – свергнутый Менгли-Гиреем в 1502 г. Шейх-Ахмед. Из многолетнего почетного заточения он был отпущен польско-литовскими властями по настоятельным просьбам ногайских мирз, желавших иметь противовес нарастающему могуществу Крыма. В ногайских кочевьях Шейх-Ахмед повторно был провозглашен ханом: «Как... до своею есми стороны доехал до братьи и до слуг, до нагайских мурз и до князеи, до брата своего Касыма царя, и они мя вси... прыняли и столец мои царски мне в руки подали и твердою рукою

⁷ В данном случае мое мнение несколько расходится с точкой зрения авторитетного специалиста по восточно-европейскому средневековью А.Л. Хорошкевич, которая пишет об отношениях Крыма в конце XV в. «с равными по рангу государствами – с другими ханствами (в частности, Казанским и Астраханским) и ордами, такими, как Большая, Заволжская (это то же, что и Большая. – В.Т.), Ногайская» (Хорошкевич 2001: 108).

есмо присягу межи собою вчинили и содиночылися». Примечательно, что астраханский хан Касим (двоюродный брат Шейх-Ахмеда) принял участие в этой церемонии и при этом не утратил своего монаршего ранга. Он вместе с астраханскими беками и ногайской знатью «што... у своих руках мели, то... ему (Шейх-Ахмеду. – В.Т.) подали и царства поступили, яко брату своему» (РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 1010, 1016).

Впрочем, в обоих случаях эпизодические попытки возрождения Большой Орды носили ритуальный характер и не имели заметных последствий.

* * *

Деградация золотоордынской государственности при всех ностальгических реминисценциях сопровождалась постепенным и неизбежным угасанием харизмы правящего рода. Чингисиды повторили судьбу многих царских домов: как только династия теряет престол, ее монополия на власть перестает признаваться. Период конца XIV – первой половины XV в. был, очевидно, переходным, когда государственная власть начала Чингисидами утрачиваться, и в реальной политике происхождение от Чингис-хана уже переставало играть решающую роль.

Такой переход проявлялся по-разному. Во-первых, появились «гурганские» династии, когда для доступа к трону оказывалось достаточным породнение с «золотым родом» по женской линии.

Во-вторых, дорогу к власти проложила себе нединастическая аристократия – беки тюркских элей (племен), которые до середины XIV в. были почти не заметны в политике. В течение XV в. феномен возрастающего социального авторитета племенных предводителей оформился в виде института *карачибеков* – лидеров ведущих элей (как правило, четырех), которые составляли неперменный совещательный орган при правящем хане в поздней Золотой Орде, Крымском ханстве и Касимовском царстве.

В-третьих, правление осуществлялось от лица безвластных марионеток-Чингисидов. Многие из них не известны историкам – настолько они были незаметны и ничтожны. Предназначение их заключалось только в том, чтобы своей сакральной персоной и молчаливым присутствием освящать, оправдывать всевластие действительного правителя.

Институт таких подставных ханов практиковался в 1360–70-х гг. в западной части правого крыла Улуса Джучи («Мамаевой Орде»). В 1390–1410-х гг. Золотой Ордой от имени безвластных монархов управлял беклербек Эдиге. В середине XIV – начале XV в. это явление получило распространение в Чагатайском улусе и в государстве Тимуридов, где марионеточных Чингисидов возводили на трон местные эмиры. Аналогичное явление возродилось впоследствии в Хивинском ханстве, где оно получило характерное название *ханбази* (игра в ханы).

Характерна ситуация с Шахрухом, сыном и преемником гургана Тимура. Шахрух жил в старом мусульманском центре Герате и пытался обустроить свое царство по исламским канонам. При этом он подчеркнуто рвал с порядками Чингиса. Официально было объявлено, что Великая Яса более не действует, ее заменяет шариат. Шахрух разослал во все исламские страны требования к местным правителям признать себя его наместниками, а его, Шахруха, — халифом (главой исламского мира) и провозглашать в хутбе его имя. Следовательно, харизма Тимура уже явно вытесняла монгольское наследие⁸.

В Самарканде, куда Шахрух посадил править своего сына Улугбека, еще сохранялись подставные ханы-Чингисиды, которых Улугбек держал взаперти в особом дворце. Но это уже были чисто декоративные персонажи, и даже их имена на монетах не чеканились. Они все более превращались в некое сакральное воплощение власти, а саму власть осуществляли уже другие. Когда в 1449 г. Абд-ал-Латиф разбил своего отца Улугбека, он для отвода глаз отпустил того в Мекку. А тем временем провозгласил ханом какого-то нищего из рода Чингисидов, и тот выдал разрешение от своего имени на убийство Улугбека (только для этого, видимо, его и короновали) (Бартольд 1964а: 98, 99; Бартольд 1966: 48, 158).

Такую своеобразную ситуацию в этом регионе Евразии дал синтез традиций. Ведь если Тимур по инерции правил от имени Чингисидов, то Шахрух от них отказался, а получить инвестиру другим законным способом — от халифа — он не мог из-за собственных амбиций на халифат. Потом, когда в Мавераннахр пришел Шейбани со своими узбеками, династические каноны восстановились, и снова стали царствовать Чингисиды. Однако тенденция к уменьшению их харизмы нарастала, и в XVIII в., как известно, ханский ранг осмелились присвоить беки-кунграты в Хиве и беки-минги в Коканде; бухарские мангыты на это не решились, так и оставшись эмирами (resp. беками).

Однако при этом повсюду сохранялось признание высокородности, иерархического старшинства Чингисова рода — даже после отхода его от верховной власти. Общеизвестны *топе* у казахов. Дом Османов тоже признавал свой номинально младший статус по отношению к Чингисидам (в частности, к своим вассалам крымским ханам); правда, в реальной, повседневной политической практике это никак не проявлялось. Память о царственных правах Чингисова рода проявилась во время башкирских восстаний второй половины XVII — первой половины XVIII в. Предложения принять башкир под свою власть получали тогда, наряду с турецкими султанами и калмыцкими тайшами, крымские и казахские ханы, «казачествующие» царевичи-Кучумовичи.

⁸ Естественно, никакого признания своего верховенства от ближних и дальних падишахов Шахрух не получил. Но внятные возражения последовали только из Египта, где при местном султানে обретался номинальный халиф-Аббасид.

Любопытной иллюстрацией рудиментарной взаимосвязи между юртами служит своеобразный «питомник царевичей», который устроили у себя ногаи в первой половине XVI в. Достигнув высшей степени могущества, разгромив или запугав соседей, Ногайская Орда в то время обрела черты полноценного государственного образования. Ее правители-бии сумели заставить считаться с собой окрестных монархов. Не принадлежа к фамилии Джучидов и потому не имея возможности заполучить ханский ранг, они сначала осуществляли свою власть от лица сторонних ханов, вытребовав у них назначение на высший бекский пост (улу бий = улуг бек = беклербек); затем время от времени стали приглашать марионеточных правителей для номинального ханствования в Ногайской Орде. Кроме того, бии принимали на воспитание в своих кочевьях отпрысков разных царственных семей, рассчитывая в будущем превратить их в послушных себе государей. К таким креатурам относились казахский царевич и впоследствии хан Хакк-Назар, сибирские Ахмед-Гирей и Кучум (Трепавлов 2001: 206–210, 252) и, возможно, астраханские Джан-Мухаммед и Ядгар-Мухаммед.

Воспоминания о единстве и родстве всех Джучидов поддерживались некоторое время на развалинах Золотой Орды. Так, Менгли-Гирей официально называл братом не только казанского хана Мухаммед-Амина, живущего, по выражению крымского правителя (в русском переводе), «на своем государстве», но и своего злейшего врага, большеордынского Ахмеда – правда, уже после его смерти, в общении с польским королем (Сборник 1884б: 108; Сборник 1856: 29)⁹. Но указания на общность потомков Джучи в источниках встречаются все же редко¹⁰ (см., например, ссылку на традиционные посольские связи с Москвой «Ечуевых детей», т.е. потомков Джучи, в грамоте шибанидского хана Абд ал-Фатха Ивану III (Посольские 1995: 33); или отзыв крымского хана Саадет-Гирея об астраханском монархе Хусейне: «С тым мы есмо от (о)дного отца дети» (РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 895(896)) – общим «отцом» (предком) для этих представителей разных ответвлений огромного клана мог быть, очевидно, только старший сын Чингисов).

⁹ Общеизвестно, что в средневековом дипломатическом протоколе «братство» монархов означало взаимное признание их равного иерархического положения. Однако в случае с Джучидскими династиями на данной терминологии, очевидно, сказывался также фактор их кровного родства.

¹⁰ Тем не менее к памяти Джучи в Дешт-и Кипчаке относились с высочайшим пиететом, расценивая его «как наследника харизмы Чингис-хана и как основателя и создателя на завоеванных землях своего – Джучиева Улуса» (Измайлов 2002: 255). Наглядным свидетельством популярности этого правителя являются посвященные ему произведения фольклора (казахские *кюи* «Поход Жоши-хана», «Аксак кулан Жоши-хан»).

Но чем дальше в глубь истории отодвигались воспоминания о великом имперском прошлом и о первых ханах, тем все более условными становились понятия о кровных династических узлах. В XVI в. возникали немыслимые для золотоордынских времен ситуации, когда тюркские правители из дипломатических соображений и лести приписывали христианским монархам принадлежность к «золотому роду». Ногаи неоднократно обращались к Ивану IV как к потомку Чингис-хана («Чингисов прямой сын», «Цингиз царев прямой род»), а крымские ханы в посланиях к королю Сигизмунду I утверждали, будто «нас обеюх предок одинъ быв», «с стародавна наши предкове вышли с одного роду» (Трепавлов 2001: 630; РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 1001, 1196).

* * *

При всех реликтах единства Золотой Орды нельзя не видеть все более нарастающую тенденцию к отдалению постордынских государств друг от друга. Процесс дезинтеграции оказался сильнее. В различных юртах образовались местные ханские династии, которые рассматривали свои владения только как собственное достояние, вне связи с рухнувшей общеджучидской державой. Например, Гирей заявляли свои династические права на Касимов после воцарения там выходцев из Большой Орды: раньше-де «наш род был на Мещере», а ныне «не наш род на Мещере государь» (Сборник 1895: 378). Подобные ожидавшиеся претензии крымцев относительно Казани русскому послу предписывалось парировать утверждением, будто «изначала Казань юрт не их, а были на Казани опришные (т.е. особые, отдельные. – *В.Т.*) цари» (Сборник 1895: 696). Недовольны были крымцы и аналогичной московской политикой в отношении Казани, когда туда был направлен московский ставленник. В 1519 г. посол Мухаммед-Гирей I пенял Василию III: «Изстари недруг ординские цари государю нашему, а ты ныне того юрта (Большой Орды. – *В.Т.*) послал на Казань царя (Шах-Али. – *В.Т.*)» (Сборник 1895: 661). Таким образом, признавалось параллельное и независимое существование трех «царей» и их государств.

В посланиях тюркских аристократов XVI в. неоднократно встречаются наименования юртов посредством эпонимов – как правило, имен государей, положивших начало правящей в данном юрте династии. В XIII–XIV вв. в качестве эпонимов использовались исторические персонажи относительно недавнего прошлого и при этом одинаково значимые для всех частей империи (Джучи, Берке, Узбек). Впоследствии таковыми становились лица, которые, во-первых, давным-давно отошли в мир иной, и, во-вторых, действовавшие в довольно локальных пространственных пределах. Крымское ханство неоднократно предстает в источниках (обычно русских переводах тюркских текстов) как «Тохтамышев царев юрт», т.е. владение потомков, наследников и динас-

тических преемников хана Тохтамыша¹¹; Астраханское ханство – «Темир Кутлуев царев юрт», т.е. от хана Тимур-Кутлуга; Казахское ханство – «Урусов царев юрт» и «Бараков царев Казатцкой юрт», т.е. от золотоордынских и кок-ордынских ханов Уруса и Барака.

В отношении Казанского ханства подобная номинация встречается в виде «Магмет Киреев царев юрт». Контекст последнего обозначения следующий. – В 1552 г. «вся земля Казанская» без консультаций с Москвой призвала на престол жившего у ногаев астраханского царевича Ядгар-Мухаммеда. Ногайский мирза Исмаил в послании к своему патрону и союзнику, царю Ивану IV, указывал, в частности, что такое приглашение в принципе нелегитимно, и казанцы не вправе распоряжаться своим тронном, поскольку «юрт не их – Магметкиреев царев юрт был» (Посольские 2006: 105).

Здесь явно фигурирует крымский хан Мухаммед-Гирей I, царствовавший в 1515–1523 гг. Вероятно, из-за родства с пресекавшейся местной династией через свою мать, ханшу Нур-Султан, он считал Казанский юрт своим наследственным достоянием. Во всяком случае это следует из его письма к астраханскому хану: «Казань была юрт наш, а теперь он (великий князь московский Василий III. – *В.Т.*) посадил там султана из своей руки (речь о вышеупомянутом хане Шах-Али. – *В.Т.*)» (цит. по (Худяков 1991: 85)). Примечательно, что казанская правящая элита разделяла такую трактовку. После смерти хана Мухаммед-Амина (конец 1518 г.) в Бахчисарай прибыло посольство «ото всех казанцов» с обращением к Мухаммед-Гирею: «...*Отчина ваша Казань, и вы съ своих детеи або з братьи которого одного обравши и до нас пришли-те, нехай в нас царем будет*» (РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 796)¹².

Кратковременное завоевание Мухаммед-Гиреем Астрахани в 1523 г и назначение им ханом там своего сына Бахадур-Гирея побудило Гиреев впоследствии утверждать, будто «тот юрт изстари прародителей наших»; «а прежних наших дедов и отцов юрты были Крым и Асторохань» – и на этом основании претендовать на обладание Астраханью, наряду с Казанью: «А Казань и Ас-

¹¹ Происхождение клана Гиреев от Тохтамыша считается спорным.

¹² «Ото всех казанцов» явно обозначало то же, что в русских источниках именовалось «всей землей Казанской», а именно курултай – всесословное совещание по важнейшим вопросам жизни ханства.

Заметим, что послы прельщали Мухаммед-Гирея значительным количеством подданных и воинов союзного-вассального Казанского юрта: «А мы маем отецких детеи двадцать тысяч, а с черемеша з мордовою и числа нет». Как известно, Мухаммед-Гирей отправил царствовать в Казань своего младшего брата Сахиб-Гирея. С аналогичной просьбой казанцы обратились в Крым после смерти хана Сафа-Гирея в 1549 г.

торохань наши юрты были» (сводку и анализ сведений см. в очерке «Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке»)¹³.

Предложение о вступлении в подданство поступило к Мухаммед-Гирею в начале 1520-х гг. даже от казахских беков, свергнувших своего хана – «царя Буидаша Касымовича» и погрязших в раздорах: «...Тыи князи вси козацкии зо всим войском своим за меня ся закладывают и мне хотят служити, и с тым до мене человека своего прислали» (РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 865(866)). Впрочем, в отношениях Крыма с восточными ханствами это был единичный эпизод.

Обычно обозначение юрта посредством предка династии соседствовало с наименованием самой династии как «детей» (т.е. потомков) хана-эпонима: Темир-Кутлуевы царевы дети, Урусовы царевы дети и т.п. Весной 1552 г. ногайский мирза Юнус писал Ивану IV: «А ныне при нашем с тобою времени около нас четырех царей дети были мусулманские государи были». Через семь лет вышеупомянутый Исмаил (в то время уже верховный ногайский бий) поведал тому же адресату о своих разногласиях с окрестными династиями: «Изначальные наши четырех царев дети и нашего отечества дети, братья наши, отстали от меня, потому что яз от тебя не отстал»¹⁴ (Посольские 2006: 91, 296). Полагаю, что под потомками четырех царей в обоих грамотах подразумевались потомки Тохтамыша (крымские ханы), Тимур-Кутлуга (астраханские¹⁵), Уруса (казахские); четвертыми в таком случае могли быть или родственники Мухаммед-Гирея I (казанские ханы¹⁶), или потомки Джучиева сын Шибана (узбекские ханы Бухары и Ургенча)¹⁷.

¹³ Если же в ссылках на «дедов и отцов» подразумевались золотоордынские ханы, то здесь сказывались, вероятно, и известные притязания крымских ханов на преемственность по отношению ко всему Улусу Джучи. Тем более что цитируемые притязания Гиреев относятся к периоду, когда Казань и Астрахань уже вошли в состав Московского государства.

¹⁴ «Нашего отечества дети, братья наши» – мангытские мирзы, многочисленные родственники Исмаила.

¹⁵ Во время написания грамоты Исмаила Астраханью уже управляли царские воеводы. Но междоусобная смута в Ногайской Орде, результаты которой мрачно описывает царю Исмаил, началась еще во время существования Астраханского ханства.

¹⁶ Юнус определенно расценивает Казань как одно из владений упомянутых им «четырех царей» – см. продолжение его процитированной выше фразы: «А ты хотя хрестьянской государь еси, да мы тебя свыше царских детей смотря о Казани и в трех местех перед Богом доброе наше прямое слово было». Напомним, что в казанских и ногайских правящих кругах Казань считалась наследственным юртом, «отчиной» Мухаммед-Гирея I. Известны и другие наименования Казанского ханства – «Алибаев и Алтыбаев юрт» (по именам беков-правителей первой половины XV в.) и «Болгарский царев юрт» (Посольская 2003: 47, 82)). По вопросу об интерпретации этих названий недавно развернулась интересная дискуссия – см. (Измайлов 2006:

Подобная терминология также свидетельствовала об оформлении к XVI в. отдельных очагов государственности, независимых ханств. А в целом все это отражало процесс оформления и закрепления за отдельными аристократическими группировками (в том числе семьями, позднее династиями) нового типа земельных держаний – процесса, начавшегося в Золотой Орде еще в XIV в. (см. (Федоров-Давыдов 1973: 111, 112, 135–138)).

* * *

Завоевание соседнего юрта со второй половины XV в. расценивалось уже не как восстановление некоего единства, а как объединение самостоятельных владений. «С вашим юртом (Крымом. – *В.Т.*) наш юрт *как бы* один учинил... святой Ахмат царь», – писал в 1487 г. крымскому царевичу Нурдевлеу хан Большой Орды Муртаза б. Ахмед (Сборник 1884б: 108), вспоминая очевидно, большеордынские завоевания Крыма в 1471 и 1476 гг. В начале XVI в. Гиреи, хотя и ввели в свой титул формулу «Великой Орды великий хан», но впоследствии, наряду с «Великой Ордой», стали упоминать в титуле и Крым. Следовательно, здесь имела место не только претензия на управление всем Улусом Джучи («Великой Ордой»), но и напоминание о завоевании собственно Большой (*resp.* Великой) Орды. Эту формулу титула Л.Коллинз приводит в качестве доказательства того, что Большая Орда номинально сохранялась как особый юрт в составе Крымского ханства (Collins 1991: 370) (см. также (Исхаков 2009б: 131; Хорошкевич 2001: 99, 100)). Я склонен согласиться с такой интерпретацией¹⁸.

123–126; Исхаков 2006б; Исхаков 2009а: 124; Трепавлов 2006: 184–186; Мустакимов 2008: 147, 148).

¹⁷ В исторической традиции Дешт-и Кипчака Шибан считался ханом, хотя в действительности являлся лишь удельным правителем. «Наш отец Шыбал царь» упомянут в грамоте тюменского хана Ибака 1494 г. (Посольские 1995: 46). Четверку кланов Шибана, Тохтамышша, Тимур-Кутлуга и Уруса, споривших о первенстве в XVI в., упоминает Утемиш-хаджи: «...Огланы Шайбан-хана гордятся и похваляются перед огланами Тохтамыш-хана, Тимур-Кутлы и Урус-хана, говоря: “Мы превосходим вас”» (Утемиш-хаджи, 1992: 92). При этом потомство ханов хронист обозначает оборотом, несомненной русской калькой которого было «имярекковы царевы дети»: *Шэйбан-хан огланлары Тохтамыш-хан бляз Темур-Кутлы ва Урус-хан огланларыга* (Утемиш-хаджи 1992: 121).

¹⁸ Более того, по словам хана Шейх-Ахмеда (около 1527 г.), его имущество и казна Большой Орды, захваченные крымцами в 1502 г., содержались в неприкосновенности в крепости Кырк-Ер, и Шейх-Ахмед вынашивал планы отвоевать эти трофеи: «...Базар мой в Перекопе (т.е. в Крыму. – *В.Т.*) в Киркели загнан в твердое место, абых его в целости достал, ино я не хочу того престати, абых свое отчызны базару не доставал под царем Перекопским» (РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 1017). Известно, что в Кырк-Ере находился монетный двор и хранилась казна Гиреев (Сыроечковский 1940: 5, 23).

При этом замечу, что Большая-Великая Орда формально продолжала считаться в иерархическом отношении, очевидно, более значимой по сравнению с Крымом как всего лишь одной из бывших золотоордынских провинций. Когда в 1525 г. мятежный царевич Ислам-Гирей попытался свергнуть крымского хана Саадет-Гирея, свое мимолетное (как оказалось) воцарение он преподнес в грамоте польскому королю так: «...Вланы и князи и 4 карачеи и вся орда мене... полюбивши, на царстве посадили. Ино тепере со всею ордою и с *столицом заволзским*, ордобазаром прикочевал есми к Днепру» (РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 959) (об этой ситуации см. также (Черкас 2000: 103, 104)). Заволжский (т.е. большеордынский – в обычной польско-литовской интерпретации) престол, таким образом, предстает здесь как обозначение крымской монархии, но в ее наиболее почетной ипостаси; при этом и «орда», и четыре карачи-бека, и «князи» (т.е. прочие беки-участники коронации) принадлежали в действительности только к Крымскому юрту, а не к «виртуальной» Большой Орде.

О восприятии двух юртов, Крыма и Большой Орды, как формально раздельных уже после 1502 г. свидетельствует также присяга крымского посла, данная Александру Ягеллону в 1506 г. от лица хана Менгли-Гирея «со всеми солтаны, братьею и с(ы)ны своими, и со всеми вланы и кн(я)зи, и со всеми мурзы, и со всеми людьми *обеюх* (так. – *В.Т.*) *ордъ, Заволское и Перекопское, которые подъданы ему*» (Lietuvos 1995: 53). Впрочем, когда в конце 1520-х гг. неожиданно возникла опасность возрождения Большой Орды из-за возвращения в Дешт-и Кипчак из Литвы Шейх-Ахмеда, крымский хан Саадет-Гирей недвусмысленно информировал Краков о действительном положении дел – о том, что это государство уже давно не существует: «...Сколко годов бывшы *тое панство Заволское згнуло*, и останок Бог ласку свою вчинил и все панство предку моему подал», «*Вся земля Великое Орды есть скажена...* Бог ласку свою вчинил и тот весь люд в руки нам подал отце моему Мен Кирея царю» (РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 1188, 1197).

Этот «предок» (отец) Саадет-Гирея Менгли-Гирей, разгромив Большую Орду, включил ее в состав своих владений. Но в других подобных случаях в завоеванный юрт назначался младший и зависимый от победителя государь: Джанибек – ставленник большеордынского Ахмеда в Крыму в 1476 г.; Бахадур-Гирей – ставленник крымского Мухаммед-Гирея в Астрахани в 1523 г.; в некотором смысле в этом же ряду находились Мухаммед-Амин и Дервиш-Али, посаженные соответственно на казанский и астраханский престолы Иваном III и Иваном IV после занятия Казани и Астрахани московскими воеводами в 1487 и 1554 гг.

* * *

Распад Улуса Джучи сопровождался и соответствующими этнокультурными процессами. Этническая консолидация, формирование золотоордынской

татарской народности явно наблюдались в правом крыле Улуса, где существовали развитая городская цивилизация и мощные очаги старой оседлой культуры (Булгария, Крым, Молдавия), действовали оживленные межрегиональные связи. Эта общность, несомненно, сохранялась некоторое время на протяжении XV в.¹⁹ Однако сначала эпидемия чумы, а затем войны и миграции кочевников с востока прервали этот процесс. Носители архаичных социальных и культурных норм, «узбеки» левого крыла свято соблюдали племенной строй в своей среде и стимулировали ретрибализацию на западе Джучиева улуса. В наследовавших ему государствах (Казанском, Крымском и, возможно, Астраханском ханствах) стали формироваться локальные этнические общности на основе золотоордынского, ранее относительно единого татарского этноса.

Среди консолидирующих факторов на пространстве бывшего Улуса Джучи следует назвать общую религию – ислам. Мусульмане Золотой Орды (видимо, в особенности аристократия и кочевники) были объединены не только самим фактом принятия ислама, но и через особый институт *сеидов*, исследованный для той эпохи Д.М. Исхаковым. Далекое не случайно, что в ряде постзолотоордынских ханств сеиды – главы местного мусульманского духовенства – возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи (Исхаков 1995: 105–107; Исхаков 1997; Исхаков, Измайлов 2007: 205, 206). От эпохи единого государства остались маршруты *хаджа*, которые, как правило, сходились в Астрахани и пролегли далее в Крым или через Дунай в османские владения (см. предыдущий очерк).

Мусульманские святыни постепенно заняли заметное место в мировосприятии жителей постордынского пространства (см. выше). Однако в межгосударственной политике XV–XVII вв. ислам все же не играл заметной роли, оставаясь на уровне официальных идеологов и не препятствуя междоусобным конфликтам. Даже установление контроля русских воевод над астраханской переправой, вызвавшее возмущение и протест в мусульманском мире, не привело к консолидированным действиям по освобождению Ханского брода от «неверных». Как известно, единственная реальная (и неудачная) попытка отвоевания состоялась всего однажды, в 1569 г., силами только турок и крымцев. В то время Казань и Астрахань уже пребывали под властью Ивана IV, Сибирский юрт и Казахское ханство располагались далеко от места событий и не вмешивались в поволжские дела, а ослабленные распрями «бесчисленные ногаи» держали осторожный нейтралитет, склоняясь скорее на сторону русских, чем единоверцев.

¹⁹ В данной статье не рассматривается важный вопрос о формировании и трансформации этнокультурной идентичности жителей Золотой Орды и наследных ханств. Для ознакомления с этой проблематикой отсылаю читателя к работам И.Л. Измайлова (Измайлов 1993; Измайлов 2002; Исхаков, Измайлов 2007: 185–198).

Хадж из Дешт-и Кипчака в XIII–XVII вв.

В XIII–XVI вв. среди кочевников Евразии стал активно распространяться ислам. Как известно, одним из пяти «столпов» (*руки*) этой религии, является *хадж* – посещение Мекки и поклонение ее святыням. Паломники из разных мест огромного мусульманского мира отправляются в путь с таким расчетом, чтобы прибыть туда к определенному сроку. Основное священнодействие начинается в седьмой день месяца зу-л-хиджжа и длится неделю. Поэтому хаджем считается не любая поездка в священный город, а совершенная в преддверии данной серии обрядов, т.е. на протяжении месяцев шаввал, зу-лкада и первых десяти дней зу-л-хиджжа (Ислам 1991: 261; Ягмур 2006: 75). Очевидно, столь долгий, более чем двухмесячный срок странствия установился еще в раннем средневековье, при разрастании Халифата, когда *дар-ал-ислам* распростерся от Пиренеев до Тянь-Шаня.

Далекое расстояние до Аравии и трудности путешествия были существенной проблемой для мусульман Дешт-и Кипчака. Для периода XIII – начала XV в. имеются сведения о приезде паломников оттуда в Египет и Сирию для дальнейшего отбытия в Хиджаз. Установившийся порядок требовал формальной санкции на хадж от верховного государя, который распространял свою власть на эту арабийскую область. Такими государями в то время были султаны из династии мамлюков. Они имели резиденцию в Каире и управляли оттуда Египтом, Сирией, Палестиной, Нубией и Хиджазом. Кроме того, в Каире проживали номинальные халифы-Аббасиды, бежавшие из завоеванного монголами Багдада.

Территория Дешт-и Кипчака рассматриваемой эпохи входила в Улус Джучи (Золотую Орду), а впоследствии – в состав государств, сформировавшихся при его распаде. Ордынские ханы, как известно, поддерживали с мамлюкским Египтом активные дипломатические отношения, которые объяснялись коалиционным партнерством, направленным против их общего соседа и врага – Улуса Хулагу («монгольского Ирана»).

Арабские хроники сохранили свидетельства о приезде во владения мамлюков посланцев с севера, совмещавших посольские миссии с поездкой в Мекку. Султаны оказывали им всяческое содействие, тем более что об этом их просили в посланиях золотоордынские правители. Посольства прибывали в Египет или Дамаск (как правило, это было морское путешествие из крымского порта Судак), получали разрешение на хадж и с попутными караванами отправлялись в Аравию (Сборник 1884а: 678, 105, 175).

При этом каирские монархи сознавали свою роль «хранителей» Мекки и Медины как общемусульманских святынь. Разногласия и конфликты между единоверными государями формально не могли служить препятствием для паломников из враждующих стран. В 722 г.х. (1322-23) султан Насир-Мухаммед известил хана Узбека об отказе от вражды с хулагуидским ильханом именно на основании общности религии: «Я заключил мир с царем Абу-Саидом только ради мусульманства его и вступления его с находившимися при нем лицами в правоверие; нельзя запретить ему паломничество (в Мекку); это один из столпов ислама, и он будет пособником в победе веры и мира» (Сборник 1884ба: 329). Впрочем, в данном случае имел место еще и внешнеполитический маневр – нежелание ввязываться в войну и при том сохранить добрые отношения с Сараем (Закиров 1966: 83, 84).

Еще один показательный случай произошел в начале XVI в. Через два года после разгрома и уничтожения крымцами Большой Орды (1502 г.) один из главных вельмож этого государства, мангытский бек Хаджике, попытался обрести пристанище во владениях победителя, но натолкнулся на жесткий отказ хана Менгли-Гирея: «Ты нам недруг, не надобен ты нам; как еси к нам приехал, так и от нас поеди...». Бек пустился в оправдания: «Яз не на княженье сюда приехал, хочю к Мяке идти, и ты бы пожаловал, дал милостыню, чем дотоле доехать...». Хан предоставил Хаджике два месяца на сборы и, видимо, снабдил деньгами для паломничества. Таким образом, принадлежность просителя к лагерю злейших врагов не воспрепятствовала пособничеству в его благочестивом начинании. Однако вскоре Менгли-Гирей узнал, что большеордынского эмигранта приютил у себя один из царевичей, ханских сыновей (Сборник 1884б: 515, 520; подробнее см.: Трепавлов 2001: 131). В конце концов он махнул на это рукой, и Хаджике остался в Крыму.

От 819 г.х. (1416-17) сохранилось известие о прибытии в Дамаск жены ордынского беклербека Эдиге с тремястами всадниками. Легко получив обязательное высочайшее дозволение, они с сирийским караваном совершили паломничество (Сборник 1884а: 442, 454). Здесь имеет место поездка только с целью хаджа, без совмещения его с посольским поручением. Многолюдная свита, очевидно, выполняла не только охранную функцию. Скорее всего в ней находились и какие-то родичи «хатуни». Ведь женщинам в принципе разрешалось отправляться в дальний путь только вместе с мужем или с другим ближайшим родственником. Впрочем, по шафиитскому мазхабу допускается хадж и без мужского сопровождения, но при гарантированной безопасности и в группе как минимум с двумя женщинами (Ягмур 2006: 76).

Не удивительно, что в группе паломников не было самого Эдиге. Этот могущественный мангытский сановник на протяжении предыдущих двух десятилетий занимал ведущее положение в Золотой Орде, пытаясь предотвра-

тять ее распад, интригуя и сажая на трон марионеточных ханов. Правда, в 1417 г. его могущество уже практически сошло на нет, но он продолжал жестокую борьбу за власть с царевичами-Тохтамышевичами. Отправиться в хадж означало для него демонстративный отказ от этой борьбы и признание своего поражения. Именно так расценивалось путешествие в Мекку бывших правителей. Ведь после IX в. в мусульманском мире установился порядок, в соответствии с которым это означало отказ от престола (Бартольд 1966: 26)¹.

Хотя Эдиге официально и не являлся государем, его высший аристократический ранг беклербека и положение фактического правителя государства не позволяли ему пуститься в благочестивое странствие. Точно в таком же положении оказался через некоторое время внук Эдиге, беклербек Большой Орды Тимур. Он стал подумывать о хадже, но придворный стихотворец Шал-Кийиз Тиленши-улы отговорил его, сочинив подобающую случаю поэму «Нагрузил ты корабль грузом». В ней поэт обращается к своему патрону с увещанием воздержаться от своего намерения, чтобы не дать повода для междоусобиц. Будет лучше, говорил Шал-Кийиз, облегчить жизнь бедным и обиженным людям – «таким путем ты и сидя дома освободишься от грехов» (Сикалиев 1994: 51). Вняв этим доводам, бек остался в своем юрте. При этом, как видим, здесь названы рациональные причины, которые побуждали властителей воздерживаться от отъезда в Аравию.

Аналогичное положение главного бека занимал в Астраханском юрте начала XVI в. Баба-Али из тюркского племени китай. После смерти своего сюзерена, хана Джанибека (около 1514 г.), он оставил свой высокий пост и, демонстрируя отстранение от мирских дел, отправился на поклонение Каабе. После этого он уже не вернулся в Поволжье, а поступил на службу к хорезмийскому царевичу Султан-Гази (Утемиш-хаджи 1992: 114).

В истории «постзолотоордынского» Дешт-и Кипчака известно несколько случаев, связанных с участием в хадже царственных особ, из которых все на момент паломничества не обладали монархическими прерогативами.

Так, последний астраханский хан Дервиш-Али и все жители Хаджи-Гархана в преддверии русского наступления в сентябре 1556 г. покинули город. Они не стали развязывать безнадежную борьбу с превосходящей военной силой Москвы. Как передает летопись, «Дербыш побегал в Азов (тогда – турецкая крепость Азак. – В.Т.), а оттоле к Меки» (Книга 1850: 106).

В конце XVII в. крымский хан Селим-Гирей I, четырежды занимавший бахчисарайский трон, посетил Мекку только во время одной из своих «отставок» (Смирнов 2005: 453).

¹ Это не относилось к государям, которые обладали сюзеренитетом над Хиджазом.

В 1524 г. хан Сахиб-Гирей оставил престол в Казани под предлогом хаджа и уехал в Стамбул, к османскому падишаху – сюзерену Гиреев (Худяков 1991: 89; Очерки 2003: 128; Смирнов 2005: 304). Правда, затем выяснилось, что намерение совершить паломничество оказалось лишь предлогом, чтобы оказаться у «Высокого Порога» в надежде получить из рук султана престол в Крыму (что вскоре и произошло).

В 1557 г. правитель-бий Ногайской Орды Исмаил гневно опровергал слухи, которые распространяли его соперники в борьбе за власть – сыновья убитого им бия Юсуфа. Те всячески пытались уверить царя Ивана IV, будто долгая междоусобная война в Ногайской Орде имеет чисто внутренние, «династические» причины и никоим образом не направлена против интересов Московского государства, а Исмаил как братоубийца и узурпатор заслуживает мести. В частности, послы Юсуфовичей в Москве утверждали, что Исмаил добровольно «княженье здал Юнус мирзе» (старшему сыну Юсуфа), а сам пошел «к Меке». Исмаил требовал от царя казнить лжецов (Посольские 2006: 253). Тем не менее вновь наглядно проявляется сопряженность хаджа с правителем, утратившим власть.

Пилигримы из северных владений позднесредневекового Дешта (Мангытского и Сибирского юртов), а также из узбекских ханств отправлялись в хадж через обширные ногайские степи. Башкирское предание рассказывает, что из своего жилища у озера Азкират (Южный Урал) совершил паломничество исламский миссионер Хусейн-бек, посланный из Туркестана к башкирам его учителем, знаменитым суфием Ходжа-Ахмедом Ясави (Игнатъев, Гурвич 1883: 334).

В 1576 г. по пути из Хорезма к Каабе пересек страну «мангытских узбеков» (*узбакан-и мангити*) шейх Камал ад-Дин Хусейн Хорезми (DeWeese 1994: 201).

Через четыре года через ставку ногайского мирзы Ураз-Мухаммеда последовала из Искера (?) в хадж Сылы-ханым, мать сибирского хана Кучума (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 168).

Пути паломников сходились в Астрахани². Крупнейшая и наиболее обустроенная переправа через Волгу в ее окрестностях именовалась Ханским бродом (между современными поселками Сеитовка и Ак-Месджид) (Зайцев 2006: 170; Bennigsen, Veinstein 1980: 234). К ней прибывали представители самых разных мусульманских государств – «изо всех мест», как сказано в одной русской грамоте. В источниках упоминаются странники «и из Асторохани, и из Бухар, и из Шамархани, и из Ташкента, и от Озямских земель», «ис

² Подробное описание торговых и паломнических маршрутов через мусульманские страны в XVI в. (с картой) см.: Carrère d'Encausse 1970: 397, 401–406.

Тюрмен и ис Крымшевкалов» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 322об.; д. 13, л. 175, 180об., 184)³. Кроме того, как мы видели, сюда съезжались также жители более северных территорий (в том числе наверняка и Среднего Поволжья – Булгарского вилайета, позднее Казанского ханства).

Однако в 1556 г. Астраханское ханство было присоединено к Московскому государству. Находясь в окружении чуждого кочевого мира, воеводы тщательно заботились о безопасности южного анклавного владения России. Среди мер контроля за ситуацией было воспрепятствование в переправе для пилигримов. Уже в начале 1557 г. возвращавшиеся из Мекки мусульмане сообщили турецким путешественникам, встреченным в Шаме (Северное Приаралье), что Астрахань взята русскими и все пути через степь перекрыты (Зайцев 2006: 173; Bennigsen, Veinstein 1980: 234). Есть прямое указание в отписке из Крыма посла Афанасия Нагого от начала 1567 г., что «бусурманы... пойдут на Асторохань к Бахметеву гробу, и твои... государевы воеводы их не пропускают» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 322об.)⁴. Еще через десять лет, летом 1577 г., ногайский мирза Саид-Ахмед обращался к царю Ивану с просьбой приказать воеводам перевозить за Волгу хаджи («азеи, которые пойдут к Меке») (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 65об.), т.е. и в то время переправа все еще была затруднена.

Причины жесткого контроля русских властей над «перевозами» были многообразны и существенны для российской стороны. Царские наместники старались не допустить, чтобы ногаи перебирались со своего, левого берега на правый, т.к. там они нередко присоединялись к крымским и казыевским набегам на русское пограничье. Далее, одна из важнейших функций воевод состояла в неукоснительном взимании перевозных пошлин. Уже в 1558 г. бий Исмаил просил смягчить эти требования, дабы через Волгу «голодных и нужных наших людеи перевозили даром, а не имали с них ничево» (Посольские 2006: 274) (в то время Ногайская Орда была охвачена голодом, мором и смутой).

Существенной причиной ограничений было также предотвращение проникновения османской агентуры в российские владения. В XVII в. в наказах, выдававшихся в Москве ново назначенным астраханским воеводам, предписывалось не допускать к городу «турских городов торговых людей» и отправлять их восвояси с требованием не приезжать впредь – из-за отсутствия соответствующего дозволения от государя (Акты 1841: 212, 213, 260). Кроме того, предлогом для отказа служило отсутствие у желавших переправиться через Волгу

³ Шамархань – Самарканд; Озямские земли – Иран (Аджам); Тюрмен(ы?) – или страна туркмен, или Тюменское владение в Северо-Западном Прикаспии; Крымшевкалы – Северо-Западный Кавказ (*крымшамхал* – титул престолонаследника шамхала).

⁴ «Бахметев гроб» – усыпальница Пророка в Медине.

обязательной «проезжей астраханской грамоты» с царской печатью, которая ставилась в местной воеводской канцелярии – съезжей избе (Акты 1841: 203; Дополнения 1846: 87).

В исламском мире нарастало раздражение неожиданным препятствием. Правители одного из ближайших к месту событий мусульманских государств – Крымского юрта – отразили это настроение как в претензиях к московскому царю, так и в планах отвоения у него Нижней Волги. Особенно был настойчив в 1560–70-х гг. хан Девлет-Гирей I. Ивану IV он писал, в частности: «И ходили азеи к Меке... им дорога была через Асторохань, а ныне та дорога затворилася»; через Астрахань «азеи к Меке хаживали, то им дорога была, а в нынешнее время тем азеям туда дороги нет» и т.п. Все это в его трактовке преподносилось как «всем мусулманом насилство и лихо». Крымский бек Мурад в беседе с русским послом в 1576 г. добавил, что «которым де было людем ходити к Меке на Асторохань, а нынеча де ходят далече» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 175–175об., 180об., 184; д. 14, л. 3).

В источниках нам не удалось встретить данных об обходном маршруте, упомянутом в последней цитате⁵. Однако некоторые данные позволяют полагать, что Ханский брод вовсе не был закрыт воеводами наглухо и для всех. Иван Грозный считал жалобы паломников напрасными «бездельными речами», а при «котором убытке» со стороны местных чиновников советовал обращаться прямо к нему (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 207). Похоже, к обиде на воеводские препоны примешивалась досада по поводу завоевания Астраханского ханства «неверными», отчего положение рисовалось более мрачным, чем было на самом деле. Так, в начале 1567 г. в Стамбул явились послы от правителей Ургенча и Бухары. На аудиенции у султана они перечислили беды, причиненные «мусулманству» русскими завоеваниями на востоке; при этом в документе отмечено, что «послы шли к Меке на Асторохань», т.е. одновременно и совершали хадж.

Очевидно, на своем пути узбекские послы все же смогли успешно преодолеть астраханскую переправу, т.к. в обратный путь они намеревались отправиться той же дорогой: «А юргенцьскому деи послу и шихом (т.е. шейхам, составлявшим бухарское посольство. – В.Т.) в Юргенчь и в Бухары идти на Асторохань» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 163об., 164об.). Едва ли они двинулись бы туда, будь переправа через Волгу недоступна.

Однако негативный идеологический и психологический резонанс среди мусульман от падения татарского Хаджи-Тархана был несомненным. В умах политиков зрели планы отвоения юрта. На военные планы Абдаллаха могли

⁵ Используемая ранее дорога через Иран оказалась в то время закрыта для пилигримов из Средней Азии по причине вражды шахов-Сефевидов с Османской империей и Бухарским ханством.

оказывать влияние и высокородные татарские принцы астраханской династии, эмигрировавшие в середине XVI в. в Мавераннахр⁶.

Следует заметить, что религиозные лозунги и стимулы во внешней политике были присущи бухарскому хану, подобно большинству мусульманских монархов. В 1584 г. он завоевал Бадахшан (где правили последние тимуридские династии) именно под предлогом обеспечения свободного прохода паломников к Мекке (История 1993б: 80; Бидлиси 1976: 279).

Добавим, что властитель соседнего с Мавераннахром региона и государства – Хорезма, вышеупомянутый Хаджи-Мухаммед-хан, в 1567–68 г. (975 г.х.) возмущенно обращал внимание крымского и османского монархов на препятствие, которое создало для паломников и купцов русское воеводство в Астрахани. Устранение этой препоны виделось ему в отвоевании «вилаята Эдждерхан» у русских пришельцев (Cartère d'Encausse 1970: 410; Osmanlı 2005: 5)⁷.

Высокая Порта внешне разделяла благочестивое негодование своих среднеазиатских собеседников⁸, но до реальных действий у османов в 1580-х годах руки так и не дошли. Гораздо более актуальным для Стамбула было в то время противостояние с Сефевидами в Закавказье.

Дальнейший, западный маршрут паломников из Астрахани известен из отписки (донесения) астраханских воевод Ю.П. Буйносова-Ростовского и С.В. Волинского, доставленной в Москву в июне 1630 г. Ниже приводится соответствующий фрагмент этого документа.

«Апреля, государь, в 29 день привел к нам, холопом твоим, в съезжую избу юртовской табунной голова Янмамет Ромазанов своего табуна татарина Кудашман-азия. А сказал, что де, государь, тот татарин приехал внове в улусы к морю в Мочаг⁹ ис Казыева улуса¹⁰. А юртовской татарин Кадашман в роспросе нам, холопом твоим, сказал: в прошлом-де, государь, во 134-м году¹¹ при боярине и воеводех при Петре Петровиче Головине со товарищи по подписной челобитной из Асторохани отпущен он съ юртовским татаринцом с Кулаком по их бусурманской вере к Меке для молбы. И от Асторохани государь, ехал он на Казыев улус, а ис Казыева улуса приехал в Крым. И быв в

⁶ Подробно см. ниже в очерке «Предки Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке».

⁷ Скорее всего этот вопрос был поднят в ходе визита того самого узбекского посольства к османскому падишаху в 1567 г., о котором упоминалось выше в связи с перекрытием волжской переправы.

⁸ См. опубликованные Э.Каррер д'Анкос письма султана различным адресатам с упоминанием узбекских посольств (Cartère d'Encausse 1970: 410–413).

⁹ Местность в дельте Волги.

¹⁰ Казыев улус (Малые Ногаи, Малая Ногайская Орда) – политическое образование, созданное на Северном Кавказе выходцами из завожжской («Большой») Ногайской Орды во второй половине XVI в.

¹¹ 1625/26 г.

Крыме два месяца, собрався с товарищи, ехал на турецкие города на Янкермен да на Аккермен, да на Кли, да на Смаил, а ис Смаиля в Царьгород¹², и в Царьгороде быв три дни. Собрався их ис турецких розных городов со сто человек. Ис Царягорода ехали они сухим путем до турецкого Шамшерипа города¹³ шесть недель. И в Шамшерипе городе быв с месяц, ехал до Меки скорою ездою на верблюдох шесть недель три дни, потому что де, государь, то место безводное¹⁴. И у Меки де быв он тритцать ден, поехал назад в Царьгород. И в нынешнем де, государь, во 136-м году¹⁵ зимою приехав, был он в Царьгороде три дни, а хто в Царьгороде солтан, того де он не ведает» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 299–300).

(Из последней фразы следует, во-первых, аполитичность (притворная?) допрошенного юртовца, который якобы даже не поинтересовался персоной падишаха, совмещавшего светское владычество над османским «Великим государством» со священным рангом халифа; во-вторых, сугубая формальность процедуры выдачи султанского разрешения на поездку в Хиджаз¹⁶).

Приблизительно полустолетием раньше отправился к Каабе кубравийский шейх Камал ад-Дин Хусейн Хорезми. В жизнеописании шейха «Джадат ал-ашихин», составленном в 1573 г. его сыном, приводится краткое перечисление пунктов, через которые пролегал этот путь. Следуя из Хорезма, Камал ад-Дин Хусейн пересек Мангышлак и, как упоминалось выше Ногайскую Орду, проехал через города Сарайчук, Хаджи-Тархан и Азак (Азов), направился в Крым и оттуда (морем?) в Стамбул (DeWeese 1994: 201). Как видим, здесь западное направление маршрута несколько иное. Хорезми совершил путешествие еще до взятия русскими Астрахани (1556 г.) и разрушения казаками Сарайчука (1581 г.).

Расходы на длительное путешествие в Аравию были огромны (отчего оно было доступно, как правило, лишь богатым людям). Иногда отправлявшимся туда удавалось добиться денежной помощи от своих правителей. Но были

¹² Перечисляются турецкие крепости в Северо-Западном Причерноморье: Джанкерман, Ак-Керман, Килия, Измаил; Царьгород – Стамбул.

¹³ Дамаск.

¹⁴ При движении каравана по безрадостной пустынной местности одним из немногих способов времяпрепровождения путников был подсчет скорости верблюдов. Татарский историк и мыслитель Шихабутдин Марджани во время хаджа в 1880 г., при следовании из аравийского порта Ямбо в Медину, подсчитал, что верблюд делает в час 1360 шагов; при этом он отметил, что во время его предыдущего странствия в Хиджаз с сирийским караваном (как и цитируемого нами юртовца Кадашмана) верблюды шли в более медленном ритме – 1300 шагов в час (Очерки 2003: 63).

¹⁵ 1627/28 г.

¹⁶ Однако эта процедура, несмотря на ее канцелярскую рутинность, все-таки считалась обязательной (см.: Смирнов 2005: 186, 454, 455).

случаи, когда «спонсировать» хадж просили русских монархов. Конечно, на это мог осмелиться только тот, кто имел какие-то заслуги перед Москвой. Например, своему крымскому амиату, беку Сулейман-шаху (Сулешу)¹⁷, Иван IV в 1571 г. послал 300 руб. Это был отклик на просьбу прислать 500 руб. по благочестивому поводу: «И ож даст Бог хочю ити к Меке и на дорогу харчю¹⁸ нет. И волной человек царь (т.е. хан. – В.Т.) невеликим харчом пожаловал, и того на путь харчю не станет» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 50об., 112об.). Возможно, это был не первый хадж Сулеша, т.к. шестью годами ранее его родич бек Ахмед ревниво пенял Ивану Васильевичу: «А свату моему Сулешу князю к Меке ити на харч даешь много...» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 11, л. 335).

В 1593 г. крымские «царицы», мать и вдова султана Мурад-Гирея, которому довелось активно участвовать в московских дипломатических комбинациях 1580-х годов (в отношении Крыма и ногаев), с аналогичными просьбами обратились к Б.Ф. Годунову – фактическому соправителю царя Федора Ивановича (речь шла о сумме в «триста золотых черленых») (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 18, л. 248об., 249, 308).

В мае 1620 г., собираясь в паломничество с детьми, «в дорогу денег на харч» просил у царя Михаила Федоровича один из высших ногайских духовных иерархов, сеид Сайф ад-Дин. Для обоснования своего прошения он рекомендовался в грамоте на высочайшее имя «холопом твоим и богомольцем» и указывал, что беспрестанно молится «про твое государево многолетнее здорвье» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 288–290). Причем деньги сеид просил разрешения получить лично в русской столице, посетив ее перед отправкой в далекое странствие.

В течение XVI–XIX вв. вся территория бывшего Дешт-и Кипчака оказалась в составе Российского государства. Завоевание татарских ханств и увеличение мусульманского населения в государстве было важнейшим фактором цивилизационного развития России. Попытки всеобщей и поощряемой сверху христианизации не приносили ожидаемых результатов. Поэтому периодически происходило некоторое смягчение политики по отношению к подданным, исповедующим ислам. Как известно, официальная толерантность к «магометанам» была провозглашена Екатериной II во второй половине XVIII в. Кроме того, сказывались «забота об имидже России как государства, имеющего особые отношения с исламским миром, и реальное ощущение родства с Востоком, репродуцируемое на Руси из поколения в поколение» (Фаизов 1999: 56).

¹⁷ *Амиат* – доверенное лицо и посредник в дипломатических отношениях. Об этой функции Сулеша и его отпрысков см.: Виноградов 2006.

¹⁸ *Харч* (от араб. *хардж*) в данном случае означает не только пропитание, но и в целом расходы на дорогу.

В следующем столетии совместными мерами властей и мусульманского духовенства паломничество из России к Каабе приобрело организованные формы. В 1803 г. появился первый высочайший указ, регламентирующий официальное санкционирование хаджа (Арапов 2001: 61, 62). К концу XIX в. сформировались три главных пути следования мусульман в Хиджаз с территории Российской империи: 1) по Закавказью и Северной части Персии через Керманшах, Ханекин, Багдад, Кербелу и Неджеф, затем через пески Аравии к Мекке и Медине; 2) через Самарканд и Бухару в Афганистан, далее на Мазар-и Шариф, Кабул, Пешавар, Бомбей, оттуда морем в Джидду и Ямбо; 3) через Одессу, Севастополь или Батум морским путем в Стамбул, Суэц, Джидду и Ямбо (Резван 1998: 97).

Тем не менее власти все-таки воспринимали путешествие в Мекку настроенно. На такое отношение влияло еще и опасение привнесения в среду российских мусульман нежелательных политических идей, а также угроза проникновения с Востока эпидемических инфекций (Резван 1998: 97; Сызранов 2007: 42).

Однако на протяжении рассматриваемого в данной статье периода (до XVIII в.) мусульмане, проживавшие в российских владениях, практически не имели возможности хаджа. Причины заключались как в тогдашней однозначно антиисламской политике правительства, так и в постоянном и нараставшем напряжении в отношениях с Османской империей.

Арало-Каспийский регион на перекрестке культур и цивилизаций

В последние годы в исторической науке повышенное внимание уделяется явлениям и событиям, которые способствуют объединению людей, принадлежащим к разным культурам, говорящим на разных языках, исповедующим разные религии и т.д. – в общем, относящимся к различным цивилизационным системам. Главным стимулом такого внимания служит процесс глобализации, развернувшийся на рубеже тысячелетий. Проиллюстрировать пристальный интерес исследователей к интегрирующим факторам в истории человечества можно, например, проблематикой XX Международного конгресса исторических наук (Сидней, 2005 г.).

В докладах участников конгресса одной из самых частых тем был контакт цивилизаций в древности и средневековье. Неоднократно звучала мысль о том, что и в отдаленные времена действовали объективные факторы сплочения народов – как экономические, так и политические. Среди первых главное место отводилось трансконтинентальной торговле, среди вторых – существованию больших полиэтничных империй. (В числе таковых наиболее популярным примером и объектом анализа выступала у докладчиков Монгольская империя XIII в.) Добавлю, что приблизительно до середины II тыс. н.э. действовал и такой фактор, исчезнувший впоследствии, как массовые, многолюдные миграции. Причем в восточной части Евразийского континента они наблюдались в течение гораздо более длительного времени, чем в Западной Европе.

Обмен произведенными изделиями и производственными навыками, интеграция в единых государственных структурах, экспорт культурных и хозяйственных достижений в ходе миграций – все это создавало условия для накопления общего социального и культурного опыта у народов Евразии. Не случайно в некоторых выступлениях оглашался несколько утрированный тезис о том, что создатели великих империй древности (Александр Македонский, римляне, Чингисхан...) были первыми «глобализаторами».

В истории Арало-Каспийского региона наглядно проявляются названные общие особенности исторического развития. Несмотря на недостаточную изученность края то, что известно о его прошлом на сегодняшний день, позволяет причислить его к зонам наиболее активных контактов народов и культур.

Через пространство между Аральским и Каспийским морями с античных времен пролегла одна из ветвей Великого шелкового пути. Когда этот путь

перестал действовать, наезженные караванные маршруты использовались уже в более локальном масштабе, связывая Поволжье и в целом Восточную Европу с Хорезмом и Мавераннахром. Свидетельством успешных коммерческих предприятий служит знаменитая цепь золотоордынских караван-сараев, протянувшаяся через Западный Казахстан от реки Урал до Аральского моря. После распада Золотой Орды эта налаженная инфраструктура, окончательно сформированная при хане Узбеке, разрушилась. Однако проторенная торговая магистраль продолжала функционировать, и по ней от колодца к колодцу двигались персидские и бухарские караваны, ночуя, правда, уже под открытым небом. Известно, что общепринятым названием этого пути в XV–XVIII вв. было «Ногайская дорога». Очевидно, последний по времени расцвет торговли на этом направлении пришелся на период Ногайской Орды. Затем, после присоединения к России Сибири, с севера через казахские степи протянулись другие, более оживленные и выгодные маршруты.

По этим старым и новым дорогам производился обмен товарами между мусульманским Востоком и христианскими странами. И как это обычно бывало, районы транзита (в том числе Арало-Каспий) получали свою долю культурных заимствований и влияний с той и с другой стороны.

Принадлежность данного региона к имперским государственным образованиям также позволяла его населению включаться в процесс движения идей и институтов. Наиболее заметными вехами в этом отношении были Тюркский каганат, Монгольская и Российская империи.

При этом не следует преувеличивать и модернизировать степень участия Арало-Каспия в евразийском цивилизационном развитии. Этот край был зоной активного транзита и обмена, но не генератором новых явлений. Прежде всего это объяснялось консервативностью скотоводческой экономики и всего жизненного уклада. Выработанная поколениями кочевников хозяйственная и социальная система идеально отвечала местным условиям и в целом не нуждалась в изменениях. Местные жители перенимали некоторые культурные достижения соседей, но при этом сохраняли главные устои собственной культуры. Заметные изменения могли вызываться лишь в случае смены мировоззренческой системы (в данном случае распространением ислама) и притоком новых этнических общностей (племен) – носителей иных культурных схем.

Если не рассматривать далекую древность, а взять более знакомое мне средневековье, то данный регион традиционно включается в пределы страны кипчаков. История этой страны до сих пор остается почти неизвестной из-за недостатка источников. Однако постепенно информация у историков накапливается. В последние годы стали вызревать некоторые положения, которые, возможно, позволят по-новому взглянуть на историю Евразийских степей первых полутора тысячелетий н.э.

Книжное персидское понятие *Дашт-и Кипчак*, очевидно, не может служить наименованием какой-либо общности племен и народов. Появившись в рамках мусульманской географической традиции и заменив прежние *Мафазат ал-гузз* и *Дашт-и Хазар*, оно обозначало лишь один из регионов шестого «климата». Для иноземных наблюдателей все обитатели степной страны, как правило, выступали в качестве кипчаков (или куманов). Этот этникон охватывал массу родоплеменных объединений, различных по происхождению. Историки по привычке и для удобства продолжают называть обитателей Дешта кипчаками, но все более признают условность этого обозначения. Разумеется, какая-то часть племен пользовалась этим словом как самоназванием — это были, так сказать, собственно кипчаки, или кипчаки «в узком смысле». Их историческими (и, может быть, этническими) потомками являются родовые группы кыпчак-кыпсак у ряда современных тюркских народов.

Однако, во-первых, мы не можем пока даже предположительно определить масштабы этого явления, т.е. насколько кипчакская идентичность была развита в XI–XII вв.: осознавали ли себя кипчаками, например, дуруты или олбёрили.

Во-вторых, точно известно о присутствии в Дешт-и Кипчаке стабильных племенных объединений, не относящихся к собственно кипчакской общности — некогда переместившейся в Казахстан из Западной Монголии и с Алтая и входившей в Кимакский каганат. Это прежде всего могущественные и многочисленные канглы и, что более актуально для Арало-Каспийского региона, огузы. Арало-Каспий географически, несомненно, входил в страну Дешт-и Кипчак, но в этническом отношении этот край служил местом кочевий огузских племен. Полагаю, что и после образования Улуса Джучи огузы составляли здесь основную массу населения. Во всяком случае Абу-л-Гази в «Шаджара-йи таракима» сообщает, что при золотоордынском хане Джанибеке (т.е. в середине XIV в.) северной границей огузского (туркменского) ареала был «Карагал Илик» (Кононов 1958: 77) — видимо, река Илек и его приток Кыргызала.

Как известно, монгольское завоевание привело к разрушению прежней племенной структуры кипчаков. В послемонгольских источниках мы не встречаем названий племен, фиксируемых у них в XII столетии. А вот аналогичная структура у огузов сохранилась. Неизвестно, было ли это результатом добровольного подчинения их Чингисидам или следствием каких-то огузо-кипчакских противоречий. Сумятица, внесенная монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской знати, уступила место мирной и стабильной жизни в могущественной и богатой империи. На просторах Половецкого «Дикого поля» установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало са-

мовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации. Относительно мирная и сытая жизнь на протяжении десятилетий имела благоприятные демографические последствия. Степные эли множились, делились и ветвились, и их беки обретали все больше подданных. А в кочевом мире это означало повышение социальной значимости и политического влияния не-Чингисидской знати.

В 1340-х годах города Золотой Орды опустошила чума, а затем в правящем доме Джучидов началась смута. Окруженные враждебной и интригующей родней, ханы зачастую предпочитали опираться на сторонников, не имевших с ними кровных династических уз. В этих условиях представители кочевой аристократии, не принадлежащей к «золотому роду», смогли влиться в ряды высшей политической элиты. В источниках появляются имена приближенных ханских фаворитов или даже фактических правителей государства – верховных беков из элей киятов, канглы, кунгратов, ширинов. В конце XIV в. сумел оттеснить иноплеменных соперников и утвердиться у подножия трона эль мангытов в лице братьев Исы и Эдиге и потомков последнего.

Именно с возвышением мангытов и образованием их стабильного юрта в междуречье Яика и Эмбы на рубеже XIV–XV вв. (будущей Ногайской Орды) связаны известия о занятии кипчакским населением бывших огузских кочевий на севере региона. В последнем десятилетии XV в. пять мангытских мирз располагали свои сезонные стоянки на том самом «Карагале Илеке» (Посольская 1984: 46). В скурых сообщениях документов XVI–XVII вв. сохранились отголоски борьбы за Устюрт и Мангышлак, которую вели ногаи и туркмены. Граница между ними смещалась в зависимости от усиления и ослабления Ногайской Орды. При этом внутри Орды проживали постоянные группы туркменского населения – скорее всего потомки старого огузского населения северо-западного Казахстана. Полагаю, что они интегрировались в политическую общность ногаев. Во всяком случае зафиксированные в Ногайской Орде части ее туркменского эля *шлан* и *найдар-улы* не известны мне среди традиционных огузо-туркменских племенных названий. Во второй половине XVI в. в борьбу за Арало-Каспийский регион включились ургенчские и бухарские ханы, а в следующем столетии калмыки. После ухода основной части калмыков на волжское правобережье и миграции казахов здесь образовался Младший жуз, вобравший в казахскую среду незначительные остатки ногаев.

Изложенная выше схема этнополитического развития края остается во многом предположительной из-за чрезвычайной скудости сведений. Думаю, что в сочетании с материалами археологических раскопок и антропологических исследований она может быть дополнена или исправлена.

Не меньшая нужда в археологической аргументации есть и у другой идеи, которая сейчас высказывается все большим числом медиевистов: начи-

ная приблизительно с IV в. н.э. этнический состав населения большей части Евразийской степи принципиально не менялся (во всяком случае к западу от Алтая). Историков вводят в заблуждение средневековые хронисты, которые выстроили череду сменявших друг друга царств и династий. Но ведь далеко не всегда свержение одного правящего клана и возвышение другого сопровождалось этническими трансформациями. Основной массив тюркского населения существовал на протяжении столетий и сохранялся, несмотря на опустошительные монгольские вторжения (Чингисхана в XIII в., калмыков в XVII в., джунгар в XVIII в.). С учетом этого континуума, а также с учетом архаичного дотюркского («иранского») наследия, по-другому выглядят и Тюркский каганат, и каганаты-преемники, и Монгольская империя с ее улусными ханствами. «Ядро» кочевой цивилизации, т.е. государственности и культуры, оставалось незыблемым не только из-за общности скотоводческого уклада, но и в силу стойких социально-политических традиций.

Несомненно, исторические материалы из Арало-Каспийского региона дают обширную почву для размышлений по всем этим проблемам.

Малая Ногайская Орда. Очерк истории

Этногенез и ранняя история ногайского народа остаются во многом неизученной из-за недостатка источников. Однако даже те материалы, которыми историки располагают на сегодняшний день, позволяют с уверенностью утверждать: по происхождению ногайцы – это восточные кипчаки, а их государственное образование, Ногайская Орда XV–XVII вв., по своему территориальному положению, административному устройству, внешней политике этническому составу населения, его языку и культуре выступала непосредственной преемницей прежних кочевых империй Евразии. В историческом плане она унаследовала кочевую цивилизацию Золотой Орды.

При этом истоки ногайской истории не могут связываться исключительно с Заволжьем. Во-первых, ногайцы как часть огромного кипчакского мира были потомками тех кипчаков, которые в раннем средневековье заселяли северокавказские степи. Во-вторых, в ходе длительных миграций восточно-кипчакские (будущие ногайские) племена во второй половине XIV в. – до образования Ногайской Орды – заселяли и некоторые местности Северного Кавказа (по Кубани, Тереку), о чем сохранились воспоминания в исторических преданиях башкир, каракалпаков, чеченцев и др. Таким образом, ногайцы являются потомками давних жителей этого региона.

Во второй половине XVI в. наблюдалось постоянное продвижение так называемых Больших (т.е. заволжских) Ногаев на запад, что неизбежно приводило к еще более тесному их соприкосновению с народами Северного Кавказа. В степном Предкавказье появлялось все больше кочевых улусов, и эта зона постепенно стала рассматриваться как часть Большой Ногайской Орды. После наплыва номадов из-за Волги в 1630-х годах Закубанье и левобережье Кубани тоже превратились в ногайские пастбища. Кроме того, в Центральном Предкавказье и на Северо-Западном Кавказе во второй половине XVI – первой трети XVII вв. существовала Малая Ногайская Орда (Малые Ногаи или Казыев улус).

Историки давно выяснили существование Большой и Малой Орд, но основное внимание уделяли первой и главной из них – находившейся под управлением верховного государя (бия). И если Большой Ногайской Орде посвящено немало исследований, то Малая пока не удостоивалась монографического изучения.

Один из не выясненных вопросов – время отделения Малых Ногаев от Больших. Абсолютное большинство историков связывает этот процесс с междоусобной ногайской смутой 1550-х годов или с событиями, ей предшество-

вавшими. Некоторые более осторожны и, не располагая материалами источников, датируют отделение более общо: целым столетием или царствованиями – крымского Сахиб-Гирея (1532–1551) или московского Ивана IV (1533–1584), или периодом почему-то существования Астраханского ханства (см., например: (Бутков 1869: 170; Мутенин 1948: 130; Inalcik 1948: 359))¹. К 1549 г. относит образование Малой Орды Ш.Лемерсье-Келькеже, к середине или концу 1550-х годов – В.М. Жирмунский, А.Каппелер, А.Н. Курат, М.Г. Сафаргалиев, А.И. Сикалиев и многие другие (Жирмунский 1974: 485; Сафаргалиев 1938: 157, 158; Сикалиев 1994: 43; Bennigsen, Lemercier-Quellejeay 1976: 208; Kappeler 1992: 90; Kurat 1961: 11, 12; The North 1992: 23). Все они связывают это событие с расколом заволжских кочевников в эпоху бия Исмаила (1554–1563 гг.), с уходом ногайского аристократа-мирзы Гази б. Урака² из-под власти бия из-за несогласия с «вокняжением» бия Юсуфа в 1549 г., а А.Каппелер – с дестабилизацией экономической ситуации и международных отношений в Дешт-и Кипчаке после падения Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств.

Особняком стоят единичные, не соотнобразующиеся с документальными фактами суждения о формировании Малой Орды на базе обособившихся улусов джучидского беклербека Ногай (см.: Евстигнеев 1995: 79; Vernadsky 1953: 190). Равно как не существовало «западных ногайцев», изначально якобы кочевавших отдельно от заволжских ногаев и составивших основу Малой Орды (см.: Сикалиев 1994: 43). По единодушному мнению специалистов и по сведениям источников, которые приведены ниже, исход подданных Гази из Ногайской Орды на запад случился только в связи с междоусобными раздорами, без какой-либо опоры на «западных ногайцев». Ногаи же Крымского ханства, действительно проживавшие к западу от обеих Орд, ни принимали никакого участия в складывании Казыева улуса.

¹ В качестве аргумента Х.Иналджик приводит данные хрониста Саид-Мухаммеда Ризы (середина XVIII в.) о переселении Сахиб-Гиреем ногайских «племен» орак, касай, ур-мехмед и токуз в Буджак. Однако сочинение Ризы – поздний источник, и перечисленные этнонимы тоже явно более позднего, чем первая половина XVI в., происхождения. Например, ур-мехмед – это потомки и улусы большеногайского бия Ураз-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда, умершего в 1598 г. С.Тунманн, собравший в XVIII в. сведения о Крымском ханстве, сообщил, что Малые Ногаи являются потомками ногаев Астраханского ханства – или уведенные в крымский плен Мухаммед-Гиреем I, или же добровольно переселившиеся из-за Волги на запад (особенно после падения Астраханского юрта) (Тунманн 1991: 62). Но во время написания труда Тунманна ногаи бывших Большой и Малой Орд успели смешаться с ногаями Крыма, к которым в основном и относятся данные об этих переселениях.

² б. – обычное в русскоязычной литературе обозначение элемента мусульманского имени «ибн» (сын), Гази б. Урак б. Алчагир – Гази, сын Урака, сына Алчагира.

Лучшим аргументом и наиболее авторитетным свидетельством о времени и обстоятельствах обособления Орд могут служить сведения, исходящие из среды самих средневековых ногаев. М.Г. Сафаргалиев, опираясь на Посольские книги в публикации Н.И. Новикова, утверждал, будто имя Гази б. Урака впервые упоминается в июне 1555 г. в связи с убийством бывшего астраханского хана Ямгурчи; тогда же в первый раз говорится о газиевых людях на Крымской (западной) стороне Волги (Сафаргалиев 1949: 52; Продолжение 1793: 182, 186). На самом же деле на Руси об основателе Малой Орды узнали тремя годами раньше. В мае 1552 г. нурадин Исмаил сообщил Ивану IV, что «из Астрахани люди выехали да пристали х Казы мирзе, и учинилось их четыреста человек». Исмаил предлагал царю ловить их выше Переволоки³, а сам будет делать то же ниже по Волге (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 103, 103об.).

Таким образом, к весне 1552 г. Гази уже находился на правом берегу, служил центром притяжения для эмигрантов из Ногайской Орды, и мы можем датировать его появление там началом 1550-х или, вслед за Ш.Лемерсье-Келькеже, концом 1540-х годов. На тот период указывает и заготовка ответа на возможный вопрос османов о ногаях в наказе послу в Стамбул Г.А. Нащокину в марте 1592 г.: «А нагаи Казыева улуса издавна з заволжскими нагаи одни были. Как учинилась рознь Казы мурзе с Исмаилем князем, и Казыи с своим родом... почали кочевать на Крымской стороне меж Асторохани и Азова *тому болии сорока лет*»⁴ (РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 42–42об.), т.е. ранее 1552 г. Окончательный разрыв между заволжскими и приволжскими улусами произошел с началом смуты в Ногайской Орде (1554 г.) и описан бием Иштереком астраханским воеводам в ноябре 1604 г. – «Как было преж сего при Исупе князе и при Смаиле, и в те поры Казыева улуса не было, а был нагаиской один Юсуф князь... И в те поры в Нагаях меж князя и мурз и улусных людей розни некоторые не было. А как Смаиль князь убил Юсуфа князя, и Смаиль князь с мурзами и с улусными людьми учал кочевать на Нагаиской стороне... а Казыи мурза учали кочевать на Крымской стороне под Азовом, и учали с тех мест быти Казыев улус» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 65; Акты 1918: 102).

Как видим, причиной и временем финального разрыва Гази с бием оказалась, в интерпретации Иштерека, узурпация Исмаила. Ногайский эпос тоже связывает отделение «Казия» с враждебными действиями Исмаила – правда, не с братоубийством, а с интригами последнего против малолетних сыновей убитого им Урака (см., например: Ананьев 1900: 24; Головинский 1878: 314).

³ Переволока – место, где Волга более всего сближается с Доном; в 1589 г. там был основан Царицын.

⁴ Во всех цитатах выделено мною.

Большие и Малые Ногаи относились друг к другу, как правило, враждебно. В первые десятилетия после разделения примирение между последними казалось невозможным. В 1577 г. мирза Хан б. Урус твердо отмечал, что казыевцы «себе улусом живут» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 73–73об.). А в 1615 г. Иштерек-бий уже фактически уравнивал свою Орду с Малой, прося для ее мирз такого же жалованья, что и своей родне, «Исмаиловым детям» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 7, л. 13). Тот же Иштерек в 1604 г., продолжая рассказ о расколе ногаев, поведал воеводам, что «у Смаиля князя и у Тенехмата князя⁵, и у Тенехматовых детей с Казыевым улусом... учала быти рознь великая и кровь проливатца многая за то, что оне меж себя в кочеванье в розни учинились» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 65–66; Акты 1918: 102–103).

Наименования, территория и население Малой Ногайской Орды. В русских документах XVI в. Малая Орда обозначалась как «Казыев улус», в XVII в. его сменили «Малые Ногаи», а затем «Малый Ногай». Разумеется, русские не сами придумывали эти названия, а воспроизводили (переводили) их со слов ногайских информаторов. Тюркоязычные документы действительно именуют Юрт *Гази улус* и *Кучук ногай* (см., например: (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1648 г., д. 1, л. 406)).

Когда произошла смена первого наименования вторым? М.Г. Сафаргалиев утверждал, что впервые «Малые Ногаи» были поставлены на место «Казыева улуса» в «Книге Большому Чертежу», т.е. в 1627 г. (Сафаргалиев 1949: 52)⁶. Материалы приказного делопроизводства позволяют уточнить дату. Терский воевода Н.Д. Вельяминов рапортовал на государево имя в 1618 г., что крымский царевич, эмигрант и авантюрист Шахин-Гирей рассказывал проезжему донцу о том, как тайбуга⁷ Кара Кель-Мухаммед побывал в «Малом Казыеве улусе» и вел переговоры со всеми мирзами «Малово Ногаю» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1618 г., д. 1, л. 14, 16). Московские же канцелярии и Большие Ногаи в то время по-прежнему употребляли сочетание «Казыев улус». Видимо, «Кучук нугай» являлось сравнительно новым понятием и смешивалось в речах соседей Малых Ногаев со старым обозначением (отчего и получился «Малый Казыев улус»). В обращении к воеводе Вельяминову в следующем году Посольский приказ употребил композиту «Меншие Нагаи», приняв, таким образом, сообщенное терцами наименование Малой Орды и трактуя его по своему разумению: «меньшие», а не «малые».

⁵ «Тенехмат» – сын и преемник Исмаила, бий Дин-Ахмед (правил в 1563–1578 гг.).

⁶ В неопубликованной диссертации 1938 г. М.Г. Сафаргалиев написал, что название «Малые Ногаи» впервые употребляется в 1600 г. (Сафаргалиев 1938: 160). Позднее он, очевидно, посчитал сведения «Книги Большому Чертежу» более надежными.

⁷ Тайбуга – наместник северо-восточных территорий Ногайской Орды.

Впрочем, это нельзя считать абсолютной терминологической новацией. Очевидно, оба названия Малой Орды еще в XVI в. в русском политическом лексиконе существовали параллельно. – При описании крымского нашествия на Москву 1571 г. летопись перечисляет среди его участников «нагаев больших и меньших» (ПСРЛ, т. 31: 140)⁸.

Трактовать смысл имени «Малый» (*кучук*) возможно вслед за А.Куратом в виде отличия от заволжской Большой Орды (Kurat 1961: 12). Однако понятие «Большая Орда» фиксируется у ногаев еще в первой половине XVI в. как обозначение кочевого сообщества под управлением главного мангытского⁹ бия. В тех условиях не могло быть «малой» Орды, так как не могло появиться «малого» бия. Лишь по прошествии десятилетий «Большая Орда» обрела дополнительное значение, отчего и стало возможным образование антонимичного словосочетания «Малая Орда» для Казыева улуса.

Юрт Гази служил пристанищем для кланов, выезжавших из-за Волги и оппозиционных тамошним правителям. К таким кланам относились не только Шейдяковы. Среди первых обитателей Малой Орды оказались, помимо подданных самого Гази б. Урака, улусы сыновей бия Юсуфа, свергнутого Исмаилом в 1554 г., а также потомство высокопоставленных мирз, вытесненных из Большой Орды, – Хаджи-Мухаммеда и Мамая (РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 42об.; ф. 127, оп. 1, д. 10, л. 144об., 145; Сафаргалиев 1949: 159). Поселились там и «Шийдаковы дети» – это отпрыски нурадина Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила, от которого происходили малоногайские бии Баран-Гази и Касим, а также потомки бия Саид-Ахмеда б. Мусы – предка малоногайского бия Якшисаата. К началу XVII в. там насчитывалось восемьдесят мирз; «Роспись мурзам Малого Нагаю» 1638 г. перечисляет восемьдесят четыре имени (Путешествия 1954: 174; РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 17–21).

«Улусные люди» этих мирз сохраняли свою принадлежность к прежним племенным общинам-элям. В разных документах встречаются упоминания о «родствах» мангыт (в том числе кара-мангыт), китай, мин, аз, бузлук кереит, кара кипчак и тюде кипчак, уйшун (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 50;

⁸ Д.И. Багaley предположил, что Казыев улус являлся одним из подразделений Малой Ногайской Орды (в «Книге Большому Чертежу» одновременно упоминаются Малые Ногаи и Малые Ногаи Казыева улуса) (Багaley 1887: 77). Малая Орда действительно содержала ряд отдельных образований-«половин». Но Казыева улуса среди них не было; это название, судя по известным мне материалам, служило ее синонимом. Разночтения же в «Книге Большому Чертежу» объясняются, возможно, широким расселением Малых Ногаев в южных степях, и под Казыевым улусом значилась их первоначальная территория на Северо-Западном Кавказе, а под Мальми Ногаями – область расселения за ее пределами.

⁹ Мангыты – кипчакское племя (эль), из которого происходил правящий клан ногаев. В восточных источниках жители Ногайской Орды часто именовались мангытами.

1628 г., д. 5, л. 23; 1633 г., д. 1, л. 82, 85). Однако в течение XVII столетия деление на эли утратило былую значимость и стало сопровождаться обозначением общин через имена их первых правителей. Касим (Касай), Мамай, Науруз и прочие мирзы стали эпонимами подразделений «Малого Ногая». Вместе с тем память о племенном происхождении у ногаев сохранялась, и еще в 1780-х годах названия элей сочетались с эпонимами («Наврузовского рода мангытские жилища», «Наурузовы дети и мангыты») (РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 235, л. 11в, 11г, 12об.).

Основные кочевья Малых Ногаев располагались в центральном регионе степного Предкавказья, причем с течением времени они отодвигались все дальше к западу. Малочисленность населения и необходимость держаться вместе в окружении враждебных соседей вынуждала их селиться более-менее компактно и не распространять маршруты сезонных передвижений на очень большие расстояния. Поэтому необоснованными выглядят суждения о проживании Малой Орды одновременно по всей Южной Украине, в Подонье, Приазовье, Причерноморье, ее летовках на землях будущей Саратовской губернии (см., например: (Алексеева 1957: 37; Гераклитов 1923: 104)).

Малые Ногаи концентрировались поначалу, главным образом, в степях нынешнего Ставрополя. Есть данные от 1571 г. о «беглых мурзах, которые стоят на поле меж Черкас и Азова, – Казые с товарищи» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 23). В 1616 г. посол О.Зюзин описывал заволжских номадов, что перебрались на Крымскую сторону и ныне «кочуют по Манычу и по Куме, где прежде сего кочовывал Казыев улус» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 10, л. 3). В то время основная масса Малых Ногаев отхлынула на запад, но позднее некоторые их улусы возвратились. По документам первой трети XVII в., занятая ими область очерчивалась на востоке нижним течением Кумы (пять дневных переходов от крепости Терки), на юге Пятигорьем, на западе средним течением Кубани (четыре дневных перехода от Азова), на севере приблизительной широтной линией между устьями Дона и Волги. Одним из центров притяжения и одной из главных ставок Орды были развалины золотоордынского города Маджары (см.: Белокуров 1888: 549; Волкова 1974: 81; Кушева 1963: 142; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 23, 24, 51, 159)¹⁰.

¹⁰ Развалины Маджара находятся у города Прикумска Ставропольского края. Кроме того, тоже на реке Куме располагаются городища Малые и Верхние Маджары (в нескольких километрах соответственно ниже и выше Маджара). В золотоордынскую эпоху эта территория была сплошной зоной оседлости. В Маджаре и Малых Маджарах сохранились остатки жилищ и мавзолеев (Егоров 1985: 122, 123). Думается, под «Можарским городищем» Малые Ногаи подразумевали центральный пункт данной агломерации – руины Маджара.

«Книга Большому Чертежу», составленная во второй половине XVII в. на основе протографа 1627 г., дает следующее описание: «А от реки Кубы (Кубани. – *В.Т.*), от гор к Черному морю и к Азовскому морю и до верха реки Манахи от тех гор все кочевье Малых Нагаев Казыева улусу... А ниже Улки горы, меж морь и гор, от Чорного и от Азовского моря все кочевье Малых Ногаев... А промеж от усть реки Дону от Азова от Азовского море и от Чорного море по реке по Кубе и по реке по Маньчю и до горы до Улки, а Улка гора на поли промеж Азова и Астарахани 300 верст, а от Астарахани тож, а на реке на Куме Мажаров юрт; и в тех местех на тех полях все кочевье Менших Нагаев» (Книга 1950, с. 88, 92, 147).

Примерно то же пространство, но расширившееся к западу, обрисовано в зачине ногайского лирического дастана «Толеген и Кыз-Йибек»: «Во времена прошлые, Когда народ наш был в сохранности, в составе Младшей Ногайской Орды (Киши Ногай ишинде – букв. «внутри Малого Ногая». – *В.Т.*), Была страна Ягалыбайлы (Богатые берега. – *В.Т.*). Границей Ягалыбайлы были Берега озера Белое море (т.е. Азовское море. – *В.Т.*), Летними пастбищами были Балки и склоны холмов На берегах Черного моря» (цит. по: Сикалиев 1992: 167).

Следы пребывания Малых Ногаев на Северном Кавказе долгое время сохранялись в топонимике. Селения Касаева яма и Касаево располагались на границе Ставропольской и Терской областей и на реке Куме во второй половине XIX в.; в наше время на правом берегу Кубани существует Ногайский перевал, как называют его местные шапсути (Ногай хъуз) (Бентковский 1883: 5; Калоев 1993: 98)¹¹.

Данные о численности жителей Казыева улуса очень скудны. Как правило, и в источниках, и в литературе приводится количество воинов. М.Г. Сафаргалиев оценивал его для начала XVII в. в двадцать тысяч человек, а А.П. Архипов со ссылкой на предания писал, что «Малый Ногай во время процветания своих сил и могущества мог выставить в поле до шестидесяти тысяч воинов, исправно вооруженных и храбрых» (Архипов 1855: 119; Сафаргалиев 1949: 52). Пользуясь общепринятым пятикратным соотношением между боеспособными мужчинами и остальным населением у кочевников, выводим общее количество казыевцев соответственно в сто или триста тысяч человек.

Цифра А.П. Архипова больше соответствует материалам источников. В 1588 г. крымские хан Гази-Гирей и царевич Фатх-Гирей сообщали царю, что после распространения власти Бахчисарая на Малую Ногайскую Орду «х

¹¹ Подробнее о следах пребывания ногаев на Северо-Западном Кавказе в топонимике абазин, адыгов, карачаевцев и осетин см.: Булгарова 1999: 48.

крымской рати прибыло войска болши ста тысяч» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 192–192об., 194об.) (правда, сюда включались также улусы бия Урусса, перебравшиеся на западный берег Волги). Через двенадцать лет московский посол в Англии Г.И. Микулин рассказывал лорду-казначее в том числе и о предмете нашего интереса: «А... Барангазы князь з братьею и з детьми, и с племянники – восемьдесят мурз, а у них воинских людей пятьдесят тысяч» (Путешествия 1954: 174) (т.е. 250 тысяч общей численности населения). Наконец, уцелевший фрагмент грамоты какого-то казыевского мирзы царю Михаилу Федоровичу около 1615 г. гласит: «А всех нас ратных людей есть тысяч с сорок» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 9) (т.е. 200 тысяч общей численности). Следовательно, возможно оценить количество обитателей Малой Ногайской Орды в диапазоне от 200 до 300 тыс. чел. – по крайней мере, для конца XVI – первой трети XVII вв.

Гази и его улус. Родовая ветвь, к которой принадлежал Гази б. Урак, в 1530-х годах оказалась оттеснена от власти. Выйдя из Ногайской Орды, Гази фактически поставил себя вне ее улусно-эльной системы¹². По понятиям той эпохи, он стал типичным скитальцем-«казаком». Так он рекомендовал себя сам в обращениях к Ивану IV, так же расценивались его соратники (см.: РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 5, л. 214; Записки, 1988: 188). «Мы на лихом месте живем... живем есмя на поле», – делились с царем родичи Гази в 1563 г. (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 230). «Лихое место» находилось в кумо-маньчских степях и в Пятигорье, между Астраханским и Крымским ханствами. Именно это обстоятельство служило Исмаилу удобным поводом отнекиваться от походов на Крым в союзе с русской армией: пусть, дескать, сначала царь Иван Васильевич сгонит Гази с данного «промежка» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 191; д. 6, л. 80об., 91об.).

Первое время ногаи-«казаки» обретались, вероятно, на степных пастбищах, следя за развитием событий разгорающейся смуты в Ногайской Орде. Гази в то время был чрезвычайно легок на подъем и использовал любую возможность, чтобы вторгнуться в Заволжье и сцепиться с Исмаилом (в 1555 г. ему вместе с Юсуфовичами удалось даже временно свергнуть его) или поучаствовать в крымско-ногайских военных интригах вокруг обреченной Астрахани (в том же году он убил ее бывшего хана Ямгурчи) (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 295; Книга 1850: 82; Летописец 1895: 24, 25; ПСРЛ, т. 13, ч. 1: 245; т. 20, 1-я половина: 560).

Позднее буйное «казачество» стало уступать место налаживанию стабильной улусной жизни. Гази сумел договориться с кабардинской знатью о

¹² О событиях, которые происходили в Ногайской Орде в середине XVI в., подробно см.: (Трепавлов 2001, гл. 6, 7).

базировании в горных крепостях, что позволило ему стать практически неуязвимым. «И он стоит в крепостных местах, а надежда ему на черкасы, – сообщал царю в 1562 г. Исмаил. – В крепостях избывает, не дастся взять» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 80об.). Он же писал о попытках Гази наладить торговлю с уже русской Астраханью – правда, пока через посредничество тамошних татар (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 78об., 79).

Под начало Гази стекались мирзы, вытесненные в ходе междоусобиц из родных мест или не желавшие подчиниться Исмаилу. Они двигались на Северный Кавказ в сопровождении сотен подданных, вместе с отарами и табунами. Таких переселенцев становилось все больше. В 1564 г. Урус, нурадин Ногайской Орды, разоренной голодом, эпидемиями и распрями, с горечью отмечал, что «недруг наш Казы умножил, а нас мало» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 7, л. 51).

Рост числа жителей и военного могущества нового Юрта вызвали изменение статуса его лидера. Хронологический рубеж этого изменения может быть восстановлен по одному из донесений московского посла в Крыму А.Нагого. В конце мая 1569 г. тот узнал, что к хану Девлет-Гирею явился газиев посол с информацией о том, что «Тинехмат князь с Казыем *мурзою* не помирились», а мирза Ак б. Юсуф оставил заволжскую Орду и «пришел... х Казыю *мурзе*». Вскоре после этого сам Ак прибыл в Бахчисарай. Хан его обласкал, отпустил обратно на новую родину 15 июня и «велел ему кочевать с Казыем *князем* вместе» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 256, 269). Следовательно, Гази обзавелся бийским рангом.

Нет никаких намеков на то, что к этому был причастен крымский государь. Судя по всему, новое качество глава Казыева улуса приобрел в результате провозглашения его мирзами-соратниками. Может быть, прибытие туда Ака б. Юсуфа и стало той последней каплей, которая привела улусную аристократию к мысли, что новое ногайское владение достаточно многолюдно и сильно, чтобы занять собственного бия. Поскольку посол Гази в конце мая 1569 г. аттестовал своего патрона как мирзу, а прибывший в Крым вслед за ним в середине июня Ак б. Юсуф – как бия, то резонно допустить, что «коронационный» съезд состоялся в первой половине июня 1569 г. С этого времени в Казыевом улусе появляется свой правитель, а сам Улус уже может трактоваться не как полуразбойничье сообщество «казаков», а как стабильная политическая структура – Малая Ногайская Орда.

Очутившись «на поле меж Черкас и Азова», выходцы из-за Волги поневоле оказались субъектами сложных международных отношений. Гази и его окружению пришлось налаживать сложные отношения с Крымом, Турцией, Россией и кавказскими княжествами. В западном Дешт-и Кипчаке второй

половины XVI в. безраздельным гегемоном стало Крымское ханство, и одной из главных задач Гази должно было стать установление контактов с Гиреями.

Но первое время, до конца 1550-х годов, он, очевидно, не испытывал пиетета перед бахчисарайскими династами. Наверняка сказывалась традиционная неприязнь ногаев к крымцам. Еще в 1555 г. Гази поднял свои отряды против астраханского хана, поддерживаемого Девлет-Гиреем.

Однако уже в начале 1560-х годов пошли вести, будто «с крымским царем Казы мирза содиначился», «Казы мирза с крымским царем заодин». А в начале следующего десятилетия стало известно, что «Казыи... с товарищи во всеи царево воле» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 23; ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 187об.; д. 6, л. 7об.). В 1560 г. Гази заключил с Девлет-Гиреем договор, одним из пунктов которого значилось «Казы мирзе... Крыму недружбы никак не дельвати» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 193об.; д. 6, л. 235). По мнению окрестных владетелей, данный союз был прочным и искренним и даже вызывал зависть у Больших Ногаев. Через семь лет их глава Дин-Ахмед просил хана жаловать его так же, как «брата нашего» Гази (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 12, л. 343об.).

В Крымском же юрте само появление новой Орды ногаев считалось заслугой бахчисарайской дипломатии. «А Казыев улус – еще отца моего, Девлет-Киреева царева величества, устроенъе», – писал в 1588 г. хан Гази-Гирей б. Девлет-Гирей (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 192об.–193). По эпической версии, трое сыновей покойного Урака, включая трехлетнего Гази, явились к крымскому хану Адиль-султану и убедили его в своем происхождении от знаменитого ногайского героя. «Мурзы хана стали с того времени относиться к братьям доверчиво, и хан... поклялся всегда защищать их и не мстить за своих предков», убитых некогда в ногайско-крымских столкновениях (Ананьев 1909: 20, 21).

Подтверждением союза стал обмен младшими родственниками как заложниками (залог) дружбы. В таврическую столицу прибыли два газиевых кузена, а к нему были направлены на жительство сыновья Девлет-Гирея Мурад-Гирей и Фатх-Гирей – для того, «чтоб царь был верен ему (Гази. – В.Т.), а он бы был верен и крепок царю» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 62об., 63; д. 14, л. 23; ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 7об., 235)¹³.

А.А. Новосельский расценивал это сотрудничество как «интимную дружественную связь», П.А. Садилов – как «союз полувассального характера»,

¹³ А.А. Новосельский считал, что Гази являлся «как бы аталыком (т.е. дядькой-воспитателем. – В.Т.) царевичей Гиреев, которых он принимал, содержал и воспитывал в своих улусах» (Новосельский 1948а: 16). Относительно воспитания крымских султанов малоногайским биом и его аталычества мне не удалось обнаружить в источниках никаких указаний.

А.П. Григорьев – как фактическое подданство Крыму (Новосельский 1948а: 16; Садиков 1947: 160; Эвлия Челеби 1979: 221 (примеч. А.П. Григорьева)). Указанные определения описывают разные стороны и аспекты крымско-казыевских контактов. Главной же целью последних являлся, видимо, военно-политический альянс против общих врагов – в том числе России и Большой Ногайской Орды. Гази участвовал в кампании Гиреев против Астрахани 1569 г., походах на Москву 1571 и 1572 гг. Одним из пунктов соглашения между ними были как раз совместные действия на севере: «будет... тебе (хану. – В.Т.) Белого царя воевати, ино... перед тобою яз (Гази. – В.Т.) саблею доведу». Девлет-Гирей в ответ обязался: «Князя (т.е. бия Больших Ногаев. – В.Т.) воевать яз тебе рать дам» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 11, 11об.).

Тем не менее нельзя рассматривать отношение казыевцев и их тогдашнего предводителя к крымскому монарху как безграничную преданность и абсолютную солидарность в политических вопросах. Случались и принципиальные расхождения. Например, в апреле 1574 г. Девлет-Гирей узнал, что Гази повоевал его данников-черкесов. Он потребовал от бия вернуть захваченный в походе полон, а самому с войском присоединиться к крымской армии, которая по приказу султана снаряжается в поход на волошского государя. Гази отказал: «Мне... полон как дать? Ведь... полон даром не доставаетца. У меня... людеи многих побили, и мне... люди свои на ком взяти? Полону черкесом не отдам, а сам к тебе не иду». – И не пошел (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 258об.–259).

Встречающееся иногда в литературе утверждение о подданстве Гази османскому падишаху (см., например: Новосельский 1948а: 15; Эвлия Челеби 1979: 221 (примеч. А.П. Григорьева)) не находят убедительного подтверждения в источниках. Стамбульское правительство практически не общалось с Малыми Ногаями, а их контакты с его представителями в Азове активизировались при Гази лишь в конце 1560-х годов, когда Порта начала сколачивать коалицию в преддверии астраханского похода; во время самого похода казыевцы примыкали к турецкой части армии (Записки, 1988: 190; РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 41об.). Кроме того, Азов привлекал их как рынок для приобретения хлеба, импортируемого из Турции (Новосельский 1948б: 212).

Отношения с Московским царством развивались в основном в сторону охлаждения. В первые годы «казачества», еще при Юсуфе, Гази обращался к Ивану IV с просьбой допустить его на жительство в его владения. Ту же просьбу он повторил в 1557 г. Царь не возражал («сколко похочешь, столко у нас живи») (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 14об.–16об.), но, как ясно из последующих событий, до практического воплощения этих намерений дело не дошло. Гази обосновался в Черкесии и стал злейшим врагом Исмаила – союзника Ивана Васильевича. Планы переселения в Россию пришлось оставить. В

начале 1560-х он уже пробовал выпросить из Москвы лишь жалованье. Царь вновь не отказывал, но одновременно сообщал Исмаилу о своем поручении донским казакам «промышляти, как уместно» над казыевцами (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 210об., 214).

Активные действия и неприязнь Гази к Большим Ногаям, а также его угроза «украинам» заставляли правительство настраивать южных воевод «Казыя мурзу всех болши... воевати» – но только до тех пор, пока тот не изъявит твердого желания вступить в мирные отношения с Москвой. Кстати, в руках у кремлевских политиков имелось дополнительное средство воздействия на вождя-«казака»: его сестра была замужем за служилым татарским царевичем Бек-Пуладом б. Шейх-Аулиаром и давно осела в русской столице. Около 1562 г. она в письме к брату уговаривала его склониться к государеву жалованью (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 111, 114об.).

Сближение наметилось, когда в октябре 1563 г. прибыло посольство от Гази, мирз Якшисаата б. Мамая и Ислам-Гази б. Саид-Ахмеда с декларацией о намерении служить великому государю. Русские поставили условие: или переезжайте жить на Русь, или служите нам «в Черкасах» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 230, 230об., 248об.–249об.). И опять ничего не получилось. Впервые, дьяки Посольского приказа посчитали, что обращения к царю составлены ногаями «невежливо»; во-вторых, начались казыевские набеги под Астрахань и угоны скота. Жесткий отказ встретило предложение степных послов выслать к Гази обретавшихся в Москве Юсуфовичей (царь не хотел усиления противников Большой Орды). В 1565 г. было объявлено о полном прекращении посольских связей России с Казыевым улусом (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 7, л. 69, 69об., 76об., 77). К концу 1560-х годов их отношения полностью расстроились, и Малые Ногаи превратились в постоянную угрозу для южного русского пограничья.

При всех попытках заигрывания с Москвой, Бахчисараем и Стамбулом истинной опорой «казаков»-выходцев из-за Волги стали кабардинские княжества. «Казыево пристанище у них» оказалось ядром будущей Малой Ногайской Орды. Исмаил не раз с досадой отмечал неуязвимость Гази под защитой горцев. Выше приводились данные о базировании его в их крепостях. Эти крепости были недоступны для кочевой конницы: «места крепки, без пушек и пищалеи взяти его (Гази. – *В.Т.*) немочно», «и как мы похотим воевать Казы мирзу, и он от нас убегает к черкасом» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 166об., 188об.; д. 6, л. 86). Если союз с Крымом был закреплен обменом почетными заложниками, то альянс с черкесами ознаменовался браком Гази с дочерью князя Пшеапшоки Кайтукина (не позднее 1562 г.) (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 41; ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 91).

Если учесть женитьбу Ивана IV и Дин-Ахмеда б. Исмаила на дочерях главного противника Пшеапшоки – Темрюка Идарова в 1561 г., то становится ясно, что кабардинские княжества распределились по двум коалициям. Политическому объединению Ивана IV, Исмаила и Темрюка противостояла группировка Пшеапшоки, Гази, Девлет-Гирея и султана Сулеймана I. В литературе уже отмечалось, что женитьба малоногайского лидера на «Шепшуковне» позволила втянуть сильное кабардинское объединение в орбиту крымско-османской политики (Кушева, 1963: 236; Попко, 1880: 54). Гази участвовал в войнах князей друг с другом, вместе с отрядами Пшеапшоки планировал удары по Ногайской Орде и по Астрахани (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 258об.; ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 49, 91, 230, 235об.).

В одном из походов против темрюковых кабардинцев Гази б. Урак сложил голову. В начале апреля 1576 г. в Бахчисарае узнали, что «Казыя мурзу убили и з братьею и з детми»; в сентябре того же года и московский царь поделился свежей новостью с правителем Больших Ногаев: «Да вести нам подлинные были, и не одны, что ходил в Черкасы Казыи мурза с азовскими людьми, и в Черкасах его убили» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 34об.; ф. 137, оп. 1, д. 137, л. 366об.).

Постепенно выяснились подробности. Приблизительно в марте 1576 г. Гази вместе с проживавшим у него крымским царевичем Иман-Гиреем напал на владения Темрюка, одолел местных ополченцев и с большим полоном двинулся назад. Ночью темрюковцы, внезапно напав на конских сторожей, отогнали боевых лошадей, а утром обрушились на пеших и потому ослабленных ногаев. Пали в бою Гази, два его брата, несколько сыновей. Иман-Гирей попал в плен. Из разгромленного войска не уцелел ни один человек. Сын Гази Хан, узнав о катастрофе, бежал из Малой Орды в Керчь, «потому что ему жить тамо (в Малой Орде. – *В.Т.*) не о ком». В августе в Крым явился измученный, покрытый ранами Иман-Гирей. Его выпустил на волю один из кабардинских князей Алгазуфа (за что был казнен темрюковцами) (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 40, 40об., 44, 44об.).

Гибель Гази очень опечалила хана Мухаммед-Гирея II: «Толко де на Казые де царьского имени не было, а камена был стена Крымскому юрту и Азову». Репутация погибшего бия была в глазах крымских сановников весьма высока – «а то были у него (хана. – *В.Т.*) на всякой войне первые люди – Казыевы» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 34об., 40об.).

Малые Ногаи в 1580–1590-х годах. Внутренняя история Казыева улуса чрезвычайно слабо отражена в источниках. Лишь незначительные намеки проливают свет на взаимоотношения между различными группировками мирз. Допустим, стремительный уход Хана б. Гази в турецкую крепость свидетельствует о каких-то разногласиях в среде малоногайской знати, отсутст-

вии единства. Пока был жив общепризнанный лидер, аристократы следовали его воле. Но после его смерти влиятельные мангыты начали претендовать на главенство.

Результатом этих разногласий (конфликтов?) стало «вокняжение» Якши-саата б. Мамаю б. Саид-Ахмеда б. Мусы. Впервые он фигурирует в качестве бия, очевидно, в боярском приговоре от 17 октября 1580 г., констатировавшем очередной крымско-казыевский набег на «украины» «сего лета... Казыева улуса с Якшисата князя людми» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 170). Якши-саат являлся бием на протяжении всего десятилетия и умер около 1590 г. А.А. Новосельский заметил, что в конце этого года от лица Малой Ногайской Орды выступает уже Хан б. Якшисаат – вероятно, заменив покойного отца (Новосельский 1948а: 37).

В 1590-х годах бия у Малых Ногаев, скорее всего, не было. В обстановке внешних ударов и внутренних раздоров Орду охватил хаос. Азов, резиденция турецкого наместника и обиталище Хана б. Гази, стал казаться улусникам более надежным местом жительства, нежели открытые для вражеских вторжений степи. Между мирзами и сыном Гази стали налаживаться контакты. Все-таки как бы ни были глубоки противоречия между ними, они уже ощущали себя членами единого, этнически однородного малонogaйского общества и не прочь были объединиться против общего противника. Об этом писал в Москву в 1580-х годах (грамота не датирована) мирза Больших Ногаев Хан б. Урус, призывая царя не надеяться на союз с Якшисаатом против Хана б. Гази: «...У тех у обеих улусы с одново, и дума у них одна, они оба племя одно» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 4, д. 1).

Спасаясь от опустошительных нашествий Больших Ногаев, все больше казыевских улусов отходили к Азову и далее на запад, в крымские владения за Дон. Их набеги на Русь и Украину прекратились (из-за походов Уруса и его детей «Казыева улуса мурзам до себя стало», а не до внешних кампаний). Не оставлял их в покое и преемник Уруса Ураз-Мухаммед-бий. В 1594 г. Хан б. Гази признавался крымскому хану, что живет в Азове, страшась «Урмамента князя... чтомышь в гнезде» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 197об.; д. 20, л. 8; д. 21, л. 233об.; Статейный, 1892: 90). Таким образом, казыевцы отодвинулись на запад, и летописец в Москве с удовлетворением отметил, что «Казыев улус мало не до конца запусте» (Новый, 1853: 52).

Главной причиной этого был конфликт между двумя Ордами ногаев. Напряженность в отношениях между ними во второй половине XVI в. все нарастала. Из-за Волги то и дело переходили в Казыев улус мирзы со своими подданными. Разместившись в предкавказских степях, они вместе с местными мирзами, начинали нападения на кабардинцев, русское пограничье и кочевников, подчинявшихся бию Урусу. Урус в своем тогдашнем противостоянии

с Россией до поры до времени не желал ввязываться в ссору с соплеменниками. Однако в конце 1580-х годов он восстановил дружественные отношения с Москвой, и на юго-западе теперь у него были развязаны руки.

Повод для межногайской войны нашелся быстро. Нурадин Саид-Ахмед б. Мухаммед, перебравшись на Крымскую сторону, стал кочевать вместе с казыевцами. Во время какого-то конфликта в 1588 г. он был ими убит. После (и по причине?) этого огромная кавалерия Большой Орды обрушилась на их стойбища. Малые Ногаи потерпели сокрушительное поражение; бий Якшисаат даже попал в плен, но был вскоре отпущен на свободу. Собравшись с силами, казыевцы нанесли ответный удар и убили Уруса. Вслед за этим «мурзы дальние заволжских нагаи» во главе с новым правителем Ураз-Мухаммедом опять вторглись на Северный Кавказ. Казыев улус оказался полностью разгромлен, а Якшисаата, очевидно, во время этого нашествия убили (об этих событиях (см.: Новосельский 1948а: 37; ПСРЛ, т. 40: 233; РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 42–43; Статейный 1892: 77, 79)).

Взаимное истребление высших иерархов превратило политическое соперничество Орд в кровную вражду. И хотя в 1590-х годах наметилось некоторое потепление (Ураз-Мухаммед даже выдал дочь за одного из самых почитаемых казыевских мирз Саина б. Мамай, Якшисаатова брата (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 18, л. 3–5)), но до искоренения вражды было далеко. Характеристика взаимоотношений приведена в наказе московскому послу в Стамбул в октябре 1593 г.: «Заволжским нагаем война с Казыевым улусом из давних лет, и кровь промеж их прошла по их недружбе, а не по государя нашего повеленью» (РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 231об.–232).

Крымский фактор был не очень заметен в политике Малых Ногаев того времени. Собственно, крымцам было не до степных соседей, поскольку в ханстве разгорелась династическая распря. Первоначально новый хан Ислам-Гирей заподозрил казыевцев во враждебных намерениях; к тому же в их кочевьях укрылись его противники – Арсланай Дивеев со товарищи. Еще в начале 1586 г. хан вел переговоры с бием Урусом об ударе по ним с двух сторон, а послов Якшисаата принимал у себя без должного почета, в отличие от урусовых (РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1589 г., д. 1, л. 7, 8).

Но уже к середине года стало известно о кардинальных переменах. Нуждаясь в военной поддержке, Ислам-Гирей решил помириться с восточными соседями. Между ним и Якшисаатом была заключена шерть¹⁴, несмотря на то, что последний отказался выдать в Бахчисарай мятежного Арсланая. Глава Малой Орды тоже рассудил, что при угрозе из-за Волги будет разумным дер-

¹⁴ *Шерть* (*шарт-наме*) – договор между двумя государями; как правило, с определением взаимных обязательств.

жаться поближе к Крыму. Вскоре после этого разнеслись вести, будто «крымские люди с Яхшисаатем князем зиму и лето с ними ходят» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 73об.; ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 13, л. 67, 86, 87).

Следующий крымский хан Гази-Гирей решил настоять на возвращении дивеевых улусов в свое государство. Малые Ногаи просили обождать, пока не уменьшится угроза со стороны заволжских степняков. Хану такой ответ «учинился в досаде». Он собрал всю свою армию и переправился на восточный берег Дона. Перепуганные мирзы тут же смирились и выполнили все требования. Довольный Гази-Гирей разрешил им кочевать на прежних местах, взяв на себя, таким образом, функцию распределения пастбищ, т.е. роль старшего государя. Свое войско он стал исчислять теперь «болши ста тысяч» – с учетом казыевских улусов, считая их своими подданными. «А Казыев улус – еще отца моего... Девлеть Киреева царева величества устроенье. И мы, их прежнюю службу отцу своему помня, их пожаловали, велели им под Азовом кочевати» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 190–193). Хотя ногаям не нашлось покоя и под Азовом (на них напали донцы и даже пленили дочь Якшисаата), их предводитель не желал поступаться независимостью: «Я... к турецкому и к крымскому не пристану», одновременно обещая крымцам всяческую поддержку в войнах (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 10, л. 10; Сухо-руков, 1903: 48).

Поражения в боях с Урусом и Ураз-Мухаммедом заставили казыевских мирз стать более покладистыми. В декабре 1590 г. знатнейшие из них – Хан б. Гази и Баран-Гази б. Саид-Ахмед вновь шертовали Гази-Гирею и согласились кочевать в крымских улусах Дивеевых (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 340об., д. 19, л. 107об.). Тем не менее и на этот раз Бахчисараю не удалось добиться от них полного подчинения. В ноябре 1593 г. глава крымской делегации на посольском размене в Ливнах Ахмед-паша Сулешев заявил, что имеет полномочия шертовать о ненападении на Русь «за весь Крым и за Арсланав за весь улус Дивеева, *опричь Азова и Казыева улуса*», поскольку Азов, мол, – это османское владение, «а Казыев улус качуют себе, и Казы Гирей царь ими не владеет же» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 49об.–51). И все же отметим, что до конца царствования Гази-Гирея Малые Ногаи сохраняли лояльность к нему и участвовали в крымских походах на запад и север.

Решающий перелом в крымско-казыевских отношениях при хане Ислам-Гирее II был вызван вмешательством Порты. В 1584 г. султан принял посольство от Якшисаата, которое объявило о желании бия стать подданным падишаха, и направил обратно приказ поддержать Ислам-Гирея и помогать ему (Bennigsen, Lemercier-Quelquejau 1973: 480–483). В Стамбуле сочли возможным считать Малую Ногайскую Орду вассальным владением османов, и русскому послу в 1586 г. турки объявили, что «Казыев улус и азовские татарове

(т.е. улусы Хана б. Гази. – *В.Т.*), и белгородцы – в государя нашего воле»; они, дескать, не ходят воевать без его дозволения, а послушников султан «велит, сыскивая, казнить» (РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 426). На самом же деле мирзы были далеки от мысли превращаться в османских вассалов. Они рассчитывали на помощь и заступничество мусульманского владыки, но не на его господство над собой. Выше приводилась фраза Якшисаата, сказанная в том же 1586 г.: «Я... к турецкому и х крымскому не пристану».

Фиктивность альянса с Портой выявилась уже через два года, когда бояре в Москве рассказали персидским послам о новостях на южных границах (май 1588 г.): «А про Нагаи про Казыев улус, про Якшисата князя, про своих голдовников весть к салтану турецкому учинилась, что они все от него отложились под нашу царскую руку и пришли к Асторохани ко городу... и к Терке реке, а от Озова отошли» (Памятники 1890: 138).

Обращение в сторону России тоже оказалось тактическим маневром или шагом отчаяния. Малые Ногаи более всего желали сберечь свой Юрт и зывали о поддержке ко всем окрестным монархам. Россия в этом ряду являлась далеко не главным адресатом. Русские помнили частые разорительные набеги на порубежье и не видели в казыевцах надежных внешнеполитических партнеров. Последние интересовали Кремль лишь как постоянная опасность для границ. Поэтому усилия московской дипломатии были направлены не на поддержку Малой Орды, а напротив – на ее раскол, ослабление, снижение военного потенциала.

Успех подобной политики наметился во второй половине 1580-х годов. В то время как бий Якшисаат вел интриги с Бахчисараем и апеллировал к султану, могущественные мирзы его Юрта во главе с Баран-Гази, а также крымский Арсланай Дивеев, заключили с русскими шарт-наме о ненападении и о готовности кочевать под Астраханью под надзором воевод. Соглашение организовал крымский царевич-эмигрант Мурад-Гирей, присланный царем Федором Ивановичем на Нижнюю Волгу. В его задачу входило, кроме прочего, готовить большой поход на Якшисаата вместе с бием Урусом, темрюковыми кабардинцами и теми мирзами, которых удастся отколоть от Малой Орды. Тогда и состоялось первое победоносное нашествие Больших Ногаев и их союзников на Казыев улус. Это привело к шертованию еще нескольких малоногайских мирз (Памятники 1890: 268; РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1587 г., д. 1, л. 9; ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 2, л. 12, 13; д. 13, л. 2, 11). Но одновременно притеснения от воевод и – главное – агрессивность заволжских кочевых предво-

дителей напугали казыевцев, и большинство их, фактически разорвав шерть, откочевало обратно на запад¹⁵.

В 1594 г. Баран-Гази возглавил набег восьмимысячного войска на Шацкий острог (Разрядная, 1989: 76). Когда вскоре он вновь завел разговор о переселении к Астрахани, русские уже реагировали настороженно. На всякий случай правительство велело воеводам держать наготове конницу Урусовых и своих стрельцов, чтобы отбить очередное коварное нападение (РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 1, ч. 2, л. 34об., 35об., 36об.).

Связи Малой Ногайской Орды с горцами Северного Кавказа в 1580–1590-х годах оказались слабее, чем в предыдущем двадцатилетии. Темрюк Идаров одолел наконец своего старого врага Пшеапшоку, союзника Гази. Малые Ногаи продолжали контакты с кабардинцами, но решающее значение на Северном Кавказе стали приобретать дагестанские владетели-шамхалы. Терский воевода доносил в 1589 г., что Малые Ногаи теперь находят более выгодным общаться с Дагестаном, наладив обменную торговлю с кумыками (Кабардино-русские 1957: 59). Для кабардинских же князей сотрудничество с ногайским Юртом в Предкавказье постепенно утрачивало политическую актуальность. Тем более что кочевые улусы под ударами Уруса и Ураз-Мухаммеда удалялись все дальше от гор, на северо-запад. Астраханские власти пытались убедить черкесов участвовать в совместных походах на казыевцев, последние стремились замирились с Кабардой (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 13, л. 2, 67), но значительная удаленность уже не позволяла поддерживать оживленные военно-политические связи.

Малые Ногаи в 1600–1610-х годах. В сентябре 1600 г. впервые упоминается новый малоногайский бий – старший сын Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила Баран-Гази (см.: (Памятники 1892: 49)). О деталях его «вокняжения» (как и его предшественника Якшисаата) ничего не известно. Однако ясно, что объем власти у очередного лидера был несравним ни с предводителем Большой Ногайской Орды, ни с авторитетным Гази б. Ураком. В ходе сражений с большеногайской кавалерией, отступления на северо-запад и метаний по степям среди Малых Ногаев оформились три основные группировки мирз, три главных клана: Ураковы, т.е. потомки и родичи основателя Малой Орды; Мамаевы, т.е. потомки и родичи Якшисаата; Шейдяковы, т.е. родственники самого Баран-Гази. Каждая из этих группировок была многолюдной и скрепленной кровными узами. В условиях политических катаклизмов такие узы казались кочевникам более надежным средством сплочения по сравнению с

¹⁵ Эту причину ухода Малых Ногаев от Астрахани назвал в 1628 г. казыевский мирза Али Ураков: «И при Урусе князе так же мы (с астраханцами. – В.Т.) в миру были и аманаты давали. И после того нагаицом нас велели повоевать. И ныне б так не учинити» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г. д. 2, л. 296–297).

политическими интересами. Мирзы, не принадлежавшие к данным бийским родам (Юсуповы, Кошумовы, Шигимовы...), старались примкнуть к одной из этих трех ведущих сил.

Баран-Гази опирался, разумеется, на собственный клан Шейдяковых. Он пытался упрочить свою власть, добиваясь покорности от прочих мирз. Вознамерившись в очередной раз договориться с московским царем, он, по словам его послов в Астрахани в ноябре 1604 г., ручался только за свое «родство», но обещал также привести к шерти потомков Урака и Мамая. А если-де те откажутся, то бий с Шейдяковыми начнет против них войну (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 140, 141).

При таких отношениях раскол был неминуем. И действительно, вскоре пришли вести, что у Малых Ногаев разразилась «рознь великая». За какую-то провинность бий велел казнить одного из мирз (Акты 1918: 89, 90, 112, 113). Развитие этого конфликта неизвестно, так как состояние ослабленных и раздробленных казыевцев в то время интересовало кремлевских политиков мало и, главным образом, в связи с делами Большой Орды.

В 1610-х годах бий Иштерек разорвал отношения с Москвой, перебрался на Крымскую сторону и стал кочевать вместе с Малыми Ногаями. При всей своей бедности и политической слабости Иштерек обладал неоспоримо более высоким рангом перед прочими мангытами. Это признавал и бий Баран-Гази. Документы 1613–1614 гг. показывают, что знать Больших Ногаев на новых землях обладала статусным преимуществом. Фактически Иштерек стал правителем обеих Орд. – «У обеих улусов – у всех Болших Нагаи и у Казыева улуса – один Иштерек князь»; «а Казыев улус, Барангазы князь – с Иштереком же, а владеют ими Иштерек и мурзы и татаровя так, что холопи своими» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1613, д. 4, л. 14–15; д. 5, л. 240). Подобное поведение заволжских переселенцев тяготило казыевцев. До Астрахани стали доноситься слухи, будто Баран-Гази с Иштереком «не в миру» и отказывается участвовать в его военных авантюрах против России (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 1, л. 18). Наконец произошел естественный разрыв. В начале 1615 г. наблюдатели уже отмечали, что «Казыев... улус кочюет себе опроче Иштерека князя, а ныне... с казыевцы иштерековых нагаи нет никого» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 1, л. 13).

Кратковременное правление Иштерека на Крымской стороне показало ничтожество власти казыевского бия. Все малонагайские мирзы обращались в Москву уже только от своего имени, минуя своего номинального лидера. При этом подчеркивалось равноправие их кланов: «И нас три родства, и все бы нас тебе (царю Михаилу Федоровичу. – В.Т.) жаловать ровно: Шеидякова родства болшеи Касаи мурза; другова, Мамаева, родства болшеи – Аиса мурза боготур; третьева родства, Уракова родства, – Карашаи м(урза)» (РГАДА,

ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 50)¹⁶. Мирзы подчеркивали, что владения Касима (Касая) и Ураковых наиболее «мурзами и улусами своими силны, те родства улусы своими могут добро и худо» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 52–53). Различные информаторы тоже доносили о Касиме и Али б. Хорошае как о самых сильных и влиятельных в Малой Орде, и из Москвы шли грамоты, адресованные «Барангазыю князю да Касаю мурзе, да Алею мурзе з братьею и з детми, и с племянники».

Сам Касим б. Ислам фактически возглавил клан своего деда Саид-Ахмеда, оттеснив бия, и хвастался: «А над старыми и над молодыми мурзами болшеи я, Касаи мурза, и в людех болшеи я, и владею всеми я!» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1613 г., д. 4, л. 15; 1615 г., д. 5, л. 3; д. 6, л. 48). Вожди трех «родств» самостоятельно сносились и с Бахчисараем, и с Терками, а аналогичные инициативы Баран-Гази отвергали. Когда они захотели было воевать Больших Ногаев, бий попробовал возразить и воспрепятствовать, после чего Ураковы и Мамаевы вступили с ним в «недружбу и рознь» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1617 г., д. 1, л. 14, 16; 1619 г., д. 2, л. 242, 243; 1620 г., д. 1, л. 80). Казыевскую аристократию перестал устраивать бездарный и безвольный правитель, и, наряду с третируванием его, она подумывала о другой кандидатуре на его место; в частности, существовали планы пригласить из-за Волги на «княжение» воинственного Джан-Арслана б. Уруса (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 7, л. 22).

Все эти неурядицы происходили на фоне углублявшегося экономического кризиса. Постоянные войны полностью расстроили кочевое хозяйство. «А у нас запасов нет, и лошади либивы (т.е. измождены. – В.Т.), и нам долго терпети не уметь», – жаловались казыевцы царю. «А Казыева улуса мурзы – люди бедные, наги и голодни; тем добываютьца и кормятца, что в воину ходят», – вторил их гонец в Астрахани. Мирзы просили московского государя позволить им обосноваться на Дону, где у них постепенно формировалось зимовье. Оно подвергалось постоянным нападениям казаков, которых ногаи слезно упрашивали «свести» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 46, 52).

К началу 1620-х годов уже можно явно определить автономное существование улуса Касима. Туда едет Баран-Гази «для мирного договору» с Касимом; «Касаев улус Казыевых детеи» упоминает Иштерек при описании своих поисков некоего пропавшего ногайца (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 2, л. 1; 1620 г., д. 1, л. 79, 80). В мае 1622 г. астраханским воеводам рапортовал стрелец о планах донцов идти на Казыев улус – «а на которой... Казыев улус, того... он не ведает» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 5). Улусов в Малой Орде действительно стало несколько.

¹⁶ В другой грамоте главы родов перечислены другие и по-иному: Касим (Касай) Шейдяков, Али б. Хорошай Мамаев (надо: Ураков) и Айса б. Мухаммед Ураков (надо: Мамаев) (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 7, л. 1).

Коллизии отношений с Большими Ногаями прошли несколько стадий. Поначалу Иштерек после своего «вокняжения» в 1600 г. был настроен резко против всяких контактов. Тем более что его главный антагонист Джан-Арслан б. Урус сумел найти общий язык с казыевцами. Во время обсуждения политики по отношению к ним в астраханской воеводской канцелярии в ноябре 1604 г. Джан-Арслан выступал за мирные переговоры, а бий – исключительно за военные действия, обосновывая это вероломством врагов. Он рассказывал о коварстве и безжалостности Баран-Гази, который поссорился с русскими, не пощадив собственного сына-заложника (аманата), обманул Иштерека в своих якобы пророссийских настроениях, когда тот в конце 1590-х годов приезжал в Малую Орду, а затем забрасывал его предложения переметнуться к Крыму. Глава Больших Ногаев делал однозначный вывод: переговоры с Малыми Ногаями бесполезны из-за ненадежности их; единственный способ воздействия – двинуть на них царскую рать «с вогненным боем... хотя с 500 человек» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 133–150; Акты 1918: 122–128).

Однако судьба распорядилась так, что Иштереку пришлось не только изменить отношение к северокавказскому Юрту, но и искать там пристанище во время откочевки на Крымскую сторону в 1614 г. Как уже говорилось выше, он обрел там поначалу всеобщие почитание и послушание, но уже через год вынужден был оставить Казыев улус. Вероятно, это произошло без открытой ссоры, так как в дальнейшем Иштерек сосватал дочь за мирзу Аллакуввата б. Азамата Уракова (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 9) и убедил мирз присоединиться к его просьбам освободить из астраханского заклада его родичей. Айса Мамаев, в частности, написал подобное прошение к царю, объяснив это тем, что «Иштерек князь нам, Казыеву улусу, силен» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 3, 4).

Москва отказала наотрез. Только что возобновился выгодный для нее разрыв между Большими и Малыми Ногаями после их опасного союза – и вот опять появились признаки солидарности Орд. Тем более что гонцы доносили, что Орды теперь «меж себя... мирны» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 3, л. 9–10). Послам из Казыева улуса и эмиссарам, направляемым туда, внушали в Посольском приказе мысль: «Иштерек князь и все мурзы Болших Нагаи вам недруги давные, а вы от них говорите!»; к тому же в Москве, дескать, находится сейчас иштереков посол с предложением совместного нападения на Малую Орду (это было правдой: бий решил вернуться под царское покровительство и планировал делом доказать свою преданность государю – наказать разорителей «украин»). В ставку же Иштерека дали знать, что казыевцы просят у Михаила Федоровича войско против него (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 7, 23; д. 6, л. 20; 1616 г., д. 2, л. 10; 1617 г., д. 3, л. 10).

Таким образом, Кремль использовал любые средства для внесения раскола в единый ногайский фронт. И в августе 1616 г. в русской столице с удовлетворением узнали, что «Барангазы князь с Ыштереком князем не в миру», что лидер Казыева улуса отказался от совместного в Большими Ногаями похода на «украины» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 1, л. 18).

Характер контактов Малых Ногаев с Москвой определялся динамикой ее отношений с ногаями заволжскими и с Крымом. В начале XVII в. казыевцы уже не расценивались русским правительством как значительная политическая сила. Те со своей стороны опасались угодить в сферу российской гегемонии, и неоднократные их декларации о подчинении великому государю носили тактический, конъюнктурный характер. Даже заключение шертных соглашений и выдача аманатов в Астрахань и Терки¹⁷ оказывались малодейственными для сохранения лояльности малоногайских мирз к России.

Судя по всему, такая политика казыевцев была попыткой сохранить самостоятельность в окружении могущественных соседей. Они пытались не ссориться ни с кем и никому не подчиняться. Единственной насущной необходимостью было добиться от Москвы освобождения Дона от казаков, но эта цель была абсолютно иллюзорной. Прочного мира с Россией добиться не удавалось и из-за регулярных набегов на южнорусские провинции. Кремль, со своей стороны, считал непрямым удерживать Малых Ногаев посредством шертных обязательств от вторжений, и к этой цели, собственно, сводилась русская дипломатия по отношению к ним. Удавалось это довольно редко, и параллельно правительство то и дело организовывало походы горцев и заволжских ногаев на Казыев улус.

Лишь в конце 1610-х годов почти все мангытские аристократы Малой Орды проявили удивительную солидарность, поклявшись в шарт-наме не воевать с Россией. Этот шаг был вызван конфликтом с Бахчисараем, и посольские дьяки понимали его вынужденность: «Казыева улуса Барангазы князь и мурзы все... под великих государей наших рукою в их государском повеленье; толко на своей правде мало стоят, потому что отдаленно живут, близко Азова – турскова города. И коли им бывает теснота от турецкого, и они туда передаютца... И ныне с турецким и с крымским ссорились, с крымским Шагин Гиреем царевичем. И крымской царь посылал на них брата своего калгу Девлет Гирея царевича с ратными людми, и в Казыеве улусе Касай мурзу и иных мурз воевал и разорил. И они, видя себе от крымского царя ра-

¹⁷ Впервые казыевские мирзы угодили в заложники, очевидно, в самом начале 1590-х годов. Басай, Бай, Али, Сулеш и Ваккас Шейдяковы, Айса Мамаев и Хаджике Юсупов «взяты были... саблюю, как Уруса князя убили» (1590 г.) и помещены на астраханский Закладной двор (Акты 1918: 122; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1603 г., д. 3, л. 133).

зоренье, прибежали под царского величества отчину под Астарахань, а иные под Терек, и били челом царского величества... воеводам, чтоб царского величества воеводы... от крымского остерегали и закл(ады дали?) в Астарахань и в Терской город» (наказ послу в Бухару в июне 1620 г.) (Сборник 1879: 436–437).

Тогда же, в феврале 1620 г., к терскому воеводе Н.Д. Вельяминову прибыл посол из Шемахи, который подтвердил, что крымский хан собирается идти на казыевцев в отместку за их дружбу с Шахин-Гиреем, «хочет Малой Ногай разорить весь», отчего «Малый Ногай» и шертовал московскому царю (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 252, 255).

У крымского монарха в самом деле были причины затаить злобу на мирз. – В малонагайских кочевьях нашел приют царевич-эмигрант Шахин-Гирей, считавший себя обойденным в престолонаследии. Он сумел убедить предводителей главных кланов тоже занять антикрымскую и антиосманскую позицию, ссылаясь на свои связи с иранским шахом Аббасом. Однажды казыевская армия по наущению этого авантюриста даже погромила турецко-крымскую рать Сайдар-паши (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 1, л. 55, 56).

В Бахчисарае и Москве пристально следили за этим странным альянсом. Посольский приказ предписывал терскому воеводе удерживать Шахин-Гирея от опрометчивых поступков, которые могли бы повредить русско-иранским отношениям; «а будет Шангирей царевич с Меншими Нагаи поссоритца и бои учинит, и ты б им битца не мешал» – равно как надлежит препятствовать и его ссылкам с Большой Ногайской Ордой, поскольку «нашему делу прибылее, чтоб Большие Нагаи с Меншими Нагаи были в розни, а не в миру» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 1, л. 60–62).

Крымский же двор не ограничивался перепиской; для него интриги Шахин-Гирея были гораздо актуальнее. Весной 1619 г. хан Джанибек-Гирей послал свою армию на Кавказ. Царевич сразу уехал в шамхальство («в Кумыки»), а казыевцы подверглись жестокому разгрому. «И от тое от великие воины Касаи мурза с невеликими людьми побежал под горы» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 1, л. 241, 245, 246; 1620 г., д. 1, л. 77, 78). Это поражение имело следствиями, во-первых, решение искать (временного!) покровительства у России; во-вторых, «рознь» между Баран-Гази и ведущими мирзами, о чем мы уже рассказывали. Вскоре после описанных событий в руки русских властей случайно попала грамота Джанибек-Гирея к Касиму, в которой хан убеждал мирзу помириться с Крымом и воевать с Шахин-Гиреем, укрывшимся у кумыков (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 239)¹⁸.

¹⁸ Перехваченную грамоту ханские гонцы везли к бию Большой Ногайской Орды Канаю. Когда в Астрахани ее вскрыли, оказалось, что бахчисарайская канцелярия пе-

Отношения Малых Ногаев с турецкими властями в первом двадцатилетии XVII в. стали намного теснее. Передвинувшись под ударами Больших Ногаев к турецкому Азову, они были вынуждены добиваться у его наместника разрешения кочевать в окрестностях крепости и приезжать на азовские базары. Естественно, с османской стороны последовало требование гарантий верности падишаху. Такие заверения, судя по всему, были даны, и в Юрт пошло соответствующее вознаграждение из Стамбула. В декабре 1614 г. эти обстоятельства вспоминали составители наказа для русского посла в Речь Посполиту: во время русской Смуты Баран-Гази и его соотечественники «потстали были от Московского государства и пристали были к турецкому салтану, и у турецкого алафу (т.е. жалованье. – В.Т.) имали». С воцарением же Михаила Романова они «от турецкого отстали» и прислали в Москву поздравления новому монарху, заявив о своей готовности находиться под его рукой (Памятники 1913: 529, 530). Свое кратковременное пребывание под эгидой султана Айса Мамаева трактовал как дело прошлого уже весной 1615 г.: «Крестьянских великих государей Бог создал, и мусулманского турецкого царя не Бог же ли создал? А мы турецкого царя не холопы ли были?» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 1).

Тем не менее намерение дружить с новым московским самодержцем не означало разрыва с Портой. Глава мира ислама при любых обстоятельствах оставался в глазах ногаев самым высокопоставленным государем, да и Азов слишком много значил для ослабленной экономики Малой Орды. Мирзы объявляли о своей решимости направить клинки на любого недруга Михаила Федоровича, в том числе и на крымского хана, – «кроме турецкого царя, а мы холопы турецкого царя» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 7). Холопство в данном случае означало не подданство, а преклонение перед авторитетом и номинальную готовность следовать указаниям султана.

Отношения Малой Ногайской Орды с горцами, по сравнению с предыдущим десятилетием, еще более ослабли. В документах 1600–1610-х годов сохранились единичные упоминания о том, например, что сын Касимова аталыка-воспитателя находится в заложниках у какого-то кабардинского князя (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 5, л. 18). В начале 1615 г., когда казыевские отряды в очередной раз двинулись на Русь и уже стояли на Оке под Серпуховом, на их обезлюдевшие, незащитные становища напали «черкасы» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 3, л. 10) – видимо, по наущению южных воевод, постоянно отслеживавших агрессивные поползновения мирз.

репутала адресатов, и за Волгу было послано письмо, предназначенное для «Касая» (Касима), а не для Каная.

Малые Ногаи в 1620–1630-х годах. В источниках, отразивших события третьего десятилетия XVII в., имя бия Баран-Гази уже не встречается. Место главы Малой Орды занял его племянник Касим б. Ислам б. Саид-Ахмед (т.е. Шейдяков). Сам он в грамоте от 24 сентября 1636 г. датировал свое «вокняжение» приблизительно 1621 г., а принятие под управление отцовских улусов – 1616 г. («учинился я... на государстве тому лет с пятнатцать и з дватцать лет») (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 108). В материалах Посольского приказа за 1620-е годы. Касим впервые назван не мирзой, а князем в конце 1625 г. (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1625 г., д. 1, л. 53). Под его началом формально находились три ведущих клана – Ураковы, Мамаевы и Шейдяковы. Но в реальности новый бий, как и его предшественник, имел в распоряжении только улусы последних. Прочие же два рода держались независимо, и уже едва ли было возможно вернуть их под власть общего правителя. В начале 1620-х годов Ураковы и Мамаевы кочевали вместе, поодаль от улусов Касима и его родичей; астраханские воеводы сообщали, что с Касимом они «в недружбе» (Акты 1890: 211; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 6, 7, 10; 1627 г., д. 1, л. 425, 426; 1628 г., д. 2, л. 58).

Но угроза набегов донцов и Больших Ногаев, которых становилось все больше на Крымской стороне Волги, а также сложные отношения с Гиреями заставляли казыевцев иногда объединять улусы. Время от времени создавалось впечатление, будто они пребывают «в дружбе и в совете», поскольку кочуют вместе. Но более внимательное знакомство с ситуацией приводило информаторов к выводу, что между тремя родами «дружбы нет, а воины нет же». Касим помнил свои прежние распри с Ураковыми и Мамаевыми («ему те мурзы старые недруги») и не прочь был внезапно расправиться с ними. Тем более что он был «улусными людми... Уракова и Мамаева родства сильнее и люднее». А те, в свою очередь, не доверяли своему бию и ссылались с Астраханью, «утаясь от Касая князя» и отказываясь посвящать его в подробности переписки с воеводами (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 12; 1627 г., д. 1, л. 265).

В каждом «родстве» выделялись, если следовать формулировкам той эпохи, «лучшие», «средние», «молодые» и безулусные мирзы. При этом формального разделения Юрта не существовало, но уже образовались «половины» или «стороны», т.е. группировки аристократов, возглавляемых признанным лидером (например, «Кармыш мурзина сторона» внутри «половины» Шейдяковых). В «Шейдяковом родстве» предводительствовали бий Касим, его дети и Кармыш б. Баран-Гази; в Ураковом – Али б. Хорошай с братьями; в Мамаевом – Бий б. Ахмед с сыновьями (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 2, л. 34–36; 1628 г., д. 2, л. 67–69).

Конец 1620-х годов был ознаменован решительным разрывом Али Уракова со своей Ордой. Улусы Ураковых (более трех тысяч человек) переправи-

лись через Дон и пошли к Азову. Бий Мамаев решил сперва, напротив, сблизиться с бием, но затем присоединился к Али. «Я с Касаем князем в недружбе стал, а с Казыевым улусом розстался», – делился новостями с царем Михаилом Федоровичем вождь Ураковых, отмечая при этом также свою «недружбу» с крымским ханом и с запорожцами. О том же писал и Бий Мамаев. Дружным отказом встретили они призыв бия выступить совместно против польско-литовского короля по призыву Джанибек-Гирея. Судя по всему, «лучшие мирзы» решили добиться полной независимости, так как отвергали подданство кому бы то ни было и лишь заявляли о своей номинальной верности шертным обязательствам, данным далекой Москве (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 3, л. 68; 1628 г., 2, л. 298; 1629 г., д. 1, л. 85, 313, 314; 1630 г., д. 1, л. 56–68, 74). Правда, в 1632 г. вновь отмечен эпизод совместного кочевания Али и Бия с Касимом (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1632 г., д. 1, л. 347), но это было не более чем очередным конъюнктурным и неискренним соединением улусов в условиях горских набегов и угрозы крымского нашествия из-за поддержки Малыми Ногаями Шахин-Гирея.

Попытки Касима собрать родичей на примирительный съезд не достигли цели. Многие влиятельные вельможи, и прежде всего предводители кланов, не захотели участвовать в нем, игнорируя уговоры бия (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1632 г., д. 1, л. 143, 144, 157, 158).

В 1636 г. Ураковы и Мамаевы двинулись в Крымский юрт, предпочтя наконец опасному автономному существованию в прикубанских и приазовских степях подданство хану. «Лучшие мирзы» заключили с Джанибек-Гиреем шарт-наме (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 109; д. 2, л. 25; 1638 г., д. 4, л. 27). Следовательно, к концу 1630-х годов четко определились две группы Малых Ногаев, разделенных территориально и политически, или две «половины» – Касаева и Урак-Мамаева («Урак Мамаева половина» или просто «Уракова», «Урак Мамаево родство», «Урак Мамай мурзины дети») (см., например: Кабардино-русские 1957: 237, 264; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1637 г., д. 1, л. 6; 1638 г. д. 1, л. 65; 1639 г., д. 1, л. 103, 126)).

Большие Ногаи уже не могли воспользоваться расколом среди давних противников, потому что сами вступили в стадию полного хаоса. Многие их мирзы не изменили враждебного отношения к казыевцам, но не имели сил ни отбивать их налеты, ни предпринимать ответные атаки. Лишь вместе с русскими ратями отваживались они выступать против Малой Орды. Правительство в 1633 г. организовало поход против нее за нападения на «украины» и на кочевья союзных Больших Ногаев. После того, как основная масса заволжских номадов в конце 1633 – начале 1634 гг. перебралась на Крымскую сторону и рассеялась по причерноморским степям, началось смешение ногаев обоих ногайских Юртов. Взаимная агрессивность их по отношению друг к

другу исчезла. Бий Касим заявлял о своем желании кочевать вместе с кековатом¹⁹ Джан-Мухаммедом, потому что «вера наша одна, и житье наше кочевное» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 2, л. 27)²⁰.

За всеми этими перипетиями тщательно следили из Бахчисарая. На вторую половину 1620-х годов приходится очередное обострение династических раздоров среди Гиреев. Хан Мухаммед-Гирей III в 1625 г. выступил в поход на иранский Дагестан. Вместе с крымской армией отправилась конница малоногайского бия Касима под командованием его сына, а также улусники Али Уракова, который уже несколько лет жил в Крыму. Шахин-Гирей, переждав эту войну во владениях шамхала, решил прекратить скитания и вернуться на родину, а хан, узнав об этом, обещал сделать его наследником-калгой. Перед своим уходом с Кавказа Мухаммед-Гирей обмолвился, что неплохо было бы поставить на Куме форпост с гарнизоном. За эту идею ухватился Касим, намеревавшийся использовать будущую крепость для укрытия от вторжений воевод и горцев. О том же он просил и Шахин-Гирея, который уже утвердился в планах отъезда в Крым. Если же, дескать, с возведением городка ничего не получится, то бий просил царевича взять его с собой в Крым со всеми улусами (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1625 г., д. 1, л. 4, 8; 1626 г., 1, л. 77).

Узнав о примирении хана с мятежным царевичем, казыевские мирзы уже не гнушались подчиняться приказам последнего – в частности, снаряжать набеги на Русь по его повелению (Акты 1890: 203). Малейший знак внимания от таврического двора теперь чрезвычайно ценился ими. Например, в апреле 1627 г. Касим нехотя (хотя и «чесно» приняв) вел переговоры с астраханским гонцом, откладывая решение поднятых тем вопросов до съезда всех мирз. Но как только из Крыма донеслись вести о выступлении Мухаммед-Гирея на «бесленевских черкас», он сразу снялся с места и со всеми подданными двинулся на соединение с крымской армией, проявив неожиданную расторопность и активность (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 103–107).

¹⁹ Кековат – правитель ногайских кочевий в Казахстане и глава левого крыла ополчения. Во времени описываемых событий эта должность существовала уже только формально.

²⁰ Осознание общности и родства между Большими и Малыми Ногаями никогда не забывалось, но начиная с 1550-х годов почти всегда было омрачено политическими разногласиями. Лишь распад Ногайской Орды привел население обоих ногайских Юртов к стихийному смешиванию улусов и маршрутов кочевий, к некоему подобию единства ногаев. В 1626 г. астраханские воеводы докладывали: «И ногаиские... многие люди с казыевскими тотары промеж собою в своистве и в ближнем племяни; потому что ногаиские люди у казыевских людей женятца, а казыевские у ногайских людей женятца. А иных... ногайских людей отцы и матери, и братья многие живут в Казыеве улусе, а казыевских татар отцы и матери, и братья живут у ногайских тотар, и промеж собою ссылаютца и съезжаютца» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 100–101).

Через год бий столь же резво покочевал в сторону Крыма, едва получив оттуда «ларчик золотых да сто кобыл, да питья телегу». На упреки приближенных мирз Касим откровенно заявил, что «коли... ему крымской Мамбет Гирей царь столко много своего жалованья прислал, и ему... как его жалованья не принять и к нему не ехать?» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 286, 287).

«Родства» Мамаевых и Ураковых со временем перевели свои улусы на территорию Крымского юрта и в основном пребывали уже в орбите политики Гиреев. Когда новый хан Джанибек-Гирей вытеснил с полуострова Мухаммед-Гирей с калгой Шахин-Гиреем, лидеры кланов Али Ураков и Бий Мамаев приняли сторону последних, но в баталиях потерпели поражение и отступили к Кубани. Касим, тоже боясь мести за поддержку свергнутого монарха, откочевал поближе к Астрахани и с легкостью (как всегда) объявил о желании находиться «под царского величества высокою рукою» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 2, л. 294, 301, 302).

Укрепившись у власти, Джанибек-Гирей вознамерился расквитаться с Малыми Ногаями за пособничество его соперникам. В сентябре 1629 г. на восток двинулось воинство Юрта во главе с ханским сыном Мубарек-Гиреем. Беззащитные перед этой армией, казыевцы тут же признали «ошибочность» своей прежней политической ориентации и поклялись на Коране в «послушаньи» хану; дальше, на черкесов, Мубарек-Гирей отправился уже в сопровождении малоногайских мирз с пятитысячным отрядом. Те дали ему «оброк: сто десять аргамаков, шестьдесят панцырей, сорок шапочек железных, тритцетерь наручи» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 23, л. 259об. – 260об.; ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 12, 13). В конце 1635 г. Али Ураков окончательно перевел свои улусы в Причерноморье и разместился «под Перекопью, а в Крым... для того не идет, что животине кормитца нечем». Хан официально принял его в подданство (РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 6; ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 2, л. 25).

Касим пытался удержать остатки распадающегося Юрта и отчаянно лавировал. То он зимовал в Крыму, то привечал у себя Шахин-Гирейя, снова бежавшего в иранские владения на Кавказе. Информаторы доносили, что бий громогласно называет себя «холопом крымского царя и во всяких речех вышяет крымского ж царя». Но русскому послу он внушал, будто «нигде в холопстве ни у какова государя не бывал, а кочую, где похотел, по своей воле с своими улусы» (Акты 1890: 37; Кабардино-русские 1957: 166, 167; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 56; 1632 г., д. 1, л. 161, 162, 346–349; 1636 г., д. 2, л. 26).

Декларации о «холопстве» малоногайского верховного предводителя встречали полное одобрение в Бахчисарае. Хань и калги трактовали казыевцев как «карачеев», «от отцов и дедов извеку холопов наших», как своих слуг

и рабов (*карачимиз ва кулумуз* – «наши карачеи и холопы») в русском переводе XVII в.) (Материалы 1864: 39, 40; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 2, л. 46, 50; 1651 г., д. 1, л. 234, 235). В России признавали прерогативы крымских правителей на господство над Малыми Ногаями и, не надеясь на собственные дипломатические усилия, в 1620-х годах просили уговорить тех не нападать на Русь. Мухаммед-Гирей III обещал «унять» казыевцев и в шертных договорах с Москвой гарантировал строгий запрет на набеги «всяким нашим воинским людем Крымского юрту и нагайским людем Дивеевым детем и улуса, и Казыева улуса всяким нагайским людем». Аналогичные формулировки содержатся в шерти хана Джанибек-Гирея 1633 г. (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 24, л. 400об.–401; 1623 г., д. 7, л. 181; Савелов 1906а: 20, 21).

Следовательно, крымское правительство в самом деле считало себя в силах и вправе диктовать свою волю и политику Малой Орде. Но при этом оно продолжало относиться к ней настороженно. Казыев улус то и дело превращался в пристанище то Шахин-Гирея, то мятежных крымских мангытов-Мансуровых во главе с Хантимуром. В степняках оно видело скорее неприятельскую, нежели дружескую силу и поэтому так же, как и русские власти, стремилось или привлечь их на свою сторону, или максимально ослабить. Весной 1628 г. из Крыма вернулся домой мирза Хан-Мухаммед б. Касим с щедрыми подарками от Мухаммед-Гирея III и калги Шахин-Гирея. Те приглашали бия присоединиться к их походу к русским границам. Однако стало известно, что одновременно было послано предложение бесленеевским черкесам напасть на улусы Касима, когда он уйдет в поход (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 283).

По причине все большего ослабления и развала Казыев улус в 1620–1630-х годах уже не представлял какого-либо интереса для Порты²¹. Посольский приказ от имени царя в 1621 г. известил султана, что «Казыева улуса мурзы учинились под великого государя нашего... высокою рукою, и он (султан. – В.Т.) бы в них не вступался» (РГАДА, ф. 77, оп. 1, д. 6, л. 372, 372об., 399, 399об.).

В самом деле, если просмотреть всю переписку Касима и мирз с Кремлем за 1620–1630-е годы, то может создаться впечатление, будто Малые Ногаи только и делали, что шертовали Михаилу Федоровичу и клялись ему в преданности. Да и русская сторона регулярно информировала азиатских и европейских монархов о верности казыевцев царю. Однако указанные заявления и

²¹ Вся ситуация в Малой Ногайской Орде опровергает мнение С.Э. Родоная о том, будто она служила опорой азовских турок в их борьбе против донцов (Родоная 1955: 12). Малые Ногаи никогда не представлялись донским казакам серьезной угрозой, и османские азовские паши едва ли могли рассчитывать на существенную помощь со стороны слабых и раздробленных казыевцев.

ногаев, и русских расходились с действительным положением дел. Сановники Казыева улуса нередко были вынуждены твердить о своем дружелюбии к России, учитывая близость сильных астраханского и терского гарнизонов, а также промосковски в целом настроенных донцов. Как в Астрахани, так и в Терском городке содержались аманаты, что не слишком связывало мирзам руки, когда менялась политическая конъюнктура. Балансируя между Россией и Крымом, они были готовы выразить свою лояльность кому угодно, если это сулило им поживу и оказывалось безопасным. Когда исходила угроза от Гиреев, казыевцы отводили улусы поближе к русским крепостям, под защиту воевод (тут-то и пригождались их частые шертования); если же возмущенные их вероломством русские власти и Большие Ногаи решались на отмщение за набеги, то они быстро перекочевывали к Азову или в Крымское ханство.

При этом различная политическая ориентация часто служила Ураковым и Мамаевым удобным и единственным предлогом для отказа от сотрудничества с Касимом и наоборот. Астраханские воеводы регулярно информировали Посольский приказ о ненадежности мирз. Значительная часть сведений поступала от Больших Ногаев. В частности, бий Канай разоблачал своего коллегу из Малой Орды, будто тот со своими сподвижниками «сказываются... государевы холопи и аманатов дают в... Астарахань... неправдою малых робят, за которых им и стоять не за што (т.е. которые не имеют ценности. – В.Т.), на то надеясь, что от Астарахани от... государевых людей на них (казыевцев. – В.Т.) воины не бывает» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1633 г., д. 2, л. 4).

Весной 1633 г. терпение московского правительства иссякло. Велено было собирать большой поход на Казыев улус. Войско возглавили князя В.И. Туренин и П.И. Волконский; к этой рати по государеву указу должны были присоединиться двадцать детей боярских из «низовых» городов, двести астраханских стрельцов, терские служилые люди, гребенские и донские казаки, Большие Ногаи, кабардинские князья и шамхал. В июне и июле к Маджарскому городищу (к тому времени уже оставленному Малыми Ногаями) сходились отряды. Бий Касим тем временем кочевал вместе с Али Ураковым, получая донесения обо всех этих приготовлениях от астраханских татар. В любой момент Касим и Али были готовы сняться с места и уйти в Крым или в Кабарду (о том, чтобы принять бой, разговора и не заходило).

В ходе продвижения русского воинства случайно погиб воевода Туренин. Волконский повел всех собравшихся под его начало ратников (кроме опоздавших донцов) на запад. От разведчиков было известно, что Касим разместил улусы в урочище Ачил под Азовом, куда и обрушился основной удар. Сам бий заблаговременно оставил подданные стойбища, которые подверглись семидесятидневному грабежу и погрому. Две тысячи казыевцев угодили в плен, в том числе касимовы внуки и племянники. На возвращавшихся с этим полонем

Больших Ногаев во главе с кековатом Джан-Мухаммедом напали донцы, отняли всю добычу и сразу отписали в Москву, будто победили казыевцев, отбив у них русских пленных (за что получили в ответ упреки в лжи) (об этих событиях см.: (Материалы 1864: 57, 58, 61; Попко 1880: 54, 55; Щелкунов 1915: 128; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1633 г., д. 2, л. 354–356, 360, 370–372, 393, 399–401, 427; д. 3, л. 21–23)).

В целом эта кампания нагнала страху на степняков, но не смогла вынудить их изменить общую стратегию – лавирование между Бахчисараем и Москвой. По-прежнему налеты на «украины» перемежались с заверениями в лояльности. Причем, теперь Ураковы с Мамаевыми и Касим со своими родичами-Шейдяковыми обвиняли друг друга перед царем и ханами в лицемерии, выставляя лишь себя верными заключенным шертям.

В отношениях с княжествами Северного Кавказа Малая Ногайская Орда продолжала придерживаться союза с шамхалом, а среди кабардинских владельцев в 1620-х годах выбрала для альянса князя Алегука Шеганукова и князей Идаровых («темрюцких черкас»). Соответственно противниками их стали соперники Алегука – правители так называемой Малой Кабарды Шолох Тансаруков и его родичи. Шамхальство служило также звеном связи казыевцев с Ираном и подвизавшимся на шахской службе Шахин-Гиреем, да и сам шамхал Ильдар Тарковский координировал с мирзами свои внешнеполитические предприятия (см.: (Памятники 1898: 388; РГАДА, ф. 121, оп. 1, 1626 г., д. 2, л. 3; 1630 г., д. 1, л. 77–79)).

С Алегуком же наиболее тесные связи установил Али Ураков, который дал князю заложников, иногда жил в его владениях «з дворами своими и с улусы своими» и убеждал московского царя верить Алегуку «во всяком деле» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1629 г., д. 1, л. 313, 314). Сам Алегуко, а еще более его союзники-темрюковцы, служили надежным тылом Малым Ногаям: во время похода Волконского 1633 г. они прислали пятьсот человек в помощь Касиму, рассчитывавшему при подходе царской рати уйти в Большую Кабарду. Доводилось и Касиму посылать своих ополченцев на подмогу друзьям-черкесам в их междоусобной борьбе (см.: (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 86; д. 2, л. 355, 356, 393)). Соответственно враги Алегука на Кавказе оставались неприятелями и для Казыева улуса. Конники князя Шолоха нападали на ногайские кочевья, разоря становища и угоняя скот.

В конце 1639 или в 1640 гг. функционер Посольского приказа сделал «выпись», гласящую, что в нынешнем 148 году в Москву явился посол от касеевых детей с новостью: «Касая князя не стало, а дети ево хотят государю служить так же, как и отец их Касаи князь служил» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1640 г., д. 8, л. 212). В наказе послам в Кахетию от декабря 1640 г. тоже со-

держится информация о том, что «ныне Касая князя Исламова не стало» (Посольство 1928 с. 43).

Судьба распорядилась таким образом, что последний казыевский бий умер вскоре после кончины последнего бия Большой Ногайской Орды Каная. Ни в той, ни в другой части бывшей ногайской державы верховный правитель впоследствии не появлялся. Остатки государственной организации ногаев сошли на нет. Но память о Касиме б. Исламе, в отличие от его заволжского коллеги, осталась в народной памяти надолго. Поскольку кланы Ураковых и Мамаевых переселились в Крым, то собственно Казыев улус потомки стали связывать исключительно с именем лидера оставшейся на прежних кочевьях «половины». Этнографические материалы XVIII–XIX вв. зафиксировали убеждение ногайцев в том, будто «все мурзы Малого Ногаю произошли от одного Касая» и «потому все вообще доньне называются Касаевы дети» – Касай улы. Подразделения «Малого Ногаю» в XIX в. носили имена касимовых сыновей: Каспулат-улы, Навруз-улы и Султан-улы (Архипов 1855: 119; Бутков 1869: 1869: 170; К.Д.Э. 1834)²².

История Малой Ногайской Орды представляет собой пример угасания кочевой политической структуры, лишенной земледельческой подпитки, стабильной системы передвижения народа и стад, стройной организации налогообложения и мобилизации ополчения. В целом судьба Малых Ногаев иллюстрирует уход номадов с мировой исторической арены в позднем средневековье.

Несмотря на утрату политической самостоятельности, потомки жителей ногайских Орд стали важным элементом этнической карты Юга России. Ногайцы принимали участие во всех бурных событиях региона, тесно контактировали с народами края. Отношения между ногайцами и другими кавказскими народами являются необходимым звеном в общей геополитической ситуации, и без учета участия ногайцев освещение многих исторических и современных событий на Северном Кавказе окажется неполным.

²² В XVII в. казыевские мирзы, конечно, сознавали, что родословная их более сложна. Для уравнивания в статусе со знатью Большой Ногайской Орды ими была разработана генеалогическая схема, по которой Шейдяковы объявлялись потомками бия Саид-Ахмеда б. Мусы, тогда как на самом деле происходили от мирзы Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила б. Мусы. При этом Саид-Ахмед б. Муса трактовался как первый бий Малой Орды, от которого якобы и «пошли Малово Ногаю мурзы» (РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 22, 24); см. также: (Трепавлов 1997б: 45).

Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь»

Среди тюркских государственных образований, сформировавшихся при распаде Улуса Джучи, Ногайская Орда выделялась многими своеобразными чертами. Она превосходила их площадью кочевий и численностью населения, ее правители-бии, в силу позднеордынских традиций, считали себя вправе претендовать на высшие военно-аристократические посты в соседних ханствах.

Главным же отличием державы ногаев была чужеродность ее правящего клана *Эдигу уругу мангыт* по отношению к окрестным династиям. Властители Казани, Астрахани, Крыма и казахов принадлежали к потомству Чингис-хана. Бии мангытов не имели к Чингисидам никакого родственного отношения. Легитимизм правления был достигнут ими за счет возведения родословной их предка Эдиге к первому халифу Абу-Бекру. Однако отсутствие номинального родства с Чингис-ханом не позволило им оформить государственный аппарат Ногайской Орды по обычным джучидским канонам. В частности, это проявилось в изобретении уникальной, не имеющей налогов титулатуре, номинации должностей. Так, для обозначения глав правого и левого крыльев ногаи стали использовать имена сыновей Эдиге Нур-ад-Дина и Кей-Кобада в нарицательном значении. Наместники-военачальники нурадин и кековат являлись порождением ногайской государственности и прочно ассоциируются в историографии с политическим строем Ногайской Орды. Их функции, пределы власти и состав лиц, занимающих эти посты, уже рассматривались в литературе (Трепавлов 1991а; 1993).

С конца XVI в. у ногаев появляется еще одна своеобразная должность – тайбуга. В документах первой трети XVII в. этот термин встречается довольно часто, и историки, конечно, обращали на него внимание. Но специальному изучению, насколько нам известно, ранг тайбуги не подвергался – прежде всего, из-за лаконичности сведений. Несмотря на обилие воеводских отписок и грамот от мирз к царям и от царей к мирзам, информация весьма скудна. Главная причина этого – в особенностях политического развития Орды в тот период: она неуклонно слабела и распадалась, многие мирзы со своими улусами откочевывали в Крым, на Кубань или к калмыкам, выходя из подчинения верховному бию. В этих условиях элементы государственной организации деградировали, а «номенклатурные» посты утрачивали реальный смысл, полномочия. Нурадины, кековаты и тайбуги переставали пользоваться какими-либо преимуществами. Приблизительно с начала 1620-х годов могущество и влияние каждого мирзы зависело уже не от формального титула, а от ко-

личества подданных («кулусных людей»), которых он был способен сплотить вокруг себя. Из источников явствует, что пост, занимаемый мирзой, имел при этом второстепенную роль.

3 мая 1640 г. мирза Султанах б. Аксак Кель-Мухаммед в разговоре с русским послом Н.И. Белосельским сказал, в частности, что «искони де у них повелось в Нагаиской Орде четыре чины: 1-й чин князь, 2-й чин нурадын, 3-й чин кеикуват, 4-й чин тайбуга» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1639 г., д. 12, л. 361). Подобное ранжирование, при котором тайбуга оказывается на четвертом месте, утвердилось в историографии и кочует у разных авторов из одной работы в другую. Казалось бы, это логично – пирамида власти выглядела следующим образом: глава Орды бий – за ним глава и военачальник правого крыла нурадин – за ним военачальник левого крыла кековат – за ним тайбуга.

Вместе с тем ряд свидетельств позволяет подкорректировать эту схему. Например, в конце 1604 г. в донесении астраханских воевод Посольскому приказу приводятся слова бия Иштерека: «А в нагаиском де княжении ведетца в обычае: нурадын, а третей тайбуга, а четвертой кекуват» (Акты 1918: 110). В 1616 г. государево жалованье из Москвы через Астрахань было направлено высшим мирзам – нурадину Шайтереку и тайбуге Кара Кель-Мухаммеду (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1617 г., д. 1, л. 113)¹. Примерно через шесть – семь лет сын Иштерека Мухаммед просил царя Михаила Федоровича возвести его в степень тайбуги по старшинству – вслед за его старшими родичами бием Канаем и нурадином Кара Кель-Мухаммедом (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 3, л. 6)². Наконец, тайбуга Ураз-Мухаммед извещал царя Федора Ивановича, что его, мирзу, «на Мангытцком юрте третьим государем учинили» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1585 г., д. 1, л. 8).

Видимо, можно заключить, что после своего учреждения пост тайбуги стал все-таки третьим по счету, оттеснив должность кековата. Для этого должны были найтись веские причины, на которых мы остановимся ниже. Сначала следует определить, каким образом и откуда появился в Ногайской Орде, фактически накануне ее распада, этот новый чин.

Таинственный тайбуга, как уже говорилось, не достаивался специального изучения, поэтому литература о его генезисе сводится к нескольким догадкам. Отметим сразу: не обнаружено текста, в котором «черным по белому» раскрылось бы происхождение тайбуги у ногаев. В.П. Юдин почему-то решил, что так звали «бия... сыгравшего значительную роль в истории Улуса Джучидов» (Юдин 1992: 55). С.В. Бахрушин и вслед за ним З.Я. Бояршинова, напротив, предполагали, будто «тайбуга» – не собственное имя, а звание – изначально

¹ Тогдашний кековат Яштерек в данном случае не упоминается.

² Грамота не датирована, ошибочно подклеена к столбцам 1586 года.

ногайское, присваивавшееся «одному из сильных феодалов» (Бояршинова 1960: 106; Очерки 1953: 467).

Неожиданную точку зрения высказал в неопубликованной диссертации М.Г. Сафаргалиев. У монголов Юаньского периода (1260 – 1360-е гг.) существовал титул китайского происхождения *тайбу-дайбу* – от китайского *тай фу-дай фу* («великий муж», «великий правитель»). В XIX в. у монголов Ордоса он применялся по отношению к хранителям мемориальных ставок Чингис-хана. Возможно, ногайские тайбути, – рассуждал М.Г. Сафаргалиев, – тоже ранее занимались наблюдением за усыпальницами ногайских князей в Сарайчуке (столице Ногайской Орды. – *В.Т.*), так как место пребывания тайбугов осталось около Сарайчука» (Сафаргалиев 1938: 99). Но даже отсутствие прямых и точных указаний едва ли может оправдать поиск прототипов ногайской титулатуры в юаньском Китае или Ордосе.

Более плодотворными представляются попытки отыскать предтечу тайбути поближе – в тюркских послезолотоордынских государствах XV–XVI вв. В этом отношении заслуживает предпочтения точка зрения С.В. Бахрушина и З.Я. Бояршиновой, поскольку они обращали внимание на данный титул в связи с сибирской династией Тайбугидов.

Эта династия свергла Джучидов-Шибанидов и правила в Юго-Западной Сибири с конца XV в. до начала 1560-х годов. Исторические обстоятельства той эпохи специально анализировались А.Г. Нестеровым и А. Франком (Нестеров 1988; Frank 1994). Первый из них однозначно воспринимает Тайбугу как реальное лицо, основателя местной нечингисидской династии; второй находит приемлемым, наряду с такой интерпретацией, и подход С.В. Бахрушина, т.е. нарицательность слова «тайбуга». В русских летописях и сибирско-татарских сказаниях родоначальник с таким именем действительно упоминается. Кажется, современные авторы в целом принимают трактовку Тайбути как реального персонажа (см., например: Валеев, Томилов 1996:; Муканов 1974: 35). В нашу задачу не входит изложение истории государства Тайбугидов, и вопрос о степени легендарности их первопредка для нас сейчас не принципиален. Тайбугиды интересуют нас только в связи с ногаями.

Около 1495 г. тюменский хан-Чингисид Ибак был свергнут и убит беками Тайбугидами. Они не осмелились занять ханский престол как нединастический клан. В 1563 г. внук Ибака Кучум во главе ногайских и узбекских войск сверг тайбугидского правителя Ядгара и восстановил свою династию на сибирском троне.

Как известно, в результате рейда Ермака и последующей экспансии царских войск Сибирский юрт распался. Разгромленный Кучум пытался закрепиться в южных и восточных районах своих бывших владений и при этом опираться на ногаев. Однако от вооруженной помощи ему ногаи воздержали-

лись. Более того, они, похоже, воспользовались крахом юрта. Одним из признаков этого и стало появление «Тайбугина юрта», «тайбугинской пошщины» и самого поста тайбуги в Ногайской Орде.

Поскольку Кучум в свое время сверг и изгнал Тайбугидов, их собственные подданные были вынуждены подчиниться ему. По терминологии позднего Дешта, эти подданные считались юртом или улусом (уделом) Тайбути. После разгрома хана казаками осенью 1582 г. они вновь должны были выбирать себе нового сюзерена. Выбор, сделанный «Тайбугиным юртом», отражен в послании царя Федора Ивановича Кучуму, направленном приблизительно в 1597 г.: «А которые нагайские улусы Таибугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали – на которых людеи тебе была большая надежа» (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 20). Эта походя брошенная фраза при дефиците сведений привлекает внимание. Мы трактуем слова о кочевании вместе с Кучумом как бывшее пребывание упомянутого «юрта» в центре ханства, в ханском домене, который до 1563 г. являлся сердцевиной тайбугидских владений. Когда Ермак занял Искер и прииртышские городки, хан ушел в южные степи, а его подданные со среднего Иртыша откочевали к ногаям. Вот почему в царском письме они предстают как «нагайские улусы».

Приток новых подданных заставил верхушку Ногайской Орды заняться их размещением и организацией. На совете мирз было решено выделить им наместника и обложить данью. Первое встреченное нами упоминание о ногайском тайбуге содержится в цитированной выше недатированной грамоте мирзы Ураз-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда Федору Ивановичу: «А нас (т.е. Ураз-Мухаммеда. – *В.Т.*)... на Мангытском юрте третьим государем учинили и удел мне дали Таибугинской жеребеи» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1585 г., д. 1, л. 8). В данном послании мирза поздравляет адресата с воцарением и соболезнует о кончине его отца Ивана IV. Она произошла 18 марта 1584 г., а на следующий день Федор был венчан на царство; так что послание можно датировать весной-летом 1584 г. «Учинение третьим государем» Мангытского юрта по торжественности формулировки демонстрирует, пожалуй, новизну ситуации – принятие под начало новых подданных и включение их в среду ногаев. Удел «Тайбугинского жеребья» (т.е. наследия Тайбути) разместили где-то в северо-восточных пределах ногайской державы.

Тот же Ураз-Мухаммед в депеше, доставленной в Москву 30 августа 1586 г., упомянул предмет нашего исследования в следующем контексте: «[А бу]дет ... с нами завоеежся и из Волги и из Яика воды не дашь, а почаешь себе то, что мы отдалели в таибугинскую страну, и наша шерть порушитца, и любовь наша до конца урветца» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 9, л. 18). Ясно, что упомянутая «страна» (в оригинале, вероятно, «юрт») находилась во-первых, к востоку от Яика, во-вторых, на максимальном отдалении от

Европейской России – может быть, в верховьях Тобола и Ишима, поскольку еще восточнее кочевали калмыки и Кучум, южнее – потомки ногайского бия Шейх-Мамая (будущие Алтыулы), а севернее располагалось завоеванное казаками Сибирское ханство.

Таким образом, можно полагать, что первым ногайским тайбугой стал Ураз-Мухаммед. Подтверждением этому служит послание его сына, нурадина Кара Кель-Мухаммеда, царю Михаилу Федоровичу, привезенное в Москву 7 августа 1630 г. Нурадин просил государя разрешить взимать «тайбугинскую пошлину» его брату Али – на том основании, что «отец мой, Урмамет князь, имал (эту. – *В.Т.*) пошлину десеть лет, а я имал пошлину пять лет» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 3, л. 24). Следовательно, Ураз-Мухаммед в самом деле пользовался доходами, положенными тайбуге, но, кажется, не десять лет, а немного меньше. После гибели бия Уруса в 1590 г. Ураз-Мухаммед унаследовал мангытский «престол» и, разумеется, оставил пост тайбуги. Отсчитав от времени его вокняжения десятилетие, получаем 1581 г. Думаю, не будет большой натяжкой переправить эту дату на 1582 г.: 26 октября 1582 г. Кучум был разбит Ермаком, и начался стремительный распад сибирско-татарского государства. В этот-то период, скорее всего, и произошла откочевка «Тайбугина жеребья» к ногаям.

Мы полностью разделяем догадку А.Франка о том, что разбираемый титул происходил от личного имени Тайбуга по точной аналогии с нурадином и кековатом (Frank 1994: 23). Ведь такой способ обозначения должностей в позднеджучидских политических образованиях был присущ именно и только ногаям. Так что в данном случае мирзы пошли по привычному пути, назвав наместника над эмигрантами из Сибири именем первого владельца их улуса. Судя по тому, что пост тайбуги был встроен в ряд других высших должностей, набор его функций не отличался от прерогатив нурадина и кековата³, то есть совмещались обязанности удельного правителя и военачальника. Аналогичным же образом отчислялись и доходы, которые в источниках определяются многозначным понятием «пошлина». Во-первых, в пользу тайбуги шла дань (ясак) – так же, как нурадину и кековату. Во-вторых, между бием, нурадином, тайбугой и кековатом была «розделена пошлина с торговых людеи, которые люди приезжают в их (ногаев. – *В.Т.*) улусы торговать» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 78–79). Сбор этих платежей, видимо, осуществлялся мирзами лично, по принципу полдюды – по крайней мере, в последние десятилетия существования Ногайской Орды. Кара Кель-Мухаммед в 1630 г. просил выделить на время

³ К аналогичному выводу пришел и Е.А. Поноженко, но почему-то решил, что тайбуга пользовался при этом «доходами из Сибири» (Поноженко 1987: 36, 37). Но в Сибири утверждалась российская администрация, весь ясак оттуда шел в Москву, и едва ли ногайский вельможа был способен добиться каких-то выплат для себя.

боярского сына, чтобы помочь новому тайбуге «взяти первая пошлина» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 3, л. 24).

Вопрос о кандидатуре каждого тайбути решал съезд знати. Только общее совещание аристократов было способно примирить амбиции множества мирз, претендующих на очень ограниченное число высших постов. Примером подобной коллизии служит ситуация, изложенная в отписке астраханских воевод от 18 апреля 1608 г. На очередном курултае известный нам Кара Кель-Мухаммед заявил, что, по решениям предыдущих съездов, должность тайбути должен занимать он, а в ранге кековата надлежит состоять Яштереку б. Дин-Ахмеду. Однако Яштерек «свое кикуватство отдал Темир мурзе – Исупову родству (т.е. потомкам бия Юсуфа. – *В.Т.*), а тайбуту (так в тексте. – *В.Т.*) отнял Яштерек у него, Келмамет мурзы, и пошлины с них тайбутины емлет Яштерек мурза». Курултай приговорил, «чтобы Келмамет мурзе тойбутою» быть по-прежнему (Акты 1914: 167).

Как рассказывал бий Иштерек воеводам в ноябре 1604 г., «а которой де в тех чинех (т.е. бий, нурадин, тайбуга, кековат. – *В.Т.*) чин изведетца, и нагайские де мурзы и улусные все люди нынече (т.е. сразу же, тотчас. – *В.Т.*) о том все советуют и выбирают всею землею...». – Но так было в период независимости Ногайской Орды. Когда же Большие Ногаи угодили в вассальное подчинение царю, то потребовалась еще и монаршая инвеститура. Продолжим цитату: «...Выбирают всею землею, о ком им царскому величеству бити челом, кому быть на ногайском княженье или в нурадынех, или в тайбутех, или в кекуватех. Да кого меж себя приговорят, и о том о всем посылают бити челом царскому величеству, и кому царское величество пожалует, велит в чем быти – тот в том (чине. – *В.Т.*) и будет» (Frns 1918: 110). Именно таким образом 20 октября 1625 г. в астраханской Съезжей избе (воеводской канцелярии) произошло пожалование рангом тайбути Султана Шихмамаева и кековата Янмамета Тинмаметева. Воеводы торжественно зачитали мирзам царский указ, а затем устроили праздничный пир «по посольскому обычаю» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1625 г., д. 1, л. 36; 1626 г., д. 1, л. 432, 436, 437).

Итак, первым тайбугой в Ногайской орде стал Ураз-Мухаммед и оставался таковым до своего вокняжения в 1590 г. Затем этот пост занял Иштерек б. Дин-Ахмед, что выводится из следующей информации. Недатированная совместная грамота мирз Мухаммеда б. Иштерека и Шейх-Мухаммеда б. Яштерека Михаилу Федоровичу содержит такие сведения. В конце 1622 г. по царскому указу Канай и Кара Кель-Мухаммед были «учинены» бием и нурадином. «А после их от Исмайлева княжева родства⁴ меня (Мухаммеда. – *В.Т.*) старее нет. И вам бы, великому государю, меня пожаловать отца моего чи-

⁴ Т.е. потомства ногайского бия Исмаила (1549–1563).

ном, велеть меня учинить в Нагаех тайбугою» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 3, л. 6). В самом конце XVI в. до своего вокняжения в 1600 г. Иштерек являлся нурадином при бие Дин-Мухаммеде (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1641 г., д. 5, л. 30). Очевидно, он и сменил Ураз-Мухаммеда в управлении выходцами из Сибири.

Последующие события не совсем ясны. На курултае 1607 г. Кара Кель Мухаммед ссылался на постановления прежних курултаев о вручении ему тайбугинства. Стало быть, несмотря на узурпацию этой должности Яштереком, формально он продолжал ее занимать. Как уже отмечалось, совет мирз восстановил полномочия Кара Кель-Мухаммеда. В качестве тайбуги этот мирза фигурирует в документах 1615, 1617, 1618 гг. (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 10, л. 12; 1617 г., д. 1, л. 113; 1618 г., д. 1, л. 39; и др.), т.е., вероятно, оставался им до обретения нурадинства в 1622 г. Но тогда как понимать его собственное утверждение о том, будто в свое время он «имал (тайбугинскую) пошлину пять лет»? Может быть, несмотря на долгое замещение чина «третьего государя», реальную возможность пользоваться положенными ему доходами он имел только в течение пяти лет? По крайней мере, судя по источникам, этот мирза являлся тайбугой гораздо дольше этого срока.

После его назначения нурадином в 1622 г. пост некоторое время оставался вакантным, а в октябре 1625 г. был пожалован Султанаяу Шихмамаеву⁵. Вскоре Султанай порвал и с Большими Ногаями, и с русскими властями и возглавил Алтыулов, вступив в союз с калмыками. Ранг тайбуги он сохранял еще в 1637 г. (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1637 г., д. 1, л. 86, 87). Ясно, что в этих условиях он не играл никакой роли во внутринагайских делах, отчего нурадин Кара Кель-Мухаммед и предлагал передать тайбугинство его, нурадина, брату Али. Но поскольку для официальных «перевыборов» нужен был курултай, а собрать его в обстановке полного распада и разложения Орды было уже невозможно, эта инициатива так и осталась нереализованной. Умер Султанай до мая 1640 г., когда русскому послу «в Ногаях» было сообщено что ныне все высшие ногайские чины, в том числе тайбуга, «извелись, и Нагай изсяк» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1639 г., д. 12, л. 362).

Последовательность ногайских тайбуг, таким образом, была следующей:

Ураз-Мухаммед 1582–1590 гг. (с 1590 г. бий)

Иштерек 1590–1598 или 1599 гг. (с 1598/99 г. нурадин)

Кара Кель-Мухаммед 1600–1622 гг., с перерывами (с 1622 г. нурадин) до 1608 г. узурпация Яштерека

Султанай 1625 – конец 1630-ых гг.

⁵ Видимо, он доводился внуком Шейх-Мамаю, поскольку среди сыновей последнего никогда не значился Султанай.

В заключение попытаемся объяснить, почему же тайбуга стал все-таки «третьим государем» Ногайской Орды, а не четвертым, после кековата. Мы видели, что уже при учреждении этого ранга он рассматривался как «на Мангытском юрте третий государь» вслед за бием и нурадином. Таким образом, тайбуга оттеснил военачальника левого крыла кековата. Причина этого видится в постепенной утрате ногаями восточных кочевий, т.е. территории левого крыла. В казахские степи вливались калмыки, на Яике в 1570-х годах участились нападения казаков на ногаев, угроза казачьей экспансии нависла и с севера, после вторжения Ермака в Сибирь. В этих условиях ногаи отходили все дальше на запад, за Яик, к Волге. Незначительные их группы, что остались на востоке, вскоре утратили подданство бию Большой Ногайской Орды. Следовательно, кековат остался без территории и без «улусных людей», положенных ему по рангу. (Не случайно Яштерек не удовлетворился своим назначением на кековатство и узурпировал должность тайбуги.) Тайбуга же, напротив, управлял группой многочисленных кочевников-выходцев из Сибирского юрта и представлял собой гораздо более могущественного наместника, чем лишенный подвластной области кековат. Однако период функционирования новой должности оказался недолгим. В ходе дальнейшего распада Ногайской Орды вся ее административная система окончательно рухнула к 1640-м годам, после Султана Шихмамаева пост тайбуги остался не занятым.

«Шесть Сыновей».

Остатки Ногайской Орды в казахских степях

Ногайская Орда образовалась в ходе распада Золотой Орды (Улуса Джучи) во второй половине XV в. Ее историческое ядро (так называемый Мангытский юрт) находился в степях между реками Эмбой и Яиком в Западном Казахстане. Многие аспекты истории Западного Казахстана той эпохи еще мало изучены. В частности, это касается некоторых аспектов ногайско-казахских отношений¹.

Ногайская Орда имела бурную и насыщенную событиями историю. Группировки знати нередко вступали в междоусобные распри друг с другом, ставя свою кочевую империю на грань гибели. Проигравшие в борьбе за власть аристократы-*мирзы* вместе со своими подданными кочевыми общинами-*улусами*, случалось, откочевывали за пределы основной территории Орды или выходили из подчинения *бия* – ее верховному правителю. Историкам давно было известно о существовании таких самостоятельных владений, но основное внимание уделялось так называемой Большой Ногайской Орде (Большим Ногаям) – основной территории державы ногаев.

К востоку от Больших Ногаев обособились потомки шести сыновей бия Шейх-Мамаея, правившего в 1540-х годах. Они составили довольно слабое, но относительно самостоятельное политическое образование – Улус Шести Сыновей (Алтыулы).

Один из невыясненных вопросов – время начала самостоятельного существования Алтыулов. Абсолютное большинство исследователей связывает это процесс с событиями междоусобной ногайской смуты 1550-ых гг., когда нурадин Исмаил сверг и убил своего старшего брата, бия Юсуфа². Однако ответ не столь однозначен, так как дети и внуки Шейх-Мамаея долгое время сохраняли формальную принадлежность к Большой Ногайской Орде.

Первая убедительная информация о начале обособления Шихмамаевичей относится к периоду междоусобной смуты в Орде в 1550-х годах. Грамота Исмаила, доставленная в Москву в июле 1557 г., гласит: «Да племянники ж

¹ Из последних исследований и публикаций см.: Исин 2004; История 2005; Трепавлов 2001.

² См., например: Жирмунский 1974: 488; Кочекаев 1988: 102; Новосельский 1948а: 176; Сафаргалиев 1949: 54; Юдин 1992: 40; Karpeler 1992: 90. Особняком стоят точки зрения П.П. Иванова и Х.Ховорса. Первый считал исходной датой 1549 г. (смерть Шейх-Мамаея), второй – начало XVII в. (см.: Иванов 1935: 29; Сафаргалиев 1938: 53).

мои от нас отстали ныне за Яиком, и приложилися х казацкому царю (казахскому хану Хакк-Назару. – В.Т.), со мною завоевалися» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 32об.). До того, при Юсуфе, дети Шейх-Мамая были в целом лояльны к главе Орды, пока взаимные распри и кровная месть не положили начало разрыву. Тот же Иштерек в 1604 г., продолжая рассказ о расколе ногаев, поведал воеводам, что «у Смаила князя и у Тенехмата князя³, и у Тенехматовых детей с Казыевым улусом и с Шихмомаевым родством, с Алтаулскими мурзами, учала быти рознь великая и кровь проливатца многая за то, что оне меж себя в кочеванье в розни учинились» (Акты 1918: 102–103; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 65–66).

Но при этом представление о единстве ногаев сохранялось. Как подданные Алтыулов, так и жители Казыева улуса помнили о своей принадлежности к единому ногайскому народу. И несмотря на их смертельную порой вражду, иногда в источниках мелькают отголоски таких воззрений. В начале 1604 г. мирза Джан-Арслан б.⁴ Урус в своей борьбе с детьми Дин-Ахмеда постоянно пытался привлечь к себе в союзники казыевцев и Алтыулов (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 162). Подобные шаги являлись не только следствием отчаянных поисков подмоги. Еще в относительно мирные времена, до начала всехватной распри и смуты среди ногаев, летом 1586 г., тайбуга⁵ Ураз-Мухаммед описывал их могущество следующим образом: «А нас, мангытцких людеи, с Шихмомаевыми детми сорок тем, и толко схожась с Казыевыми улусы и свестяся с крымскими людми, соединачився, все вместе будем, и нас будет сто тысяч тем» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 9, л. 18).

Наименования, территория и население Алтыульского улуса. Буквальное значение утвердившегося в литературе наименования крайних восточных улусов, которые отделились от Ногайской Орды, *Алтыулы*, несомненно – «Шесть Сыновей». Подразумеваются отпрыски Шейх-Мамая Хан, Касим, Бай, Ак, Бек и Бий. Впрочем, некоторые исследователи пытались отыскать иную этимологию: шесть аулов (*алты авыл*), шесть айлов (*алты айлык*), шесть кипчакских племен...; это словосочетание возводили также к никогда не существовавшему мирзе Алте б. Урусу (см., например: Атласи

³ Дин-Ахмед – бий Ногайской Орды в 1563–1578 гг., сын и преемник Исмаила.

⁴ б. – принятое в русскоязычной литературе обозначение арабского *ибн* (сын), принятого в мусульманском ономастиконе. Джан-Арслан б. Урус б. Исмаил – Джан-Арслан, сын Уруса, сына Исмаила.

⁵ Тайбуга – наместник северо-восточных кочевий Ногайской Орды (в Северном Казахстане и Юго-Западной Сибири).

1992: 67; Давкараев 1959: 194; Иванов 1935: 29; Сагитов 1962: 31; Сафаргалиев 1949: 53)⁶.

Понятие «Алтыулы» в русских документах появляется и утверждается в начале XVII в. До того времени, во второй половине предыдущего столетия, применялись синонимичные выражения «Шесть Братьев», «Шесть Сыновей» и «Шесть Мирз». Первое употребление словосочетания «Шесть Сыновей» («у Шти Сынов», т.е. буквально *Алты улы*) замечено мною в грамоте мирзы Бека б. Шейх-Мамая царю Ивану IV, доставленной в Москву 8 июня 1581 г. (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 10, л. 90). До этого речь всегда велась о шести б р а т ь я х – Шихмамаевичах, которые, в свою очередь, впервые упомянуты в донесении посла Е.Мальцова, побывавшего у бия Исмаила летом 1559 г. («А шесть братьев... Шихмамаевы дети – на Яике»), а также в синхронной грамоте Исмаила Ивану IV (РГАДА, ф. 127, оп.1, д. 5, л. 119, 124об.).

Уже с самого начала все эти обозначения были условны, так как после гибели Хана б. Шейх-Мамая в 1549 г. братьев осталось пятеро, после гибели Касима в 1555 г. – четверо, после смерти Ака в 1580 г. – трое. Но сами члены рода Шейх-Мамая продолжали пользоваться выражениями «Шесть Братьев» и «Шесть Сыновей» для всех потомков этого бия (которых уже в 1556 г. набралось тридцать человек). И Большие Ногаи тоже принимали эту условность, говоря о «Шести Мирзах», насчитывавших пятнадцать человек (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 364; д. 8, л. 367; д. 10, л. 7об.).

Первое упоминание о зоне кочевания улусов левого крыла Ногайской Орды после Шейх-Мамая относится к ноябрю 1549 г.: Касим с братьями кочует «на реке на Сыре (Сырдарье. – *В.Т.*) х Казацкой Орде» (Посольские 1995: 318). За этим кланом закрепилась территория Западного Казахстана, и впоследствии бий Иштерек присягал царю, в частности, в том, что «за Яиком по реке по Еми и за Емью и по Сырту (здесь – Сырдарье. – *В.Т.*) ... мне... не кочевати». Здесь очерчена область Алтыулов, потому что Иштерек, Напомним, тогда же рассказывал воеводам, что при Исмаиле «Шихмомаево родство учили кочевати по Яику и за Яиком, по Еми реке и по Сыру реке».

Как видим, первоначально, клан Шейх-Мамая кочевал в том числе на приуральских пастбищах. Однако в 1570–1580-х гг. улусы отошли с Яика на восток, спасаясь от казачьих набегов, и западным рубежом владений Алтыулов стала Эмба. Эта река фигурирует в документах как граница, за которой начинались алтыульские степи (см., например: РГАДА, ф. 127, оп. 1. 1619 г., д. 2, л. 117; 1620 г., д. 1, л. 73; 1627 г., д. 1, л. 119). В XVII в., попав в подчинение к калмыцким предводителям-тайшам, Алтыулы иногда вновь придвигались к

⁶ По прошествии длительного времени истинное значение «Алтыулы» в народной памяти тоже стерлось и, например, в фольклоре каракалпаков стало трактоваться уже как *алтыайлык ногай* – ногаи шести айлов (Беляев 1917: 1).

Яику, к развалинам стольного Сарайчука – столицы Ногайской Орды, разгромленной казаками в 1581 г.⁷ Другим крайним пределом их перемещений был «Юргенч» – Хорезм и северные области Мавераннахра (см., например: РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 8; ф. 127, оп. 1, 1638 г., д. 1, л. 101).

На пространстве между Эмбой и Сырдарьей проживало довольно немногочисленное ногайское население. Не удалось обнаружить данных о его численности за вторую половину XVI и начало XVII в. Русская астраханская администрация активно контактировала с Алтыгулами в 1620–1630-ых гг., и именно от того периода дошли подобные сведения. В 1627–1628 гг. их количество составляло одну тысячу, по одним данным, всех улусных людей, по другим, – только мужчин-ополченцев (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 439, 440, 443; 1628 г., д. 1, л. 106, 144). В воеводской отписке 1628 г. говорится, что «алтыулских... тотар ратных людей с пятьсот человек, а с триста человек худых людей бродят меж улусов» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 2, л. 342); это в целом может соответствовать общему числу жителей в двести три тысячи. Через десять лет в документах фигурируют уже меньшие цифры. В Западном Казахстане с мирзами кочевало от пятисот до семисот ногаев (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1638 г., д. 1, л. 109; 1639 г., д. 1, л. 29).

Абсолютно ничтожны сведения о родоплеменном составе алтыульского объединения. Мне встретились лишь два упоминания по данному поводу. В 1627 г. улусниками мирзы Шейх-Мухаммеда б. Касима было «ханлыцкое родство», т.е. эль канглы; в 1628 г. в составе Алтыулов названы «татаровя меситцково родства», т.е. эль месит (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 120; 1628 г., д. 1, л. 132). Это свидетельствует о том, что деление народа на эли, традиционное для кочевников Дешт-и Кипчака, сохранялось. Однако оно не стало столь же актуальным, как в Большой Ногайской Орде первой трети XVII в., когда не-мангыты обрели значительное влияние и право голоса на съездах знати. Характерно, что в 1622 г. в списке мирз, присягнувших царю после утверждения бием Каная б. Динбая, «родства» улусных людей старательно перечислены лишь для представителей Больших Ногаев, а у присутствовавших тут же алтыульцев указана только принадлежность к улусу конкретного мирзы (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 113, 114).

Исследователи каракалпакского фольклора сочли, будто шесть каракалпакских родов – муйтен, конграт, кыгтай, кипчак, кенегес и мангит-акпшак (или мангит ак-пышак) – являются реликтом шестисоставного алтыульского объединения (Давкараев 1959: 194; Сагитов 1962: 31). Но, во-первых, изначально указанных родов у каракалпаков было все же не шесть, а семь, потому что

⁷ Но это не дает оснований утверждать, будто Алтыульский улус располагался на Яике (см.: История 1974: 94). Его основные кочевья находились восточнее, на пространстве между Эмбой и Сырдарьей.

последний из этнонимов составлен, очевидно, из двух: мангыт и ак-кипчак. Во-вторых, ни малейшего намека на присутствие перечисленных элей среди Алтыулов в источниках нет; разве что мирзы «по определению» принадлежали к мангытам; а муйтен вообще никогда не фиксируется у ногаев.

Алтыулы в составе Ногайской Орды. В период бийства Юсуфа (1549–1554) потомство его предшественника Шейх-Мамай в целом сохраняло лояльность к общему правителю, несмотря на отдельные разногласия. Касим б. Шейх-Мамай отправлялся вместе с бием в походы и охранял восточные рубежи Орды от «Юргенча» (Хорезма). Во время смуты 1550-ых гг. он и его братья поддерживали то Исмаила, то Юсуфовичей, пока последние не убили Касима и не превратились в кровников для его родичей. К концу 1550-ых гг. братья расценивались как «неотступные» подданные победителя-Исмаила. Но в финале его правления отношения испортились. Дети Шейх-Мамай были оттеснены от власти, не получив ни одного высшего поста в Орде. В 1563 г. конфликт принял острую, вооруженную форму: мирзы в союзе с войском ташкентского правителя Бабы б. Барака нападали на владения Исмаила.

Преемнику его Дин-Ахмеду удалось вновь наладить отношения с ними, предоставив их тогдашнему старейшине Аку должность кековата, а следующий бий, Урус (1578–1590), уже вновь считал улусы Алтыулов частью своей державы, заключая шарт-наме в том числе и от их имени. Тесные и мирные связи с Урусом сказались во время распрей конца XVI в. Восточные мирзы поддержали Джан-Арслана б. Уруса в борьбе за «княженье» и послали свою конницу против сыновей бия Дин-Ахмеда⁸.

В конце 1570-ых гг. Бек б. Шейх-Мамай демонстрировал полную лояльность Урусу, называя его «старейшим братом нашим» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 250), а глава Шихмамаевичей Ак был тогда кековатом. После Ака на этот пост заступил Бек. Кековатство означало управление левым крылом Ногайской Орды, и обладание этой должностью показывало включение Алтыулов в административную структуру ногаев. Бий Ураз-Мухаммед (1590–1598) считал их частью Большой Орды, хотя частью автономной, существующей помимо общей массы его подданных – см. цитируемую выше фразу: «А нас, мангытских людей, с Шихмамаевыми детьми сорок тем». В 1595 г. казахский посол в Москве рассказывал о казахском хане Таваккуле, что тот «с ногаи со Шти Браты в миру, а с Тенехматовыми дети да с Урусовыми ни так ни сяк» (РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 8). В следующем году гонец царя Федора Ивановича к Таваккулу В. Степанов, по его словам, в пути миновал стороной «улусы обои – Болших Ногаи и Шти Братов» (Казахско-русские

⁸ Подробное изложение предыстории Алтыульского улуса не входит в нашу задачу. Упомянутые события середины – второй половины XVI в. изложены нами в другой работе (Трепавлов 2001, гл. 6–8).

1961: 13). То есть Алтыулы воспринимались как ногаи, но отличные и от Большой Ногайской Орды в целом, и от ее тогдашних главных соперничающих лагерей знати – семей Тинехматовых и Урусовых.

Однако встреченный Степановым в степи русский полоняник говорил, что побывал в плену «в Болших Ногаех у Шти Братов» (Казахско-русские 1961: 13; РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 81), воспринимая, таким образом, два улуса как единое целое, Алтыульское объединение как часть Большой Ногайской Орды. Это суждение тем более ценно, что исходит от человека, познакомившегося лично, «изнутри» со структурой степной державы и с взаимоотношениями ее частей.

Даже в первых десятилетиях XVII в., когда Алтыулы действительно окончательно отделились от бия, их лидеры иногда заводили разговоры о предоставлении им кековатства и, следовательно, возвращении в структуру Орды. В 1625 г. глава их Султанай стал тайбугой.

Положение левого крыла Мангытского юрта (Ногайской Орды) в Восточном Дешт-и Кипчаке и близость его, крыла, к мусульманским государствам Мавераннахра обязывали Алтыулов контролировать восточные границы ногайских кочевий и активнее, по сравнению с прочими улусами, контактировать с владениями Средней Азии и Сибири. Историки приходили к заключению о чрезвычайно тесной связи этой части Ногайской Орды с туркменами, о ее зависимости от бухарского хана Абдуллы II (см., например: Агаджанов 1993: 37; Бояршинова 1960: 118). Целая историография сложилась вокруг темы ногайско-каракалпакской исторической преемственности. В середине XVI в. Алтыулы были больше связаны с Хорезмом (Ургенчем) и Ташкентом, к чьим границам они ежегодно отходили на летовки. Там же они пытались учредить постоянную базу для набегов на Ногайскую Орду во времена конфликтов с ее правителями, вступали в «братские» (т.е. равноправные) отношения с узбекскими владетелями. В периоды же замирения с биями те же улусы потомков Шейх-Мамая становились «в заставу» от набегов узбеков, своих бывших союзников (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 38, 191об., 309; д. 6, л. 210об., 225об., 226; д. 8, л. 10об.). Столь же неровными оказывались связи с казахами, особенно в эпоху хана Хакк-Назара, с которым то заключался союз, то начинались стычки (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 32об.; д. 6, л. 9; д. 10, л. 150).

В отношении далекого Московского царства Алтыулы во второй половине XVI в. не проводили самостоятельной политики, и когда возобновляли дружбу с биями, то для сношений с Россией использовали, как правило, их, биев, дипломатические каналы.

Эпоха самостоятельности Алтыульского улуса. В первые два десятилетия XVII в. Алтыулы практически вышли из подданства Большой Ногай-

ской Орды, не желая контактировать с бием Иштереком (1600–1619). Правда, с ними сепаратно общался влиятельный мирза и будущий бий Канай б. Динбай, но сам Иштерек был настроен против своих восточных соседей-соплеменников и во время сотрудничества с активным участником русской Смуты, мятежным казачьим атаманом И.Заруцким громил их улусы (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1613 г., д. 5, л. 202; 1616 г., д. 1, л. 89). Именно «измены» Иштерека во время Смуты породили у астраханских воевод планы по привлечению кочевников из-за Яика «под государеву высокую руку», с раздачей им жалованья и приведением к шерти (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 1, л. 8, 9).

При этом степи по Эмбе служили для соперничающих большеногайских мирз одним из возможных направлений откочевки при поражении в междоусобной борьбе. В 1620 г. разгромленные под Астраханью нурадином Кара Кель-Мухаммедом б. Ураз-Мухаммедом кланы Тинмаметевых и Иштерековых осуществили это намерение и присоединились к Султану Шихмамаеву (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1620 г., д. 1, л. 73, 82)⁹. Тот уже давно подвергался обработке со стороны промосковски настроенного Каная. В 1622 г. Султанай утвердился «в свойстве и совете» с Канаем и перевел свои улусы под Астрахань, где в ноябре шертовал царю, а в сентябре 1625 г. был торжественно провозглашен тайбугой Ногайской Орды (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 4; 1623 г., д. 1, л. 111, 112; 1625 г., д. 1, л. 36).

Тем временем на Эмбе оставались подданные султанаева брата или кузена Шейх-Мухаммеда (Шаинка, Шагима, Шаима) б. Касима¹⁰. Два подразделения Алтыулов сносились друг с другом через гонцов. Султанай пытался уговорить эмбинцев тоже перебраться к Астрахани. Их лидер реагировал раздраженно, гонцов принимал сурово, уходил к хивинским¹¹ границам и вновь возвращался. Канай рассказывал, что Шейх-Мухаммед ловит по степи русских полоняников, бегущих из Хивы, и отправляет их обратно в неволю. Под началом у него пребывали «улусные невеликие люди» – триста человек, включая тридцать пищальников (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 221, 225, 226; 1627 г., д. 1, л. 116, 117, 125).

В начале 1627 г. за подозрительные ссылки без санкции воевод с «непослушником» Шейх-Мухаммедом Султанай был посажен под стражу и находился в заточении три месяца. Канай обивал пороги Съезжей избы и воевод-

⁹ Очевидно, Султанай доводился внуком Шейх-Мамаю. Установить имя отца Султана не удалось.

¹⁰ К 1620-ым гг. он должен был пребывать в преклонном возрасте, потому что впервые упоминается в конце 1570-ых гг. (см.: РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 342).

¹¹ В начале XVII в. резиденция хоремского хана была перенесена в Хиву из-за того, что Амударья, изменив течение, ушла от города Ургенча, отчего прежняя столица утратила значение. Ханство стало называться Хивинским.

ских теремов, доказывая, что за Султанаем он «никоторого дурна не ведает» и «порукою на нем имался». Астраханский наместник Ю.П. Буйносов, вняв наконец уговорам бия, выпустил мирзу.

По выходе из застенка, в марте, Султанай поехал в свою ставку в «юртах» (полукочевых селениях близ города). Там из беседы с нурадином Кара Кель-Мухаммедом он узнал о зловещих планах властей выдворить его, Султаная, с семьей на поселение в глубь России – фактически в ссылку. На самом деле ничего подобного администрация не замышляла, но у всех перед глазами стоял недавний пример мирзы Урака Тинмаметева, насильно увезенного на север. Собрав родичей, Султанай спешно отъехал за Яик и присоединился к Шейх-Мухаммеду (хотя большинство его улусников осталось на Волге). Потрясенный таким оборотом дел, Канай, как умел, оправдывался перед князем Буйносовым, клялся, что непричастен к бегству мирзы, что сам не ожидал от него такого «воровства», а уж коли прознал бы-де о подобных планах Султаная, то «он бы, Канаи, ему, Салатанай мурзе, своими руками голову отрезал» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 117, 118, 132, 133; 1628 г., д. 1, л. 59–61, 143, 158–160).

Посланные в погоню двести стрельцов с ногами-добровольцами настигли Алтыгулов в девяти днях к востоку от Яика, на Эмбе. В сражении они убили шестьдесят местных улусников, а Султанай, раненный стрелой «в спину повыше поясницы», бежал к морю. Алтыгулы рассеялись. Астраханцы уже не могли на уставших конях искать их по степи. Разведчики заметили вдали только одного неприятельского пищальника, да и того не сумели поймать. С полоном и «языками» отряд вернулся домой (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 118, 122, 134, 137, 138).

Султанай же разыскал Шейх-Мухаммеда и снова стал кочевать вместе с ним. Знающие люди рассказывали, будто живут они «меж себя в совете, а розни меж ними нет». Соседство слабого и малочисленного Алтыульского улуса с могучей Россией, агрессивными калмыками и дружественными узбеками заставляло мирз налаживать мирные отношения со всеми ними. Рядовые улусники видели главную выгоду в контактах с русскими. Шейх-Мухаммед в целом разделял эту позицию (Алтыулы располагались на торговом пути из Мавераннахра в Башкирию и Сибирь) и заявлял, что не прочь перейти под цареву «высокую руку». Но переговоры об этом он затевал с уфимскими воеводами, а не с астраханскими, которых он боялся, особенно после истории с заточением Султаная.

Именно с русской администрацией Уфы была достигнута договоренность о взаимном обеспечении безопасности для русских, ногайских и среднеазиатских купцов. Мирза заявлял, что «хотя... кочюет он и далеко, толко... он... великого государя холоп, а опроче... ему Енбы детца негде», и он готов идти

на любую государеву службу и даже платить ясак — «со всякие избы по лисице, а изб у них всех с тысячю». В то же время Алтыулы находились «в миру» с калмыками и с Хивой (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 120, 355, 356; 1628 г., д. 1, л. 106, 439–444)¹².

Но особую активность проявляли в этих вопросах астраханские власти — в силу своей традиционной функции контроля над ногаями. В ноябре 1627 г. в степь был послан боярский сын Я.Бухаров, чтобы уговорить мирз прикочевать к Астрахани. Встречные номады отговаривали гонца от опасного предприятия: Алтыулы, мол, настроены против астраханских воевод и — главное — против Больших Ногаев; Шейх-Мухаммед и Султанай сейчас активно ссылаются с калмыками, и Бухарова может ожидать очень суровый прием.

Так и произошло. На берегу Эмбы семьсот алтыульцев окружили посольство, застрелили толмача, утопили одного стрельца, а Бухарова и всю свиту, связав, посадили под стражу. Грамоту от воевод сожгли, «наказную память» гонцу (инструкцию) порвали. В те же дни в улусе находились калмыцкие послы, с которыми мирзы вели переговоры о дружбе и совместном походе на Каная, а также узбекские купцы, приценивавшиеся к новым русским пленным. Бухарова секли плетьюми и жгли огнем, выпытывая, отдадут ли за него воеводы ногайские семьи, полоненные стрельцами во время погони за Султанаем, и не собираются ли русские в будущем напасть на Алтыулов. Гонец отвечал, что семьи за него не отдадут, а своими действиями мирзы сами провоцируют новые походы. Через некоторое время его выкупил приехавший жениться из-под Астрахани ногаец-канглы, заплатив «10 коней ногайских да саблю оправлену серебром рублей в дватцать», десять кафтанов, панцирь, «шапку мисюрскую» и сто аршин бязи (наверное, отдал весь калым). В феврале 1628 г. Бухаров приехал в Астрахань (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 130–135; д. 2, л. 337–340).

На эти события наконец отреагировала Москва. В грамоте от 17 мая 1628 г. воеводам был учинен жестокий разнос. Царь гневался, что за Яик снарядили не большое ногайское войско бия Каная, а «послали... к таким вором Якова Бухарова с товарищи (толко с пятью человеки!), неведомо на что смотря и неведомо чему поверили. Толко лише людие потеряли, а их (Алтыулов. — *В.Т.*) пуще отгонили». От воевод требовали вызвать к себе Кара Кель-Мухаммеда и допросить, что он говорил Султанаю по выходе того из тюрьмы и чем так напугал, да внушить ему, что «так делают изменники, а не прямые холопы, которые служат нам, великому государю». А тех алтыульских мирз, которые повинятся, надлежит принимать под покровительство и давать жало-

¹² Впервые калмыки (ойраты), мигрировавшие с востока, вышли к Эмбе весной 1607 г.

ванье, «смотря по людям» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 261–263). После этого выговора воеводы решились организовать новый рейд на восток, тем более что его требовали и местные стрельцы, и Большие Ногаи, возмущенные пленением посольства, а также сам оскорбленный Яков Бухаров. В пяти «днищах» за Эмбой Алтыулы были полностью разбиты и рассеяны по степи (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 103, 104, 127, 144).

Султанай, Шейх-Мухаммед и прочие восточные мирзы, распродав к тому времени в рабство служилых людей из астраханского посольства, задумались, что делать дальше. «Молодые» мирзы пугали старейшин новой карательной экспедицией русских. Султанай предлагал откочевать под защиту хивинских или казахских ханов; Шейх-Мухаммеду и его брату Кулаю более подходящим направлением миграции казались бухарские владения. Кроме того, была возможность присоединиться к туркменам или калмыкам. Во время этих споров произошла даже ссора между предводителями: какой юрт выбрать для переселения? Султанай и Шейх-Мухаммед стали кочевать порознь. Воеводы доносили в Посольский приказ, что «мыслят... алтыулские мурзы и улусные их люди брести розно, где кому ближе и лутче. Половина... мурз и улусных их людей хотят идти в Казачью Орду, в Трукустан, а другая половина в Юргенч». В любом случае Алтыулам следовало начинать переговоры с соседями, и «наперед которой посол придет [и скажет], что им поволно будет у них кочевать, – тут де им и быть» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 105, 106, 127, 128, 144, 151, 152; д. 2, л. 338, 339, 343).

Однако все планы рухнули из-за вмешательства калмыков. Тайши подошли вплотную к алтыульским становищам, и мирзам не осталось выбора ориентации. Вместе с калмыцкими предводителями они стали и кочевать, и нападать на Больших Ногаев. В конце 1628 или начале 1629 г. один из главных алтыульских мирз Кулай б. Касим бежал в Бухару, Шейх-Мухаммед откочевал на юг, «в Шаминские пески». Султанай остался под властью тайшей (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1629 г., д. 1, л. 41)¹³.

Нападения калмыков на кочевья Алтыулов фиксируются с начала 1620-ых гг. Именно из-за них Султанай тогда перебрался в Астрахань и «учинился в холопстве» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 12). Шейх-Мухаммед тем временем старался не задирать тайшей и поддерживать с калмыками добрые отношения, обмениваясь посольствами. Одно из них находилось у него в тот момент, когда в Алтыульскую Орду явился Я.Бухаров. Калмыцкие послы убеждали мирз объединить усилия в нападениях на Больших Ногаев.

¹³ Пески Шам (Сам) находились, по разным оценкам, «от Енбы реки... лехким делом, о двуконь, три дни», «от Ембы к Юргенчу за четыре днища» или «к Юргенчи... от Ембы ездз ден з десять» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 88; д. 2, л. 342; Памятники 1892: 250).

Вскоре прибыло еще одно посольство с приглашением мирзам кочевать совместно с калмыцкими улусами. Шейх-Мухаммед и Султанай отнекивались, ссылаясь на «зимнюю пору» и обещали перейти во владения тайшей летом. А меж себя решили, что «калмыки их оманут и побьют», и «покочевали от калмыков в сторону». Это произошло в начале 1628 г. В глубине степей начались совещания и размышления о дальнейшей судьбе Алтыулов. Произошел разрыв между Шейх-Мухаммедом и Султанаем, о котором говорилось выше. На обособившиеся стойбища Султаная неожиданно обрушился Ухандар-тайши. Этой части Алтыулов удалось засесть в наспех сооруженном «городке тележном». Нападавшие не стали сражаться, а начали переговоры. Султанай дал все возможные обещания, лишь бы калмыки ушли – и те удалились, заручившись очередными заверениями мирзы с наступлением лета перебраться в калмыцкие владения (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 125, 126, 137, 138, 145, 152, 153).

Долго противостоять огромной массе монгольских кочевников, вливавшихся в казахстанские степи, было невозможно. Осенью 1628 г. Султанай сам выступил инициатором объединенного калмыцко-алтыульского набега на Больших Ногаев (две тысячи калмыков и лишь полторааста алтыульцев). Он решил смириться и подчиниться тайшам. Русский полоняник, побывавший в калмыцкой неволе, рассказал, что мирза заключил с новыми покровителями союз на условиях, что «им быть в дружбе и кочевать вместе, и дали... алтаулские мурзы калмыком надобные места и саигачьи ловли» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 2, л. 343, 344; 1629 г., д. 1, л. 25).

Шейх-Мухаммед же проживал в отдалении, избегая тесных контактов с очередными владыками Дешт-и Кипчака. Но подавать малейший повод для конфликта с ними боялся. На приглашения к походам на бия Большой Ногайской Орды Каная он отвечал якобы вынужденным отказом (он-де обещал своим улусникам не нападать на ногаев), но заявлял, что тайши и Султанай могут взять на войну его подданных. Не нравился ему и план Султаная поселиться в Волго-Яицком междуречье после вытеснения Больших Ногаев на Крымскую сторону Волги (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1629 г., д. 1, л. 32, 33, 38, 39).

Удары по владениям Каная становились все сильнее. В 1628–1630 гг. состоялось несколько калмыцко-алтыульских походов за Яик. Султанай действовал в них как проводник (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1629 г., д. 1, л. 36, 41; 1630 г., д. 1, л. 6–11; Богоявленский, 1936: 67). В первой половине 1630-ых гг., после ухода большей части ногаев на волжское правобережье, некоторые алтыульские улусы переместились в степи между Яиком и Волгой. Пребывание под властью тайшей тяготило мирз, и они вступали в тайные переговоры с Астраханью о переходе под царское покровительство. Но тайши бдительно следили за своими тюркскими подданными и всегда держали часть собствен-

ных кочевий неподалеку от Алтыулов, чтобы те не переметнулись к русским (РГАДА, ф. 127, он. 1, 1637 г., д. 1, л. 86; 1638 г., д. 1, л. 104; 1639 г., д. 1, л. 33).

С мусульманскими владениями на юге Алтыулы традиционно поддерживали дружественные отношения. В 1614 г. самарский воевода отписывал, что «Казачья... Орда и Кораколпаки и Алтаулы меж себя ныне в совете... а с юргенским с Арап-ханом (хивинским ханом Араб-Мухаммедом б. Хаджи-Мухаммедом. – В.Т.) Казачья Орда, Кораколпаки и Алтаулы в миру же» (Акты, 1841а: 421). В казахских пределах проживали алтыульские мирзы и улусы, откочевавшие на восток в пору ногайской смуты конца XVI в. Некоторые навсегда обосновались там, обретя пристанище «в Туркустане с Казацкою Ордою вместе» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. л. 117; 1638 г., д. 1, л. 105). Многие алтыульцы в начале XVII в. нашли приют в Мавераннахре, пристав «к бухарскому» и кочуя в Хорезме «под Юргенчем» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 163; 1616 г., д. 1, л. 102; Акты 1918: 132).

Связи между родом Шейх-Мамайя и ургенчскими (хивинскими) династиями сложились прочные. Среднеазиатский хронист XIX в. Мунис пишет, что мирза Шейх-Мухаммед был воспитан при дворе хана Араб-Мухаммеда. Во время распри последнего с собственными сыновьями Хабашем и Ильбарсом Шейх-Мухаммед не оставался в стороне. Он схватил разгромленного отцом Хабаша, который пытался найти убежище у Алтыулов, и выдал на верную смерть Исфендиару б. Араб-Мухаммеду, сохранявшему верность хану. Удел Хабаша был разорен хивинскими войсками, и часть его населения тоже ушла к ногаям (Материалы 1969: 450; Aboul-Ghazi 1871: 290). В конце 1620-ых гг., когда вожди Алтыулов после разгрома астраханского посольства Я.Бухарова решали, к кому перейти в подданство, Шейх-Мухаммед находил наиболее приемлемым для себя хивинский вариант, нежели калмыцкий, и потому вступил в переписку с новым ханом Исфендиаром. Тот настойчиво призывал мирзу перебраться в Хорезм «безо всякие боязни», обещая ему «ис пяти городов любой город», удерживая подвластных туркмен от набегов на Алтыулов (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 121, 356, 357; 1628 г., д. 1, л. 70).

Как нам уже известно, калмыцкие правители оказались проворнее и первыми сумели обратить под свою власть восточно-ногайские улусы. Под предводительством тайшей Алтыулы против своей воли совершали нападения в том числе и на Хивинское ханство, но при любом удобном случае старались восстановить мирные отношения с Исфендиаром¹⁴.

¹⁴ О дальнейшей судьбе Шейх-Мухаммеда известно из статейного списка московских послов к бухарскому хану Надир-Мухаммеду в 1641 г. Оказывается, мирза «из Калмык бежал в Бухары», где занял довольно значительное место при дворе. Во всяком случае, именно он консультировал хана по вопросу о судьбе русского полона, который настойчиво поднимало царское посольство. В итоге Надир-Мухаммед

В конце 1630-ых гг. во время обострения раздоров в Мавераннахре в их кочевья в очередной раз хлынули беженцы-узбеки (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 52, 53; Aboul-Ghazi 1871: 306). Но самостоятельной политической силы Алтыульская Орда уже не представляла. Вскоре ее пастбища стали постепенно заселяться казахами. Последним «всплеском» значимости этого подразделения бывшей Ногайской Орды можно считать упоминание анонимного «алтаульского большого мурзы» на первом месте в перечне раздачи жалования после планировавшегося приведения к шерти новоназначенного бия и мирз в 1651 г. (Собрание 1822: 467). Тогда в Посольском приказе созрела идея возродить ногайское единство под русским присмотром, но она так и осталась неосуществленной.

Джембойлук. Часть населения Алтыульского улуса фигурирует в источниках под именем джембойлуков. Происхождение этого слова понятно и практически общепризнанно в науке. *Джембойлук/Йембойлык* означает «живущие по реке Эмбе» (см., например: Баскаков 1940: 136; Калмыков и др. 1983: 26; Юдин 1992: 53). Такое же объяснение давали и ногайцы в начале XX в. (Пашин, 1912: 39). Впрочем, иногда встречаются и более экзотичные трактовки: например, от имени города Джамбалек на карте каталанского атласа 1375 г. на правом берегу Нижней Волги (а город-де в свою очередь назван так по имени соборной мечети Джам) (Брун 1872: 11, 16)¹⁵.

Столь раннее существование особой общности на Эмбе еще в золотоордынскую эпоху сомнительно. Некоторые намеки появляются в XV в., когда заезжие европейцы Иоанн де Галонифонтибус и Иоганн Шильтбергер в своих описаниях Дешт-и Кипчака упомянули похожие понятия: «Северными соседями (Великой Татарии) являются Россия и йахабри»; «...Между золотыми татарами есть три поколения: кайтаки, джемболуки и монголы. Их страна имеет протяжение в три месяца ходьбы, представляя собой равнину, в которой нет ни леса, ни камней, и есть только трава и камыш» (Галонифонтибус 1980: 13; Шильтбергер 1984: 45–46). В старонемецком тексте И.Шильтбергера

согласился освободить пленных лишь в обмен на освобождение с астраханского Замклого двора алтыульских аманатов (Статейный 1995: 58, 59).

¹⁵ Эта теория Ф.К. Бруна сплошь основана на недоразумениях. Джамбалек – это, конечно, юаньская столица Ханбалык, ошибочно помещенная картографом на Волге. Более того, Ф.К. Брун считал, что к «Джембойлукской орде», якобы располагавшейся в тех местах, принадлежал татарин Джамбо, который служил проводником у бургундского рыцаря Жильбера де Ланнуа в причерноморских степях в 1421 г. (Брун 1872: 16). Но тот Джамбо жил на Днепре под властью литовского господаря Витовта и никак не был связан ни с ногаями, ни с Эмбой, ни с джембойлуками (Ланнуа 1852: 8). В качестве курьеза укажем также на мнение А.Скальковского о происхождении польского глагола *чамбуловать* (наезжать) от набегов джембойлукцев (Скальковский 1843: 110).

на месте предложенных переводчиком Ф.К. Бруном «джемболуков» стоит *йабу* (см.: Галонифонтибус 1980: 32 (примеч. Л.Тарди)). П.Пельо тоже увидел в *йахабри* Галонифонтибуса *ихабу/йабу* (Галонифонтибус 1980: 32). Если это отождествление верно, то река Эмба здесь ни при чем, и оба средневековых автора писали о тюрко-кипчакском (узбекском) племени йабу (древнетюрк. *ябгу/йабагу*, отмеченное еще Махмудом Кашгарским в XI в.). Однако неизвестно, расселялся ли этот эль именно на Эмбе¹⁶.

В литературе можно встретить утверждения, что джембойлуки обособились раньше Малых Ногаев и Алтыулов, или будто бы они ушли из Большой Ногайской Орды «за междоусобною ссорю» (Бутков 1869: 170; Калмыков и др. 1983: 26; Новосельский 1948а: 15). В известных мне источниках ни тот, ни другой тезис не находят подтверждения. Весной 1560 г. Исмаил сообщил Ивану IV: «А отца моего юрт был по трем рекам: по Волге да по Яику, да по Емь реке (Эмбе. – В.Т.). И которые люди на реке на Еме, тех люди астараканские люди (русские. – В.Т.) воюют. А которые люди улусные в моем имени, и тех воюют – то как меня воюют» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 167–167об.). Следовательно, эмбинских ногаев бий считал своими улусниками, заступаясь за них перед царем.

Принципиально, что в тех же местах располагались кочевья Шихмаевичей-Алтыулов, которые уже начали обособляться. Исмаил никогда не заявлял о потомках Шейх-Мамая как о своих безраздельных подданных, поэтому эмбинцы (джембойлуки) в грамоте 1560 г. пока не могут отождествляться с Алтыулами. Однако уже в первой половине XVII в. для такого отождествления пожалуй, можно найти основания¹⁷.

Первое упоминание разбираемого понятия относится к событиям конца 1620-ых гг. Калмыцкий хронист начала XIX в. Батур-Убуши-Тюмен рассказывает, что тайши торгоутов Хо-Урлюк, спасаясь от усобиц среди ойратов, двинулся на запад, «напав на цжумбулаков, тюркменов и татар (мангат), пропитал своих подвластных их скотом» (Калмыцкие 1969: 36–37). Анонимное «Сокращенное изложение истории калмыцких ханов» XVIII в. (?) гласит, что

¹⁶ Племенной состав джембойлуков неизвестен. Выше отмечалось, что в составе эмбинских ногаев по одному разу упомянуты лишь эли канглы и месит. Близость джембойлуков к Мангышлаку и прочим кочевым территориям туркмен позволяет признать вероятной гипотезу С.Г. Агаджанова об интегрировании компактной туркменской группы в состав джембойлуков (Агаджанов 1993: 37).

¹⁷ Такое же мнение см. у А.Каппелера, Б.-А.Б. Кочекаева, А.А. Новосельского и В.П. Юдина (Кочекаев 1988: 102, 103; Новосельский 1948а: 15; Юдин 1992: 40; Kappele 1992: 90), хотя эти авторы специально не исследовали историю джембойлуков. Бездоказательно приписывание А.Беннигсеном и Ш.Лемерсье-Келькеже основания «Эмбулакской Орды» детям бия Саид-Ахмеда б. Мусы Сююндюку и Эвгашу (Bennigsen, Lemerrier-Quellejeay 1976: 206, 209).

Хо-Урлюк, «не доходя до реки Урала (Зай) ... покори́л Ембулуковских (Цзимбулук) татар, кочевавших при реке Ембе», а за Яиком – народы «Ногай, Хатай-хибчак, Чжитесен (т.е. едисан. – *В. Т.*)» (Калмыцкие 1969: 51; см. также: РГАДА, ф. 127, оп. 2. 1552 г., д. 1, л. 1, 1об.)¹⁸.

Кто же были эти жертвы калмыцкого завоевания на Эмбе? Здесь могут помочь некоторые оговорки в материалах калмыцко-русских отношений середины XVII в. В ноябре 1649 г. Дайчин-тайши говорил посланнику И.И. Онучину: «А как мы под Астараханью ногайских, едисанских и ембулуцких мурз и улусных их татар за саблю взяли, и мы... с теми ногайцы по сю пору и кочюем вместе» (РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1649 г., д. 5, л. 23). В феврале 1655 г. калмыцкие послы клялись по шертной записи, в которой, в частности, содержалось обязательство тайшей не чинить насилий в отношении «государевых изменников, нагайских и едисанских, и ембулуцких мурз и татар, которые в прошлых годах, изменя государю, из-под Астарахани отошли к тайшам... в калмыцкие улусы» (ПСЗ, т. 1: 357).

Получается, что джембойлуки «изменили» и ушли от Астрахани (или были завоеваны, в трактовке Дайчина) до 1649 г. Заметная миграция из Нижнего Поволжья на Яик случилась, вероятно, только однажды – когда Султанай Шихмамаев весной 1627 г., едва выйдя из астраханской тюрьмы, устремился на восток, к своим сородичам Алтыулам, возглавляемым Шейх-Мухаммедом. Оба мирзы стали кочевать по Эмбе, где их и настигло нашествие Хо-Урлюка. Следовательно, «джембойлуки» в документах, связанных с калмыками, – это то же самое, что Алтыулы воеводских отписок первой половины XVII в. Через полтора десятка лет эмбинские ногаи были, по словам Дайчин-тайши, «нашими холопями», с которыми калмыки кочевали по их бывшим рекам и урочищам (РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1649 г., д. 5, л. 23). Новые правители использовали джембойлуков как военную силу в своих походах и посылали в самостоятельные набеги за ясырем (Кабардино-русские, 1957: 244; Материалы, 1932: 330). В течение нескольких последующих десятилетий джембойлуки вместе с частью едисанов кочевали в Западном Казахстане, пока тех и других не погромил калмыцкий хан Аюка и не прогнал на Куму и Кубань (по другим сведениям, их сманили на Кубань крымцы и турецкий наместник) (Георги 1799: 38; Тунманн 1991: 46).

Пребывание джембойлуков под калмыцким владычеством, отказ их от борьбы с тайшами, участие в набегах на ногаев настроило последних против эмбинцев. Озлобление это ярко выражено в песне «Джембойлук» ногайского поэта XVII в. Казы-Тугана Суюнч-улы: «Эти, называемые джембойлуками,

¹⁸ Едисан – территориальное объединение ногайских улусов, фиксирующееся с конца XV в. Во второй половине XVII в. часть едисанов, откочевавших в северо-западное Причерноморье, образовала особое объединение, Орду.

Предают отцов до шестого поколения. Когда на страну нагрянуло бедствие, Когда мои героические ногайцы, Истекая кровью, Сражаются и гибнут, Мои джембойлукские сородичи, Словно холощенные верблюды, Отвернувшись от всех, отлеживаются» (Сикалиев 1994: 49–50). В другой исторической песне Казы-Туган приписывает «неверующему Эмбойлыку» пренебрежение устоями мусульманской веры (Антология 1980: 300). Хотя в дальнейшем это враждебное отношение уясло, джембойлуки выделялись в общеногайском сознании как особая группа (*ембойлуклар*), отличная от остальных ногайцев (Керейтов 1995: 35).

* * *

Таким образом, Алтыульское объединение закончило свое самостоятельное существование приблизительно одновременно с Большой Ногайской Ордой и Казыевым улусом – в конце первой трети XVII в. Ногаи-Алтыулы, ослабленные и раздробленные, не смогли сохранить самостоятельность и попали в зависимость от калмыков. После ухода последних в Нижнее Поволжье к середине XVII в. одна их часть вошла в казахский Младший жуз, смешавшись с казахами, другая переселилась в причерноморские и северокавказские степи вслед за Большими и Малыми Ногаями.

В результате нескольких волн переселений XVI в. ногайский элемент прочно закрепился в составе казахского этноса. Присутствие этого элемента было особенно заметно на западе Казахстана, где до начала XX в. сохранялись группы *ногай* и *мангытай*. Несомненным стимулом для ассимиляции послужило и то, что Младший жуз целиком расположился на бывшей территории Ногайской Орды. Полное поглощение потомков ее жителей казахами произошло, очевидно, в конце XVII – начале XVIII в., когда массы кочевников хлынули с востока в приуральские степи, спасаясь от джунгарского нашествия.

Ногаи в Башкирии (XV–XVII вв.)

В истории Башкортостана и башкирского народа ногаи оставили заметный след. Ногайский мост в Уфе через реку Белую и «ногайская сторона» этой реки (Отводная 1971: 297; Шишонко 1881: 97), названия селений и урочищ сохранили свидетельства господства Ногайской Орды на Южном Урале. Несомненным реликтом той эпохи является и ногайский пласт в этнонимии башкир – главным образом, в юго-восточной части республики¹. Гегемония ногаев существовала здесь на протяжении XV – третьей четверти XVI в. Именно она была основным фактором политической истории Южного Урала в позднем средневековье, а отношения местных племен с южными кочевниками-пришельцами – главным содержанием политических событий (Кузеев 1978: 173; Кузеев 1992: 104). В науке за данным периодом обоснованно закрепилось наименование ногайского. Кроме того, башкир южной, юго-западной, юго-восточной и центральной частей нынешнего Башкортостана нередко называют ногайскими (т.е. подчинявшимися Ногайской Орде), а всю эту территорию – Ногайской Башкирией. Это тоже резонное обозначение, тем более что башкиры и собственно ногаи были настолько тесно связаны между собой, что народные генеалогии-шеджере и авторы XVIII–XIX вв. (И.К. Кириллов, П.И. Рычков, В.Н. Татищев и др.) не всегда проводили грань между ними (Рахматуллин 1988: 42). В этническом отношении основным содержанием ногайского периода оказалось увеличение кипчакского компонента в среде местного населения – вторая волна мигрантов-кипчаков (после первого притока XIII–XIV вв., вызванного монгольским нашествием) (Кузеев 1978: 173).

Уже в золотоордынское время башкирская лесостепь привлекала кочевников, искавших спокойной жизни. Башкирия лежала в стороне от основных маршрутов военных походов и торговых путей и представляла интерес для властей Улуса Джучи, главным образом, как сырьевая база, источник пушнины, меда, воска, кожи и т.д. (Егоров 1985: 106).

В этом очерке мы попытаемся осветить некоторые моменты политической и отчасти экономической и социальной истории Башкортостана ногайского периода. Насколько нам известно, специальной работы по проблеме ногайского господства над башкирами не существует, хотя в сводных исторических трудах ей отведены специальные разделы (см., например: Мажитов, Султанова 1994; Открытая 1995). Однако основное внимание уделялось або-

¹ Расселение родоплеменных подразделений башкир с этниконом «ногай» см.: Кузеев 1978: 180, рис. 16.

ригенному этносу; ногаи же изображались как эксплуататоры и лишь в качестве объекта освободительной борьбы местного населения.

Территория и население Ногайской Башкирии. Для начала попытаемся очертить пределы ногайских владений на Южном Урале. В историографии уже давно и подробно описаны ареалы расселения башкирских племен. Поэтому остановимся на кочевьях собственно ногаев. Уже исходя из особенностей их экономики – кочевого скотоводства, можно догадываться, что привлекала их прежде всего степная зона. Действительно, в одних исторических преданиях утверждается, будто кочевой ареал ногаев на севере ограничивался реками Уршаком и Демой, в других – Сакмарой и Кинелью, а шеджере называют в качестве такового бассейны Сакмары, Яика и Белой; на западе кочевья упирались в реку Ик (Кузеев 1974: 318 (шеджере племени юрми); Мажитов, Султанова 1994: 341 (шеджере племени юрматы); Самарская 1993: 40; Соколов 1898: 49). Анализ летописных сообщений также привел Д.М. Исхакова к выводу о том, что район реки Белой в ногайский период не включался в непосредственно башкирскую территорию (Исхаков 1985: 46). Однако учитывая смешанное расселение башкирских и кипчако-ногайских групп, четко разграничить районы кочевания и проживания тех и других весьма затруднительно. Гораздо с большей уверенностью можно наметить в целом площадь Башкирии, контролировавшуюся Ногайской Ордой.

Западной границей Ногайской Башкирии без сомнения являлся Ик. По полевым записям Р.Г. Кузеева, эта река не просто разделяла ногаев и башкир-юрми; те и другие с противоположных берегов стреляли друг в друга из луков (Кузеев 1974: 318) – то есть находились во враждебных отношениях, и юрмицы не могут считаться ногайскими подданными. По татарскому шеджере потомков ногайца Герает-бия, они, эти потомки, долго проживали к востоку от Ика и только в конце XVII в. перешли на его «татарский» берег (Шеджере)². Р.Г. Кузеев определил сферу ногайского господства к западу от Уральского хребта – до низовьев Белой, к востоку – до верховьев Яика и Ая (Кузеев 1974: 484).

Данное мнение полностью согласуется с данными источников начала XVII в. В 1601 г. уфимский воевода М.А. Нагой сообщил своему тюменскому коллеге Л.А. Щербатову, что по донесениям ясачных татар, сорок ногайских сборщиков ясака взимали подати «в Уфинском уезде с ясачных волостей от устья Белы Воложки (т.е. реки Белой. – В.Т.) до уфинские и до аиские вершины и на Катайской волости» (Миллер 1941: 165)³. Упоминание последнего

² Автор искренне благодарен Н.Н. Мириханову за возможность ознакомиться с фамильными документами, отражающими родословную потомства Гирает-бия.

³ Речь здесь идет о Катайской волости Сибирской даруги, примыкавшей к верховьям Уфы и Ая с северо-востока. Катайская волость Ногайской даруги находилась

топонима позволяет расширить область ногайской гегемонии дальше на восток. Тем более что в 1623 г. калмыцкий тайши заявил жителям именно этой волости: «Наперед вы сего давали ясак ногайцом, а ныне... дадите ясак (мне. – *В. Т.*), а я... к вам пришлю для ясаку послов своих» (Миллер 1941: 292). Таким образом, резонно заключить, что северо-восточной границей Ногайской Башкирии служил восточный рубеж Катайской волости Сибирской даруги – приблизительная меридиональная линия по южноуральским озерам: Иткуль (или, может быть, Щелкун), Синарское, Касли, Кизыл-Таш, Увильды, Аргази. Еще южнее подобную границу – восточную – возможно провести по верхнему течению Уя (может, быть, до впадения в него Увельки), по обеим сторонам которого некогда также обитали «роды ногаев, господствовавших над башкирами восточно- и западноуральскими» (Словцов 1886: 12).

Если сопоставить намеченные нами пределы Ногайской Башкирии и собственно ногайских кочевий с административной картой Башкортостана XVII–XVIII вв., то обнаружится примечательное соответствие. Ногайская даруга совпадала с регионом кочевых передвижений ногаев, а Казанская и Сибирская даруги – с областью расселения башкирских племен, подвластных Ногайской Орде. Это противоречит утверждениям отдельных авторов, будто все владения ногаев в Башкирии позднее вошли в одноименную даругу (Очерки 1955: 675; Открытая 1995: 68). Географическая корреляция свидетельствует о довольно раннем учреждении даруги, когда башкиро-ногайское разграничение еще не забылось. Р.Г. Игнатьев и Н.А. Гурвич уверенно называли 1575 г. временем деления на даруги (Игнатьев, Гурвич 1883: IV). В недатированной грамоте о пожаловании Иваном IV тарханства родовым биям, приведенной А.Рябининым, указано, что размежевание началось через три года после завоевания Казани (Рябинин 1886: 3, 4) – т.е. около 1555 г. Хотя казанский прецедент в делении на даруги наиболее вероятен⁴, т.к. Казанское ханство состояло именно из даруг, все-таки в 50-ых годов XVI в. ногаи еще представляли собой слишком значительную и независимую силу, чтобы русские власти осмеливались открыто включать подвластные ногаям земли в состав Московского государства, да еще делить их на области-даруги.

Письменные и фольклорные памятники называют несколько зон и маршрутов перекочетов ногайской знати: а) летом передвигались вверх и вниз по Яику, а также по рекам Берде, Сакмаре, Салмышу, Юшатырю, Ори, Танальку, Кизиму; зимой переходили Уральские горы и кочевали по рекам Белой, Сокале, Ашкадару, Куганаку, Шкадру, Деме, «где места лесистые и теплые»; б) «от устья Демы реки по Казанской дороге вниз по Белой, по Карсалану, по

намного южнее. Мы используем тюркско-монгольский вариант термина – *даруга*, вместо исковерканного в русских канцеляриях *дорога*.

⁴ На это указывал еще А.А. Дмитриев (Дмитриев 1900: 31).

Черемшану, по Куюше, по Базе, по Сюну и вверх по Аю рекам»; в) зимовье в районе города Уфы, летовье на реке Деме; однако воеводская отписка 1613 г. называет Уфу пунктом весеннего кочевья (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 1, л. 2⁵; Рычков 1896: 69, 185). Поскольку фиксируются и летние, и зимние кочевья, можно сделать вывод о круглогодичном кочевании на территории Ногайской Башкирии, и такой вывод уже отражен в литературе (Мажитов, Султанова 1995: 340). Действительно, нет данных о периодических ежегодных откочевках башкир или ногаев с Южного Урала на юг – по одной из двух систем ногайских перекочевок: к низовьям Сырдарьи или Волги, к Аралу или Каспию.

Таким образом, в экономическом отношении Ногайская Башкирия являлась замкнутой зоной кочевого скотоводства и, следовательно, имела достаточный потенциал для возможного сепаратизма и отделения от Ногайской Орды. В условиях номадной ранней государственности подобная невключенность в «общегосударственные» кочевые циклы позволяла населению северной периферии Орды выйти из повиновения, не нарушая течение обычной экономической жизни ногайской державы и тем самым не вызывая раздражения и агрессии со стороны скотоводов, пользовавшихся этими циклами.

Экономическая замкнутость и политическая обособленность Ногайской Башкирии приводит к мысли о существовании здесь особого территориального подразделения – удела или наместничества. Первые сведения о внутреннем членении Ногайской Орды относятся к первой половине XVI в. и исходят от С.Герберштейна: «В наше время этими (ногайскими. – В.Т.) княжествами владели трое братьев, разделивши области поровну между собой. Первый из них, Шидак, владел городом Сарайчиком, что за рекой Ра (Волгой. – В.Т.) на восток, и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум, – всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий из братьев, Ших-Мамай, обладал частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной» (Герберштейн 1988: 179). И выше: «Область Сибиер... В ней начинается река Яик, которая впадает в Каспийское море. Говорят, эта страна... если где и обитаема, то там правит татарин Ших-Мамай» (Герберштейн 1988: 163–164). Данные Герберштейна весьма достоверны: ведущими политическими фигурами у ногаев в то время в самом деле были три брата: верховный правитель-бий Саид-Ахмед (диалектное Шейдяк–Шидак у Герберштейна), Шейх-Мамай и Хаджи-Мухаммед (диалектное Кошум–Коссум у Герберштейна). Именно к периоду правления данного триумvirата относится разделение ногайской державы на западную и восточную провинции-крылья, а также «центр» во главе с бием Сайд-Ахмедом (Трепавлов 2001: 190–197)⁶.

⁵ Ногаи «на весну будут кочевать под Уфинской город, как снег соидет вскорее».

⁶ Косвенным подтверждением подданства башкир трем ногайским административным подразделениям может служить информация шеджере племени мин о том,

Цитированный фрагмент сочинения австрийского дипломата уже привлекал внимание историков и интерпретировался ими. Так, Г.Газиз считал, что правитель западного крыла – в данном случае Кошум «держал в повиновении весь Башкортостан и брал с него ясак» (Газиз 1994: 91). В.А. Иванов и А.Н. Усманов полагают, будто Центральная и Юго-восточная Башкирия до слияния Уфы и Белой подчинялись орде Саид-Ахмеда, а Северо-восточная (северные отроги Южного Урала, долины Ая, Юрюзани, верховья Уфы, Зауралье) входила в орду Шейх-Мамая. Граница между этими ордами в Башкирии проходила по хребтам Южного Урала (Усманов 1982: 61; Открытая 1995: 64). Однако источники не дают оснований для подобного разграничения башкирских земель. Верховный наместник Ногайской Башкирии всегда был один, я можно вести речь о едином наместничестве⁷. А раз так, то мы вправе поставить вопрос о его южных границах (северные, западные и восточные рубежи мы попытались выяснить выше) и его административном центре.

В упоминавшейся грамоте о тарханстве, по А.Рябинину, родовые старейшины просили провести «нижнюю межу по Яику реке в урочище Сарайчук» (Рябинин 1886: 3). Если имелись в виду руины ногайской столицы на нижнем Яике, разрушенной в 1581 г., то царь, конечно, не стал «отарханивать» столь отдаленные земли и включать их в новую даругу. Но в принципе широта Сарайчука соответствовала южным границам исторической Древней Башкирии – бассейнам рек Большой и Малой Узеней, Чагана, Чижинским разливам (Кузеев 1992: 256).

Единственный раз упоминается о «столичном» пункте, из которого осуществлялось управление башкирами. Ногайский мирза Динбай б.Исмаил в 1581 г. вспоминал обстоятельства, предшествовавшие вступлению его в 1578 г. в должность нурадина – главы правого крыла Ногайской Орды: «... яз кочевал за Ейком на реке на Еми, имал есми из башкирды дани» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 10, л. 131об.). Река Эмба фигурирует и в историческом предании, записанном П.И. Рычковым: во время междоусобицы один из двух ногайских наместников Башкирии создает на Эмбе базу для борьбы с соперником – дру-

что после откочевки основной массы ногаев в южные степи башкиры продолжали платить ясак трем улусам (Кузеев 1957: 8). Три улуса иногда интерпретируют как Казанское и Сибирское ханства и Ногайскую Орду. Но Казань ко времени ногайского исхода уже была завоевана русскими, и башкиры стали платить ясак России. К тому же шеджере связывает платежи в пользу трех улусов исключительно с ногаями. Кстати, получение доходов с Башкирии обоими крыльями и «центром» Орды говорит о том, что башкиры не включались в дуально-крыльевую структуру ногаев.

⁷ Это заключение сделано автором на основе архивных материалов. См. также выше, сноску 6. Местного ногайского правителя назвал наместником Р.Г. Кузеев (Кузеев 1974: 500). Полностью согласен с этим обозначением и принимаю его.

гим наместником (Рычков 1896: 69). Очевидно, можно полагать, что верховное управление Ногайской Башкирией велось из эмбинских кочевий – центра левого крыла Орды, а также, естественно, из Сарайчука.

Но на Южном Урале существовали и более мелкие владетели, в том числе и ногайские, которые тоже имели свои ставки. Из материалов разного рода можно получить представление об их расположении. За исключением уфимского городища, почти все они расцениваются как резиденции удельных башкирских или ногайских правителей.

Безусловным и общепризнанным, сохранившимся в памяти потомков провинциальным центром Ногайской Башкирии, являлось уфимское городище⁸. В народном сознании столичная роль этого пункта утвердилась настолько, что эта местность стала трактоваться в преданиях как кочевье главного хана с собирательным именем Ногай (Игнатъев 1868: 22). Причем башкирские сказители относили основание здесь ставки ногайского правителя еще к дочингисовским временам (Соколов 1898: 49). Помимо укрепленного поселения на правом берегу реки Уфы, предания называют и другое городище – Ак-Тюба под Оренбургом (Очерки 1955: 675). Историческая память отобразила данное двоецентрие таким образом, что и Чертово городище на Уфе, и Ак-Тюба принадлежали государям-братьям. Хан Басман кочевал у Сакмарского устья, где и поставил Ак-Тюбу, но был вытеснен ногаями на юг. Его брат Тюря обосновался в районе Уфы (Игнатъев 1883: 334; Рычков 1949: 185).

В родословных и легендах фигурируют и другие местности как главные стойбища ногайских наместников. Например, долина реки Демы (озеро Азкырат) значителен как летнее кочевье «ногайских ханов, покуда они владели башкирами» (зиму они проводили в Иман-кале). Затем, после начала откочевки основной массы ногаев на юг, ставка переместилась под Стерлитамак, в крепость Тура-тау (Филоненко 1915: 29; Усманов 1982: 131, 132). Кроме того, в качестве резиденций ногайских удельных правителей интерпретируются городища Кара-Абыз под Благовещенском и Чертово под Бирском (Открытая 1995: 64, 65).

Таким образом, есть основания утверждать, что Ногайская Башкирия представляла собой особую провинцию Ногайской Орды с относительно фиксированной территорией, административными центрами, верховными и удельными наместниками.

Кто населял Ногайскую Башкирию? В источниках встречаются три этнонима, обобщенно характеризующих жителей Башкортостана XV – середины XVII вв.: ногай, башкир, истяк (иштяк, иштек и т.п.).

⁸ Местное название – Иман-кала (Усманов 1982: 224; Шежере).

Вопрос об истяках довольно сложен. Автору научной концепции этногенеза башкир Р.Г. Кузееву принадлежит, вероятно, наиболее детальный обзор распространения данного этнонима среди южноуральских тюрков. Возникнув в эпоху раннего средневековья на Сыр-дарье, в приаральских степях, слово *истяк* в ходе миграций переместилось на север. Башкирские источники включали в состав истяков племена ай, усерган, тамьян. Со временем группа носителей этого этнонима расширилась и на протяжении нескольких столетий включила в себя еще несколько племен башкир, образовавших, следовательно, ряд этнических напластований (Кузеев 1966: 90; Кузеев 1974: 205). Шеджере объясняли появление истяков как результат раскола ногаев при их исходе из Башкирии: так-де стали называться те, что остались здесь во главе с бием Бурнаком (Башкирские 1960: 33 (шеджере племени юрматы)). Судя по всему, «истяк» для башкир – это экзоэтноним. Одним башкирским племенам он вообще неизвестен, другие помнят его как обозначение башкир восточными и южными соседями. Действительно, в XV–XVIII вв. эштеками башкир называли казахи (Кузеев 1960: 90). Вместе с тем встречается утверждение, будто так же именовали всех башкир и ногайцы (Кузеев 1968: 244; Ситнянский 1995: 44). Но известные нам материалы показывают, что однозначно так считать не следует.

Притязания ногайских предводителей на господство над «остяками», «истеками» высказывались неоднократно. В 1570-х годах некий Алатай-хазифиз «ежегод ездил воевать на остяки», посланцы высших мирз «ходили для ясаку в ыстеки» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 225, 367). Причем обосновывали это давностью, традиционностью подобных отношений: «И от прародителей наших от тех мест с ыстеков ясак емлем»; «От прародителей, от Едигея князя с остяков ясак имывали по старине» – и продолжали делать это в первой половине XVI в.: «Ещо... при казанском царе мы владели иштеками» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 234об.; 1586 г., д. 8, л. 1). Вариант написания «остяки» не должен вводить в заблуждение; конечно, имелись в виду не обские угры. В ряде документов ясно отображено, что эти «остяки» проживали в районе Башкирии, т.к. фигурируют «остяки Казанского уезда», а в 1578 г. ногаи «приходили... в Казанский уезд в остяки на верх Камы воевать» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 275, 391). В некоторых случаях понятия «башкиры» и «истяки» действительно выглядят синонимами. Выше приводились данные о будущем нурадине Динбае, который, кочуя на Эмбе, «имал... из башкирды дани». Но при этом «Тинбай мирзы люди... ходили ясаку збирати с ыстеков» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 234). А когда Динбай, «то все покиня, пришол на Волгу да нур[ад]ыном учинился», свои прерогативы по управлению северными провинциями Орды он передал племяннику Саид-Ахмеду. Тот не преминул известить об этом Ивана IV: «А брат мой (на самом деле дя-

дя. – В.Т.) Тинбай мирза что владел иштеки – мне пожаловал» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 46; д. 10, л. 131об.). В данном случае наблюдается полное совпадение этнонимов.

Но иногда в глазах ногаев эти «остяки»-истяки не были равнозначны башкирам, т.к., например, упомянутый набег 1578 г. совершался «по реке Каме на башкирдцы и на остяки Казанского уезда... И башкирдцы и остяки, собрався, иных побили...»; верховный ногайский бий Урус возмущался требованием русского правительства, чтоб ему, Урусу, «з башкирдов и с остяков дани никакие не имати» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 275; 1586 г., д. 8, л. 9). Скорее всего существовало какое-то (пока не определяемое по текстам) территориальное и этнографическое различие двух групп средневековых башкир: западная группа – истяки, восточная – собственно башкиры. В качестве гипотезы попробуем предложить такое разграничение: племена, кочевавшие вперемежку с ногаями (в будущей Ногайской даруге) обозначались как башкиры; те же, что селились на северо-западной и, может быть, северо-восточной периферии Ногайской Башкирии (в будущих Казанской и Сибирской даругах) – как истяки. Тогда в принципе можно согласиться с точкой зрения Д.М. Исхакова, что разбираемые этнонимы в XV – начале XVII вв. функционировали параллельно и отражали разную степень кипчакизованности башкир (Исхаков 1985: 54, 55).

При этом нужно учитывать принципиальный момент: башкиры с истяками и ногаи противостояли друг другу как уже сформировавшиеся этнические общности. Собственно, интегративных факторов в кочевой ногайской державе могло быть только два – общая государственная администрация и общая религия. О власти ногайских биев и мирз впереди будет подробный разговор; а вот ислам действительно способствовал сплочению разноэтничного населения и относительному единению подданных Орды. В одном из преданий говорится о миссии мусульманского проповедника Хусейн бека, посланца святого Ахмеда Ясави, к «дурным мусульманам»-ногаям Башкирии. Тот поселился в крепости Ак-Тура и стал главным имамом Ногайской Башкирии, преуспев в проповедническом служении (Игнатъев 1883: 334). Тем не менее различия между ногаями и «башкиро-истяками» оказались уже настолько значительными, что распространение ислама способствовало скорее «этноконфессиональной консолидации башкир в составе полиэтничного Ногайского ханства» (Фаизов 1995: 38), чем какому-то сближению их с ногаями.

Важными аргументами в пользу отсутствия широкой тенденции их взаимной ассимиляции могут служить следующие аспекты. Во-первых, на башкир и на истяков не распространялся политоним «ногай», обозначавший с 1480-х годов всех подвластных мангытскому бию номадов, безотносительно к их племенной принадлежности. Это могло быть возможным только при по-

явлении у коренных жителей Ногайской Башкирии собственного общего этнонима и этноинтегрирующего сознания. Во-вторых, абсолютно во всех башкирских источниках ногаи действуют исключительно под этим общим своим именем – несмотря на то, что они состояли из десятков племенных элей, и названия многих из этих элей совпадали с таковыми в среде башкирских племен⁹. Трудно говорить определенно, насколько эти родственные связи отражались на этнических взаимоотношениях в целом. Известна генеалогическая таблица из рукописного сборника башкирских шеджере, опубликованная Р.Г. Кузеевым, в которой перечислены сыновья башкирского первопредка Кинзи: Татар, Мишар, Нугай и Иштяк (Башкирские 1960: 174). Следовательно, этническое родство башкир с ногаями осознавалось. И все-таки в том же башкирском фольклоре, в частности, в эпосе «Таргын и Кужак», приводятся ситуации, позволяющие считать, что для местного населения было «позорным заключать с пришельцами (ногаями. – В.Т.) брачные союзы и вообще устанавливать близкие связи» (Киреев 1970: 192).

Инфильтрация на Южный Урал восточнокипчакских племен происходила еще в XIV в., в эпоху Золотой Орды, и продолжалась в последующем. Поэтому в определенном смысле установление сюзеренитета ногайских биев над башкирами стало продолжением и трансформацией прежних миграционных процессов. Но теперь, с учетом новых этнических и политических реалий, взаимоотношения аборигенов и пришельцев уже не ограничивались спорами из-за кочевий и охотничьих угодий. На башкирские земли ныне пришли не просто кочевые кипчаки. Башкирам пришлось столкнуться с одним из гегемонов Евразии XV–XVI вв. – Ногайской Ордой.

Башкирия в составе Ногайской Орды. В 1586 г. ногайский государь Урус выразил Ивану Грозному неудовольствие по поводу того, что «ты на четырех местех хочешь горо(ды) ставити» – и перечислил эти места: «на Уфе да на Увеке, да на Со(маре), да Белой Воложке». «А теми местами, – спрашивал бий, – твои деды и отцы владели ли?» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 8, л. 6, 7)¹⁰. Ясно проявилась убежденность властей Ногайской Орды в своих наследственных исконных правах на башкирские земли по Уфе и Белой; ногаи считали их своими неоспоримыми владениями «от Едигея князя».

⁹ Об этом совпадении см.: Кузеев 1978: 196; Кузеев, 1991: 39. Мне известен единственный случай фиксации племенной принадлежности ногаев, кочевавших в Башкортостане. В татарской летописи из рукописного сборника Н.Ахмедзянова говорится, будто в крепости Тура-Тау на реке Белой проживал хан кунгратов (История 1937: 123).

¹⁰ Около руин золотоордынского города Укека и в устье р. Самары были основаны русские города Саратов и Самара.

Для кочевников самым логичным способом подтвердить это право были бы перекочевки по данной территории. Однако башкиры и истяки, во-первых, не причислялись к числу собственно ногаев, как сказано выше; во-вторых, не вели чисто кочевую жизнь, занимаясь, помимо скотоводства, также земледелием, промыслами и охотой. Поэтому обычные для кочевой ногайской среды формы зависимости и господства не подходили для аборигенов Башкортостана. На первый план выступала такая форма сюзеренитета, как сбор податей, ясака.

В качестве верховной ногайской инстанции, в пользу которой он выплачивался, в источниках фиксируются бий Ногайской Орды и нурадин, глава правого крыла. Взимание платежей производили специальные эмиссары-«данщики», отправляемые соответственно бием или нурадином (Миллер 1941: 165; РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 274, 275; 1586 г., д. 8, л. 9). Подобную технику пытались перенять в первой четверти XVII в. и калмыки, претендовавшие тогда на ногайское наследство: тайши Уруслан, кочуя по Тоболу, собирався направить в Катайскую волость Сибирской даруги «для ясаку послов своих» (Миллер 1941: 293).

Сам по себе ясак представлял собой вид дани и выплачивался как знак подчиненности Ногайской Орде, как символ подданства и средство перераспределения материальных ресурсов в пользу мангытской верхушки. Только однажды промелькнуло упоминание о том, что башкиры должны были расплачиваться за возможность переправы через Белую (Игнатъев 1883: 336) (правда, неясно, была ли это разновидность собственно ясака или же какая-то форма пошлины при переезде из одного удела Ногайской Башкирии в другой). Кстати, в этом предании, пересказанном Р.Г. Игнатьевым, плательщиками выступают абстрактные башкиры, т.е. все население наместничества. Историческое сказание, приведенное П.И. Рычковым (со слов старшины К.Муллагаева) называют поданными местного ногайского «хана», наряду с башкирами-минцами, еще и ногаев; хотя из текста скорее всего явствует, что ясак платили только минцы (Рычков 1949: 185). В целом можно полагать, что субъектом ясачных выплат являлось башкирское и истяцкое население, и ясачная форма эксплуатации распространялась только на него и не затрагивала ногаев, кочевавших на Южном Урале.

Богатства лесных угодий Южного Урала определяли и ассортимент ясачных платежей: в текстах Р.Г. Игнатьева и П.И. Рычкова таковыми служили лисьи, куньи и бобровые меха, а также и мед (Игнатъев 1883: 336; Рычков 1949: 185). А.Н. Усманов называет, наряду с пушниной, еще молодой скот для выпаса и мелкий – для убоя (Очерки 1955: 676). Однако подобные выплаты были присущи как раз кочевникам, поэтому думаю, что расчеты посредством скота имели распространение только в среде ногаев и, возможно, какой-

то части кочующих башкир. Впрочем, А.Н. Усманов не дал сносок, а автору этих строк не попадались упоминания о ясаке скотом. Столь же неясно происхождение тезисов этого историка о том, будто ясак вносился пообщинно, а его размер регулировался по усмотрению «ханов» и биев (Усманов 1982: 50).

Скудость информации по данному поводу не позволяет определить организацию ясачной системы в деталях. Вероятно, следует согласиться с Р.Г. Кузеевым: до присоединения Башкирии к русскому государству величина выплат строго не регламентировалась, а сами выплаты оседали в разных пропорциях у ногайской и башкирской знати (Кузеев 1974: 499). По аналогии с прочими предгосударственными обществами, в частности, кочевыми, не будет большой натяжкой предположить, что основные моменты ясачной политики в Ногайской Орде регулировались традицией, неписаными законами. Очевидно, сложиться этой традиции было негде, кроме как в Золотой Орде, которой подчинялись до первой четверти XV в. и ногаи, и башкиры.

А.П. Чулошников упомянул еще одну важную форму зависимости башкир. По требованию ногайской знати они должны были «выставлять вооруженных воинов для ведения бесконечных междоусобных феодальных войн и организации набегов» (Очерки 1956: 55). Несомненно, «налог кровью» был обязательным атрибутом ранней государственности, и мы вправе предполагать его существование в Ногайской Башкирии. Но и в этом случае отсутствуют ссылки на источник. Сведения о мобилизации башкирских воинов содержатся в предании минцев, записанном в 1840-х годах В.С. Юматовым: «...Предки их были под владычеством ногайских князей и выставляли на войну 1000 сайдаков, или 1000 человек вооруженных, и получили название мин – тысячи» (Юматов 1961: 250–251). Последняя фраза существенно обесценивает эту информацию, т.к. содержит заметный налет так называемой народной этимологии – произвольного, по случайному созвучию, объяснения этнонима (тем более что племя мин расселялось не только на Южном Урале).

Относительно иерархии и титулатуры аристократии в Ногайской Башкирии данных немало, но исходят они в основном из шеджере и других поздних текстов, поэтому относиться к ним нужно весьма критически. Скажем, повсеместно фигурирующие «ханы» – это явный домысел, потому что ханского титула в Ногайской Орде не было ни у кого и никогда. Другое дело, что ханом («тура-ханом») в обобщенном значении «правитель», «господин» местное население могло называть наместника, сидевшего в Имэн-кале. Однако по всем небашкирским источникам, отразившим общественную структуру Орды, тот мог быть не более чем мирзой. По аналогии с другими ногайскими провинциями, Башкирия делилась на улусные кочевья, которыми пользовались ногайские мирзы более низкого, чем наместник, ранга. Земли, не пригодные для кочевания, видимо, оставлялись за лояльными (согласными

платить ясак) башкирскими родоплеменными вождями-биями. Среди местной знати существовала также категория тарханов, отмеченная многими авторами и объясненная как обладательница налоговых льгот и иммунитетов, полученных от казанских, ногайских и сибирских правителей (см., например: Устюгов 1947: 38; Очерки 1956: 55; История 1991: 55). Однако право предоставлять тарханство в тюрко-монгольском мире принадлежало только монарху, хану. В Казани и Сибирском юрте действительно правили ханы; в Сарайчуке же сидел бий, т.е. лицо, номинально равное по рангу башкирской патриархальной знати (также биям). Так что институт тарханства не практиковался и не мог практиковаться в Ногайской Орде. Поэтому его происхождение в Ногайской Башкирии нужно отнести о временам Золотой Орды или ханства кочевых узбеков (вторая треть XV в.).

Возможно, часть тарханов была предоставлена казанским правительством; не случайно за подтверждением своего тарханства в середине 1550-х годов знатные башкиры отправились именно в Казань, правда, к ее новому государю – царю-завоевателю Ивану Васильевичу. Вместе с тем, за исключением этого формального момента, нет оснований считать, будто какая-то часть аристократов Ногайской Башкирии подчинялась казанским ханам, как полагали Р.Г. Игнатъев, В.Н. Шишонко (Игнатъев 1868: 219; Шишонко 1881: 97, 98) и многие другие. Даже если некоторые из местных биев, жившие к востоку от Ика, и обладали казанским тарханом, они все же входили в число ногайских подданных.

В литературе уже отмечалась связь ногайской государственной структуры и политики с традициями империи сарайских Джучидов, претензии ногаев, в частности, на «золотоордынское политическое наследство в Башкирии, на власть над башкирскими племенами» (Кузеев 1992: 115). Это положение, сформулированное Р.Г. Кузеевым, отражает как происхождение ногайской гегемонии на Южном Урале, так и специфику власти мангытских биев в данном регионе. Кроме того, Р.Г. Кузееву принадлежит и общая характеристика башкиро-ногайских отношений, во многом продиктованных смешанным расселением. Мирное соседство и сотрудничество чередовалось с враждой и столкновениями; но конфликтность стала преобладать лишь к середине XVI в. (Кузеев 1992: 127)¹¹. Верно отражая общую линию политической истории Башкортостана ногайского периода, эти констатации тем не менее не могут заменить описания самой этой истории. Политическое развитие

¹¹ В памятниках фольклора сохранились отголоски воспоминаний о периоде Улуса Джучи. Более того, предание, опубликованное Д.Н. Соколовым, отражает, вероятно, еще домонгольскую ситуацию в урало-казахстанских степях, которые в XI–XII вв. служили обиталищем огузов и кипчаков (в предании они предстают как соответственно туркмены и ногайцы) (Соколов 1898: 49).

Ногайской Башкирии затрагивалось А.Н. Усмановым, Н.А. Мажитовым и А.Н. Султановой. Для XV – первой половины XVI в. анализ производился, главным образом, на базе данных шеджере и преданий. Мы тоже попытаемся реконструировать течение некоторых событий, но сопоставляя с известными нам фактами из жизни Ногайской Орды и с архивным материалом.

Наместники Ногайской Башкирии. Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова приводят сведения шеджере, отражающие цель прикочевки ногаев в Башкирию – поиск новых земель (пастбищ?). Д.Н. Соколов и П.И. Рычков ссылаются на предания, по которым ногаи переселились, на север «от жару» или «от мора» (Мажитов, Султанова 1994: 341; Соколов 1898: 51; Рычков 1896: 69). По сравнению с этими сверхлаконичными упоминаниями о намерениях восточно-кипчакских номадов при заселении ими Южного Урала, несколько более развернутая информация содержится в источниках по поводу того, откуда пришли ногаи сюда, и кто был первым ногайским правителем в Башкирии.

Все шеджере, повествующие об уходе их на юг после падения Казани, единогласно утверждают, будто мирзы повели свой народ на Кубань как на древние исконные ногайские кочевья. Данное обстоятельство может служить существенным аргументом при решении вопроса, из какого региона явились ногаи в свой Мангытский юрт на Яике. Но из этих данных вовсе не следует, будто они пришли в Башкортостан непосредственно с Северо-Западного Кавказа. Столь же рискованно предполагать подобное в связи с Крымом, упомянутом в одном тексте как прародина ногаев (Рычков 1896: 69). В сказаниях обозначена также территория, которая расположена гораздо ближе, – Сибирь; именно оттуда приходят в Чертово городище на Уфу первые ногайские правители Тура или Акназар (Игнатъев 1883: 333, 336). Однако известно, что этнополитическое ядро Ногайской Орды находилось отнюдь не в Сибири, а в Западном Казахстане.

Тем не менее именно сибирская версия прихода ногаев в Башкирию предпочтительна, и дело здесь не в географических, а в политических аспектах. Выше отмечалось, что распространение власти мангытских биев на башкирские племена можно отнести к последней четверти XV в. Мангыты – правящий эль Ногайской Орды – обосновались в степях между Волгой, Яиком и Эмбой приблизительно в конце XIV в. В течение XV в. они вели борьбу за гегемонию в Восточном Дешт-и-Кипчаке с ханами кочевых узбеков и казахов – на востоке и на юге, с Большой Ордой и Крымом – на западе. Такой расклад противников позволял мангытам и союзным им племенам (ногаям) расширять пределы юрта только в северном направлении. При этом мангытские бии стремились обзавестись сильными союзниками для противостояния Гиреям и узбекам-Шибанидам.

Одним из таких союзников (а формально – сюзереном) стал сибирский Шибанид, хан Ибрагим–Ибак, оказавшийся в 80-х годах XV в. наиболее могущественным правителем на бывшей территории Золотой Орды. Ибрагим царствовал в Тюмени, но его приоритет признавали кочевые князья всего завожского Дешта. Именно этот хан помог лидерам Мангытского юрта бияю Мусе и его младшему брату, мирзе Ямгурчи, отстоять их кочевья в яйцких степях от Большой Орды и казахов. И именно в тот период встречается первое документальное упоминание о присутствии ногаев в Башкирии. В грамоте Ямгурчи к Ивану III от 26 августа 1489 г. *бакии* (писарь) мирзы, по дипломатической традиции, указал место ее составления: «Мурзин кочев на Белой Волжке был» (Посольская 1984: 19). Таким образом, что бы ни рассказывали шеджере о первых ногайских правителях в Уфе – мифическом Ногае или сказочном Тура-хане, неведомом Басмане или легендарном Тюрю Баба Туклесе, дипломатическая переписка все-таки является более достоверным источником.

Однако и в фольклоре истинные события, конечно, находили отражение. По одной из башкирских легенд, «ногайский хан» Муса летовал у горы Иремень в верховьях Яика и Белой, а зимовал южнее, на яйцких притоках (Мажитов, Султанова 1994: 341). Это согласуется с фразой из Посольской книги и также позволяет датировать появление ногайской аристократии в Башкирии концом XV в. (Муса умер в 1500-х годах). Шеджере не сообщают ни о Мусе, ни о Ямгурчи. А вот мирза, принадлежавший к следующему поколению, – сын Мусы Алчагир, находит соответствия в фольклорном персонаже Алтакаре.

Алтакар – герой предания, записанного П.И. Рычковым от К.Муллакаева. Этот ногайский мирза отделился от некоего хана и прикочевал на Эмбу. Оттуда, усилившись, он начал нападения на «хана» Басмана, что проживал в Башкирии, пока не убил его. В той же смуте погиб брат и преемник Басмана Тюрю, «и Алтакар мурза над всеми ногайцами (Башкирии. – В.Т.) владельцем учинился» (Рычков 1896: 69). Описанные события привлекли внимание историков настолько, что удостоились попыток датировки. А.П. Чулошников отнес изображенную здесь «феодалную войну» к концу XV – второй четверти XVI в. и при этом почему-то определил ее временем правления ногайского бия Апаса (Очерки 1956: 54). А.Н. Усманов «уточнил» хронологию, сузив ее до конца XV – первой четверти XVI вв. – на том основании, что, по легенде, преемник Алтакара Акназар был связан родственными узами с Шейх-Мамаем, реально жившим в первой половине XVI в. (Усманов 1982: 66). Такую трактовку в целом приняли также Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова (Мажитов, Султанова 1994: 320). Посмотрим, насколько это правомерно.

Аббас («Апас») б. Нур-ад-Дин, глава Мангытского юрта, активно действовал в 1480–90-х годах, участвовал в борьбе за узбекское наследство в степях Казахстана (см., например: Таварих 1967: рис. 267, 268; Материалы 1969:

19, 20, 99). В 1494 г., рассорившись со своим племянником, могущественным «хакимом Дешт-и Кипчака» Мусой, он в очередной раз присоединился к давнему партнеру ногаев по степным коалициям – тюменскому хану Ибрагим-Ибаку (Посольская 1984: 46) (вместе с другим племянником, Ямгурчи). Но вопреки утверждениям А.П. Чулошникова, Алчагир б. Муса (в котором мы видим прообраз Алтакара) вышел на политическую арену гораздо позднее. В краткой сводке правителей Мангытского юрта, приведенной в «Сборнике летописей» Кадыр Али-бека (начало XVII в.), роль этого мурзы подается в следующем контексте: «Родились Муса с Ямгурчи. Затем был Агишбек, сын Ямгурчи. Затем был Хасан-бек, но улусом правил Алчагир-мирза» (Сборник 1854: 155). Следовательно, последний являлся соправителем бия Хасана б. Ваккаса, который фигурирует в документах 1506–1508 гг. (Посольская 1984: 55–57, 64, 65, 79) Действовал Алчагир довольно самостоятельно и не упускал случая подчеркнуть свою суверенность – в частности, по поводу отношений с Россией и Казанским ханством без санкции бия (Посольская 1984: 57). После смерти (свержения?) Хасана Алчагир, очевидно, претендовал на бийский престол, т.к. в грамотах Василию III 1508 г. уравнивал себя с биями Ваккасом и Мусой, требуя для себя таких же, как и им, подношений (Посольская 1984: 80). И хотя на троне в Сарайчуке утвердился другой сын Мусы, Саид-Ахмед (Шейдяк), Алчагир продолжал считаться главным мирзой: «Мы у того мурзы и холопи, и братия», – писал о нем его младший брат Шейх-Мамай (Посольская 1984: 82).

Мы не имеем документальных свидетельств об отношениях Алчагира с Ногайской Башкирией, тем более что в грамоте, доставленной в Москву в августе 1508 г., сам он извещал, будто «мое кочивще – Волга» (Посольская 1984: 80). Однако это вовсе не доказывает постоянное и непрерывное пребывание мирзы на западе Ногайской Орды. В том же тексте он сообщает, что в связи с угрозой нападения казахов собирается откочевать на восток «противу их» (правда, с намерением вернуться назад на Волгу «Бог даст, отголе поздорову») (Посольская 1984: 80). После 1519 г. Алчагир исчезает со страниц документов¹². Может быть, он в самом деле пал в боях с казаками, потому что в башкирских легендах утверждается, будто погиб он от руки Акназара (Рычков 1896: 69), который надежно сопоставляется с казахским правителем Хакк-Назаром и к которому мы вернемся ниже.

Хотя сказители и начинали правление Акназара сразу после гибели Алтакара, в башкирском фольклоре имеются сведения о следующем после Алча-

¹² Вероятно, последнее упоминание о нем содержится в грамоте крымского хана Мухаммед-Гирея I о том, в частности, что бежавшие от казахского нашествия ногайские мирзы, включая Алчагира, вступили в крымское подданство (Сборник 1895: 206, 207).

гира поколения ногайских мирз. Так, в сказании о Мамай-хане говорится о кочевьях в Башкирии отца Мамаю Мусы (см. выше). Мамай появляется и в предании о Ногайском городке при впадении Челновки в Каму, в котором жил некий «ногайский хан» – «современник и едва ли не родня Мамаю» (Игнатъев 1883: 339). Связь этого Мамаю, во-первых, с Мусой, во-вторых, с ногаями позволяет искать прототипа и тезку данного персонажа среди знати Ногайской Орды; и уж ни в коем случае не отождествлять его со знаменитым беклербеком из племени киятов, господствовавшим в Улусе Джучи во второй половине XIV в.

Сын Алчагира Мамай являлся одной из ведущих политических фигур Мангытского юрта второй четверти XVI в. Опись царского архива 1614 г. обозначает период с 1522 по 1533 гг. как время, когда Мамай «был на Ногайской орде во княжое место» (Описи 1960: 106). Он действовал главным образом на Волге; именно он выступил инициатором убийства хана Мухаммед-Гирея I и ногайского вторжения в Крым в 1523 г. Там же, между низовьями Волги и Терекком, находились его основные кочевья, хотя свое ополчение он набирал в степях Волго-Яицкого междуречья. В 1535 г. он воевал черкесов и стоял на западной границе Ногайской Орды «в заставе от Крыма... всю зиму» (Посольские 1995: 128). Заключительное появление Мамаю в документах относится к 1538 г., когда он в числе прочих мирз направил посольство в Москву (ПСРЛ, т. 29, с. 33). За все эти годы интересующий нас регион фиксируется один раз – в послании мирзы Шейх-Мамаю Ивану IV от июля 1535 г.: сын адресанта Кан «перелез Белую Волшку» и «твою землю Нократ воевал» (Посольские 1995: 166).

Родной брат Мамаю Кель-Мухаммед в принципе может быть уподоблен Аксак Килимбету или Кара Килимбету башкирских шеджере, которые жили в Башкирии, по мнению А.Н. Усманова, в середине XVI в. (Усманов 1982: 134, 135). Но в архивных «Ногайских делах» находятся более яркие и логичные соответствия им, однако для начала XVII в. Поэтому сейчас мы пока не будем останавливаться на Кель-Мухаммеде.

Предание Кадряса Муллакаева называет следующим за Алчакаром (Алчагиром) ногайским правителем Башкирии его убийцу Акназара. Это очень интересная фигура, и следует присмотреться к ней пристальнее. По К.Муллакаеву, Акназар-султан «был от поколения тутошних старинных ханов»; владел «не только одними... ногайцами и Башкириею», но также татарскими и среднеазиатскими ханствами; свою дочь он выдал за знатного ногайского мирзу Шейх-Мамаю (Рычков 1896: 69). В предании же, сообщаемом Р.Г. Игнатъевым, «первый хан, пришедший сюда (на Уфимское городище. – В.Т.) из Сибири, назывался Алкадар и был царского рода. Он изнурял башкир, отбирал у них земли, скот, имущества... облагал тяжелой податью, так что за право

переплыть реку Белую башкиры платили хану по лисице, бобру и кунице» (Игнатъев 1883: 336).

Выделим значимые моменты: а) Акназар принадлежал к *ханскому* роду (отсюда не являлся мангыто-ногайским мирзой); б) он был из рода *местных* правителей (что тоже не позволяет причислить его к ногаем); в) он управлял всей Ногайской Башкирией; г) установил там налогообложение; д) Акназар стал тестем Шейх-Мамае¹³; е) граница его владений проходила по Белой; ж) ставка его находилась в Имэн-кале; з) явился в Башкирию из Сибири; и) ко времени прихода туда носил титул султана (т.е. на тот момент не обладал ханским рангом).

Отсутствие в текстах прямой этнической атрибуции привело Н.А. Мажитова и А.Н. Султанову к заключению, что Акназар был ногайским ханом, «одним из потомков местных башкирских ханов, видимо, ногайского происхождения»; при этом слова о господстве его над Поволжьем и Средней Азией доказывают якобы объединение им «в пределах своего государства» всей или большей части территории Башкирии (Мажитов, Султанова 1994: 319, 321). А.П. Чулошников увидел в Акназаре «потомка ногайских мурз» и подошел к титулатуре осторожнее, обозначив его не как хана, а как «главного мирзу» (Очерки 1956: 54), что, как мы увидим ниже, абсолютно правомерно. Почему-то эти авторы не стали разбирать прозрачную аналогию с казахским Хакк-Назаром, которая уже давно бытует в историографии. А.Н. Усманов, к примеру, посчитал, что в народной памяти смешалась информация о Хакк-Назаре и «ногайском хане» Акназаре, которые жили соответственно во второй и первой половине XVI в. (Усманов 1982: 66–70). Из известных мне работ лишь у Р.Г. Кузеева однозначно утверждается, что в данном случае речь в предании идет как раз о Хакк-Назаре (Кузеев 1992: 103, 104). Но эта констатация, естественно, не проясняет причин и обстоятельств появления казахского аристократа в Ногайской Башкирии. Попробуем разобраться.

Хакк-Назар – ведущий деятель политической истории Казахского ханства середины – второй половины XVI в. Этот могущественный государь одно время даже титуловался «ханом казахов и ногаев» (История 1993а: 113). Он был сыном воинственного хана Касима б. Джанибека, вытеснившего ногаев за Волгу в конце 1510-х – начале 1520-х годов и временно присоединившего Мангытский юрт к своим владениям. После смерти Касима (1521 г.) ногаи не только вернули все свои кочевья и расширили их пределы далеко на восток, но наголову разгромили преемников Касима в ходе неоднократных войн. В 1537 г. в коалиции с рядом среднеазиатских монархов мангыты убили хана

¹³ По данным А.Н. Усманова, женой Шейх-Мамае стала сестра Акназара (Усманов 1982: 66).

Тугума вместе с тридцатью семью султанами (царевичами)¹⁴. Трон Казахского ханства оказался в руках бия Сайд-Ахмеда и его братьев. Правителями рассеянных казахов стали Науруз-Ахмед и Хакк-Назар. Первый из них, очевидно, был вскоре убит в бою с мирзой Ураком б. Алчагиром (Сборник 1854: 164; Султанов 1982: 117), а второй утвердился на престоле.

Из казахских преданий известно, что в молодости Хакк-Назар жил у одного из ногайских мирз (Вяткин 1941: 90; Абусейтова 1985: 49). Из башкирского фольклора можно догадаться об имени мирзы, с которым Хакк-Назар находился в наиболее тесных отношениях. Это его зять Шейх-Мамай, чьи кочевья и подданные после «реконкисты» находились в Западном и Центральном Казахстане. В 1538 г. бий Сайд-Ахмед написал Ивану IV: «Шурина своего Хан Булат солтана царем чиню» (Посольские 1995: 205). Царевич с именем Хан-Булат не известен по другим источникам; но возможно предположить, что в тюркском оригинале грамоты значился именно Хакк-Назар, чье имя – экзотичное для московских переводчиков – имело довольно близкое арабское написание с «Хан Булат». Кроме того, этот человек назван шурином, т.е. братом жены бия. Старшая жена Сайд-Ахмеда действительно обозначается в документах Посольского приказа как «Шийдякова *царица* большая» (Посольская 1995: 162) – следовательно, принадлежащая к ханскому роду, что в принципе дает право усматривать ее родство с Хакк-Назаром.

Таким образом, Хан-Булат (Хакк-Назар) оказался ногайской креатурой в Казахском ханстве. Вся его последующая деятельность была связана с казахским государством, а первые сведения о нем как о правителе казахов попали на страницы дипломатической переписки только в 1552 г. (Посольские 2006: 105, 182)¹⁵. В дальнейшем отношения хана и ногайских биев складывались довольно сложные и в основном враждебные, в 60–70-х годах XVI в. между ними не раз разгорались жестокие конфликты.

Хакк-Назар, без сомнения, принадлежал к ханскому роду, причем как раз к «поколению тутошних старинных ханов», по выражению К.Муллакаева. Но «тутошних» означает не башкирских правителей, а Джучидов левого крыла, к которому относилась Башкирия в XIII–XIV вв. Родословная Хакк-Назара такова: Хакк-Назар б. Касим б. Джанибек б. Барак б. Куйручак б. Урус б. Будакул б. Ходжа б. Уз-Тимур б. Тукай-Тимур б. Джучи б. Чингис-хан (Aboul-Ghazi 1871: 178–179). Ханское происхождение Хакк-Назара было неоспоримым для ногайских сановников: свою вражду с ним они обосновывали ее исконностью,

¹⁴ Об этих событиях см.: Исин 1985: 45–49; Исин 1988: 19, 20.

¹⁵ Ногайский мирза Исмаил сообщил, что выдал дочь за «Бараков царев род», «за Барака царя». Имелся в виду, очевидно, правнук хана Барака Хакк-Назар, правитель Казахского ханства – «Баракова царева юрта».

еще со времен «Акназарова царева отца» (т.е. предка), хана левого крыла Золотой Орды Уруса (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 231 об.; д. 9, л. 28 об.).

Учитывая данные о воспитании его при дворе Шейх-Мамаю, мы не находим невероятным, что тот решил породниться с казахским царевичем. С персонай Шайх-Мамаю, кстати, связано и странное, на первый взгляд, утверждение предания, будто Акназар явился в Башкирию из Сибири. Выше приводилось свидетельство С.Герберштейна об улусном разделении Ногайской Орды, в соответствии с которым «частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной» правил не кто иной как «Шихмамай». А поскольку «Сибирь» в XV – первой половине XVI в. понималась как территория главным образом бассейнов Тобола и Иртыша (и, видимо, до Яика¹⁶), то в башкирском источнике вполне можно рассматривать «Сибирь» как ногайский удел Шейх-Мамаю.

Титулование Акназара султаном в обоих башкирских сказаниях, показывает, что Ногайская Башкирия угодила под его управление до вступления на казахский трон в 1538 г. Думается, этим годом нужно ограничить срок наместничества Хакк-Назара над башкирами. Фантастические же сведения о владычестве над Казанью, Астраханью, Бухарой, Хивой и проч. представляются отголоском последующей гегемонии Хакк-Назара в степях Казахстана после окончательного разрыва его с Ногайской Ордой во второй половине XVI в. Впрочем, нагромождение анахронизмов не должно удивлять: в одном из шеджере современником голода и мора в Орде в середине XVI в. назван хан «Таукай» (Башкирские 1960: 32), прототипами которого, очевидно, являлись ханы или Таваккул б. Шигай (правил в 1590-х годах), или Таваккул б. Джахангир (конец XVII – XVIII в.).

Итак, мы можем предполагать, что после Мамаю б. Алчагира, перекочевавшего к низовьям Волги, Ногайская Башкирия досталась Шейх-Мамаю, который направил туда в качестве наместника-правителя своего воспитанника и родственника, казахского царевича-султана Хакк-Назара. В 1538 г. Саид-Ахмед и Шейх-Мамай, разгромившие Казахское ханство, переместили его из Башкирии и поставили ханом над казахами. Вероятно, именно в период наместничества Хакк-Назара окончательно сформировалась система ногайского господства над башкирами, столь эмоционально описанная у Р.Г. Игнатьева: налоговый гнет (это новшество было до того значительным, что сохранилось в преданиях), иерархия мирз и местной туземной знати; возможно, в те же времена башкиры подверглись усиленной исламизации. В целом жесткие нововведения Хакк-Назара и Шейх-Мамаю в Ногайской Башкирии полностью

¹⁶ «Область Сибирь... В ней начинается река Яик, которая впадает в Каспийское море» (Герберштейн 1988: 163–164).

находились в русле государственных преобразований, предпринятых в Ногайской Орде как раз в 30-х годах XVI в.

По смерти Акназара, – рассказывал К.Муллагаев П.И. Рычкову, – в течение семи лет правил хан Измаил (Рычков 1896: 69). Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова отнесли это семилетие у рубежу 30–40-х годов XVI в., потому что преемник Измаила, по преданию, такой же «башкирский хан ногайского происхождения» Ахмет Гирей б. Акназар, был современником падения Казани в 1552 г.; отсюда же эти авторы заключили, что Акназар находился в Башкирии в 20–30-х годов (Мажитов, Султанова 1994: 320). Парадоксально, но несмотря на полную необоснованность посылки (Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова никак не вычисляют начало правления Ахмет Гирея, чтобы датировать предыдущих правителей), мы должны в общем согласиться с этой периодизацией – но на других основаниях.

Во-первых, исторический Хакк-Назар погиб в 1581 г. Поэтому, если прообразом башкирского Акназара послужил казахский султан, то в основе данного сюжета лежала не смерть его, а отъезд на родину, в Казахстан для воцарения в 1538 г. Во-вторых, для второй четверти XVI в. известен только один Исмаил – знаменитый ногайский мирза, сын Мусы, младший брат Алчагира и Шейх-Мамаю, дядя Мамаю б. Алчагира. Он появился на исторической арене в середине 1540-х годов как нурадин – правитель ногайских владений в Поволжье и командующий правым крылом армии ногаев, заменив на этом посту умерших Хаджи-Мухаммеда и Мамаю (Трепавлов 1993: 46–49). Если допустить, что Исмаил стал правителем Ногайской Башкирии после Хакк-Назара, т.е. в 1538 г., то, прибавив 7 лет, получаем 1545 г. – приблизительно срок начала его пребывания на нурадинстве.

Уже просматривается определенная закономерность: Алчагир, Мамаю и Исмаил сначала находились на Южном Урале, а потом перебирались на Волгу. Не отразилась ли здесь некая иерархическая система? Не являлся ли пост наместника Башкортостана рангом, предшествующим нурадинскому? Мы получим подтверждение этому, когда обратимся к наместничеству сына Исмаила Динбая.

Когда скончался Исмаил, по повествованию К.Муллагаева, Ногайской Башкирией управлял Ахмет Гирей, сын Акназара (тогда же, дескать, в Казани ханствовал Шах-Али). По взятии Иваном IV Казани он со множеством ногаев откочевал на Кубань (Рычков 1896: 69). А.П. Чулошников датировал «вокняжение» Ахмет Гирея 1546 г. – видимо, началом третьего царствования Шах-Али в Казани (Очерки 1956: 54). Однако и здесь много несоответствий. Исмаил умер в 1563 г.; правда, как и в случае с Хакк-Назаром, его откочевка из Башкирии могла трансформироваться на фольклорном уровне в смерть. Кроме того, среди ногайских мирз неизвестен Ахмет-Гирей, а «башкирских ханов

ногайского происхождения», к которым Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова причислили Ахмет Гирея (Мажитов, Султанова 1994: 324), не существовало вообще. Из сыновей Хакк-Назара имена двоих не сохранились в источниках, а остальных звали Мунгатай, Дин-Мухаммед и Тиним (Султанов 1982: 118). Единственный исторический деятель-тезка героя башкирского сказания – это сын Муртазы Ахмед-Гирей, брат Кучум-хана.

До сих пор в историографии не разбирался вопрос о связи данного шибанидского царевича с Башкортостаном. По косвенным сведениям можно восстановить эту связь.

Предание сибирских татар, зафиксированное Н.Ф. Катановым, гласит, что «Акмет Керей хан» был убит своим тестем, и затем воцарился его брат Кучум, которому исполнилось в ту пору двенадцать лет. Пока Кучум подрастал, его народом управлял султан Ногай (Катанов 1896: 7, 8). У Г.Ф. Миллера названо имя тестя-убийцы: князь Шегей (Катанов 1896: 7, примеч. 4). В башкирском шеджере мы уже сталкивались с собирательным «Ногаем» как обозначением ногайского правителя вообще. Видимо, не стоит тратить усилия на поиски реальной исторической фигуры с таким именем, а присмотреться к бию Шегею. Такой человек действительно существовал. Это один из сыновей Мусы Шейх-Мухаммед; в разных источниках представлены различные диалектные варианты произношения имени: Саймагамет, Сагим, Шахим, Шигим, Шихим (общепринятое в литературе) – и в том числе Шигей. Но вряд ли он оказался в состоянии распространить свое влияние на Башкирию. Слишком непрочной и недолговечной оказалась его карьера. В конце 1510-х годов Шихим-Шейх-Мухаммед, в числе прочих мангытских аристократов, отступил за Волгу, спасаясь от казахского нашествия, а в 1520 или 1521 г. был убит в Астрахани. Если допустить, что Кучум воспитывался у Шейх-Мухаммеда до гибели последнего, то получается, что родился он около 1508 г. и ко времени рокового поражения в августе 1598 г. ему было лет девяносто лет. Но в тот период Кучум-хан вел весьма активную политическую деятельность, трудно ожидаемую от столь древнего старца.

Если же усматривать в «Шигее» другого ногайского лидера – Шейх-Мамая, то вырисовывается более правдоподобная картина. Во-первых, Шейх-Мамай скончался в 1549 г., и при подобном способе датировки получается, что Кучум родился приблизительно в 1537 г., а потерпел поражение и был убит ногаями во вполне дееспособном шестидесятилетнем возрасте. Во-вторых, Шейх-Мамай также имел отношение к Сибири: как уже указывалось выше, этот край пребывал в его ведении. Полагаю, что и Башкирия во второй четверти XVI в. находилась в пределах его компетенции. В 1535 г. войска Шейх-Мамая воевали Сибирский юрт, а отряд его сына Кана тогда же вторгся в северное Заволжье, форсировав Белую (Посольские 1995: 155, 166).

Кроме того, он осуществлял контроль над Казахстаном, в котором ханствовал возвращенный им Хакк-Назар. В-третьих, прослеживается аналогия судеб Хакк-Назара и Ахмед-Гирея с Кучумом. Все они воспитывались в Ногайской Орде, из ногайской среды выделялся регент малолетних султанов (вот он – «Ногай» сибирского предания!). Сходной деталью является и породнение через брак. Шейх-Мамай через одну из своих дочерей породнился с Ахмед-Гиреем так же, как и с казахским царевичем.

Если допущение о регентстве Шейх-Мамайя при сибирских Шибанидах верно, то роль Башкирии при данном повороте событий выглядит значительной и своеобразной. Едва ли можно счесть совпадением то, что и казахский, и сибирский «хан-заде» были направлены в качестве наместников в Имэн-калу. С учетом перспективы их царствования в соответствующих юртах, наместничество в Ногайской Башкирии резонно трактуется как управленческая тренировка, приобретение административных навыков будущими ханами. Источники умалчивают о жизненных перипетиях Ахмед-Гирея и Кучума в тот период. Из сочинения Кадыр Али-бека известно, что они являлись соответственно вторым и третьим сыновьями шейбанидского царевича Муртазы (Сборник 1854: 156). Если принять датировку А.П. Чулошникова – 1546 г. как начало правления Ахмед-Гирея в Башкирии, то она целиком совпадает со временем отъезда Исмаила оттуда на Волгу, на нурадинство. Во второй половине 1550-х годов сибирские Шибаниды вступили в вооруженную борьбу за возвращение себе сибирского престола, отнятого в 1495 г. у их династии Тайбугидами, местной нечингисидской знатью. Приблизительно этим периодом, видимо, и следует ограничить наместничество Ахмед-Гирея. Возможно, он действительно погиб в каких-то распрях, разразившихся тогда в Ногайской Орде. Во всяком случае, уже не Ахмед-Гирей, а его младший брат Кучум при помощи ногайских и узбекских войск в 1563 г. смог отвоевать Сибирский юрт¹⁷.

На стадии правления легендарного Ахмед-Гирея и завоевания Казани исследователи обычно завершают историю «дорусского» развития Ногайской Башкирии. По мнению всех историков, а также по информации большинства шеджере и сказаний, вскоре после уничтожения Казанского ханства произошел массовый исход ногаев из Башкирии. Однако мы располагаем вескими доводами, чтобы утверждать, что рецидивы ногайского владычества сказыва-

¹⁷ Есть еще несколько лиц, фигурирующих в башкирском фольклоре как ногайские мирзы или ханы, – Бусай (Бурсай), Ак-тулуш (Актуш), Бей, Байджура, Би-Тюряк и др. – пока не могут быть идентифицированы с какими-либо реальными деятелями XV–XVI вв. (см.: Вельяминов-Зернов 1859: 263, 268; Соколов 1898: 51, 53; Открытая 1995: 68). Разве что имя Бей заставляет вспомнить сына Шейх-Мамайя Бек-мирзу, активно участвовавшего в политической жизни в 1570–80-х годах. Однако это имя было очень распространено у населения средневекового Дешт-и Кипчака.

лись здесь на протяжении еще нескольких десятилетий. Но во второй половине XVI в. глава Ногайской Орды для взимания ясака вынужден был «ежегод» снаряжать военные экспедиции на север (см.: РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 46, 367, 391; 1586 г., д. 8, л. 9). Пост наместника Ногайской Башкирии сохранился в номенклатуре Орды.

Этот наместник уже неоднократно упоминался выше – мирза Динбай б. Исмаил, который с Эмбы направлял к башкирам и истякам своих «данщиков» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 274об.). Данный пост он получил от отца, вероятно, в 1558 г., по возвращении к бию Исмаилу после неудачной попытки эмиграции в Крым. Со смертью бия Дин-Ахмеда в 1578 г. его младший брат, нурадин Урус, занял высший пост в Орде, а следующий по старшинству брат, Динбай, перебрался с Эмбы на Волгу и стал, в свою очередь, нурадином.

К кому же перешли наместнические полномочия? 3 августа 1578 г. в Москву доставили грамоту мирзы Саид-Ахмеда б. Мухаммеда, внука Исмаила. Послание, в частности, гласило: «А брат мой (строго говоря, дядя. – *В.Т.*) Тинбай мирза что владел иштяки – мне пожаловал. А яз коли по Волги кочевал, и на дружбе и на правде как стоял еси (надо: есми. – *В.Т.*), а ныне и свыше того на твоей (Ивана IV. – *В.Т.*) службе учну стоять» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 46–46об.). В самом деле, в документах за 60–70-е годы XVI в. Саид-Ахмед с младшим братом Кучуком значатся как кочующие по берегам Волги. Значит, в 1578 г. иерархическая пирамида пришла в движение, и мирзы по очереди переместились на одну ступеньку выше. Около 1584 г. Саид-Ахмед заступил на должность нурадина и вернулся на Волгу¹⁸. Пост наместника Ногайской Башкирии снова стал вакантным. Мы не имеем данных о присутствии там ногаев в конце XVI в. В Орде разразилась очередная смута; около 1589 г. погиб нурадин Саид-Ахмед, в 1590 г. – бий Урус, началась десятилетняя кровавая распря. В политику вошло следующее поколение мирз, к которому принадлежали в частности, внуки бия Дин-Ахмеда б. Исмаила Кара Кель-Мухаммед б. Ураз-Мухаммед и Аксак Кель-Мухаммед б. Дин-Мухаммед.

Эти лица изображаются в некоторых шеджере и преданиях как последние ногайские правители башкир, братья Каракилимбет и Аксак (Акияк) килимбет. Кочевали они якобы в землях племени мин – первый в верховьях Демы, второй – в районе озера Азкират. Первоначально дружные между со-

¹⁸ Административные перемещения в Ногайской Орде изображены здесь упрощенно. В левом крыле Орды существовала своя, относительно автономная структура старшинства мирз – в основном, потомков Шейх-Мамаея, во главе с наместником-кековатом, главой крыла (см.: Трепавлов 1991). Кроме того, в северо-восточных районах ногайской державы для управления населением, откочевавшим из разгромленного казаками и воеводами Сибирского юрта, в конце XVI в. была учреждена наместническая должность тайбуги.

бой, они поссорились и вступили в борьбу друг с другом, а затем оба ушли из Башкирии на юг. Произошло это-де в годы русского завоевания Казани (Филоненко 1915: 31; Очерки 1956: 62; Кузеев 1957: 6)¹⁹.

Трудно сказать определенно, насколько эта информация отражает действительное положение дел. Архивные материалы застают Кара Кель-Мухаммеда в начале XVII в. уже под Астраханью. В то время интересы Больших Ногаев сосредотачивались в основном в междуречье нижнего Яика и нижней Волги. Военно-политическая обстановка (усиление России, продвижение калмыков, противостояние с казачеством) не позволяла мирзам сохранять за собой всю бывшую территорию Орды. Тем не менее в конце XVI в., по крайней мере, при бие Ураз-Мухаммеде (правил приблизительно в 1590–1598 гг.) какие-то пережитки ногайского сюзеренитета сохранялись, о чем можно судить из послания Кара Кель-Мухаммеда тобольским воеводам в марте 1613 г.: «При отце моем (Ураз-Мухаммеде. – *В.Т.*) в башкирцах и окола башкирец Бучюкурской волости при отце моем и при мурзах на них ясак и подати имывали» (Акты 1915: 81). В первые полтора десятилетия XVII в. башкирская политика Ногайской Орды была связана исключительно с именем Кара Кель-Мухаммеда. Он не только стоял «в заставе от калмык и от Башкирцев», держал воинские отряды возле Уфы, но и рассматривал окрестности города как свое яйлау, летнее кочевье (Акты 1915: 26; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1613 г., д. 1, л. 1, 2). Более того, в цитированной грамоте в Тобольск он пытался договориться с воеводами, чтобы его сборщикам ясака не было «никакие порухи» от русских властей (Акты 1915: 81). Торговцы из его улуса приходили с товарами в башкирские волости (Миллер 1937: 207).

В 1601 г. промелькнуло сообщение – в грамоте уфимского воеводы своему тобольскому коллеге – что со всей Башкирии «имали ясак» сорок ногаев из улуса Каная б. Динбая (Миллер 1941: 165). Вероятно, можно заключить, что между уходом на нурадинство Саид-Ахмеда в 1584 г. и правлением Кара-Мухаммеда в первых десятилетиях XVII в. вклинился какой-то период, когда наместнические функции перешли к мирзе Каная.

Русская администрация и в столице, и на местах давно уже пыталась отводить мирз от всяких поползновений на управление. В 1610 г. для бия Иштерека была заготовлена шертная запись, в которой, кроме прочего, предусматривалось обещание ногайской стороны «на башкирцов... не приходити и улусных своих людей... не посылати» (Акты 1914: 231). Тем не менее набеги отдельных разрозненных отрядов продолжались до середины XVII в., причем ногаи заходили далеко на север – до реки Исети (см.: Шишонко 1881: 184).

¹⁹ Не вижу оснований отождествлять Каракилимбета с казанским князем Кель-Ахмедом (см.: Усманов 1982: 77; Мажитов, Султанова 1994: 329).

Мы не будем подробно останавливаться на причинах падения власти Ногайской Орды над башкирами; недостаток документальных источников не позволяет детально раскрыть этот процесс. Впрочем, борьба местного населения против степных мирз, как и уход последних на юг («на Кубань») – это наиболее разработанные сюжеты в историографии ногайского периода истории Башкортостана (правда, почти исключительно на фольклорных материалах). Укажем лишь на несколько существенных моментов.

Мы не находим каких-либо оснований причислять мирз, правивших в Башкирии, к антимосковской партии бия Юсуфа (см., например: Усманов 1982: 134, 135) – одной из двух основных противостоящих политических группировок Орды в середине XVI в. Логически допуская, что мангытские наместники без восторга восприняли покорение «неверными» Казани, мы все-таки не располагаем прямыми указаниями на участие башкир или их ногайских сюзеренов в борьбе «партий». Сам Юсуф никак не был связан с Башкортостаном; напротив, его противник Исмаил, глава русофильской группировки, являлся там держателем удела (см. выше). Ногайско-башкирские противоречия диктовались в первую очередь, конечно, не внутринагайскими коллизиями, а стремлением местного населения, и прежде всего местной аристократии, к поиску более надежного и могущественного патрона. Таковым после 1552 г. явно становился царь и великий князь Иван Васильевич. Начался обычный для средневековья переход знати из подчинения одному государю к другому.

Ослаблению власти ногайских биев способствовали также политический кризис и экономическая катастрофа, разразившаяся в Орде в середине – второй половине 1550-х годов (о голоде, эпидемиях и падеже скота свидетельствуют множество независимых друг от друга источников, в том числе башкирские шеджере).

Падение ногайского господства, следовательно, оказалось следствием ослабления державы ногаев и усиления России. Ногайская Башкирия неизбежно становилась ареной столкновения интересов двух государств. Но интересно, что это столкновение было практически бескровным. Русские в данном случае не пошли по «казанско-сибирскому» пути – не встали на путь прямого завоевания. Вооруженные силы применялись воеводами лишь по отношению к ногайским «данщикам». Здесь российские власти действовали быстро и жестко, хотя в принципе не возражали против того, чтобы ногаи продолжали кочевать на Южном Урале. Сборщиков ясака, снаряженных, биями и мирзами-наместниками, хватали, вязали и бросали в тюрьмы (см. выше данные от 1578, 1586 гг.). Наивысшего напряжения русско-ногайские отношения достигли по поводу строительства Уфы, о чем говорит широко известная переписка бия Уруса и царя Федора Ивановича во второй половине 1580-х годов.

Именно основание русской крепости и размещение гарнизона в Уфе, а тем более учреждение там воеводства (аналога прежнего ногайского наместничества!) знаменовало собой окончание владычества Ногайской Орды над башкирами. Очевидно, кроме прочих факторов, помещение русской администрации в бывшей главной ногайской ставке Имэн-кале имело по отношению к ногаям и некоторый оттенок демонстрации. Россия прочно утверждалась в Заволжье и на Урале и неуклонно двигалась в Сибирь. Ослабленные раздорами и экономическими неурядицами правители Ногайской Орды не могли воспрепятствовать формированию нового гегемона Евразии.

В заключении попробуем наметить хронологию ногайских наместников Башкирии на основании приведенных в нашем очерке данных.

Ямгурчи (конец 1480-х годов – рубеж XV–XVI вв.)

Алчагир (начало XVI в.)

Мамай (первая четверть XVI в., с 1536 г. нурадин)

Хакк-Назар (около 1522 – 1538 гг., с 1538 г. казахский хан)

Исмаил (1538 – около 1545 гг., с 1545 г. нурадин)

Ахмед-Гирей (1546 – около 1558 гг.)

Динбай (1558–1578 гг., с 1578 г. нурадин)

Саид-Ахмед (1578 – около 1584 гг., с 1584 г. нурадин)

Канай (конец XVI – начало XVII в., с 1623 г. бий)

Кара Кель-Мухаммед (начало XVII в. – 1623 г., с 1623 г. нурадин)²⁰.

²⁰ Как видим, гипотеза о довольно высоком иерархическом ранге наместника Ногайской Башкирии в целом подтверждается. Пять из девяти известных наместников переместились на нурадинскую должность. Впрочем, Ямгурчи и Алчагир жили еще до учреждения нурадинства в ногайской Орде.

Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история)

Во время распада Золотой Орды, в течение XV столетия, в Восточной Европе сложился новый баланс политических сил. Образовались два основных «полюса» борьбы за джучидское наследство – Великое княжество Московское и Крымский юрт. К этим двум «полюсам» так или иначе тяготели так называемые постордынские государства. Одной из форм такого тяготения были отъезды тюркских аристократов соответственно в русские или крымские владения.

Великие князья московские предоставляли выходцам с Востока города кормление и требовали исполнения военной службы. При тюркских вельможах оставляли их дружины, в их уделах дозволялось селиться неродовитым эмигрантам из степи. В разное время татарам отводились Кашира и Серпухов, Звенигород и Юрьев-Польский; выходцам из Ногайской Орды был выделен Романов, а выходцам из ханств, управлявшихся Джучидами, – Городец Мецкерский (Касимов). Эти местности не были ни самыми богатыми, ни самыми многолюдными; окрестное русское население не испытывало никакого почтения по отношению к тюркским кормленщикам; небольшие военные отряды служилых ханов и мирз не могли служить орудием какой-либо самостоятельной политики. Одним словом, держатели перечисленных городов являлись, несомненно, вассалами царя и великого князя и были поставлены центральной властью в условия, которые максимально подчеркивали эту зависимость.

Во второй половине 50-х годов XVI в. Ногайская Орда вступила в тяжелый и необратимый кризис. Завоевание русскими войсками Казани и занятие ими Астрахани разрушило тот самый политический баланс сил, о котором говорилось в начале главы. Ногайская знать столкнулась с необходимостью выбора между противостоящими гегемонами – Россией и Крымом. В Орде произошел раскол. Во главе приверженцев ориентации на Москву встал нурадин Исмаил. В 1554 г. бий Юсуф погиб в сражении. После череды войн и интриг Исмаил смог утвердиться на бийском престоле, а его противники бежали, разгромленные, кто в Крым, кто на Северный Кавказ, кто к казахам; некоторые прибились к московскому двору. Именно с этого времени начались попытки переселения ногайских мирз, их сородичей и соратников в российские пределы, перехода их на царскую службу.

Как правило, ногаи селились компактно; отрыв от привычного окружения, от своих начальников и соплеменников грозил столкновением не только

с дискомфортной для кочевых тюрок культурно-исторической средой Московской Руси, но и с произволом разномастной местной администрации. В апреле 1623 г. в Москве разбиралось дело о «ногайском татарине Баимке». Тот выехал из улуса нурадина Кара Кель-Мухаммеда в Астрахань с намерением поступить на русскую службу. Астраханский воевода, стольник князь С.В. Прозоровский, отправил Баима в свое подмосковное поместье, где наилью окрестил в Ивана и превратил в своего холопа. Помыкавшись полтора года, «Баимко»-Иван наконец сумел сбежать в недалёкую Москву. Он разыскал Посольский приказ, поведал там о своих злоключениях и заявил, что желает служить не князю Семену Прозоровскому, а великому государю, и жить вместе с новокрещенными татарами, а не с княжеской дворней (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1623 г., д. 2, л. 1–4).

Основной формой вовлечения ногаев в сферу российской политики было участие их в военных кампаниях. Чаще всего отряды из Ногайской Орды отправлялись организованно, по решению бия, высших мирз или съезда знати. Инициатива неродовитых ногаев, изъявлявших желание воевать вместе с русскими ратями, была довольно редкой и обыкновенно исходила от ногайских послов. Послы «правили» свои дипломатические обязанности (вручали грамоты, ходили на аудиенции, вели переговоры), а после этого просились на войну в сопровождении десятков всадников своей свиты. Российская сторона не находила оснований возражать, хотя подобный поворот событий – «исчезновение» и запоздалое возвращение восвосяи посольских делегаций – вызывал раздражение при бийском дворе.

Вероятно, первое массовое привлечение ногайской конницы к военными действиям в составе царских войск произошло в январе 1563 г., когда в большом походе на Полоцк (в ходе Ливонской войны) принимали участие послы бия Исмаила и «Уразлыевы дети» – четыре мирзы, внуки кековата Ураз-Али. До того российско-ногайское военное сотрудничество сводилось в основном к координации действий в борьбе против третьих стран – прежде всего Крымского и Астраханского ханств. Ратники из заволжских степей использовались Москвой в 1560–70-х годах, во время напряженного противостояния с Речью Посполитой. После вокняжения в 1578 г. бия Уруса отношения между Россией и ногаями резко охладели, и посылка последними войск к царю практически прекратилась. В первой трети XVII в., т.е. в период вассальной зависимости Орды от России, конницу биев иногда просили помочь в решении локальных политических задач – главным образом, на Северном Кавказе.

В процессе активного боевого сотрудничества, в пору самой драматичной фазы Ливонской войны, сформировался определенный протокольный порядок запроса русским правительством военной подмоги из Ногайской Орды. Указывалось желательное число воинов и срок, к которому им надлежало

прибыть в Москву; определялся театр военных действий («Немцы, «литовского короля земля», «свейского короля земля»); завершилось обращение стандартной формулой: «А как они из воины придут, и мы их, пожаловав, к вам отпустим». Чем хуже обстояли дела на литовском фронте, тем настоятельнее становились просьбы о присылке отрядов. Используя нарастающую усобицу в Орде Больших Ногаев, Посольский приказ адресовался к самым влиятельным мирзам по отдельности. Запросы зачастую сопровождались раскольнической, объективно подстрекательской оговоркой: «Хотя и ... князь (т.е. бий. – *В.Т.*) не пришлет, а вы б своих людей прислали и без ... князя» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 242, 252).

Ногайские власти никогда не направляли в Россию более двух тысяч человек за один раз – «всех мурз и голов и казаков, и всяких воинских людей». Впрочем, можно предполагать, что незначительные (на фоне огромного земского ополчения) ногайские отряды были призваны служить не столько военным, сколько моральным фактором на западных фронтах. Независимо от численности присылаемых воинов, указывалось, что «толко чтоб конны были и молодцы добры – чтоб нашему (царскому. – *В.Т.*) имени и вашей Орде в непослушника нашего земле было явно» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 257об.).

Факт участия кочевников в московской армии, как и слухи об этом, создавали психологический дискомфорт, сеяли смятение в рядах противника. Российская сторона усугубляла эффект от привлечения ногаев, в десятки раз завышая их численность при переговорах с западными партнерами. В мае 1566 г. дьякам было велено известить прибывшее литовское посольство о том, что мирзы «на государеву службу ходят, не отъезжая, тысець по дватцати и по тритцати, и сколко коли государю нашему надобе». Через три года в «память» (инструкцию) послу, снаряжавшемуся к польско-литовскому королю Сигизмунду-Августу, была включена та же фраза, но с «уточнением»: «тысець по сороку и по пятидесять»; то же повторилось в 1571 г. (Сборник 1892: 344, 470, 782).

Европейские наблюдатели обращали пристальное внимание на тюркские отряды в составе московского воинства. Именно западные визитеры заметили принципиальную закономерность: заволжские батыры действовали, главным образом, «в Литве, Польше, Лифляндии и по границам Швеции», поскольку русские власти используют «татар... против поляков и шведов, считая безумнейшею мерою употреблять их на противоположной границе (т.е. на границе с татарскими юртами – прежде всего с Крымом. – *В.Т.*)» (Штаден 1925: 62; Флетчер 1905: 64). К подобным предосторожностям побуждала массовая миграция из Ногайской Орды в Крымское ханство. К концу XVI в. крымская конница уже в значительной степени состояла из ногаев. Сводить

ногайские отряды на русской службе с их единоплеменниками из враждебного лагеря на поле брани казалось правительству и воеводам рискованным.

Перечисленные политические факторы и тактические соображения, как и чужеродность мирз по отношению к русской знати, отражались на месте их в военной иерархии. Обычно мирзы со своими отрядами включались в состав действующей армии вне росписи полков. Имеются лишь единичные упоминания об участии ногаев в походах и боях в составе передового или ертоульного полков. В жесткой системе распределения армейских командных должностей по местническому принципу для ногайской знати пока не находилось места. Только крестившиеся и обретшие княжеское достоинство выходцы из ногайской среды (ко времени Ливонской войны – князя Канбаровы и Шейдяковы) получали под свое начало крупные подразделения царской рати.

Интерес ногаев к военным мероприятиям государевых воевод объяснялся правом «повольного грабежа», возможностью разжиться трофеями и полонем, предоставлявшейся им русской администрацией. Меркантильные настроения усиливались по мере нарастания кризиса в Ногайской Орде, когда сокращались площадь кочевий и поголовье скота, пустели торговые магистрали. Все больше мирз беднело и оказывалось неспособным существовать в привычных условиях, за счет скотоводческой экономики. Конные рейды по польско-литовским владениям под формальным главенством царских военачальников давали мирзам шанс обогатиться и, следовательно, привлечь к себе подданных, «улучших людей». В период российско-ногайского политического сотрудничества бии не препятствовали таким устремлениям мирз и без возражений отпускали их в Россию, иногда сообщая царю истинную причину участия их в войне: «Тот Ахмет мирза убог, и потому у меня отпросился на твою воину». Сами мирзы сетовали на свое «убожество», призывая царя позвать их на войну, дабы поживиться трофеями: «А у нас запасов (в тексте запосов. – *В.Т.*) нет, и лошади либивы (т.е. истощены. – *В.Т.*), и нам долго терпети не уметь. И будет куда твоя государева служба, и нам бы твое повеленье было вскоре» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 219–219об.; оп. 2, 1615 г., д. 6, л. 7).

Еще один путь попадания ногаев на русскую службу – на сей раз постоянную – состоял в высылке биями в Россию своих противников, если те по каким-либо причинам не могли или не желали отправиться в Крым или Мавераннахр. В 1564 г. таким образом появились в Москве мирза Тохтар Кутумов с братьями и семьюдесятью человеками свиты, а в 1564 г. сыновья свергнутого Исмаилом бия Юсуфа – родоначальники князей Юсуповых (см. ниже). Убедившись в лояльности новоприезжих подданных, царь назначал им большое жалованье, несравнимое с их бывшими скудными доходами в кочевьях. Данное обстоятельство было еще одним стимулом для переезда тюрокских аристократов в страну «белого царя» и предметом ревности и раздраже-

ния со стороны правителей Орды. В 1563 г. Исмаил просил у Ивана Грозного «годовое» (ежегодные денежные выплаты) для себя в размере 500 рублей со следующей мотивировкой: «Тем мирзам, которые от нас ездят к тебе от голоду и от нужи, и тем (мирзам. – *В.Т.*) ... даешь рублей до четырехсот и до пятисот» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 217об.).

Впоследствии, в XVII в., когда число отъезжих ногаев возросло, центральные власти уже избегали заниматься их расселением и обустройством. Поскольку функция связей с остатками Ногайской Орды была возложена на астраханских воевод, то именно им вменялся в обязанность патронаж над переселенцами. Только в 7127 г. (1 сентября 1618 – 31 августа 1619) в Россию перебрались 14 мирз с семьями и улусными людьми.

Дальше Астрахани их обычно не пускали. Новоприбывшего аристократа приводили в Съезжую избу (воеводскую канцелярию), где тот по стандартной «шертной записи» клялся на коране, присягая по клишированной формуле «быть под царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным». Он давал обещание жить под Астраханью в так называемых «юртах» – полукочевых селениях, не перекочевывать на Крымскую сторону – правобережье Волги; мирза был обязан «служить и прямить» государю, что означало в первую очередь быть готовым отправиться в военный поход по приказу воеводы. Астраханская администрация по своему разумению назначала ногайским мирзам месячное жалованье и сразу запрашивала Посольский приказ, из которого через некоторое время поступали деньги и указ с росписью годового оклада для каждого мирзы. Этот гарантированный доход и безопасное проживание под защитой русских стрельцов выглядели весьма привлекательно для знати разваливающейся Орды.

Взаимовыгодный русско-ногайский военно-политический альянс отошел в прошлое, оставив о себе память в виде княжеских родов.

* * *

В среде российского дворянства роды тюркского происхождения составляли значительную часть. Как правило, их предками были аристократы Золотой Орды и татарских ханств, которые выезжали в Россию, поступали на государеву службу и в конце концов переходили в православие. Историки обычно рассматривали подобные семьи, не обращаясь к поиску их действительных предков и обстоятельств миграций, ограничиваясь этимологическими штудиями или описанием общих условий службы (см., например: Баскаков 1993; Павлов 1957). Осторожность исследователей объяснялась, с одной стороны, фактическим запретом на генеалогические изыскания в течение нескольких десятилетий, с другой – отсутствием источниковой базы для подтверждения исторических истоков многих родов.

В дворянском корпусе России был ряд семей, ведущих происхождение от выходцев из Ногайской Орды. К XX в. из их числа уцелели только князья Урусовы и Юсуповы, но в середине XVII в. их насчитывалось более десятка. При составлении в 1680-х годах «Бархатной книги» родословные росписи в Палату родословных дел и Разрядный приказ подали Юсуповы (вместе с Байтерековыми), Кутумовы, Урусовы и Шейдяковы (Антонов 1994: 103, 106; Антонов 1996: 66, 69; Родословная, 1787, с. 414). На основе этих росписей (фамильных генеалогий) были составлены официальные версии происхождения соответствующих кланов; данные версии позже включались в различные аристократические реестры империи и считались безусловно истинными. Такие имперские родословные обычно не подвергались критике и служили исследователям и публикаторам источником для всяческих генеалогических построений (см., например: Нарбут 1994; Урусовы 1873; Юсупов 1866).

Работа над материалами по истории Ногайской Орды показала, что безоговорочно доверять подобным документам не следует. Во-первых, генеалогии на протяжении длительного времени могли храниться в изустной передаче (это хорошо известно по башкирским и татарским шеджере), что приводило к искажению сведений. Только привлечение более ранних и независимых друг от друга источников поможет восстановить раннюю историю княжеских родов – в данном случае имеющих ногайские корни.

Таким образом, материалы Родословных книг и Гербовников в нашем исследовании послужат не отправной точкой, а лишь иллюстрацией состояния княжеских семей и их представлений о своем происхождении на период XVIII–XIX вв. В основу же анализа будут положены начальные варианты семейных родословных, а также извлеченная из архивохранилищ информация о выездах ногайских сановников в Россию, о начале их карьеры на новой родине, о времени и обстоятельствах обретения ими княжеского достоинства.

Большинство подобных родов угасло уже к концу XVII столетия. Сначала мы разберем историю их, а затем обратимся к более долговечным и удачливым династиям¹.

Роды, угасшие к XVIII веку

Байтерековы. Род Байтерековых, – утверждает одна из генеалогических публикаций, – происходит от Байтерека, четвертого сына князя Уруса (Урусовы 1873: 17). Это одно из тех устойчивых заблуждений (или фальсификаций), о которых говорилось выше. Четвертый сын бия (правителя) Ногайской Орды Уруса, по отдельным источникам, носил имя Байтабарак (РГАДА,

¹ Мы опускаем описание условий приема на службу и самой службы, так как посвятили этим вопросам специальную работу (см.: Трепавлов 1998).

ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 4, л. 1; оп. 2, д. 32, л. 25). Но начало данному роду, безусловно, положил Байтерек, и это прочно запечатлелось в геральдических документах (Долгоруков 1855: 27). Доводился же он третьим сыном бия Дин-Ахмеду, старшему брату Уруса (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 40; 1627 г., д. 4, л. 1; оп. 2, д. 32, л. 25), и, стало быть, племянником Урусу.

Байтерек в конце XVI в. занимал в Ногайской Орде должность нурадина². Он имел четырех сыновей: Гази, Али, Ака и Курмаша (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 40; 1627 г., д. 4, л. 1; оп. 2, д. 32, л. 25). Ни один из них не перешел в православие и поэтому не получил княжеского ранга. Известно лишь, что 18 октября 1616 г. Гази б. Байтерек прибыл в Астрахань и шертовал царю перед находившимся там московским дворянином Андреем Хохловым (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 4, л. 119). Кроме того, сохранилось известие о крещении в Астрахани под именем Дмитрия «ногайского князя Урак-мурзы Байтерекова» 19 декабря 1633 г. (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1632 г., д. 4, л. 6; Савелов 1906б: 107). А в 1636 г. обратился «в православную в крестьянскую веру» у астраханского воеводы некий Иван Байтереков (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1637 г., д. 1, л. 66).

Князь Дмитрий (Урак) Байтереков переехал в Москву, где получил годовой оклад в 80 рублей и еще 60 рублей «подъемных» «для его иноземства и выезду, на дворовое строенье» (Акты 1884: 282). Данных о его потомстве встретить не удалось.

Продолжение династии Байтерековых в России связано с именами внуков Байтерека Григория Алей-мурзина и Михаила Казы-мурзина (их ногайские имена и время крещения неизвестны). Под 1656/57 и 1667/68 гг. они значатся в Боярских книгах как московские дворяне и занимали это положение до 1670-х годов. Князья Юрий Григорьевич и Яков Григорьевич Байтерековы в 1670-х годах служили стряпчими, а в следующем десятилетии стольниками (Алфавитный 1853: 17; Савелов 1906б: 107). В самом конце XVII в. трое князей Байтерековых владели населенными имениями (Савелов 1906б: 108). Дальнейшая судьба рода неизвестна. В дворянских родословных он числится как угасший к XVIII в.

Барангазыевы. Барангази б. Саид-Ахмед б. Мухаммед б. Исмаил-бий в начале XVII в. был бием Малой Ногайской Орды. По генеалогиям, он имел трех сыновей – Бия, Каплана и Зора (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 4, л. 4). Каплан приехал ко двору Бориса Годунова, где крестился под именем князя Федора Барангазыева и стал царским стольником. «А с Москвы... он бежал к Вору в Тушино со князем Петром Урусовым с товарищи. И с Вором были в

² Нурадин – второе лицо после бия в Ногайской Орде, правитель ногайских кочевий в Поволжье и глава правого крыла ополчения. Правитель казахстанских кочевий и глава левого крыла носил титул кековата (см.: Трепавлов 1991а; Трепавлов 1993).

Колуге, и, убив Вора, ис Колуги со князем Петром Урусовым бежали они в Крым». Затем Каплан-Федор жил в Малой Ногайской Орде, а позже решил обосноваться в полуоседлых ногайских «юртах» под Астраханью. В 1630/31 г. он возобновил крещение в Астрахани и вновь, под именем князя Федора, вместе с новокрещенным Дмитрием (Ураком) Байтерековым, явился в Москву.

Правительство простило ему юношеские метания и назначило большой годовой оклад в 100 рублей, с выдачей такой же суммы «подъемных» (правда, получить деньги он не успел, так как вскоре умер) (Акты 1884: 281, 282). Младший брат его Зор тоже крестился в 1635/36 г. и стал князем Григорием. Он тяготился жизнью в захолустной Астрахани. После неоднократных челобитий Барангазыев был сначала «написан по московскому списку», а затем в 1640 г. переведен на службу в Москву и «сверстан» жалованьем и поместьем (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1637 г., д. 1, л. 66; ф. 131, оп. 1, 1640 г., д. 4, л. 2 и сл.; Собрание 1822: 374, 375). Видимо, умер бездетным.

Канбаровы. Это едва ли не единственный княжеский род, происходивший не из заволжских или казыевских, а из крымских ногаев. И, очевидно, первая из ногайских фамилий, получивших княжеский ранг в России. Собственно, известен единственный представитель Канбаровых – соратник Ивана IV по Ливонской войне, который активно действовал во второй половине 50-х – начале 70-х годов XVI в. Именами его были Ураз-Али и Иван. В.В. Вельяминов-Зернов сомневался, дано ли было последнее при крещении или же являлось прозвищем (Вельяминов-Зернов 1863: 430). Однако выше мы уже видели, что «князем» ногайский мирза становился только после обречения христианского имени. Поскольку «Уразлы»-Иван повсеместно титуловался князем, то можно заключить, что он все-таки был крещен.

Происхождение его восстанавливается следующим образом. В различных источниках отчество его пишется «Ахметович», «Махметыч», «Магметевич», «Матвеевич» (Карамзин 1989: 99; примеч. к т. 9, с. 67, 71; Щербатов 1903: 229, 266, 309, 392). Причем в начале канбаровской карьеры, в 1556–1558 гг., имя сопровождалось указанием на племенную принадлежность: «Уразлы князь Канбарова Мангит» (Вельяминов-Зернов 1863: 412, 429; Татищев 1966: 271). В 1564 г. он фигурирует в росписи полков уже под христианским именем; видимо, в промежутке между 1558 и 1564 гг. он и перешел в христианство. В.В. Вельяминов-Зернов восстановил имя отца Ураз-Али как Ак-Мухаммед (Вельяминов-Зернов 1863: 430). Единственный известный нам Канбар (Камбар), сын Мамая (т.е. Мухаммеда), был племянником крымского беклярибека Хаджике б. Мансура б. Эдиге. В конце XV в. Хаджике посылал Канбара к Ивану III с посольством (Малиновский 1863: 246). Следовательно,

Иван Канбаров оказался Ураз-Али б. Ак-Мухаммедом б. Канбаром б. Мамаем б. Мансуром.

Мы столь подробно остановились на этой фигуре, потому что с ней связан, пожалуй, первый случай местнических споров между исконно русской аристократией и выходцами из ногаев. В 1565/66 г. Иван IV разместил армию в Великих Луках и Торопце, готовясь к походу на Литву. В большой полк были назначены князья И.А. Шуйский, Г.Г. Колычев-Лошаков и «Иван Охметевич Канбаров». Воевода правой руки А.И. Шеин отказался подчиняться Канбарову, «списков не взял» и не поехал к нему на совещание, сочтя его недостаточно знатным. Пришлось князю Ивану самому отправляться к Шеину и уговаривать того разместиться в Торопце, по утвержденной дислокации (О службах 1826: 412). Данных о потомках И.А. Канбарова нет.

Тинбаевы. Четвертый сын бия Исмаила (который правил в 1554–1563 гг.) Динбай в конце 1570-х – начале 80-х годов был ногайским нурадином, затем уступил этот пост своему племяннику Саид-Ахмеду (Трепавлов 1993: 53, 55) и доживал век в собственном кочевье, в покое и почете. Дети его: Тиникей, Баиш, Канай, Абдулла, Али, Рахманкул и Иваш (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 4, л. 1; оп. 2, д. 32, л. 25, 26).

Наиболее заметный след оставил в источниках сын Каная Гази. Не позднее осени 1615 г. он «прилучи же ся на Москве... и крестися в православную христианскую веру и наречен князем Михаилом» (Новый летописец, 1853, с. 183). В первые годы царствования Михаила Федоровича он показал себя смелым и способным военачальником. В июле 1616 г. Михаил-Гази был послан в рейд по польско-литовским территориям (Сурож–Витебск–Велиж) (Дворцовые 1850: 227, 228; Разрядная 1976: 291). Этот поход был одним из первых внешних военных мероприятий России, оживающей после Смуты, поэтому он остался в памяти дворянства. Участие в нем отмечалось в родословных как пример верного служения престолу (см., например: Местнический 1910: 42).

Неоднократно князь Михаил Канаевич «ходяше... из Москвы под таборы королевичевы и всегда с победою возвращашеся, многих бо людей королевичевых, славных мужеством, уби и многих живых, имая, провожаше в Москву. И такового ради мужества и силы вси противники знаяху его» (Новый 1853: 183). В 1619 г. при возвращении из очередной военной экспедиции рать Михаила Тинбаева была окружена польскими отрядами, посланными специально против него, «и убиша его ту, едва возмогоша множеством людей одолети его» (Новый 1853, с. 183).

Не позднее мая 1614 г. на жительство в Астрахань приехали Канай и Рахманкул Тинбаевы с детьми (Кабардино-русские 1957: 79). Несмотря на многочисленность Тинбаевых, их неукоснительную лояльность к русским властям и избрание Каная бием Ногайской Орды в 1622 г., этой ветви рода не

удалось обзавестись княжеским статусом. В декабре 1614 г. в Астрахань съехались другие Тинбаевы, которые до того кочевали у кумыков, в Казахстане («в Алтыулах») и в Хивинском ханстве («в Юргенчи»). За всех них поручился Канай, и воеводы разместили мирз под городом, назначив им жалованье (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 1, л. 9; 1619 г., д. 2, л. 115–141).

Едва освоившись на новом месте, многолюдный клан (вместе со старыми союзниками – Урусовыми) начал распри с прочими ногаями и интриги против бия Иштерека (правил в 1600–1618 гг.). Тот попросил было царя забрать Тинбаевых в Москву, но получил отказ: «И так... иные Тинбаевы взяты к нашему царскому величеству к Москве и укрепились в нашу православную... веру» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1617 г., д. 2, л. 53). Неизвестно определенно, кто именно из них служил тогда в столице. Князья Тинбаевы встречаются в документах позднейшего времени. В 1628/29 г. крестился «выезжей нагаиской Янмамет мурза» и стал князем Тимофеем Тинбаевым (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1629 г., д. 5, л. 1); возможно, это Ян (Джан) б. Абдулла б. Динбай, по росписям XVII в. (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 4, л. 3; оп. 2, д. 32, л. 30). В 1675/76 г. в Москве служил стольник князь Алексей Шеим-мурзин Тинбаев, под 1679/80 г. отмечен князь Матвей Хан-Канбулатов(ич) Тинбаев-Мансуров (Алфавитный 1853: 410). В XVIII в. князья Тинбаевы уже не встречаются.

Астраханский историк В.М. Викторин в конце 1995 г. сообщил автору этих строк, будто в Астраханской области в наши дни проживают семьи Тинбаевых, считающие себя ветвью данного клана. Как мы убедились, Тинбаевы были довольно многочисленны и в конце концов сконцентрировались как раз в Астрахани. Но было бы преждевременно предполагать действительное родство этих современных астраханцев с ногайскими мирзами, поселившимися на Нижней Волге в первой трети XVII в. Для более основательных заключений требуется, конечно, личное знакомство с астраханскими Тинбаевыми и с их семейными архивами.

Тинмаметевы. Известны двое князей – потомков бия Дин-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда (правил в 1598–1599 гг.). В 1633/34 г. в Астрахани крестился «Отманай мурза Кейкуватов», т.е. сын кековата Джан-Мухаммеда б. Дин-Мухаммеда, и стал князем Петром. Через два года он переселился в Москву, где получил 60-рублевый оклад и «вполы того оклада» на обзаведенье (Акты 1884: 282).

В 1640 г. сын сосланного и умершего в ссылке мирзы Урака б. Дин-Мухаммеда Прокофий жил вместе со своей матерью, княгиней Авдотьей (бывшей Ханькей) (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1640 г., д. 1, л. 1 и сл.)³. В 1667/68 г.

³ Неизвестно, какой из пяти сыновей Урака стал Прокофием.

князь Прокофий Урак-мурзин Тинмаметев числился московским дворянином (Алфавитный 1853: 410). В XVIII в. этот княжеский род неизвестен.

Урмаметевы. Из потомков бия Ураз-Мухаммеда (правил в 1590–1598 гг.) заметную карьеру в России сделал мирза Зор, сын его третьего сына Арслана. В 1622 г. он крестился под именем князя Василия, удостоился царской аудиенции и получил полторасотенный оклад с половиной оклада на дворовое строенье (Акты 1884: 280; Забелин 1882: 299; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1625 г., д. 6, л. 13). Василий-Зор поставил богатый двор на Москве – «в Белом каменом городе меж Никицкие и Здвиженские улицы», где поселился с женой Авдотьей и сыном Дмитрием (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 3, л. 79, 154). Как московский дворянин, новоиспеченный князь Урмаметев поступил в ведение Стрелецкого приказа. Государевым указом жалованы были ему село Дубровки в Касимовском уезде и село Кузнецово в уезде Дмитровском (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 3, л. 6, 98, 458).

В июле 1928 г. дворовые люди Урмаметева донесли главе приказа, князю И.Б. Черкасскому, о зреющей в их доме измене. Василий Арасланович и его дядя по матери, князь Петр Урусов, задумали, дескать, бежать в Крым, а перед этим решили написать хану. Сразу началось следствие. Сперва Урмаметев заперся на допросах («государю изменить и в Крым ехать не хачивал и не мышливал»), но после очной ставки с Урусовым сознался. Под пытками князя стали все валить друг на друга. Князь Петр заявил, что даже если бы и замыслил эмиграцию, то «он бы князю Василью про то и не сказал, потому что князь Василеи молод и плут». Но затем, не выдержав истязаний, сознался в намерении отъехать к хану. В августе царским указом все имущество и недвижимость князей были конфискованы, поместья отписаны на государя, а сами изменники отправлены в ссылку (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 3, л. 4 и сл.). Василия увезли в Чердынь, где посадили «в крепкую тюрьму». Побросали в темницы и княжескую дворню, заподозренную в пособничестве (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1640 г., д. 5, л. 3.).

Со временем высочайший гнев остыл. Уже в ноябре того же 1628 г. жене Урмаметева и сыну «Митке» были возвращены домашний скарб и скот. В конце 1633 или в начале 1634 г., в связи со своего рода амнистией по случаю смерти патриарха Филарета, были освобождены из заточения слуги. А в 1643/44 г. и самого Василия простили и дозволили вернуться в Москву (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 3, л. 154; 1640 г., д. 5, л. 3, 8). Но клеймо изменника он, видимо, так и не смог стереть. По крайней мере, князя Урмаметевы не значатся в позднейших реестрах служилой знати.

С этим родом связана еще одна любопытная судьба. Мирза Ток-Мухаммед, сын нурадина Кара Кель-Мухаммеда б. Ураз-Мухаммеда, в малолетнем возрасте был пленен калмыками под Уфой и увезен в калмыцкие стойбища

вместе с «мамкой» (воспитательницей или кормилицей). По прошествии нескольких лет, сочтя воспитанника достаточно взрослым, «мамка» рассказала ему о том, чей он сын и как угодил в полон. Вскоре Ток-Мухаммед бежал в Уфу. Но там он вновь попал в неволю. Местный воевода Иван Чичерин окрестил его в Якова и «силоно» женил на новокрещенной татарке. Целью Чичерина было превратить Якова в своего холопа. Однако тут вмешался могущественный нурадин Кара Кель-Мухаммед, уже давно отчаявшийся увидеть сына живым. По челобитью нурадина, в августе 1630 г. царь велел отнять Якова Урмаметева у уфимского воеводы и доставить в Москву, назначив жалованье (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 7, л. 2). Дальнейшая биография его не отражена в известных нам документах.

Шейдяковы. Представители этого рода громко заявили о себе уже в XVI в. и служили при дворе на протяжении всего XVII столетия. Истоки Шейдяковых довольно запутанны. В родовой генеалогии князей Юсуповых утверждается, что Шейдяковы идут от «Шейдяка князя», сына Мусы (Юсупов 1867: приложение). Такое убеждение закрепилось у составителей позднейших генеалогий (Урусовы 1873: 17). Это одновременно верно и неверно, потому что на самом деле в России существовало две линии Шейдяковых.

Саид-Ахмет (Шейдяк) б. Муса возглавлял Ногайскую Орду во второй половине 30-х годов XVI в. Затем его заменил младший брат Шейх-Мамай – возможно, в результате переворота, так как в 40-х годах Саид-Ахмет с детьми обрелся в «Бухарех» и совершал оттуда набеги на ногаев (см.: Трепавлов 2001: 197–199). Сыновьями его были «Торахмед», Тутай, Мухаммед, Синдик, Чельш и Атай (Родословная 1787: 130). Несомненная связь с этой семьей князя Петра Тутаевича Шейдякова. Улус его отца Тутая в 1535 г. кочевал за Яиком (Посольские 1995: 161).

Наиболее раннее упоминание об этом лице, очевидно, содержится в описании похода Ивана IV на Новгород в декабре 1571 г., в котором походную Думу царя составляли бояре и князья, «и знатнейший между ими Петр Тутаевич Шийдяков Ногайский» (Карамзин 1989: 112)⁴. В той кампании Шейдяков возглавлял передовой полк; такую же воеводскую должность он занимал в прибалтийских экспедициях 1570-х годов (Вельяминов-Зернов 1864: 13, 14, 16, 21, 35, 57). При взятии города Кеси в 1577 г. коллегой князя по командованию полком был Никита Романович Юрьев (Вельяминов-Зернов 1864: 78), родоначальник будущих монархов. В 1576 г. по возвращении из лифляндского похода царь Иван поставил П.Т. Шейдякова наместником в Пскове (Разрядная

⁴ Вывод о знатности П.Т. Шейдякова Н.М. Карамзин сделал на основании того, что в челобитной шведских послов Боярской думе он назван первым, раньше остальных вельмож (Карамзин 1989: 112: примеч. к т. 9, с. 78).

1974: 60). Закончилась его карьера приблизительно в начале 1580-х годов; в Разрядах сохранилась запись за 1580 г. о местничании с Шейдяковым князя М.П. Катырева по поводу воеводства в полку правой руки (Разрядная 1974: 71).

Другой знаменательный персонаж той эпохи – князь Афанасий Шейдяков. Как и у предыдущего персонажа, ногайское имя его неизвестно. Правда, однажды он назван Шейдяковичем (Разрядная 1974: 45). Рискнем предположить, что это не кто иной как старший сын Саид-Ахмеда Дурс (Турсун?)-Мухаммед который в 1564 г. приехал в Москву и попросился на государеву службу (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 11, л. 112об.)⁵. Впервые Афанасий встречается в Разрядах под 1574 г., но не осенью, как утверждает С.П. Мордовина (Мордовина 1970: 336), а в январе, в качестве напарника Н.Р. Юрьева по воеводству в большом полку при походе на Лифляндию (Разрядная 1974: 45). Он участвовал в прибалтийских походах, а в 1577–1580 гг. был наместником г. Юрьева-Ливонского (Разрядная 1974: 64, 71). В 1585 г. возглавлял полк левой руки в армии великого князя Симеона Бекбулатовича, посланной против Батория (Вельяминов-Зернов 1864: 86). Последнее упоминание о нем относится – и здесь мы согласны с С.П. Мордовиной – к 1598 г.: при выдвижении Б.Ф. Годунова к Серпухову для отражения набега крымского хана он находился в качестве головы «в государевом стану, у огней» (Разрядная 1974: 134; Разрядная 1994: 34).

Известно, что Афанасий Шейдяков обладал поместьями в Романовском и Звенигородском уездах – селами, более чем шестью десятками деревень, 2268 десятинами пашни. Современные исследователи относят его к крупным землевладельцам второй половины XVI в. (Демкин 1986: 110; Мордовина 1970: 336).

Во время Смуты о Шейдяковых не слышно, и снова эта фамилия появляется на страницах документов со второй четверти XVII в. Но теперь ее носители, близкие родственники князей Барангазыевых, происходили из Малой Ногайской Орды, от Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила (а Исмаил был младшим братом того, «первого» Саид-Ахмеда). Малоногайские мирзы, очевидно, осознавали возможность недоразумений из-за тезоименитства родоначальников, и попытались подменить своего настоящего предка, внука Исмаила, бием Саид-Ахмедом б. Мусой.

В двух редакциях «Родословца татарского письма», явно составленного в Казыевом улусе, данная подмена выглядит следующим образом. Первая редакция: «Мусы князя сын Шиидяк князь. Брат Шиидяков Исмаил... Шиидяк князь почал быть в Казыеве улусе, а Исмаил князь почал быть в Большом Ногае (т.е. в собственно Ногайской Орде. – *В.Т.*). Шиидяка князя сын Ислам

⁵ Вместе с ним прибыл его родственник (племянник?) Амангази, который, вполне возможно, и стал после крещения князем Петром Тутаявичем.

мурза. Ислам мурзы сын Касаи князь. Касаев сын Салтан мурза з братьею». Вторая редакция: «От Шейдяка князя пошли Малово Нагаю мурзы. Шейдяка князя сын Ислам мурза. Ислам мурзин сын Касаи князь, что ныне в Малом Нагае» (РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 22, 24).

На самом же деле «Малово Нагаю мурзы» происходили из самых разных ответвлений мангытского рода Эдиге. Но та родственная линия, что подразумевается в «Родословце», восходит к нурадину Саид-Ахмеду, который погиб в 1589 г., и дети которого перебрались в то же время в Малую Орду.

История казыевцев занимала русских приказных функционеров в гораздо меньшей степени, чем история Больших Ногаев. Сложно определять родственные связи в калейдоскопе мирз XVII в.⁶ Сведения о них неполны и противоречивы. Поэтому можно попытаться лишь приблизительно восстановить происхождение князей Шейдяковых XVII в.

Одна из ветвей реконструируется более или менее четко. В 1629/30 г. крестился, став князем Леонтием Шейдяковым, мирза Бек б. Султанаш б. Ислам б. Саид-Ахмед и удостоился персонального жалованья (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1625 г., д. 6, л. 12; 1629 г., д. 5, л. 5). В Боярских книгах он фигурирует как московский дворянин в 1626–1629 и 1639/40 гг. и как стряпчий в 1635/36 г. (Алфавитный 1853: 469). Князь Дмитрий Салатанаш-мурзин Шейдяков, явно брат Леонтия, был в те же годы и московским дворянином, и стряпчим, но оказался за какие-то провинности выслан из столицы в Великий Устюг (Алфавитный 1853: 469). Поскольку среди детей Ислама, кроме Султанаша, был также и Хан (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 53), то можно предполагать принадлежность к данной родственной линии и князя Григория Ханмурзича Шейдякова, стольника в 1685–1692 гг. (Алфавитный 1853: 469).

Удается проследить еще один нисходящий ряд. В 1621/22 г. в Ярославле крестился в князя Федора Шейдякова Зорбек б. Джан-Али (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1625 г., д. 6, л. 12). За два года до этого он показал в расспросной речи, что отец его, Еналей Туганов сын Шейдяков, неведомо когда и при котором государе выехал «из Ногай», получил поденный корм с жалованьем, но без поместья, и погиб под Москвой, когда там стояли поляки и «Вор». Здесь же Зорбек просил жалованья для себя на том основании, что младшие братья его отца, Джан-Али, Каплан и Али, были в свое время испомещены в Ярославском уезде (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1619 г., д. 6, л. 2)⁷. Видимо, просьба была удовлетворена, так как Зорбек принял крещение и христианское имя как раз в Ярославле.

⁶ Например, в 1638 г. только в Малой Ногайской Орде проживало 84 мирзы (РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 17–21).

⁷ Наверное, Джан-Али выехал на Русь после убийства его отца Тугана заволжскими мирзами в начале 1590-х годов (РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 43).

В 1626–1629 и 1639/40 гг. Федор Еналей-мурзич служил в московских дворянах, а в 1635/36 г. был царским стряпчим (Алфавитный 1853: 470). Кроме того, дети упомянутого мирзы Каплана б. Тугана, князя Иван большой и Иван меньшей, вместе числились стольниками в 1657/58 г.; один из них занимал этот пост в 1675/76 г. (Алфавитный 1853: 469). Перепись татарских дворов 1646 г. зафиксировала владения Султаная, Хана и Бия Каплановичей Шейдяковых в Ростовском уезде; их же, а также Тенекея и Каная Шейдяковых – в Ярославском (Ярославские 1913: 65–76).

Наверное, можно считать сыновьями Федора-Зорбека князей Ивана и Михаила Федоровичей Шейдяковых, стряпчих и стольников при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче (Алфавитный 1853: 469).

В 1622/23 г. был крещен Кель-Мухаммед – князь Артемий Шейдяков (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1625 г., д. 6, л. 36). Скорее всего он являлся отцом князей Федора и Михаила Артемьевичей, стольников у царя Михаила Федоровича (Алфавитный 1853: 469).

Есть сведения о крещении в 1613/14 г. Дивея (Семена) и в 1622/23 г. Дин-Али Шейдяковых (Акты 1884: 280), но дети их не установлены.

В Боярских книгах, кроме перечисленных лиц, упоминаются еще более двадцати Шейдяковых только на придворных должностях, но проследить их родственные связи затруднительно. Разве что князь с редким именем Исай Чергора-мурзич, московский дворянин в 1657/58 г., явно доводился отцом князю Петру Исаевичу Шейдякову, стольнику в 1691/92 г. (может быть, последний обозначен как Петр Исакович Шейдяков в качестве стряпчего под 1680/81 г.) (Алфавитный 1853: 469).

Несмотря на многочисленность своих рядов и удачную дворцовую карьеру в XVII в., в петровскую эпоху Шейдяковы уже не заметны. Видимо, в начале XVIII столетия этот род угас.

Смаилевы. В 1625/26 г. принял крещение и имя Александра мирза Бегей, сын Ханбая, внук бия Исмаила (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1625 г., д. 6, л. 1 и сл.). В конце 1625 г. стал князем Львом Смаиловым его сын Сары, вместе с которым перешли в православие его брат (?), превратившись в князя Семена, и племянник, князь Прокофий (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1625 г., д. 6, л. 6; 1628 г., д. 19, л. 10; 1629 г., д. 5, л. 8). В 1629 г. князь Семен Смаилов состоял в стольниках (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1629 г., д. 5, л. 16). Князь Лев в 1628 г. тоже обретался на Москве и верно служил, на что указывали в челобитных его родственники, оставшиеся в Астрахани (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 336, 337).

Араслановы. О них известно еще меньше. В середине XVII в. мирзы Адиль и Касай Араслановы били челом о подданстве (Савелов 1906б: 71). Князь Григорий Кузьмич Арасланов в 1656–1677 гг. упоминается в Боярских книгах

как московский дворянин (Алфавитный 1853: 10). В самом конце XVII в. двое Араслановых владели поместьями и крепостными (Савелов 1906б: 71).

Помимо перечисленных, с ногаями, очевидно, были связаны происхождением князья Ураковы – Яков Алей-мурзин, московский дворянин и стольник в 1675–1692 гг., Дмитрий Васильевич, московский дворянин в 1691/92 г., и Федор Богданович, стольник в те же годы; а также князь Андрей Келмаметевич Ураев, стольник в 1689–1692 гг. (Алфавитный 1853: 426). В июне 1567 г. на размен с литовцами был отправлен «князь Иван Деветелевич (Тевекелевич) Ногайский» (Карамзин 1989: 158; примеч. к т. 9, с. 60, 109). Думаю, это сын или скорее внук крымского карачи мангыт-бека Таваккула б. Тимура б. Мансура б. Эдиге.

Наконец, один раз появился в «Ногайских делах» князь Иван Мамаев. Около 1612 г. его, юного казыевского мирзу Султанбека, сына Саина б. Мамаев, взяли в плен астраханские стрельцы во время похода на Малую Ногайскую Орду. В Астрахани он был продан холмогорскому купцу Василию Исаеву-Пуге. Тот, видимо, привязался к ногайчонку, крестил его и решил обучить грамоте. Сперва новокрещенный Иван постигал азбучную премудрость у дьячка Рождественской церкви, «что у Кабатцких ворот» в Астрахани, затем перешел в обучение к таможенному подьячему Съезжей избы (т.е. воеводской канцелярии); «а учились де с ним вместе у тех мастеров (у дьячка и подьячего. – В.Т.) астраханцы дети боярские».

Тем временем до Астрахани докатилась Смута. Летом 1613 г. в город прибыл мятежный атаман Иван Заруцкий, разгромленный царскими войсками под Воронежем. Горожане замыслили избавиться от буйных пришельцев, и Мамаев отправился в Воронеж к тамошнему воеводе В.П. Черкасскому с рассказом об астраханских делах. Там он заболел, шесть недель прожил в Воронеже, а оттуда двинулся к Москве. Побродив по сожженному городу полтора месяца, ушел на Север, почти не затронутый войной. На шесть лет осел он в Вологде.

Когда в 1619 г. стрелецкий начальник Никита Бестужев набирал по северным городам людей в свои полки, Иван решил поступить на службу. Он честно тянул стрелецкую лямку много лет. Однако увидев, какими льготами и привилегиями пользуются новокрещенные ногаи, приезжающие в Россию, составил в 1633 г. челобитную с просьбой его «от стрелчества отставить». После долгой проверки, запросов и сличения документов было признано, что Иван Мамаев достоин княжеского звания. Он был выведен из стрельцов и жалован дворянством и поместным окладом (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., л. 18, л. 3 и сл.).

Кутумовы. Вопрос о личности родоначальника князей Кутумовых довольно непросто. Упоминавшаяся выше родословная Юсуповых трактует Кутума

как старшего сына Мусы-бия от пятой жены; в росписях дворянских родов принята эта же версия (Долгоруков 1855: 27; Нарбут 1994: 47; Юсупов 1867: приложение). Однако ни в одном известном мне средневековом источнике не говорится, что у Мусы был сын по имени Кутум. Тем не менее такая реальная историческая фигура была – это сын бия Шейх-Мухаммеда б. Мусы, погибшего в Астрахани в 1520 г. Первыми Кутумовыми, появившимися в России, оказались дети Кутума Айдар и Али, а также внуки («Уразлыевы дети») Тохтар, Пулад, Тимур и Бабаджан.

Выезд этих мирз на Русь связан со смутой, разразившейся в Ногайской Орде в середине 1550-х годов. Ее жители разделились на сторонников и противников бия-узурпатора Исмаила. Семья Кутума принадлежала к тем ногаям, которые не желали подчиняться победителю-братоубийце. Старший из оставшихся в то время в живых детей Ураз-Али Тохтар присоединился к лагерю приверженцев свергнутого бия Юсуфа (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 192об.). Однако к 1559 г. Исмаил утвердился на престоле. Его врагам пришлось искать убежище за пределами родных степей.

Летом 1560 г. у Исмаила побывал русский посол П.Совин. Бий выдал ему сидевших у него в заточении двух «Уразлыевых» – Пулада и Бабаджана, с просьбой увезти их с глаз подальше, в Москву. Одновременно сына Исмаила посетил другой посол, С.Мальцов, к которому явился старший брат упомянутых мирз Тимур и тоже попросился – уже добровольно – взять его в Россию. В сентябре 1560 г. трое братьев предстали перед Иваном IV (Летописец 1895: 143; ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 330; РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 182–183). Ровно через год в русскую столицу прибыл Тохтар б. Ураз-Али, в сопровождении семьи и семидесяти человек свиты (ПСРЛ, 1906, с. 339). Исмаил, обрадованный эмиграцией злейшего врага, тем не менее предупредил царя Ивана: «А Токтар мирза поехал, а правды в нем нет ни х кому. Береги его крепко!» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 7).

Осенью 1564 г. летопись датирует приезд «из Нагай» Айдара б. Кутума с отрядом в пятьдесят человек (Отрывок 1876: 187). Вероятно, его сопровождал брат Али, так как в дальнейшем оба мирзы упоминаются и действуют на Руси, как правило, вместе. Можно предполагать, что Айдар и Али поступили на русскую службу несколько раньше, если речь в донесении астраханского воеводы Ивана Выродкова от декабря 1559 г. шла о них: Исмаил послал на Крым свое войско, а Выродков направил ему в помощь «дву мырз нагайских Кутумовых детей, которые... служат царю государю», и с ними астраханских ратников (ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 322).

Мирзы встречали при кремлевском дворе достойный прием. Как и дети бия Юсуфа, они воспринимались в качестве «Уразлыевых детей княжских, которых отцы на Нагайском юрте были государи» (Сборник 1892: 344) (хотя

Ураз-Али никогда не княжил над ногаями). Тот же Тохтар, к примеру, был по приезде пожалован «платьем и кормом... для того, что собою дороден и просуж всем к делу ратному» (ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 339).

Именно квалификацией в «деле ратном» отмечено участие мирз Уразлыевых-Кутумовых в событиях российской истории второй половины XVI в. При решающем наступлении на Литву зимой 1563/64 гг. царь поставил Тохтара с братьями в передовой полк (Летописец 1895: 170; Разрядная 1966: 197, 205 ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 349). Причем, московскому гонцу, отправлявшемуся в сентябре 1564 г. в Крым, велено было известить хана, будто под началом мирз сражалось «тысеч с десеть» воинов (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 279), что являлось, конечно, многократным преувеличением. В июле 1567 г. Тимур и Бабаджан были наряжены «для береженья от литовские стороны» в Великие Луки» (ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 408).

Но Тохтара с ними уже не было. Погеройствовав на государевой службе, он вернулся на родину. Страсти к тому времени улеглись, и преемники Исмаила на ногайском троне, очевидно, приняли его спокойно. Так или иначе, в сентябре 1576 г. жалованье Тохтару из Москвы отправили «в Ногаи»; дочь свою он выдал за внука Исмаила, будущего бия Ураз-Мухаммеда (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 269об.; ф. 137, оп. 1, д. 137, л. 357об.).

Вообще потомки Кутума после литовских походов не заметны на страницах разрядных документов. Айдар и Али Кутумовы, похоже, не проявили себя на войне. Тем не менее Иван IV в 1576 г. отказал ногайскому правителю Дин-Ахмеду в просьбе отослать их к нему, поскольку «те мирзы и их казаки нам служат, и нашим жалованьем они устроены, и вам отдати их непригож» (РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 137, л. 362). Оставшиеся в России Уразлыевы и Кутумовы были удостоены поместий в Романовском уезде. Дозорная книга 1593/94 г. называет в качестве романовских землевладельцев Бабаджана и Тимура («Бобеизяна» и «Темира») Уразлыевых, Эля («Иля») Тохтарова, Айдара, Али и Никиту Кутумовых (Демкин 1986: 114)⁸.

После Смуты в Романове не осталось никого из перечисленных мирз. Айдар умер бездетным, и все владения Кутумовых сконцентрировались в руках Барая б. Али, который владел ими до начала 1620-х годов (Гурлянд 1906: 8)⁹. При переписи татарских дворов Ростовского, Ярославского и Романовского уездов 1646 г. единственным помещиком Кутумовым среди романовцев назван уже Хан б. Барай (Ярославские 1913: 65–76.).

Первым крестившимся и получившим княжеское достоинство Кутумовым стал, очевидно, князь Тихон Бараевич Кутумов, который в Боярских

⁸ Кто такой Никита Кутумов, мне неизвестно. Упоминаний об этом лице нигде больше не встречено.

⁹ В документах 1622 г. упоминается вдова Барая Кутумова (Смирнов 1917: 88).

книгах на протяжении 1626–1640 гг. значился как стольник, а позже как московский дворянин (Алфавитный 1853: 222). В конце XVII в. стольниками стали князья Кутумовы Дмитрий Хан-мурзич, Петр Каспулатович, Федор Тахтаралеевич и его сын Иван (Алфавитный 1853: 221, 222).

До сих пор мы разбирали данные о княжеских семьях, участие которых в российской истории было недолговременным или эпизодическим. Клань князей Урусовых и Юсуповых оказались более заметными.

Урусовы. Эта знаменитая аристократическая фамилия обладает подробно расписанной родословной. Однако начальные звенья принятой генеалогической схемы не бесспорны и требуют дополнительных изысканий. У истоков княжеского рода стоял Урус, бий Ногайской Орды в 1578–1590 гг. Генеалогические документы XVII в. зафиксировали шестерых урусовых сыновей (Хан, Джан-Арслан, Саты, Байтабарак, Назым, Кобек или Кобеш) и два с половиной десятка внуков (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 4, л. 1, 3; оп. 2, д. 32, л. 25, 28–30). Исходя из этих перечней составлялись и позднейшие росписи Урусовых (см. например: Долгоруков 1855: 27; Нарбут 1994: 47).

Ясно, что в основе данного ряда имен лежит информация от представителей самого рода, поэтому она могла бы заслуживать доверия. Однако сам бий Урус в перечислениях собственных отпрысков называл не только вышеуказанные имена, а некоторые из них не называл вовсе. Так, в 1577 г. после упоминания о том, что «девять у меня сынов да восемь дочерей» он приводит их поименно: Хан («Кан»), Джан-Арслан («Янараслан»), Саты («Сатый»), Ак, Сакал, Иса, Исенгилди, Арслан, Каплан (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 52, 52об.). Но в следующем году в его же грамоте список таков: Хан, Джан-Арслан, Исенгилди, Кучук, Саты, Байтабарак, Кул-Мухаммед, Иса, Арслан (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 235об.). Нетрудно заметить разницу. Но для нашего исследования важно, что во всех вариантах присутствуют три имени – Хан, Джан-Арслан и Саты.

Именно от этих мирз пошло многочисленное потомство, которое активно участвовало в политике первой половины XVII в. и положило начало истории Урусовых в Российском государстве. Сыновья Хана Андан и Бий стали князьями Борисом и Петром, сыновья Джан-Арслана Урак, Зорбек и Тук – князьями Петром, Александром и Иваном, сын Саты Касай (т.е. Касим) – князем Андреем (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 4, л. 3; оп. 2, д. 32, л. 28, 29). Как видим, первоначально в Московском царстве обосновались представители различных ветвей семейства. Но укрепиться, укорениться и прочно войти в состав дворянства удалось в конце концов только потомкам Саты-мирзы.

Сам он приблизительно в конце 1587 г. был убит Малыми Ногаями (Акты 1918: 99; РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 299). Оставил он пятерых

сыновей, второй из которых, Касай (Андрей Сатыевич) и основал ту линию Урусовых, что дожила до нашего времени.

В 90-х годах XVI в. в Ногайской Орде разразился тяжелый кровавый конфликт. За власть над кочевьями и подданными схватились между собой семьи биев Дин-Ахмеда и Уруса, погибшего в 1590 г. Одним из самых активных участников этой распри был Джан-Арслан. Его дети Урак и Зорбек были взяты в Москву как заложники («аманаты») и крещены там в Петра и Александра. Уже в 1594 г. Петр Арасланович отвечал за винный стол на царском приеме цесарских послов (Разрядная книга, 1974, с. 299.). Его женили «не по ево воле» на вдове князя А.И. Шуйского (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 59).

Есть сведения о проживании в России каких-то Урусовых в России еще в конце 1580-х годов: вместе с прочими приверженцами своих противников Шуйских Б.Ф. Годунов «розослал» их из Москвы по дальним городам (Татищев 1966: 303.). И тем не менее включение новокрещенных детей Уруса в среду российской знати (княжеский ранг) и приближение ко двору (прислуживание на пиру) не позволяют согласиться с утверждением С.Кортепетера, будто с 1590 г. Москва проводила репрессивную политику по отношению к этому роду с целью ликвидации его влияния в Ногайской Орде (Kortepeter 1966: 150).

Яркой и достойной монографического изучения представляется судьба Петра Араслановича. С началом Смуты он сперва сохранял верность престолу и возглавлял сильный конный отряд из казанских и арзамасских татар (Ischboldin 1973: 145). Но во время противостояния царя В.И. Шуйского с Лжедмитрием II перешел на сторону последнего, бросив жену и вновь обратившись в мусульманина Урака. Петр-Урак поссорился с «Вором», 11 декабря 1610 г. убил его (чем объективно оказал огромную услугу российской государственности) и уехал в Крым¹⁰ (брат его Александр-Зорбек тогда же отбыл к отцу в Астрахань). В Крымском юрте Урак стал консультантом хана по московским вопросам, организатором набегов на русские «украины». Он породнился с беком крымских ногаев Кантемиром, который со временем начал гражданскую войну в ханстве.

Борьба Кантемира и Урака с ханами шла с переменным успехом. Когда верх брали Гирей, ногайская партия подумывала об обращении за помощью к русским властям, а Урак наводил справки о возможности переселения к его братьям в Астрахань (при условии, что его оставят в мусульманской вере и не заставят жениться на брошенной им в Москве княгине) (Петрей де Ерлезунда

¹⁰ Подробности этих событий см.: (Буссов 1961: 177, 178; Новый 1853: 109, 127; Сказание 1955: 121, 210, 211; Сказания 1831: 188–190).

1867: 99; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 52). В мае 1639 г. хану Бахадур-Гирею удалось обманом заманить Урака в Бахчисарай и казнить (Новосельский 1948: 69, 283).

Биографии других Урусовых в России складывались более удачно. Правда, Яндан-Борис и Зорбек-Александр ничем себя не проявили. Борис даже ударился в разбой под Астраханью (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 1, л. 8, 9). А вот Касай-Андрей и Хан-Петр оставили заметный след.

Вняв настойчивым прошениям бия Иштерека, русское правительство постановило взять под стражу главного и давнего антагониста Иштерека – Джан-Арслана б. Уруса и отправить его подальше от Орды Больших Ногаев. 12 октября 1614 г. Джан-Арслана привезли из Астрахани в Казань, где с почетом разместили и назначили жалованье до дальнейших распоряжений из Москвы. Престарелого мирзу сопровождали его сын Тук и племянники Касай с Бием (в Казани они крестились и стали соответственно князьями Иваном Араслановичем, Андреем Сатыевичем и Петром Канмурзичем). Не вынеся краха дела своей жизни – борьбы за власть в Ногайской Орде с ненавистными «Тинехматовыми», деморализованный Джан-Арслан через полгода умер в Казани.

Сын и племянники отправили его тело обратно в Астрахань, с тем чтобы родственники перевезли его оттуда на яицкий некрополь мирз в районе бывшей ногайской столицы Сарайчука, разрушенной казаками в 1581 г. Вслед за тем новокрещенные князья обратились к царю Михаилу Федоровичу с просьбой вызвать их из Казани в Москву и определить на службу (Памятники 1898: 14, 15; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 1, л. 1, 2, 9, 10, 15). Государь согласился, и трех князей было велено доставить в столицу, следя при этом, чтобы они никакого «дурна по дороге не чинили и ни о чем не розговаривали» по пути с местным населением (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 1, л. 57, 58).

Со временем Андрей Сатыевич добился богатства и чинов. В Дворцовых разрядах и Боярских книгах он числится в 1625–1640 гг. в качестве московского дворянина и стольника (Алфавитный 1853: 427; Боярская 1986: 27; Дворцовые 1850: 694; Дворцовые 1851: 11, 872). Жалованы были ему и поместья. В начале 1630-х годов Андрей Сатыевич получал из казны денежный оклад в 200 рублей, имел поместный оклад в 1000 четвертей и поместья в Касимове (1200 четвертей земли и 50 человек крестьян), Шацке (430 четвертей, 35 крестьян), Арзамасе (100 четвертей, 25 крестьян). В вотчинном владении его находились земли под Юрьевым-Польским и Рузой. На службу должен он был являться «сам на коне в збруе, аргамак прост да конь, 6 человек на нагайских конях с саадаки и с пищали» (Сташевский 1911: 208, 209). Эти владения считались очень крупными, поскольку средняя величина поместий исчислялась в 424 четверти и 24 крестьянина (Сташевский 1911: 20, 30) –

против более 3630 четвертей и 221 крестьянина у князя Андрея. Закономерным пиком его карьеры стало назначение на воеводство в Нижний Новгород в 1638 г. (Разрядная 1983: 81). Умер А.С. Урусов в 1642/43 г.

Князь Петр Канмурзич до лета 1628 г. тоже пребывал в стольниках (Алфавитный 1853: 427; Дворцовые 1850: 684, 691, 775, 1013, 1219; Дворцовые 1851: 11, 872). Но в августе началось следствие по делу об измене и намерении отъехать в Крым, о чем мы уже рассказывали выше в связи с поделельником князя Петра – Василием Урмаметевым. Сначала Петр Канмурзич здраво опровергал навет дворни: «И ему, князь Петру, в Крым х какому добру ехать... оставя государская милость?!.. Ехать некуды: в Крыме убьют; а под Азовом кочюют недруги их (Урусовых. – *В.Т.*) – Уракова и Мамаева родства мирзы (т.е. Малые Ногаи. – *В.Т.*); а в Ногаи нелзя ж – кочюет под Астороханью род его и племя (т. е. там тоже не спрятаться. – *В.Т.*). Куды ни поехать – везде пропасть!» Но под пыткой признал все обвинения и был сослан в Вятку. Имущество, поместья и дом «в Белом каменом городе... меж Тверьские и Никицкие улицы» отошли в казну (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 3, л. 23, 47, 58, 79). В 1643/44 г. П.К. Урусова помиловали и вернули в Москву (РГАДА, ф. 127, оп.1, 1640 г., д. 5, л. 8), но ко двору уже не подпустили.

Тем не менее сын его, князь Василий, дослужился до комнатного стольника у царя Федора Алексеевича. В браке с С.И. Репниной детей у него не было (Алфавитный 1853: 427; Урусовы 1873: 17).

Настоящий взлет Урусовых начался с князя Семена Андреевича – крайчего и стольника у царя Михаила Федоровича (Алфавитный 1853: 427; Глебов-Стрешнев 1855: 136; Дворцовые 1851: 528, 538, 644, 648–650). В 1645 г. он стал новгородским воеводой, в 1654 г. командовал отрядом дворянского ополчения в польском походе царя Алексея Михайловича и вынудил в Бресте сдать литовского подканцлера Казимира Сапегу. В следующем году он был пожалован боярством (Дворцовые 1852: 5, 416, 459; Урусовы 1873: 17). В сентябре 1655 г. Алексей Михайлович поставил С.А. Урусова на воеводство в захваченной русскими войсками Вильне (Дополнения 1854: 7). Умер князь в 1657 г., оставив четырех удачливых сыновей от Ф.Б. Лыковой, двоюродной сестры царя Михаила Федоровича.

Все они были боярами, а Федор и Никита к тому же воеводами соответственно в Новгороде (1684 г.) и Архангельске (1681 г.). Федор Семенович в 1692 г. возглавил Пушкарский приказ (Алфавитный 1853: 427; Берх 1833: 42, 43; Глебов-Стрешнев 1855: 141, 142). Князья Петр и Юрий Семеновичи не оставили потомства, у Федора родилась только дочь. А пять сыновей Никиты Семеновича продолжили род. Все они получили должности стольников, находились при дворе, и в таком состоянии фамилия Урусовых вступила в XVIII век. На 1700 г. думных людей (т.е. фактически членов правительства) из этого княжеского рода

насчитывалось шесть человек. Они владели огромными землями и количеством крепостных (2276 дворов) (Водарский 1975: 101, 107).

Ясно, что такая успешная карьера выходцев из Ногайской Орды должна была наталкиваться на какую-то реакцию «природной» русской знати. Первый случай местнических споров с Урусовыми произошел еще на заре их государственной службы. Царь Василий Шуйский «развел», т.е. уравнил Петра Араслановича Урусова (того, который вскоре убил Лжедмитрия и бежал в Крым) со знаменитым князем-полководцем М.В. Скопиным-Шуйским. В сентябре 1613 г. схлестнулись по поводу «честности» И.П. Шереметев с Ю.Е. Сулешевым – и вспомнили этот случай.

Сулешев, приведя прецедент «развода» Урусова со Скопиным-Шуйским, утверждал: «А наши де родители в Крыме гораздо честнее Урусовых, и то де вам, государем, известно». Получалось, что Сулешевы Шереметевых «ничем не хуже». Шереметев отвечал: «Князь Петр Урусов и князь Еншин (Юрий Еншеевич Сулешев. – *В.Т.*) – крымские роды в Московском государстве, отечество их неведомо, кто болши или менши. То в его государеве воле – хочет он, государь, иноземцев учинити у себя, государя» (Дворцовые 1850: 112, 113)¹¹. Таким образом, «развод» был представлен как прихоть Шуйского. Исход спора неизвестен.

Другой конфликт имел место в марте 1614 г. при подготовке пира по случаю именин царицы Евдокии Лукьяновны. «У стола» были назначены крайчий князь С.А. Урусов и стольник И.И. Дашков. Последний ударил челом на Семена Андреевича: «в нашу де версту с князь Семеном не бывали», отказываясь признать Урусова равным себе по знатности. В свою очередь и Урусов подал челобитье «о безчестье и оборони». На следующий день разрядный дьяк известил Дашкова: «Бил ты на князя Семена челом. А быть тебе с ним мочно, ты перед князем Семеном молодой человек». В наказание за скандал Ивана Дашкова выпороли и заключили в тюрьму (Дворцовые 1851: 649, 650).

В течение XVIII столетия Урусовы находились в ряду знатнейших княжеских фамилий и в начале XIX в. были внесены в Общий российский гербовник в числе родов «российско-княжеских с гербом» (Долгоуков 1855: 32)¹².

В заключение очерка об Урусовых необходимо остановиться на потомках бия Уруса, не получивших княжеского достоинства. Лишь незначительная часть его внуков смогла пробиться к трону. Множество их родственников осталось кочевать в южных степях, среди ногаев. Будучи зажатыми между наступающими калмыками и враждебными Малыми Ногаями, жители

¹¹ В отличие от Сулешевых, Урусовы причислены здесь к «крымским родам», конечно, ошибочно.

¹² Биографические справки об Урусовых XVIII в. см.: (Нарбут 1994: 10–14).

Большой Ногайской Орды все более полагались на помощь и покровительство астраханских властей. В начале 1614 г., после того, как угасла Смута, и стали утихать буйствовавшие казачьи отряды, к Астрахани прикочевали дети Саты и Джан-Арслана со своими улусами (Кабардино-русские 1957: 79). Они расположились в полукочевых поселениях—«юртах» около города. Вероятно, именно их имел в виду князь Петр Канмурзич, говоря на следствии в 1628 г.: «кочюет под Астраханью род его и племя» (см. выше).

В 1639 г. мирзы-Урусовы Курмаш, Али, Джансох, Бирюк, Бахадур, Кул и Мухаммед (или Кул-Мухаммед) направили в Москву прошение: «служат де они государю издавна, и службы их многие»; за это им периодически идет жалованье. Но вдобавок к этому мирзы просили позволения «поволно... ездить по человеку к Москве», чтобы рассказывать государю о своих нуждах. В столице сочли такие визиты необременительными и велели астраханским воеводам организовывать по одному разу в год или в два поездки ко двору одного из Урусовых с челобитными (РГАДА, ф. 112, оп. 1, 1640 г., д. 1, л. 11, 12).

Дворцовой службы у них так и не сложилось. Астраханские Урусовы не перешли в православие и поэтому не могли рассчитывать на место в рядах российской элиты. Предание астраханских татар, услышанное в середине XIX в. П.И. Небольсиным, гласило, что, действительно, Урусовы «частью перешли в христианство и вполне усыновились Россией в соответственном происхождению их благородном достоинстве, частью же остаются донныне между юртовцами» (Небольсин 1852: 55). Фамилию Урусовых носили двое из девяти табунных голов (старшин) юртовских татар (Небольсин 1852: 60). Эта же фамилия была одной из «важнейших» у наврузовских ногайцев на левобережье Кубани в середине XIX в. (Сталь 1900: 78). Есть вероятность того, что отпрыски рода могли осесть и в других районах Северного Кавказа (что однако не дает оснований причислять предков Урусовых не к ногаям, а к другим народам — карачаевцам, балкарцам и т.д. (см., например: Урусов 1993: 34, 46)).

Юсуповы. К началу XX в. княжеский род Юсуповых считался одним из богатейших в России и наиболее приближенных к престолу. Все генеалогии обоснованно выводят его от ногайского бия Юсуфа б. Мусы (правил в 1549–1554 гг.). Потомки Юсуфа в XVI в. были весьма многочисленны, и мы попробуем разобраться в истории их появления в России.

В сентябре 1551 г. к Ивану IV привезли послание Юсуфа в котором, в частности, говорилось: «А восемь у меня сынов моих» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 75). Позже, в другой грамоте, бий поименовал пятерых — Юнуса, Али, Ибрагима, Ака, Эля и Мамата (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 17об.). К тому времени он был уже в преклонных годах (его отец Муса умер в самом начале XVI в.), поэтому можно предположить, что число сыновей уже не увеличилось до гибели Юсуфа в конце 1554 г. Имперские официальные родословные

зафиксировали только двух сыновей – Ибрагима и Эля (Долгоруков 1855: 33). Семейная традиция Юсуповых сохранила имена еще двоих – Юнуса и Ака (Юсупов, 1867, приложение).

В списке общегосударственного Родословца начала XVII в. отпрыски Юсуфа перечислены таким образом: «А Юсуфовы дети Юнус мурза, Али Акран мурза, Борам мурза, Ян мурза, Ахмет мурза» (Родословная 1787: 130).

Степень старшинства некоторых из них отражена в грамоте Ака б. Юсуфа Ивану Грозному 1564 г. Ак называет своим меньшим братом «Магмут мирзу», старшим – Ибрагима, меньшим братом Ибрагима – Эля (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 5, 5об.). Кроме того, и в этой грамоте, и во множестве иных документов старшим сыном бия единодушно объявляется Юнус.

«Магмут» или «Магметей» тоже упоминается в ряде источников. Он и «Якши Али» однажды обозначены как младшие сыновья Юсуфа (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 54об.). Али («Акрам» или «Якши») был довольно воинственной личностью. Зимой 1549–1550 г. он возглавил поход на Крым, закончившийся полным разгромом ногайской рати (Tarih 1973: 245, 246). Распространено неверное мнение, будто после падения Казанского ханства в октябре 1552 г. Али, по приглашению татарской знати, включился в ее борьбу с русскими войсками и вскоре погиб. На самом деле он остался в Ногайской Орде¹³ и был убит летом 1557 г. мирзой Урусом б. Исмаилом (подробно см.: Трепавлов 2001: 283).

Таким образом, восемь сыновей Юсуфа выстраиваются примерно в следующей последовательности: Юнус, Ибрагим, Эль, Ак (т.е. Ахмед), Баран, Джан, Али, Махмуд.

«Диаспора» Юсуфовичей началась со времени переворота в Ногайской Орде в конце 1554 г. Как указывалось выше, мирза Исмаил сверг и убил своего старшего брата, бия Юсуфа. По некоторым известиям, этот переворот

¹³ 15 декабря 1553 г. гонец Д.Баймаков докладывал в Посольском приказе, что в ответ на просьбу казанской делегации отпустить сына на княжение «Юсуф де был его (Али. – В.Т.) отпустил и *опять велел воротить, а того не ведает* (гонец. – В.Т.), *зачем воротил*» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 201). Нам сегодня тем более трудно судить, зачем. Выделенная часть фразы опущена в опубликованном тексте четвертой Ногайской посольской книги (см.: Продолжение 1793: 115). Поэтому исследователи, не знакомые с архивным подлинником документа, не подозревали о столь скором возвращении Али к отцу. Очевидно, бий сперва поддался уговорам гостей, а затем передумал и не пожелал отправлять сына на верную смерть, впутывать его в безнадежную схватку с царскими войсками. Можно догадываться, что здесь не обошлось без влияния Исмаила: предыдущие события показали, что как только Юсуф замышлял какую-нибудь антирусскую акцию, нурадин оказывался тут как тут и расстраивал ее. Тем более, что Исмаил был в курсе поисков «князя» казанцами, ведь сначала они обратились с этой просьбой к нему.

был инспирирован из Москвы. Развернулась жестокая схватка за власть между Исмаилом и сторонниками Юсуфа. Мы опустим подробности данного конфликта. Укажем лишь, что лагерь Юсуфовичей возглавил Юнус, который одно время стал даже нурадином и соправителем Исмаила после одного из перемирий. Весной 1558 г. случилось очередное обострение отношений. Исмаиловы войска «Юнус мирзу з братьею розгоняли и улусы их поимали, и Юнусовы братья ездят в казацех» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 71). Сам Юнус явился в Астрахань и высказал желание поступить на службу к царю Ивану. Тот согласился, и 5 июня 1558 г. мирза прибыл в Москву. Иван Васильевич милостиво принял его и повелел разместить «в Новом городе у Зачатья, на Левонтьеве дворе Сакулина» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 71об.–76).

Вслед за тем пришла депеша от Исмаила, в которой тот умолял царя удерживать Юнуса у себя (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 79об., 80). Юнус удостоился не только благосклонной аудиенции и жалованья, но и получил высокий статус – Иван IV «учинил его на государстве, на княжении нагайском, на отца его юрте и на его, по старине» (Летописец 1895: 95; ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 299). Следовательно, при живом бие Исмаиле, верном союзнике российского монарха, Иван пошел на инвеституру еще одного ногайского правителя (по всей вероятности, в соответствии с привычной практикой посажения вассальных ханов). Правда, Исмаил не подавал никаких поводов для его замены. А Юнус 10 мая 1561 г. скончался в Москве и был увезен на захоронение в Сарайчук (Летописец 1895: 147; ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 332). Похоронная процессия была снаряжена с подобающей пышностью за счет казны.

В целом едва ли можно согласиться с мнением А.Каппелера, будто Юнус не пользовался в Москве особым почетом из-за хороших отношений царя с его дядей и противником Исмаилом (Kappeler 1992: 98). В Москве остались служить его дети Бий-Мухаммед и Ак-Мухаммед. Последний позже уехал в Малую Ногайскую Орду (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1601 г., д. 1, л. 21, 204).

Братья Юнуса продолжали борьбу в степях. На протяжении 1560–1563 гг. кремлевские дипломаты пытались уговорить их, особенно старших, Ибрагима и Эля, прекратить разбойное «казачество» и помириться с Исмаилом или же переселиться в российские владения. Наконец примерно в августе – сентябре 1563 г. двое мирз решили вернуться в Ногайскую Орду. Но из примирения с бием-убийцей их отца ничего не получилось. Уже через несколько недель братья снялись с места и двинулись за Волгу, к Малым Ногаям. Исмаил послал за ними войско с сыном Динбаем. После кратковременной стычки Ибрагим и Эль угодили в плен. Продержав около года у себя, Исмаил вручил мирз русскому послу М.Колупаеву, отбывавшему на родину. 24 октября 1564 г. посольство с обоими ногаями достигло Москвы (ПСРЛ, т. 13, ч. 2, 371).

Встречу им устроили такую же, как и Юнусу пять лет назад. «Царь... и великий князь пожаловал их свыше иных мурз, потому что они собою дородны и к ратному делу досужи» (ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 371). Кажется, Иван IV решил превратить Ибрагима в «резервного» бия, как когда-то Юнуса. По крайней мере, в наказе послу в Турцию в декабре 1569 г. среди татарских служилых владетелей назван «нагаиской Ибреим князь... И за нагайским Ибреимом князем, Юсуповым княжим сыном, и за нагайскими мурзами город Романов» (РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 23).

Братья Юсуфовичи успели побывать в охранном рейде по литовской границе в 1567 г. и при взятии Изборска в 1569 г. (ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 408; Разрядная 1982: 241). Затем Ибрагим пропал из поля зрения историков. Клишированная фраза «и на государские службы ходят в головах Ибреим мирза, Эль мирза Исуповы дети» включалась в указы послам и гонцам в Крым с июля 1565 г. по февраль 1569 г. В декабре 1570 г. в наказе Богдану Шапкину упомянут уже один Эль, без Ибрагима (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 386). Куда же исчез Ибрагим? Исследователи и составители родословных решили, что он, видимо, умер. Однако в различных архивных документах разбросаны данные о его дальнейшей судьбе.

Из посольских донесений выясняется следующее. К крымскому хану Девлет-Гирею в феврале 1571 г. Ибрагим приехал из Речи Посполитой. В ответ на расспросы хана он рассказал: «К моско(вско)му де есмя государю приехали неволею. А делал де над нами (т.е. действовал против нас. – В.Т.) дядя наш Исмаил князь. А от московского де есмя государя отъехали для того, что есмя побилися с опришниную, с Романом Пивовым о подводах. И Роман де на нас государю бил челом. И мы де, от государя побояся опалы, отъехали к королю» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 5). В декабре 1570 г. Ибрагим был уже в Польше, так как в то время хан послал королю Сигизмунду Августу просьбу переправить Ибрагима в Крым (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 2об.). Мирза с готовностью согласился, «хотя служить тебе, государю (т.е. хану. – В.Т.), а большое (т.е. более всего. – В.Т.) де есмя... поискали своей веры (т.е. ислама. – В.Т.)» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 5). Следующее известие об Ибрагиме нам удалось встретить в пересказе несохранившейся грамоты бия Дин-Ахмеда Ивану IV, содержащемся в ответе царя в сентябре 1576 г.: Ибрагим нашел пристанище в Малой Ногайской Орде (РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 137, л. 357об.).

Дальше его след теряется. Может быть, под старость он вернулся в Россию, поскольку в Дозорной книге 1593/94 г. среди романовских землевладельцев значится Ибрагим Юсупов (Демкин 1986: 114)¹⁴.

В Московском царстве оставался Эль. В отличие от брата, он, судя по всему, избежал рискованных конфликтов и верно служил новому сюзеру в военных походах. В 1567 г. он ограбил делегацию от казанских татар-заговорщиков в Крым (правда, не нашел «ерлыков», зашитых у гонцов в кафтаны) (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 155об., 156). На протяжении 1571–1585 гг. он многократно участвовал в боевых действиях, главным образом, на севере, против шведов, в составе передового полка или ертоула (Разрядная 1966: 242; Разрядная 1974: 32, 45; Разрядная 1975: 202; Разрядная 1976: 27–29; Разрядная 1982: 241; Разрядная 1989: 76–78).

За ратные успехи и по аналогии с татарскими служилыми царевичами (Веселовский 1947: 125), Юсуфовым детям был дан в удел город Романов. Первоначально он предназначался, как мы видели, прежде всего для Ибрагима. Но поскольку тот вскоре отъехал к королю, то удел Юсуповых остался за Элем, и пожалование Романова ногаям стало позднее связываться исключительно с его именем (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 13; Респись 1899: 7). Вопрос о времени этого пожалования может быть решен следующим образом.

В трафаретных формулах наказов послам в Крым с июля 1565 г. появляется заготовка ответа на возможный вопрос хана о ногаях: «А которые нагаиские мурзы государю нашему служат, в Московском государстве в городах живут, и поместья и ясаки им подаваны» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 11, л. 411). В предыдущих наказах, последний из которых был составлен в августе 1564 г. (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 11, л. 112, 112об.), фразы о ногаях не содержат упоминаний об их проживании в российских городах и о поместьях. Поскольку Романов – это единственный известный на тот период район испомещения ногайских мирз, а Ибрагим с Элем объявились на Москве 24 октября 1564 г., то можно заключить, что предоставление им удела в Романове произошло сразу или вскоре после их приезда, в промежутке между октябрём 1564 г. и июлем 1565 г. Как раз в 1564 г. Иван Грозный выменял себе Романов у князя Владимира Андреевича Старицкого (Веселовский, 1947, с. 107, 108). Полномочия Эля по управлению и сбору ясак были подтверждены царем Федором Ивановичем и затем обоими Лжедмитриями (РГАДА, ф. 1290, оп. 1, д. 13, 14; Юсупов 1866: 53, 54).

При Эле постоянно пребывали его сыновья Сююш и Бай. Третий, Чин, до конца XVI в. находился в Сибири, при дворе разгромленного хана Кучума.

¹⁴ Впрочем, перечень называемых мирз за 1601 г. по-прежнему фиксирует Ибрагима б. Юсуфа в Малой Орде (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1601 г., д. 1, л. 19).

Убедившись в безнадежности его борьбы за восстановление Сибирского ханства, Чин решил присоединиться к отцу. В конце 1595 г. он со стадами и подданными подошел к Тобольску. В Москву была направлена челобитная мирзы с просьбой разрешить ему поселиться в Романове. Царь повелел препроводить Чина к Элю, а скот его продать и вырученные деньги прислать в Посольский приказ (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1596 г., д. 1, л. 1–10). Тут же посольские дьяки сочинили грамоту к Кучуму, где ставили хана в известность, что «наше царское величество пожаловали Чин мурзе города и волостями и денгами, и ныне нам... служит» (Собрание 1819: 134). «Города и волости» – это, конечно, доля в Романовском уделе, хотя до смерти отца Чин не выделялся имущественно из общих владений семьи.

О том, в каких условиях и с каким настроением жили мирзы в Романове, можно узнать из дневника доверенного гонца шведской королевы Станислава Немоевского, везшего ее драгоценности в Москву для продажи Лжедмитрию I. В декабре 1606 г. Немоевский проезжал через Романов и застал Эля (Zille). «Когда однажды мы послали к нему продать некоторые вещи для съестных припасов, он, мужчина уже лет шестидесяти, с грустью сказал нашим: «Вы еще можете вскоре отсюда выехать по окончании настоящей войны, на которой у меня, у несчастного, убили сына¹⁵. Но я, прибывши сюда добровольно лет сорок назад, Бог весть, увижу ли еще свою отчизну». Он желал было и далее говорить, но (русский. – В.Т.) пристав, что был с нами, приказал ему молчать» (Немоевский 1907: 156, 157).

Эль скончался в 1611 или в 1612 г. (Гурлянд 1906: 8; Юсупов 1866: 56). 5 сентября 1612 г. вожди Ополчения Д.Т. Трубецкой и И.М. Заруцкий выдали грамоту на все его владения мирзе Сююшу (РГАДА, ф. 1290, оп. 1, д. 15, л. 1). По воцарении Михаил Федорович подтвердил это пожалование в июле 1613 г. (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1613 г., д. 2, л. 1–5). Чин в этих документах не упоминается; Н.Б. Юсупов предположил, что он погиб в боях с поляками (Юсупов 1866: 57).

Дальнейшая судьба фамилии оказалась связанной в основном с потомством Сююша. Но в XVII в. Юсуповым уже пришлось полагаться, главным образом, на придворную карьеру и удачные браки, так как в 1620 г., по жалобе посадских людей на притеснения со стороны мирз, их романовские владения были переданы в приказное управление. Посадские стали платить все подати в Посольский приказ, а бывшим владельцам пошло только денежное жалованье (Веселовский 1947: 124). Линия Чин-мирзы оказалась недолговечной и немногочисленной. Сын Чина Корел имел сына Бия, который в

¹⁵ Вероятно, речь шла о Бая, так как Сююш позднее унаследовал удел, а Чин еще в феврале 1611 г. известил жителей Ярославля о поражении поляков под Смоленском (Юсупов 1866: 56).

1639/40 г., крестившись, стал князем Иваном Юсуповым (Акты 1884: 203, 210, 211). Сразу же ему был начислен поместный оклад, в 1644 г. он служил дворцовым чашником, в Боярских книгах за 1657–1667 гг. значился как московский дворянин (Алфавитный 1853: 489; Дворцовые 1851: 727). У Ивана Кореловича был один сын, бездетный князь Семен, который при Алексее Михайловиче подвизался в стряпчих, а при Федоре Алексеевиче в стольниках (Алфавитный 1853: 489).

Сююш умер в 1656 г. (Юсупов 1866: 67), так и оставшись мусульманином У него осталось пять сыновей. Двое из них умерли в юности, а Джан, Абдулла и Ак продолжили род. Сын Ак-мирзы Петр (Сендега) в 1685–1692 гг. был стольником (Алфавитный 1853: 489; Юсупов 1867: приложение).

Однажды Абдулла б. Сююш накормил в пост духовное лицо гусем. Царь, узнав, разгневался. Тяжкий проступок грозил опалой и разорением. Чтобы загладить вину, мирза быстро перешел в православную веру (Юсупов 1866: 72). Федор Алексеевич его простил и пожаловал в стольники, в каком-то ранге новокрещенный князь Дмитрий Сеюшевич и пребывал до своей смерти в 1686 г. Женившись на богатой вдове Е.Я. Сумароковой, он смог резко увеличить свое богатство и передал его сыновьям (Алфавитный 1853: 488; Юсупов 1866: 75).

Гораздо раньше Абдуллы крестился его брат, князь Никита (Джан?). Он стал московским дворянином уже в 1627 г., а в 1635/36 г. занимал должность стряпчего (Алфавитный 1853: 489; Боярская 1986: 69). Никита Сеюшевич в начале 1630-х годов пользовался поместным окладом в 800 четвертей и вотчиной в Кашине, разоренной во времена Смуты (700 четвертей земли, 20 крестьян). По верстке должен был выходить в дворянское ополчение «сам на 1 коне, 1 конь прост, 1 человек на коне, 1 человек с простым конем, в кошу 2 человека с пищали» (Сташевский 1911: 112, 113).

Вероятно, с князем Никитой связаны фамильные легенда и реликвия Юсуповых. В их имении в селе Пилатики Ярославской губернии до Октябрьской революции сохранялся крест с мощами, подаренный «предку Юсуповых» царем-восприемником (Теляковский 1991: 27). Поскольку Дмитрий Сеюшевич обратился в христианство в условиях, когда не мог рассчитывать на монаршее благоволение (см. выше), то скорее всего крест был вручен Никите Сеюшевичу Михаилом Федоровичем.

Дальнейшие судьбы княжеской семьи складывались успешно и без потрясений. Престижные придворные посты в последней четверти XVII в. занимали князья Юсуповы Григорий, Иван и Матвей Дмитриевичи, Андрей, Василий и Федор Никитичи (Алфавитный 1853: 488, 489). Внуки Никиты – князья Борис, Иван и Петр Васильевичи, православные русские аристократы, – продолжили историю рода в XVIII в. К концу XVII столетия насчитывалось

13 князей Юсуповых, владевших поместьями и крепостными (Долгоруков 1855: 35).

Род все креп и богател. Сперва его земельные владения росли, главным образом, благодаря пожалованиям, а в XVIII–XIX вв. – скупке. Юсуповские земли располагались в самых благодатных районах империи. В середине XIX в. только их малороссийские вотчины охватывали 70 тыс. десятин земли, там проживало 12678 «ревизских душ мужского пола (Насонов б. г.: 1, 2). В 1799 г. род был внесен в Общий российский гербовник под именем князей Юсуповых (до тех пор в официальных документах использовалась составная фамилия Юсуповы-Княжево, «изобретенная», очевидно, Дмитрием Сеюшевичем).

Наконец, вкратце укажем на ответвления потомства Юсуфа вне России. Мы видели, что в свое время Ибрагим б. Юсуф и другие Юсуфовичи находили приют в Малой Ногайской Орде. В 1601 г. там находились, в частности, сын Юсуфа Махмуд, Ак-Мухаммед б. Юнус б. Юсуф и проч.; через полтора десятка лет в Казыевом улусе проживало 35 мирз из этого рода (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1601 г., д. 1., л. 20, 21; 1615 г., д. 6, л. 9). Видимо, не меньше их родственников находилось и в Больших Ногаях, в том числе сын и внуки Ибрагима б. Юсуфа (Акты, 1914, с. 234). Ранг Юсуфовичей там был довольно высок: в 1604 г. съезд ногайской знати приговорил предоставить старейшине «Исупова родства» пост кековата – военачальника левого крыла (Акты 1918: 110). Однако в ходе распада Ногайской Орды ногайские линии Юсуповых не смогли удержать свой статус и полностью утратили какое-либо влияние.

Княжеские роды ногайского происхождения были заметным явлением в российской истории XVI–XVII вв. Их пребывание в России начиналось как обычная для русско-тюркских послеордынских отношений практика «прикармливания» тюркской знати русскими монархами. Постепенно выходцы из Ногайской Орды стали органичным элементом внутренней жизни Российского государства. Вхождение их в среду русской аристократии сопровождалось сменой религии, имен, культурной ориентации, женитьбой на княжнах и боярышнях. Со временем ногайское происхождение стало возможным угадывать только по фамилиям. Однако исторические документы запечатлели основные вехи сложного формирования княжеских родов на всем протяжении их существования – от кочевых кибиток Заволжья до московских теремов и дворцов Санкт-Петербурга.

Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии)

Ханская династия Аштарханидов (Джанидов), правившая в Бухаре и Балхе в XVII–XVIII вв., вела происхождение от Туга(Тукай)-Тимура, сына Джучи. Она пришла к власти на рубеже XVI–XVII вв., когда Аштарханиды Яр-Мухаммед, затем его сын Джани-Мухаммед¹ и внуки Дин-Мухаммед и Баки-Мухаммед сумели, постепенно одолев соперников, закрепить за собой престол. Название династии образовалось от названия города Хаджи-Тархан-ждархан-Аштархан-Астрахань, где когда-то, по единодушным утверждениям восточных хронистов, жили ее предки².

В историографии миграция аштарханидских родоначальников в Среднюю Азию датируется по-разному. Одни авторы приурочивают ее к русскому завоеванию Астрахани³ и расценивают как результат этого завоевания (см., например, Алексеев 2003: 64⁴; История 1993б: 58; Кляшторный, Султанов 2004: 335⁵; Кушева и др. 1958: 582; Лэн-Пуль 2004: 199; Burton 1988, с. 482),

¹ В некоторых источниках он назван Джанибек-султаном (см. Саидов 2007: 11, 12).

² В.В. Бартольд так и называл ее: «Астраханская династия» (Бартольд 1964б: 389; Бартольд 1965: 257; Бартольд 1973б: 170).

³ В русских и восточных средневековых источниках это событие отнесено к 1554 г., когда войска Ивана IV впервые заняли Астрахань. Ханом тогда стал поначалу покорный, фактически назначенный царем Дервиш-Али, при котором постоянно находился русский «протектор». После этого в царский титул Ивана Васильевича было добавлено «Астраханский», что впервые фиксируется в сентябре 1554 г., когда посольства с вестью об астраханской победе были направлены из Москвы в Бахчисарай и Вильну (Жорешкевич 2004: 121; Филюшкин 2006: 206). Король Сигизмунд-Август поздравил московского «коллегу» с тем, что тот «город Астарахань и всю орду Астараханьскую взял и опановал, и от себе Дербиша царя и воевод своих посадил». В инскрипции королевской грамоты адресат назван великим князем в том числе «Козаньским, Астраханьским» (Книга 1843: 96, 97).

В современной исторической литературе концом истории Астраханского ханства принято считать 1556 год – окончательное свержение местного татарского правителя московским войском и учреждение в бывшем юрте воеводского управления.

⁴ Впоследствии А.К. Алексеев высказал другое мнение на этот счет (см. библиографическую следующую ссылку).

⁵ Впрочем, Т.И. Султанов оговаривает, что переселение могло произойти «возможно, даже еще раньше» падения Хаджи-Тархана.

другие считают, что она произошла задолго до него (Алексеев 2006: 87, 211; Зайцев 2006: 51).

Добухарский этап предьстории Аштарханидов представляет собой настоящее «белое пятно». Не имея сколько-нибудь внятных указаний в источниках, историки, как правило, обходили его молчанием или ограничивались общими суждениями. Однако в последнее время появились монографические исследования, в которых, с одной стороны, обобщается материал средневековых текстов об Астраханском юрте и государстве Аштарханидов, с другой – привлекаются свидетельства хронистов, позволяющие начать изучение жизни родоначальников этого клана до его воцарения в Мавераннахре. Мы имеем в виду труды Т.И. Султанова, А.К. Алексеева и И.В. Зайцева (Кляшторный, Султанов 2004; Алексеев 2006; Зайцев 2006).

В частности, А.К. Алексеев вводит в научный оборот и анализирует обширный круг сведений о политической истории данной династии, почерпнутых из труда придворного аштарханидского историографа первой половины XVII в. Махмуда б. Вали *Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар* («Море тайн относительно доблестей лиц благородных»). В четвертом отделе (*рукн*) шестого тома этого сочинения содержится уникальная, хотя порой и противоречивая, требующая осмысления и научной интерпретации информация о родоначальниках Аштарханидов, живших в Дешт-и Кипчаке в XV–XVI вв.

Черета предков Яр-Мухаммеда поименована в нескольких источниках. Мы не ставим целью выявление ее истинности на всем четырехвековом протяжении. Для дальнейшего анализа нам потребуются лишь некоторые звенья генеалогического древа. Поэтому в качестве иллюстрации ограничимся цитированием только четырех сочинений. Это *Шаджара-йи тюрк* («Родословие тюрков») Абу-л-Гази Бахадура (XVII в.); *Тарих-и Абу-л-Фейз-хан* («История Абу-л-Фейз-хана») Абд-ар-Рахмана Даулата Тали (XVIII в.); *Силсилат ас-салатин* («Цепь государей») Мухаммед-Салима (XVIII в.); *Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар* («Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара») Шихабутдина Марджани (XIX в.) (Ахмедов 1985: 102; Марджани 2005: 136; Тали 1959 с. 13; Aboul-Ghazi 1871: 179 (араб. паг.))⁶. Сведения из указанных текстов приведены в таблице:

⁶ Р.Макчесни отмечает, что в различных текстах приводится от семи до тринадцати генеалогических звеньев между Джучи и Яр-Мухаммедом (McChesney 1980, с. 76, 77), т.е. зачастую династическая родословная оказывалась неполной. Примером путаницы в генеалогиях может служить тот факт, что Шихабутдин Марджани и его бухарский современник Абд ал-Кадир ибн Мухаммед-Амин (автор *Маджма ал-ансаб ва-л-ашиджар* («Собрание родословий и генеалогических древ»)) на страницах одного и того же сочинения приводят по два несовпадающих перечня предков Яр-Мухаммеда. Оба автора в одном из таких перечней вставляют между Чувак-ханом и Мухаммед-ханом

Абу-л-Гази	Тали	Мухаммед-Салим	Марджани
Джучи	Джучи-хан	Джучи-хан	Джучи
Тукай-Тимур	Тукай-Тимур-хан	Тукай-Тимур-хан	Тукатимур
Уз-Тимур	Оз-Тимур	Уз-Тимур-хан	Узтимур
Ибай	Тимур-Кутлук-хан	Абай-султан	Абай
Тумган	Кутлук-Тимур-хан	Нумган	Тумган
Кутлук-Тимур-оглан	Оз-Тимур-хан	Тимур-бек-хан	Кутлугтимур
Тимур-бек-оглан	Тукай-Тимур-хан	Кутлуг-хан	Галитимур
Тимур-Кутлук	Кутлук-Тимур-хан	Тимур	Тимуркутлуг
Тимур-султан	Ахмед-хан	Тимур-хан	Тимур-султан
Мухаммед	Джувак-Мухаммед-хан	Мухаммед-хан	Мухаммед
Джавак	Баглышдад-хан	Джавак-хан	Чувак
Мангышлак	Яр-Мухаммед-хан	Мингишлак-хан	Мангишлак
Яр-Мухаммед		Яр-Мухаммед-хан	Мухаммед

Нас интересует последняя часть родословной – от Тимур-Кутлуга до Яр-Мухаммеда. Время жизни того и другого известно. Престарелый Яр-Мухаммед добровольно передал ханскую власть Джани-Мухаммеду и умер в первых годах XVII в. (Алексеев 2006: 107, 108, 111). Тимур-Кутлуг сел на трон Золотой Орды в 1391 г. и царствовал до своей смерти в 1399 г. При этом заметим, что резиденция его располагалась в Хаджи-Тархане, который в позднейшей татарской исторической традиции стал считаться его юртом (Сборник 1854: 159 (араб. паг.); Ivaničs, Usmanov 2002: 86, 90). В родовых преданиях башкир Тимур-Кутлуг тоже фигурирует как *Астерханнинг ханы* (см. (Башкирские 2002: 218; Родословная 1997: 53, прил., л. 1)).

В русских родословных XVII–XVIII вв. этот хан представлен как «первый царь на Астрахани» (Родословная 1787: 24; Зайцев 2006: 25), что, несомненно, навеяно исторической памятью татар, которая именно с ним связывала начало астраханской монархии⁷. Это, в частности, отражено в по-

Якуба (у Абд ал-Кадира – Йакуб-хан) (Абд ал-Кадир 2005: 263, 280; Марджани 2005: 117, 136). В анонимной хронике начала XVI в. *Таварих-и сузида-йи нусрат-наме* («Избранные истории из книги побед») Якуб значит как сын Джуака-султана и старший брат Мангышлава (Таварих 1967: 170 (араб. паг.); Материалы 1969: 40). По русским летописям и согласно татарскому хронисту нач. XVII в. Кадыр-Али-беку, Якуб – это сын Кучук-Мухаммеда (см.: Вельяминов-Зернов 1863: 223, 224).

⁷ Происхождение от Тимур-Кутлуга и пребывание его и некоторых его преемников в Астрахани привело к возникновению эпонимического обозначения астрахан-

слании крымского хана Девлет-Гирея I Ивану IV (май 1565 г.): «А Астархань от Темир Кутлуя царя за цари велась... Асторохань бы еси нам дал потому: покаместа было от Темир Кутлуя царя за его родством, от Темир Кутлуя царя велися» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 11, л. 316, 317)⁸. На самом деле

ского царствующего дома (об этом явлении в послезолотоордынских государствах см. (Трепавлов 2006)). В окрестных тюркских владениях Астраханское ханство обозначалось как «Темир Кутлуев царев юрт», а его династия – как «Темир Кутлуевы царевы дети» (русский перевод, явные кальки с тюркских фраз *Тимур Кутлуг ханнын ӳрты* и *Тимур Кутлуг ханнын улы*).

Однако утвердившаяся в Средней Азии ветвь клана подчеркивала свое происхождение не от Тимур-Кутлуга, а от более отдаленного предка – Туга-Тимура. Поэтому Махмуд б. Вали и позднейшие хронисты называли Аштарханидов «династией Тугатимуридов» (*ханедан-и Тукайтимурийан*, *ханедан-и Тукай-Тимури*, *хаванин-и Тукай-Тимури*) (Султанов 2001: 20; Султанов 2006: 15; Алексеев 2006: 50, 86; McChesney 1980: 70). Возможно это отголосок традиционной (с XIV в.?) полемики о старшинстве и правах на ханствование между потомками двух сыновей Джучи – Шибана и Туга-Тимура. Придворный историк хорезмских Шибанидов Утемиш-хаджи (сер. XVI в.) отразил эту полемику следующим образом: «...Оглыны Шайбан-хана гордятся и похваляются перед огланами Тохтамыш-хана, Тимур-Кутлы и Урус-хана, говоря: «Мы превосходим вас»» (Утемиш-хаджи 1992: 92). Как видим, здесь Шибаниды представлены как потомки непосредственно Джучиева сына, а их оппоненты – как отпрыски ханов гораздо более позднего времени, что приводило к искусственному «омоложению» их династий. Трактовка Махмуда б. Вали, именующего своих патронов Тугатимуридами, была призвана исправить эту «несправедливость». Тем более что они пришли к власти, отняв ее именно у Шибанидов.

⁸ Позднее в грамотах Ивану Грозному Девлет-Гирей неоднократно заявлял и о собственных правах на Астраханский юрт. Сначала он утверждал, будто Гиреи имели там вотчинные владения наряду с потомками Тимур-Кутлуга: «А блиско Асторохани у Волги по берегу дедов наших юртов и вод не видал еси. В ыное время отцы наши, а в ыные времена Темир-Кутлуев род владели ими, а они нам не в чюжих же» («деды» и «отцы» – здесь в значении «предки»). Затем он (как и впоследствии его преемник Мухаммед-Гирей II) объявил себя законным и наследственным претендентом на завоеванные царем поволжские ханства: «А Казань и Асторохань наши юрты были, из наших рук взял еси»; «а прежних наших дедов и отцов юрты были Крым и Асторохань»; «а просили есмя... Астороханского юрта того ддя, что тот юрт изстари прародители наших» и т.п. Москва уверенно парировала, что «у крымских царей николи Казань и Асторохань не бывала, и от их роду на Казани и на Асторохани не бывали, и от своих рук цареи не посылавали» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 175; д. 14, л. 380б., 159об., 177; д. 15, л. 367).

Эта отповедь, однако, являлась небезупречной. Во-первых, на протяжении первой половины XVI в. в Казани правили три хана из династии Гиреев. Во-вторых, известно о двукратном занятии Хаджи-Тархана крымскими войсками, причем в 1523 г. именно «от своих рук» хан Мухаммед-Гирей I посадил на астраханский трон своего сына Бахадур-Гирея (правда ненадолго, поскольку почти сразу после этого оба Гирея были убиты ногаями).

самостоятельный юрт на Нижней Волге окончательно сформировался намного позже Тимур-Кутлуга – судя по последним исследованиям И.В. Зайцева, не ранее начала XVI в. (Зайцев 2002) (хотя обычно в историографии это событие датируется полустолетием раньше). Однако приписывание основания юрта предку династии в данном случае не единственное. Аналогичной репутацией основателя Ногайской Орды обладал золотоордынский бек Эдиге – родоначальник правящего мангытского клана ногаев⁹.

Из приведенных генеалогий получается, что в хронологическом интервале между Тимур-Кутлугом и Яр-Мухаммедом полностью уместились XV и XVI столетия. Если довериться приведенным в нашей таблице сведениям, то придется признать, что на эти два века пришелся период жизни всего лишь четырех лиц – Тимура, Мухаммеда, Джавака и Мангышлака.

Кратковременное царствование Тимура б. Тимур-Кутлуга достоверно датируется 1410–1412 гг. Мухаммед, следующий за ним в трех из четырех приведенных генеалогий, – это золотоордынский хан с именем-прозвищем Кучук-Мухаммед (правил в 1433–1459 гг.). Как и его дед, он жил в Астрахани (Зайцев 2006: 31). Правление Тимура закончилось его свержением и скорой смертью, а кончина Кучук-Мухаммеда, очевидно, была ненасильственной (см. (Сборник 1941: 134; Сафаргалиев 1996: 510)). То есть эти ханы завершили земной путь соответственно в 1412 (или немного позже) и 1459 гг.

Что касается Джавака, то он может быть идентифицирован с тезоименным сыном Кучук-Мухаммеда, который вместе со своими братьями Ахмедом и Махмудом воевал с узбекским ханом Абу-л-Хайром (см. (Зайцев 2006: 50)). Приблизительное время этих событий – начало 1430-ых годов¹⁰. Правление же Абу-л-Хайра охватывало 1428–1468 гг.

В изложении Махмуда б. Вали Мангышлак был младшим братом Ахмеда и Махмуда. После смерти Абу-л-Хайра эти трое отпрысков Кучук-Мухаммеда поделили между собой власть и территорию Джучиева улуса. Махмуд

Крымский вельможа объяснил русскому послу в 1572 г., что настойчивость Девлет-Гирея объясняется заботой о сохранении престижа в глазах османского падишаха: «А не даст (Иван IV хану. – *В.Т.*) Казани и Асторохани, и он бы дал одну Асторохань для того, что ему сором от... турского, что он со царем и великим князем воюетца (здесь подразумевалось прежде всего сожжение татарами Москвы в 1571 г. – *В.Т.*), а ни Казани, ни Асторохани не возьмет и ничего с ним не учинит» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 169–169об.). Конечно, это была не единственная причина крымских притязаний на Нижнее Поволжье.

⁹ Мангыты – тюркское племя (*эль*), из которого происходила знать Ногайской Орды. В Родословцах, составленных в XVII в. в Москве со слов ногайских информаторов, «Магнит (*sic.* – *В.Т.*) Едигеи князь» трактуется как «начало Орде Нагаиской» (РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 84, л. 52; Родословная 1851: 130).

¹⁰ Расчет хронологии см. (Трепавлов 2001: 127).

стал верховным правителем; Ахмеду достались Хорезм и «некоторые из областей» Дешт-и Кипчака; Мангышлак стал управлять Орду-Базаром, Хаджи-Тарханом и «всем побережьем Итиля» (Волги). Будучи молодым и неопытным, Мангышлак не сумел удержаться в своем уделе. Из-за неких «смутьянов и бунтовщиков», а также по причине того, что «довольствование одним йуртом мангитов явилось бы ошибкой», он снялся с места и направился в Туру, где был встречен ханом Кучумом. Затем Мангышлак переселился в Мавераннахр, ко двору тимурида Султан-Хусейна Байкары. Тот радушно принял пришельца и выделил ему двенадцатитысячное войско, чтобы Мангышлак смог отвоевать свой удел. Однако поход на север оказался безуспешным. Мангышлак вернулся в тимуридские владения и умер в Туркестане (Алексеев 2006: 85, 86)¹¹.

В пересказанном отрывке *Бахр ал-асрар* наблюдаются явные анахронизмы. Если учитывать время смерти Абу-л-Хайра (1468 г.) и правления Байкары в Герате (1476–1506 гг.), то получается, что описанные события происходили во второй половине XV в. (А.К. Алексеев даже называет конкретный год – 1476 (Алексеев 2006: 86)). Кучум же царствовал в Сибирском юрте в 1563–1598 гг. (фактически до 1582 г.). Имеет место большой хронологический разрыв, когда один и тот же персонаж, Мангышлак, активно действует и во второй половине XV в., и во второй половине следующего столетия. Тем не менее можно попытаться отыскать в этом путанном повествовании следы некоторых реальных событий.

Прежде всего обратим внимание на связь Мангышлака с «йуртом мангитов», т.е. Ногайской Ордой. Из текста *Бахр ал-асрар* следует, что несмотря на передачу ему в удел Астрахани и всей Волги, в действительности хан осуществлял свои монархические полномочия только по отношению к ногаям (мангитам~мангытам). В истории последних известно явление, нередкое для тюркских государств этой части Евразии, – царствование номинального хана. В Ногайской Орде подобная практика фиксируется во второй половине XV в. и после некоторого перерыва в первой половине – середине XVI в. В роли фор-

¹¹ Марджани преемником Мангышлак-хана называет Ахмад-хана (Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда), и они у него не являются родными братьями; причем не Мангышлак, а именно Ахмед, по версии данного автора, был связан с Султан-Хусейном Байкарой, на дочери которого он женился (Марджани 2005, с. 117). По Захир ад-Дину Бабуру, Ахмед взял в жены сестру Байкары; И.В. Зайцев датирует этот брак 50-ми годами XV в. (Бабур-наме 1993: 172; Зайцев 2006: 40). Мангышлак и Ахмед у Марджани названы астраханскими ханами, равно как и Чувак б. Якуб – предшественник и отец Мангышлака. Это явное недоразумение: ханы Якуб и Мангышлак не зафиксированы в Золотой Орде никакими источниками, помимо текстов аштарханидского круга.

мальных «ногайских ханов» выступали в разное время узбекские Ядгар и Аминек, тюменские Ибрагим-Ибак и Мамук, казахские Джанибек, Бурундук, Касим и Хакк-Назар (см.: Трепавлов 2001, гл. 3, 5–7). Все эти правители (за исключением, может быть, Мамука) являлись реальными государями в своих владениях, а их сюзеренитет над Ногайской Ордой, как правило, ограничивался инвеститурой ее действительного правителя – мангытского *улубия-улубека*¹². В политике Ногайской Орды они не участвовали и никакого влияния на внутринагайские дела не имели.

Однако при бие Юсуфе (1549–1554 гг.) стали заметны существенные перемены. Появляется «ногайский хан» без собственного ханства, абсолютная марионетка. Предназначение его заключалось в том, чтобы своей сакральной персоной и молчаливым присутствием освящать, оправдывать всевластие предводителя мангытов¹³. Поскольку деятели такого рода имели еще меньшую значимость по сравнению с прежними верховными государями ногаев, то фигурируют они в источниках минимально и эпизодически. Обратим внимание на два таких упоминания в ногайско-русской дипломатической переписке.

Послание нурадина¹⁴ Исмаила царю Ивану IV (доставлено в Москву в июне 1549 г.): «Темир Кутлуева царева сына царем себе учинили есмя. Один царем учинился, а другой князем» (Посольские 1995: 287).

Послание бия Юсуфа Ивану IV (доставлено в Москву в мае 1551 г.): «Да еще то: царь у нас Янай, чтобы еси нас для его призирал» (Посольские 2006: 45).

Если допустить, что в обеих грамотах упоминается одно и то же лицо, то это – представитель астраханской династии («Темир-Кутлуевых царевых детей») по имени Янай~Джанай~Джани¹⁵. Хань Хаджи-Тархана того времени

¹² Ниже мы будем называть его просто бием.

¹³ Институт таких подставных ханов практиковался в 1360–70-х годах в западной части правого крыла Улуса Джучи («Мамаевой Орде»). В 1390–1410-х годах Золотой Ордой от имени безвластных монархов управлял беклербек Эдиге. В середине XIV – начале XV в. он получил распространение в Чагатайском улусе и в государстве Тимуридов, где марионеточных Чингисидов возводили на трон местные эмиры: Казаган, Хусейн, сыновья Казагана Абдаллах и Тимур (Тамерлан), внук последнего Улугбек (Мухаммед Тарагай) и правнук Абд ал-Латиф. В XVIII в. аналогичное явление возродилось в Хивинском ханстве, где оно получило характерное название *ханбази* – «игра в ханы» (об этом см.: Бартольд 1963: 274; Бартольд, 1968: 188).

¹⁴ Нурадин – титул наместника правого крыла Ногайской Орды, вторая по рангу должность после бия.

¹⁵ Переход инициального *джа-* в *я-* или *е-* был обычным для средневековой русской транскрипции тюркских имен (Джанибек > Яныбек, Джан-Мухаммед > Янма(г)мет(ь), Джан-Али > Еналей, Джавгосты > Евгосты и т.п.). Столь же распространенной была русскоязычная адаптация финального *-и* в *-ай* или (чаще) *-ей* (Берди > Бердяй~Бердей, Баки > Бакай и т.п.). В начале XVI в. татарским правителем

хорошо известны, и среди них не было Джани. Астраханский хан Джанибек б. Махмуд умер еще в 1521 г. (Зайцев 2006: 94). Едва ли надолго пережил его двоюродный брат – тоже Джанибек, отец которого, хан Ахмед б. Кучук-Мухаммед, погиб в 1481 г.¹⁶

Последняя фраза из цитированного выше письма Исмаила «один царем учинился, а другой князем» есть не что иное как традиционная формула сосуществования номинального хана («царя») и реального властителя–бека, или бия («князя»): *бири хан бери бек*. Она применялась в разных вариантах тюркскими хронистами XVI–XVII вв. для характеристики взаимоотношений золотоордынских ханов Тимур-Кутлуга и Хаджи-Мухаммеда, а также узбекского Ядгара с их фактическими соправителями–беклербеками – соответственно Эдиге, его сыном Мансуром и правнуком Мусой (Сборник 1854: 155, 159 (араб. паг.); Aboul-Ghazi 1871: 189 (араб. паг.)).

Поскольку Джани ногайских грамот обладал ханским титулом и принадлежал к «Темир Кутлуевым царевым детям», но не царствовал в Хаджи-Тархане, то мы вправе предполагать его правление в каком-то ином владении. Среди окрестных государей рубежа 1540–1550-х годов ему места не находится – ни в той же Астрахани (там сидел на престоле Ямгурчи)¹⁷, ни в

Касимова был царевич крымского происхождения Джанай–Янай–Енай (о нем см. (Вельяминов-Зернов 1863: 205–216)).

¹⁶ Об этом Джанибеке упоминается в *Таварих-и гузида-йи нусрат-наме*; видимо, он же фигурирует у Кадыр-Али-бека как сын Ахмеда Джани-султан (Сборник 1854: 159 (араб. паг.); Таварих 1967: 170 (араб. паг.); Материалы 1969: 40)).

Впрочем, был еще один высокородный тезка, время жизни которого приблизительно могло прийти на середину XVI в. Это также упоминаемый в *Таварих-и гузида-йи нусрат-наме* и не известный по другим источникам Джанибек-хан б. Музаффар б. Кельдибек б. Кучук-Мухаммед (Таварих 1967: 170 (араб. паг.); Материалы 1969: 40).

В «Бархатной книге» (реестре аристократических родов Московского государства, кон. XVII в.) имеется глава «Род астраханских царей». Она содержит перечень лиц в таком порядке: хан Тимур-Кутлуг («Темир Куллуй царь»), его сын хан Тимур («Темир царь»), его сын хан Кучук-Мухаммед («Киемагмет царь»), его сын хан Якуб («Егуп царь»), его сын Чувак («Чювак царевич»), его сын Джанибек («Яныбек царевич»), его сын Шейх-Аулиар («Шиховлеяр царевич»), его сын – знаменитый касимовский и казанский хан Шах-Али («Шигалей царь») (Родословная 1787: 24). Другим средневековым авторам Джанибек б. Чувак не знаком и, как определил В.В. Вельяминов-Зернов, оказался в цитируемой родословной в результате перенесения в нее искаженных сведений из генеалогических версий, которые имели хождение на Востоке. На самом деле Джанибек «Бархатной книги» – это аштарханидский хан, сын Яр-Мухаммеда (Вельяминов-Зернов 1863: 242, 243).

¹⁷ И.В. Зайцев справедливо заметил, что вопреки названию династии ни один из предков Аштарханидов, поименованных в восточных генеалогиях, реально не правил в независимом Астраханском юрте (Зайцев 2002: 47; Зайцев 2006: 50, 51). Правда,

Казани (Сафа-Гирей, затем Утемиш-Гирей), ни в Казахском ханстве (Жакк-Назар), ни в шейбанидских Хорезме и Мавераннахре. Сибирский же юрт с конца XV в. возглавляли беки из династии Тайбугидов; приблизительно в это время таковыми были братья Ядгар¹⁸ и Бек-Пулад. Юртом, возглавляемым Джани, могла быть, пожалуй, только Ногайская Орда, в которой он восседал на троне, соправительствуя с Юсуфом по принципу *бири хан бери бек*.

В рассказе Махмуда б. Вали о таинственном Мангышлаке, которого, напомним, не устраивало «довольствование одним йуртом мангитов», сквозит неудовлетворенность хана своим малопочтенным статусом. От того же автора мы узнаем, что не только эти настроения были причиной отъезда Мангышлака от ногаев. Не меньшим основанием послужили действия каких-то «смутьянов и бунтовщиков». Если под смутой и бунтом понимать события в Ногайской Орде середины – второй половины 1550-ых годов, то у него были веские резоны перебраться подальше от беспокойного юрта мангытов¹⁹.

Астраханские царевичи оказались у ногаев в то время, когда среди степной правящей элиты постепенно накапливались противоречия и зрели конфликты. Усиление Московского государства, падение Казанского ханства, борьба за власть и кочевья привели к расколу ногайской знати. Одна ее часть выступала за союз с Россией, другая не без основания опасалась оказаться в роли следующей жертвы могучего соседа, надвигавшегося с запада. Бий Юсуф возглавил

как указывалось выше, двое из этих предков, Тимур-Кутлуг и Кучук-Мухаммед, управляли подвластными землями Золотой Орды именно из Хаджи-Тархана. Сообщение же Махмуда б. Вали о ханствовании в Астрахани Мангышлака не подтверждается другими источниками. Более того, есть сведения, что этим городом владели его братья (?) Ахмед и Махмуд (см.: Ахмедов 1965: 51).

Среди казахов зафиксированы предания, в которых фигурирует астраханский хан Джанибек. По одному из преданий он основывает Астрахань, по другому – отдает (уступает) ее русским (Ирмуханов 2001: 45, 50, 51). В обоих случаях налицо несомненная историческая недостоверность сюжетов.

¹⁸ Не путать с упоминавшимся выше узбекским ханом сер. XVI в. Ядгаром.

¹⁹ Пребывание отпрысков «Темир-Кутлуева» дома в Ногайской Орде отразилось не только в уникальной информации Махмуда б. Вали о Мангышлаке. Широко известен факт приглашения оттуда в Казань весной 1552 г. последнего казанского хана Ядгар-Мухаммеда – астраханского царевича, правнука Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда. Впрочем, Ядгар-Мухаммед находился в Орде не очень долго. В 1542 г. он уехал из родного Хаджи-Тархана в Московское государство, где прожил восемь лет; еще в 1550 г. он был в составе русской армии, во время ее очередного казанского похода. После этого Ядгар-Мухаммед уже не фигурирует среди служилых царевичей, а обретается в ногайских кочевьях (Беляков 2006: 511; Вельяминов-Зернов 1863: 370, 371; Худяков 1991: 147). В мусульманской исторической традиции считалось, что этот «легковесный юноша» был призван казанцами непосредственно из Астрахани (см. (Очерки 2003: 127, 130; Марджани 2005: 113; Абд ал-Кадир 2005: 272)).

антимосковский лагерь мирз, а его брат Исмаил – промосковскую группировку. Конфликт между ними вылился в жестокую междоусобную войну 1554–1559 гг., в которой пали жертвой не только Юсуф, но и многие тысячи жителей Орды. К потерям от военных столкновений добавились жертвы стихийных бедствий – страшного голода и эпидемии чумы. У современников порой складывалось впечатление, будто могущественная в прошлом мангытская держава в результате полностью ослабела и обезлюдела²⁰.

Полагаю, что в борьбе «партий» Джани находился на стороне Юсуфа и был его политической кратурой. Во всяком случае главный оппонент последнего, Исмаил, через три года после «воцарения» астраханского династа над ногаями вознамерился перейти под сюзеренитет другого падишаха – османского, тем самым игнорируя Джани. В феврале 1552 г. посол Исмаила доставил в Стамбул его письмо с просьбой к султану Сулейману I пожаловать *санджак* (знамя – символ удельного правителя), а также с предложением ввести в Ногайской Орде *хутбу* с именем Сулеймана (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976: 219). В сентябре того же года в Москву привезли грамоту Исмаила, в которой он называл султана «государем нашим» (т.е. ногайским) (Посольские 2006: 69).

Есть основания полагать, что Исмаил, рано проявивший себя как самостоятельный политик, давно и активно вел поиски патрона, независимо от своих старших братьев – биев Ногайской Орды Шейх-Мамай (правил около 1540–1549) и Юсуфа. Такие поиски не ограничивались контактами с далеким Стамбулом. Исмаил был утвержден в должности нурадина приблизительно в 1545 г. и тем самым получил в управление поволжские кочевья ногаев, сопредельные с казанскими владениями. В Казани тогда ханствовал Сафа-Гирей. В 1576 г. царь Иван IV получил грамоту от Уруса – сына уже покойного к тому времени Исмаила. Эта грамота не сохранилась; однако, в соответствии с тогдашними правилами дипломатической переписки, в ответе царя содержался ее почти дословный пересказ. Обращает на себя внимание следующий фрагмент этого пересказа-перевода: «А отец (здесь в значении «предок». – *В.Т.*) твои (Уруса. – *В.Т.*) Нурадин мирза Темир Кутлюю царю служивал и жалованье имывал. А отец твои Исмаиль князь Сафа Кирею царю служивал и жалованье имывал (здесь и далее выделено мною. – *В.Т.*)» (Посольская 2003: 47).

Для Исмаилова прадеда, мангытского мирзы Нур ад-Дина, хан Тимур-Кутлуг был неоспоримым верховным властелином, государем и сюзереном, который выделил мирзе удел и дозволил собирать в свою пользу часть податей – кстати, именно с Астрахани (подробно см. (Трепавлов 2001: 83, 84)). Память о давних ханских пожалованиях сохранялась среди ногаев в

²⁰ Подробности этих событий см. (Трепавлов 2001, гл. 7).

первой половине XVI в., когда мирзы, потомки Нур ад-Дина, требовали для себя «выход» с Астраханского юрта – по разным сведениям, 40 тыс. или 60 тыс. алтын (Посольские 1995: 139, 208; Посольские, 2006: 260, 279; РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 8, л. боб., 413).

Уподобление давнишним историческим персонажам казанского хана Сафа-Гирея и ногайского нурадина Исмаила позволяет предполагать, что во второй половине 1540-х годов между ними установились какие-то формально-вассальные (?) отношения, не известные из других источников. О регулярных выплатах «годового», «жалованья» Исмаилу из Казани имеются неоднократно упоминания в дипломатической переписке, но о какой-либо его «службе» хану не упоминается; наоборот: ханская казна платила ногайскому сановнику «для братства и любви и дружбы» – ради поддержания мира на ногайско-казанских рубежах (см. подробно (Трепавлов 2001: 213–216)).

Реакция Высокой Порты на запрос Исмаила 1552 г. насчет санджака и хутбы неизвестна. Полагаю, что он был отвергнут или проигнорирован. Ведь несмотря на эпизодическое включение Дешт-и Кипчака в султанскую титулатуру (см.: Зайцев 2004, очерк 10), турецкое правительство в то время предпочитало не вмешиваться в запутанные отношения между правителями этого региона, передоверив дипломатию на данном направлении Бахчисараю. Как раз в то время, приблизительно в феврале 1552 г., султан известил вассального крымского хана Девлет-Гирея: «Учитывая, что по всем делам, относящимся к этим странам, вы имеете разнообразные и обширные сведения и познания в том, что касается Эдждерхана (Астрахани. – *В.Т.*), ногаев и Московии, мы доверяем правильности разрешения (вами. – *В.Т.*) всех вопросов, относящихся (к этим странам)» (Bennigsen, Lemercier-Quellejeay 1976: 213–218, 220–221)²¹. Собственно, на Девлет-Гирея Порты и переложила продолжение переговоров с Исмаилом.

Первое же посольство победителей Юсуфа в Москву в начале 1555 г., сразу после его убийства ими и захвата власти, известило Ивана IV о том, что в Ногайской Орде теперь другой верховный государь – и им оказался отнюдь не Сулейман I. Вновь это была политически ничтожная фигура, удостоенная в одном из посланий единственной скупой фразы: «Как меня смотришь, так бы еси Ибишея царя смотрил» (Посольские 2006: 162)²². Таким образом,

²¹ В самом Крыму в то время имя султана произносилось при хутбе после ханского имени; такой порядок установился с конца XV в., в период падишахства Селима I и ханствования Менгли-Гирея I. Очередность имен в пятничном молении поменялась только в 1580-х годах, что наглядно демонстрировало вассалитет Крымского юрта по отношению к османам (Некрасов 1999: 55, 58; Смирнов 2005: 240; Эвлия Челеби 1961: 217 – комментарий А.Д. Желтякова).

²² Цитируется грамота мирзы Касима – одного из сторонников Исмаила.

Джани к тому времени утратил даже те призрачные «монархические» прерогативы, которыми обладал при Юсуфе. А каково было происхождение его преемника Ибишея, пока не удастся определить даже предположительно.

Надо сказать, что московское правительство хорошо ориентировалось в степных делах. Оно имело адекватное представление о действительном статусе «ногайских ханов», которые эпизодически появлялись из небытия и исчезали неведомо куда. Известия об их «воцарении» Иван Грозный пропускал мимо ушей. Он ни разу не внял призывам почтить их и не направил к ним ни посланников, ни грамот, ни поминков. Реальный вес в его глазах (как и других русских правителей) имели мангытские бии – настоящие правители Ногайской Орды.

Безвластные степные монархи проживали, очевидно, в Сарайчуке – стольном и единственном (?) городе ногаев. О нем как о резиденции ногайских «ханов» упоминает османский автор XVII в. Хаджи Халифа (см.: DeWeese 1994: 198). Правда, это упоминание анахронично, т.к. Сарайчук к тому времени давно лежал в развалинах. Может быть, эти «ханы» даже не отправлялись на сезонные перекочевки.

Очень вероятно, что Джани смог обрести приют при каком-нибудь среднеазиатском дворе. Ведь еще до всеохватной смуты 1550-х годов откочевка в узбекские ханства была одним из проторенных путей эмиграции ногаев, недовольных жизнью на родине. Кроме того, между семьями мангытских аристократов и узбекских правителей периодически завязывались брачные союзы; родственные отношения с потомством Эдиге установили также шейхи-ходжи Джуйбари – могущественный клан бухарских суфиев (см. (Трепавлов, 2001: 269, 309, 375, 376; DeWeese 1994: 388, 393, 394)).

Мангышлак у Махмуда б. Вали отправляется к Султан-Хусейну Байкаре, и тот дает ему войско для реванша. Но к середине XVI в. род Байкары – Тимуриды – уже давно утратили власть в Средней Азии. Их место там заняли шейбанидские династы, которые и принимали переселенцев из Дешт-и Кипчака. Хронологической привязкой мог бы послужить упомянутый в *Бахр ал-асрар* неудачный поход двенадцатитысячной рати в Поволжье и Мангышлак. Единственная известная мне крупная антиногайская военная акция со стороны узбеков, близкая по времени, – это набег ногайских эмигрантов вместе с «ташкеньскими людьми», которые зимой 1562/63 г. «приходили... войною», «ратью приходили» на Ногайскую Орду. Данное предприятие в самом деле нельзя считать успешным, т.к. ногаи отбили нападение и, догнав врагов, отняли у них все трофеи (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 210об., 225об., 226).

Здесь конфликт увязывается с Ташкентом, где тогда сидел полусамостоятельный удельный правитель, шейбанид Баба б. Барак. Но одного факта вышеупомянутого набега все же недостаточно, чтобы утверждать, будто Джани обосновался в Ташкенте после своего отъезда из Ногайской Орды,

охваченной смутой. Тем более что предки Аштарханидов завязали тесные связи не с владельцами Ташкента, а с ханами Бухары.

Раздоры то и дело вспыхивали в узбекских ханствах и уделах династии Шейбанидов. Крупные города завоевывались разными ханами, переходили из рук в руки. На протяжении второй половины XVI в. постепенно все больше стала доминировать Бухара. В 1557 г. ее занял Абдаллах б. Искандер. В 1561 г. он провозгласил ханом своего отца, Искандера б. Джанибека, и до его смерти (1583 г.) управлял государством от его имени. Затем Абдаллах сам сел на бухарский трон, на котором оставался пожизненно, до 1598 г. Именно на эти десятилетия приходится появление Яр-Мухаммеда с семейством в Мавераннахре. Известно, что Джани-Мухаммед женился на сестре Абдаллаха.

Мечты о реванше (возвращении ли себе престола – пусть и номинального, мести ли за свержение своего покровителя, бия Юсуфа) могли гнездиться в умах астраханских аристократов, которые обосновались в Бухарском ханстве. В источниках имеются упоминания, позволяющие предполагать какое-то воздействие на Абдаллаха II с их стороны. Около 1584 г. один из ногайских мирз сообщил царю Федору Ивановичу, что ему известно о планах бухарского правителя «Сарачик взять и мусулманство прославить. А после того хотят и твой юрт взять... А как завладев Волгой и Яиком... хотят стол твой Москву взять и веру свою прославить» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1585 г., д. 6/№, л. 13–15). Здесь говорится о планах Абдаллаха отстроить ногайскую столицу Сарайчук, разгромленную казаками в 1581 г., и в дальнейшем двинуться к Волге. Скорее всего подразумевалась не вся река от истоков до устья, а только низовье – район Астрахани.

Через одиннадцать лет о подобных намерениях вновь зашла речь, и теперь в качестве объекта нападения бухарцев прямо называлась Астрахань. В январе 1595 г. казахский посол говорил своему земляку в Москве, что прибыл с целью обратить внимание русского правительства на восточные дела, дабы «государь... на бухарсково не оплачивался, а ногаем бы не верил. Бухарскои царь ныне юргенского Азима царя со юрта согнал, Юргенчъ взял под себя. А ныне, с ногаи соединясь, хочет поставить в Сарайчике город. Как в Сарайчике город поставит, толды будет и (над) Астороханью промышлять» (РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 8–9). Юргенский Азим-царь – это ургенчский хан Хаджи-Мухаммед (Хаджим-Азим). В то время Абдаллах завоевал Хорезм, и границы его государства выдвинулись в кочевые степи.

В свое время я высказал сомнение в истинности агрессивных поползновений Абдаллаха: он «был далек от мысли захватить русскую территорию... Не думаю... чтобы целью владыки Мавераннахра и Хорезма была агрессия против России. Следующим шагом его продвижения в Дешт должно было стать установление контроля над степями Центрального и Северного

Казахстана, и согласие с ногаями позволило бы охватить этот регион полукольцом для последующего завоевания» (Трепавлов, 2001: 379–380). Приписывание узбекскому хану намерений развязать антирусскую войну казалось мне сознательной дезинформацией москвитян со стороны ногайских и казахских политиков, которые искали противовес набирающей силу Бухаре. Идея вызволения Хаджи-Тархана из рук «неверных» десятилетиями тлела в Крыму, и Гирей то и дело заводили об этом разговор, а в 1569 г. безуспешно попытались вместе с турками отвоевать город²³. Ничего подобного никогда не затевали правители Мавераннахра.

Однако с учетом присутствия выходцев из Астрахани в свите Абдаллаха, нельзя исключить их (выходцев) воинственного настроения. (С аналогичными призывами к турецкому султану и крымскому хану обращались казанские эмигранты в Крыму и их сторонники, затаившиеся на родине (Новосельский 1948а: 24; Бахтин 1998: 161).) Инициатива похода узбеков на российскую столицу по-прежнему кажется мне невероятной; к тому же именно в эти годы Абдаллах направлял в Московское государство дружественные посольства (см.: Материалы, 1932: 98–101, 404–406; Зияев 1965: 91, 92). Но вполне возможно, что среди внешнеполитических планов хана действительно в каком-то виде фигурировала Астрахань – бывшая столица поверженного юрта и к тому времени давно уже русский город²⁴.

Об этом прямо свидетельствует, например, информация Ивана Мишурина, который в 1588 г. был направлен гонцом в Бахчисарай. По возвращении на родину он изложил в Посольском приказе новости и слухи о международной обстановке, услышанные им от разных собеседников в Крыму. Среди прочего Мишурин поведал о бухарском посольстве в Стамбул и о неудачной попытке Абдаллаха заключить военный союз с султаном Мурадом III именно для захвата Астрахани: «Да к турскому де салтану бухарской прислал посла своего в 97-м году (1588/89. – В.Т.) просити де силы к Асторохани, штоб де турской салтан послал силу свою, да и крымского царя к Асторохани послал же бы. А бухарской будто хотел свою силу с турскою силою послати к Асторохани. И бухар-

²³ Об этой проблеме в контексте русско-крымских и отчасти русско-турецких отношений второй половины XVI в. см. подробно (Виноградов, 2007), в общем контексте отношений между мусульманскими государствами – см. (Bennigsen, Berindei 1980; Carrère d'Encausse 1970).

²⁴ Через несколько лет после завоевания Астраханского ханства воеводы построили новую крепость на противоположном берегу от татарского Хаджи-Тархана. Это «досадно стало» хану и «всей земле» крымской. Разрабатывая в 1567–1568 гг. планы похода к Астрахани, турки и крымцы собирались «на старом городище город однолично ставити», «город поставити на крымской стороне на старом городище», имея в виду место прежнего поселения (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 160об., 164–164об.; д. 15, л. 381).

скои де посол от тех мест и по ся места ждет в Царегороде у турсково салтана. А турскои де салтан ежелет кличет во Царегороде, штоб которые охотники шли к Асторохани. А дает им алафу²⁵, и алафы де ништо не емлет, а к Асторохани ништо не идут» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 320об.–321).

Среди прочих стимулов для подобных замыслов могла быть и традиционно высокая прибыль от международной торговли в Нижнем Поволжье. Как говорили турецкому султану послы из Ургенча и Бухары в 1568 г. (в пересказе русских дипломатов), «а в Асторохани из многих земель кораблем с торгом приход великой, а доходит де ему (московскому царю. – В.Т.) в Асторохани тамги на день по тысече золотых» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 163об.).

Кроме того, в первые десятилетия после своего утверждения на Нижней Волге воеводы, находясь в окружении чуждого кочевого мира, тщательно заботились о безопасности южного анклавного владения России. Однако их активность распространялась пока лишь на пространство между волго-донской переправой (Переволокой) и волжской дельтой (Дубман 1999: 20). Среди мер контроля за ситуацией было препятствование в переправе многочисленных мусульманских паломников из Средней Азии и восточного Дешт-и Кипчака, направлявшихся в *хадж* традиционно через Хаджи-Тархан. Это оказалось еще одной причиной возмущения и раздражения в мусульманском мире после завоевания «неверными» Астраханского ханства, служило идейной основой для подготовки войны с ними.

Тогда активность узбекских дипломатов в Стамбуле получает еще одно объяснение. Как раз в начале 1568 г. был разгромлен и убит врагами верный союзник Абдаллаха, правитель Шахрисабза Хусрав-султан. Подавленный печальным известием Абдаллах подумывал отказаться от власти и направиться на поклонение святыням в Мекку, но был разубежден своим ближайшим советником и духовным наставником Калан-ходжой (Хафиз-и Таныш 1989: 5 – введ. М.А. Салахетдиновой). В интересе бухарских послов к маршруту хаджа через Астрахань можно видеть отголосок этих событий.

Как бы там ни было, военным планам знаменитого бухарского хана в Деште так и не суждено было осуществиться. В 1598 г. он умер.

А.К. Алексеев подчеркивает, что несмотря на титулование Яр-Мухаммеда ханом в *Бахр ал-асрар*, на самом деле тот никогда и нигде не царствовал. Полноценное правление Аштарханидов началось с Джани-Мухаммеда (1601–1603), который обрел все полагающиеся правящему мусульманскому династу атрибуты – хутбу, *сикку* (чеканка монеты) и титулатуру (Алексеев 2006: 88, 107). Столь краткое правление возможно объяснять его глубокой старостью. Если допустить, что в 1549 г. Джани-Мухаммед уже обладал номинальным

²⁵ *Алафа (улуфе)* – 1) фураж; 2) жалованье, вознаграждение.

ханским рангом в Ногайской Орде, то через 64 года он должен был пребывать в очень преклонном возрасте. Тогда можно согласиться с датировкой В.В. Вельяминова-Зернова, который обозначал время жизни Джани-Мухаммеда как «последнюю половину» XVI в. (Вельяминов-Зернов 1864: 243).

Подтверждение довольно раннего начала его активной политической жизни можно видеть в сообщении Махмуда б. Вали о том, что Джани встал во главе своего клана в возрасте 14 лет (Алексеев 2006: 88). Напомним приведенное выше указание *Бахр ал-асрап* об утрате Мангышлаком престола вследствие его молодости и неопытности; думаю, что на самом деле эта информация должна быть также отнесена к Джани.

По Махмуду б. Вали Мангышлак с Волги направился сначала в Туру к хану Кучуму. Туру в данном контексте можно трактовать как город Чимги-Тура, или Чинги-Тура (Тюмень) – столицу Сибирского юрта²⁶. Выше упоминались сибирские беки Ядгар и Бек-Пулад. Как и ногайские вожди, они должны были иметь над собой старшего государя, который даровал бы им инвестицию (ярлык) на управление юртом. Полный государственный суверенитет бека-бия и возглавляемого им владения был в то время немыслим, невозможен, незаконен.

В этом отношении имеется примечательная информация «Казанского летописца» о событиях середины XVI в. Умиравший казанский хан Сафа-Гирей в марте 1549 г. завещал трон своему малолетнему сыну Утемиш-Гирею при регентстве его матери и своей младшей жены Сююм-бике, дочери ногайского бия Юсуфа. Остальным трем женам он «роздели имение свое равно царское и отпустит повеле во отечество свое: **болшая поиди въ Сиберь, ко отцу своему Сиберскому царю**; другая же в Асторохань, ко царю своему отцу; 3 же въ Крымъ, къ братеи своеи, княземъ Ширинскимъ...» (ПСРЛ, т. 19, стлб. 56). Следовательно, в 1549 г. в Сибири имелся некий «царь» – тесть Сафа-Гирея.

Пока я не могу определенно ответить на вопрос, кто это был, т.е. кто являлся верховным государем для Тайбугидов. В различных источниках обнаруживаются свидетельства (всегда косвенные) о подчиненности этих сибирских правителей то казанскому хану, то казахскому, то бухарскому, то номинальному правителю Ногайской Орды... Есть вероятность того, что в какой-то период и в самом Сибирском юрте присутствовал такой же, как у ногаев, номинальный династ, освящавший правление тайбугидских беков. Во всяком случае, в русской дипломатической документации конца XVI в.

²⁶ Под Турой здесь могла подразумеваться и резиденция Ядгара и позднее Кучума Тобол-Тура – одно из татарских названий Искера, второй столицы юрта (см. Рахим 2004: 579)). Впоследствии татары так же называли Тобольск (РГАДА, ф. 214, стлб. 623, л. 267 – арабический оригинал послания сибирско-татарского султана Кучука тобольскому воеводе).

встречаются упоминания (не подтверждаемые другими известными мне текстами) о существовании неких «царей» «на государстве Сибирском» еще во времена Василия III (первая треть XVI в.) – и до взятия власти Кучумом (РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 244об.; д. 20, л. 391об.).

Теоретически можно допустить, что Кучум (или кто-то из его близких родичей) до поры до времени смиренно сидел в Туре, довольствуясь статусом номинального хана при реально правящих беках, а затем взбунтовался против них. В 1557 г. сибирские Шибаниды начали конфликт с Тайбугидами и через шесть лет утвердились в Искере²⁷. Однако известно, что накануне этих событий Кучум пребывал в Казахском ханстве («Казачьей Орде») (ПСРЛ, т. 36: 48, 81, 119; Миллер 1999: 192) – возможно, при дворе Хакк-Назара. Да и по возрасту он тогда едва ли мог иметь взрослую дочь, казанскую ханшу. Как Кучум, так и Хакк-Назар были воспитанниками и ставленниками влиятельных ногайских вельмож, скорее всего Шейх-Мамая – правителя восточной половины Ногайской Орды в 1520–1530-х годах, а в 1540-х – верховного бия ногаев (см. (Трепавлов 2001: 205–210)).

Так что сомнительно, чтобы Кучум находился в Туре в 1549 г., когда Джани был номинальным ногайским ханом, а вдова Сафа-Гирея отправилась в Сибирь к своему царственному отцу. Там находился какой-то другой «царь»²⁸. Может быть, им был отец Кучума Муртаза б. Ибрагим (см. (Исхаков 2006а: 117, 118; Маслюженко 2007: 56)).

В середине 1550-х годов сибирский ханский престол освободился (или тот, кто занимал его, перестал устраивать беков-правителей юрта). Об этом может свидетельствовать в том числе и обращение бека Ядгара за инвеститурой

²⁷ После этого страна Тура в тюркской историографии стала считаться владением Кучума (см. (Султанов 2005: 261; Кляшторный, Султанов 2004: 313, 314)). Очевидно, этим можно объяснить анахронистическое упоминание Кучума как хана Туры у Махмуда б. Вали в рассказе о гораздо более ранних временах, еще при хане Мангышлаке. Вместе с тем в источниках встречается также обозначение Туры как юрта Урус-хана (см. (Ivanics, Usmanov 2002, с. 89, 90)) – Чингисида, жившего в XIV в. Вероятно, это отголосок более ранней традиции. Впрочем, *тура* (крепость) – довольно распространенный топоним в северном Дешт-и Кипчаке. Абу-л-Гази обозначил страну Кучума старинным персидским названием *Туран* (Aboul-Ghazi 1871: 177 (араб. паг.)); полагаю, что никаких оснований, кроме созвучия с Турой, у него для этого не имелось.

²⁸ В «Казанском летописце» по Ундольскому списку говорится: «болшая въ Сибирь ко отцу своему Астараханьскому царю», а список Московской духовной академии добавляет к этой фразе: «бе бо дщи Астараханьскому царю» (ПСРЛ, т. 19: 294 и примеч.). Было бы заманчиво допустить, что «астраханским царем» в Сибири был Яр-Мухаммед. Однако в данном случае в тексте просто оказалась пропущена целая фраза, отчего сообщение о первой вдове (сибирской) смешалось с сообщением о второй (астраханской). Полное предложение, без пропусков, процитировано нами выше по Соловецкому списку памятника.

(ярлыком) к новому повелителю татарских юртов Поволжья – царю Ивану IV в 1555 г. Сформировавшийся еще в Золотой Орде порядок требовал обновления ярлыка на управление юртом в случае смены верховного сюзерена²⁹.

Мог ли номинальным, безвластным ханом Сибири быть отец Джани – Яр-Мухаммед? Учитывая пиетет перед ним со стороны младших родственников и его фактическое главенство над сородичами, мы вправе полагать, что ранг отца был сопоставим с сыновним. Возможно, и сам Джани, явившись в Туру, лелеял идею сесть на тамошний трон – в той же почетной и необременительной должности, в какой он недавно пребывал среди ногаев. Однако, во-первых, пока нет никаких данных о том, где находился Яр-Мухаммед и чем он занимался все это время. Во-вторых, среднеазиатские источники единодушно связывают предков Аштарханидов с Астраханью (*Бахр ал-асрап* – еще и с «йуртом мангитов») и ничего не говорят об их правлении в Сибири.

В итоге выстраивается следующая цепь событий. Астраханский царевич-султан Джани (Джани-Мухаммед, Джанибек) б. Яр-Мухаммед около 1549 г. был провозглашен «ногайским ханом» при бие Юсуфе и оставался таковым до открытой междоусобицы среди ногаев. С началом этой смуты, в 1554 или 1555 г., он перебрался в (Чинги-?, Тобол-?) Туру, ко двору какого-то местного хана – возможно, своего близкого родственника. Полагаю, что бегство Джани было вызвано его былой поддержкой погибшего Юсуфа. Ногайская Орда оказалась во власти узурпатора Исмаила, поэтому обретавшиеся там астраханские династы имели основания опасаться за свою жизнь. Но и на Сибирский юрт надвигалась война: Шибаниды (Кучум и др.) готовились к борьбе за власть с Тайбугидами. Кроме того, в 1554 г. московские воеводы заняли Астрахань и посадили там послушного хана, а через два года окончательно завоевали Нижнее Поволжье – родовое гнездо Яр-Мухаммеда и Джани-Мухаммеда.

С учетом всех этих обстоятельств «Темир-Кутлуевы царицы дети» сочли за лучшее переселиться из Сибири в Мавераннахр. Произошло это приблизительно в середине или второй половине 50-х годов XVI в. У Махмуда б. Вали все названные события и действия приписаны Мангышлаку.

Следовательно, обретение эмигрантами из Астрахани пристанища в Бухаре фактически совпало по времени с русским завоеванием их юрта на Волге, но при этом вовсе не было его следствием.

²⁹ История Сибирского ханства известна очень фрагментарно, и источники о ней предельно лаконичны. Поэтому многие выводы исследователей носят характер гипотез и допущений. В частности, упомянутая ситуация с обращением Ядгара к московскому царю (отныне ставшему и «царем Казанским») может свидетельствовать также о том, что в какой-то период ярлык на Сибирский юрт выдавался местным бекам казанскими ханами (постановку этого вопроса см. (Трепавлов 2007а; Трепавлов 2007б)). Но это лишь одна из возможных версий.

Заметим, что дальние переезды астраханского высокородного семейства совершались скорее всего в сопровождении какой-то группы его сторонников – возможно, даже многолюдного сообщества наследственных подданных. В XVII в. на придворных церемониях у ханов-Аштарханидов, в соответствии с местническим порядком, на почетной левой стороне от трона восседали последовательно предводители племен дурменов, кушчи, найманов, кунгратов (Бартольд 1964б: 394). В этом отношении любопытны предания самаркандских узбеков из родовой группы каракалпаков-кунгратов о переселении их предков с Волги в Хорезм и оттуда в Мавераннахр, в долины Зерафшана и Сурхан-дарьи (см. (Маликов 2007: 32, 65, 66)). Впрочем, гораздо более вероятной первоосновой этих преданий представляются мне события, связанные с началом коллапса Ногайской Орды на рубеже XVI–XVII вв.³⁰

Что же касается Мангышлака, то развернутое повествование о нем имеется только в *Бахр ал-асраф*. В сочинениях других хронистов этот хан (?) представлен лишь в качестве генеалогического звена. К тому же, как отмечалось выше, в родословных наблюдается почти столетний хронологический разрыв, заполняемый одним Мангышлаком³¹. Очевидно, в рассказе Махмуда б. Вали об этом предке Аштарханидов, жившем не позднее первой четверти XVI в., смешались сведения о нескольких правителях из разных исторических эпох. Можно полагать, что при перечислении пращуров хронист не ставил перед собой задачу отобразить действительную и подробную предысторию семьи своих венценосных покровителей. Его цель заключалась в обосновании их царственного происхождения через кровнородственную преемственность от Джучи и Туга-Тимура – пусть и с искаженными сведениями о смутных и мало известных для него временах.

³⁰ Ю.Э. Брегель считает, что жителей Ногайской Орды вынудили к уходу на юг массовые миграции калмыков в Дешт-и Кипчак в 1620-х годах (Bregel 1982: 389). Однако есть сведения о крупных переселениях ногаев в узбекские ханства задолго до этого: «После смерти... Урмагмета князя (ногайского бия Ураз-Мухаммеда в 1598 г. – В.Т.) что досталось Урусову княжому родству и Тинбаи мурзину родству на их паи улусных людеи, и они тех всех отвели в Бухары и въ Юргенчъ»; «Тому... лет з дватцать и болши (т.е. в начале XVII в. – В.Т.) была у... Тинбаевых и Урусовых детеи война с Ышьтереком князем, и в те... поры откочевали от... Асторохани в Юргенч многие улусные люди» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 19; д. 2, л. 185).

³¹ Но едва ли можно сомневаться в действительном его существовании. В *Таварих-и гузида-йи нусрат-наме* Мангышлав фигурирует среди потомков Тукай-Тимура как сын Джуак-султана (правда, не указано, чьим сыном являлся Джуак) и замыкает их перечень (Таварих 1967: 170 (араб. паг.); Материалы 1969: 40). Следовательно, автор *Таварих* знал о Мангышlave~Мангышлаке и, вероятно, был его современником.

Сакральная топография кочевых степей (XIII–XVII вв.)

Образы географического пространства активно изучаются специалистами в области различных гуманитарных дисциплин на протяжении последних десятилетий. Важнейшим стимулом к развитию этого направления в познании прошлого послужили работы французской Школы анналов, в особенности классический труд Ф.Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949). В структуре историко-географических образов главное внимание отводится знакам и символам, которые отражают особенности развития какого-либо региона или пункта (Замятин 2006: 190). Именно в виде устойчивых, стереотипных знаков и символов откладываются в памяти и в представлениях людей сведения о различных местностях. Для эпохи средневековья частой предпосылкой выделения географического локуса из ряда остальных были проявления сакральности – будь то действие неких природных сил (вулкан, целебные источники), связь с жизнедеятельностью святого подвижника или средоточие такого мистического явления, как монархическая власть.

Одной из форм ментального освоения людьми заселенного ими пространства является сакральная топография. Она предполагает религиозно-мифологическое описание и понимание мира. «Земная» часть космографических воззрений включает два взаимосвязанных уровня: во-первых, систему представлений о строении сакрального ландшафта и о населении данной местности, во-вторых, систему реальных географических объектов, наделенных определенным сакральным смыслом (Теребихин 1993: 4, 5)¹. Эти уровни в совокупности и составляют религиозно-мифологический образ отдельной местности, региона, географического пункта как локальный вариант (диалект) общей картины мира.

В тех случаях, когда исследователи располагают достаточной информацией, они пытаются конструировать так называемые ментальные карты – графические схемы, отражающие уровень представлений людей определенной эпохи о своих и окрестных регионах, странах, народах. Но для такой рекон-

¹ Н.М. Теребихин различает сакральную географию как часть космографии дальнего мира и сакральную топографию как религиозно-мифологическую микрогеографию. Все же представляется, что понятие «топография» (букв. «описание места») точнее, чем собственно география («описание земли»), отражает особенности концепции пространства-топоса, места действия персонажей мифа, эпоса и исторической памяти.

струкции необходима адекватная источниковая база. Для XVIII–XX вв. она весьма обширна и позволяет наглядно отображать географические образы на картах, однако этого нельзя сказать о более раннем историческом периоде.

Сакрально-топографические штудии начали проводиться в европейской историографии в связи с изучением средневековых городов с точки зрения организации «христианской городской среды». В центре внимания находятся прежде всего расположение храмов и приходов, отражение христианской символики в градостроительстве. Показателен в этом отношении цикл лекций известного историка церковной архитектуры Р.Краутхаймера о Риме, Милане и Константинополе, изданный в виде монографии (Krautheimer 1983; Краутхаймер 2000). В последнее время предпринимаются успешные попытки расширить территориальный охват исследований путем выхода за пределы христианской Европы, сопоставления сакральной топографии ее средневековых городов с городами исламского мира, выделения политической и религиозно-литургической составляющих в городском управлении и строительстве (см.: Oesterle 2009).

Такое «городское» направление успешно развивается в российской исторической науке и культурологии. А.Л. Баталов и А.Л. Беляев использовали эту методологию при выполнении многолетнего проекта «Сакральная топография Москвы» (Баталов, Беляев 1998; Беляев 2005). Известны исследования сакральной топографии Смоленска, Саранска и др.

А вот проблема формирования образа не отдельного города, а целого региона, и к тому же в сочетании с присутствующими в нем элементами сакральности, не имеет в отечественной науке обширной традиции. Насколько нам известно, лишь Русский Север, Поволжье и Палестина (Святая Земля) удостоивались внимания по этому поводу (Теребихин 1993, 1999; Трепавлов 1997а, 2002; Кулешов 2000; Матонин 2002; Столяров 2001; Платонов 2007).

В данном очерке мы обратимся к такому обширному географическому ареалу, как степной ландшафтный пояс на пространстве от Дуная до Иртыша. Средневековое персидское наименование этой страны, проникшее в тюркские языки, – Дешт-и Кипчак (т.е. Кипчакская степь – обиталище народа кипчаков). Русские называли ее восточноевропейскую часть Диким полем, а тамошних кочевников – половцами; крайние западные кипчакские племена в русских, европейских и арабо-персидских текстах обозначались как куманы. Государства, которые возникали здесь, в том числе Золотая Орда (Улус Джучи) и «постордынские» ханства XIII–XVII вв., почти не изучены с позиций сакральной топографии. Дефицит источников позволяет пока только поставить эту проблему и обозначить некоторые позиции для ее исследования.

В отношении до- (точнее пред-) монгольского Дешт-и Кипчака мы не имеем сколько-нибудь развернутых свидетельств письменных памятников.

Краткие сведения о раннесредневековой истории региона есть, например, в хронике «Джахан-наме» османского автора XVII в. Хаджи-Халифы (Кятиба Челеби). Он пишет, что у устья реки Джанку (т.е. Яик – Урал) есть город С.ван.дж (или С.вай.х), который ранее был столицей куманов, а затем был отстроен и заселен ногаями, чьи «ханы» ныне живут там (DeWeese 1994: 197, 198). Хронист явно подразумевает город Сарайчик. Д.Девиз полагает, что Сарайчик являлся доисламским культурным центром Дешт-и Кипчака (DeWeese 1994: 199). Исследователи, изучавшие историю кипчаков IX–XII вв., приходили к выводу, что это поселение на Яике служило центром правого «крыла» Дешта, а центром левого был Сыгнак на Сырдарье (История 1993а: 76; Кумеков 1994: 34). О.Прицак определил наличие священных рощ йыш у кипчакских кланов бурджоглы и улашоглы (Pritsak 1967).

Некоторую помощь смогут оказать археологические реконструкции. На особо почитаемые половцами места указывают их родовые могильники, отмеченные скоплениями изваяний – «каменных баб» по Северскому Донцу, левобережью Днепра и его левым притокам (см.: Плетнева 1990: 99, 100).

Для периода XIII–XVI вв. материала больше – прежде всего за счет хроникального нарратива, и мы уже можем приступать к изучению сакральной топографии евразийских степей той эпохи. Хотя и здесь историки сталкиваются с большими трудностями. Источники о Золотой Орде посвящены в основном деяниям царственных особ, привязаны к городам и ханским ставкам. Вне поля нашего зрения остается абсолютное большинство населения государства – кочевые общины кипчаков, других тюркских народов и тюркизированных монголов. А ведь представление о сакральности той или местности возникало и бытовало не только в аристократических семьях, но и в среде простонародья, о котором придворные хронисты хранили брезгливое молчание.

Монгольское завоевание послужило важнейшим условием для интеграции присоединенных к империи владений в сплоченный организм, для формирования единого государственного пространства с относительно унифицированной административной структурой. Именно в таком, относительно однородном пространстве, которое осмысливается в категориях традиционной политической культуры, со временем возникает сакральная топография. Однако в данном случае речь идет не о всей громадной державе Еке Монгол Улус от Средиземного моря до Желтого: период ее единства оказался слишком мал (1200–1260-е гг.) для формирования общезначимой сакральной символики у миллионов разноязыких подданных. Мы рассматриваем только Улус Джучи – одно из удельных ханств, которое с конца 60-х гг. XIII в. превратилось в самостоятельное государство.

В сознании жителей тюркских ханств сохранялось представление о былом центре этого государства, освященном фигурой второго Джучиева сына – Бату (Саин-хана). Захват ставки ордынского хана в XV – начале XVI в. расценивался его соперниками-победителями как обретение священного Саинова трона. Именно таким образом Джучиды, враждебные Большой Орде, трактовали свои успехи в борьбе с ней: «Ино мне счастье дал Бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Саинской есми стул взял» (тюменский хан Ибрагим – Ивану III, 1494 г., по поводу разгрома хана Ахмеда тринадцатилетней давности); «Отца (предка. – *В.Т.*) нашего Саина царя золотой столец в руках в нас» (царевич Ахмед-Гирей, сын покорителя Большой Орды Менгли-Гирея, – польскому королю Сигизмунду I, 1514 г.) (Посольские 1995: 46; РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 539). Сам Менгли-Гирей в послании киевскому воеводе сообщал о разгромах Большой Орды как об успешной кампании, в которой он «Шы Ахмата цара прогнал, цара отца столец взял» (Lietuvos 1994: 181). Под «царем отцом» (ханом-предком) здесь скорее всего тоже подразумевался Бату.

Главной заслугой мангытского бека Ваккаса (вторая четверть XV в.) восточные хронисты считали то, что для своего патрона, хана Абу-л-Хайра, он «дважды завоевал трон Саин-хана», после чего с именем Абу-л-Хайра начала читаться хутба – молитвенное славословие в честь правителя, стала чеканиться монета, и его персоной «украсился трон Саин-хана» (Материалы 1969: 67, 155).

Все названные выше троны~столы~стольцы (ханские резиденции) находились в разных местах, что указывает на условность данного понятия в идеологических конструктах позднесредневекового Дешт-и Кипчака. Кроме того, «юртом Саиновым» русский «Казанский летописец» 1560-х гг. называет Казань (ПСРЛ, т. 19: 13, 210).

В глазах бывших славянских данников канувший в прошлое Улус Джучи олицетворялся именно местопребыванием хана. Визиты к хану для добывания ярлыков, выплаты дани-«выхода», разрешения межкняжеских споров и проч. предстают в русских источниках как поездки «в Орду», т.е. Орду=ставку и Орду=государство.

В наказе послу А.Нагому, отправлявшемуся из Москвы в Крым в 1563 г., было предложено парировать возможные напоминания татарских вельмож о давнишнем подчинении Ивана Калиты хану Узбеку следующей отповедью: «...А теперь Божию волею Узбеков юрт у кого в руках, сами знаете. Известно, от кого на том юрте посланники и воеводы сидят, и по Узбекову юрту кому к кому следует поминки посылать, знаете» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 10, л. 56). Ясно, под указанным юртом подразумевался не весь Джучиев

улус (истинный «Узбеков юрт»²), а лишь территория Казанского и Астраханского ханств, завоеванных к тому времени Москвой. Представляется, что в данном случае речь велась о ханском юрте в узком смысле – нижневолжском домене с руинами Сарая, т.е. территории, которая некогда принадлежала Большой Орде, затем Астраханскому государству, а в 1563 г. представляла собой южный российский анклав под управлением воевод. Овладение районом Сарая («царевым местом») послужило одним из обоснований царского ранга у русских монархов, прежде всего в глазах их мусульманских подданных и соседей (Трепавлов 1994: 57).

Символичность нескольких вышеупомянутых «тронов Саин-хана» выглядит очевидной на фоне действительного нахождения одной из резиденций Бату в стольном Сарае (Федоров-Давыдов 1994: 21). Во второй половине XIV в. Мангутай становился ханом «на троне Саин-хана в вилайете Сарая» (*Сайын-хан тэхтіндә Сəрай вїлайəтіндә*); Тохтамыш – «в городе Сарае на троне Саин-хана» (*Сəрай шəһрїндә Сайын-хан тэхтіндә*) (Утемиш-хаджи 1992: 109, 118, 136, 144; см. также: Мустакимов 2008: 147)).

Таким образом, места расположения столиц и кочевых ханских ставок превращались в общезначимые места, осененные присутствием магической харизмы (*фарн, кут*), которая давала божественным избранникам власть над народом. При этом нужно учитывать и обратную связь явлений: столицы, ставки и могильники могли устраиваться в районах, которые до того уже имели репутацию священных мест, а кочевая ставка, возле которой совершалось погребение хана, превращалась в своеобразный мемориал – *курук* (Масанов 1995: 158; Дмитриев 2006: 149). Полагаю, что общеджучидскую символическую ценность сохраняли такие династические некрополи-куруки в районе города Сарайчика на Яике и в горах Улутау (Центральный Казахстан).

Важное место в культурном освоении пространства играл также мифологизированный образ значимых природных объектов, в частности, великой реки Идель~Итиль (Волги) (Трепавлов 2002).

Причем для сакральной топографии, исторической памяти и народного почитания оказывалось несущественным, действительно ли в улутауских мавзолеях-кешене погребены ханы Джучи и Тимур-Кутлуг, бек Эдиге (Едигей) и др., и в самом ли деле Саин-хан когда-то проживал в местностях, освященных его именем.

Сведения средневековых текстов не позволяют выстроить четкую структуру сакрально-топографического мировосприятия в Золотой Орде. В частности, сложно определить такой элемент сакральной топографии, как концентриче-

² «Узбеково государство», «Узбекский улус», «Узбекистан» – с XIV в. в некоторых источниках названия Улуса Джучи и позднее его восточной части (Егоров 1985: 151; Кляшторный, Султанов 2004: 207, 224).

скую структуру мифологизированного пространства, предполагающую наличие общепризнанных, общезначимых центров и убывающей, по мере удаления от них, сакральности. Выше мы назвали географические пункты, которые могли служить такими центрами (полагаю, что к ним следует добавить еще город Булгар), но для анализа оценки остального пространства Джучиева улуса данных почти нет.

Разве что для кочевников Восточного Дешта известно идеальное моделирование Родины как жилища, когда различные местности уподоблялись разным частям юрты. Интерпретация Волги в буквальном микротопографическом смысле – как уподобление дому – по известным мне материалам не заметна у народов Поволжья. Она фиксируется у этнических наследников огромной Ногайской Орды, исчезнувшей к середине XVII в. Историческая память об исходе из далекой прародины, наверное, мешала видеть в Волге отчий дом народа. Такой подход в принципе ожидаем от тех этнических групп, которые когда-то ушли с Волги, на новых местах вспоминали ее берега.

Мне известен единственный пример подобного рода – дастан «Ормамбет-бий» из так называемого ногайского эпического цикла о сорока батырах, распространенного у тюркских народов от Северного Кавказа до Западной Сибири и Каракалпакии. Дастан сообщает, что после смерти своего государя Ормамбета (Ураз-Мухаммеда) «десятисанные ногаи» были вынуждены покинуть *Едил үйдиң есиги* (Идиль – дверь дома), *Жайық үйдиң жапсары* (Яик – боковую сторону дома) и *Туркестан үйдиң төрі* (Туркестан – переднюю, почетную часть дома) (Толстова, Утемисов 1963: 43; Толстова 1977: 161; Сикалиев 1994: 70, 84). Таким образом, Волга расценивалась как «вход», «дверь» в «жилище» народа, его кочевое пространство.

Приблизительный перечень сакральных центров пока выстраивается такой: берега Ана-Идель (Матери-Волги) с ключевыми локусами – Булгаром на севере и Сарайской агломерацией в низовьях; яицкий курук; улутауский курук; реки Яик и Сырдарья. Кроме того, кочевники испытывали особый пиетет перед «Щедрым пастбищем» Сыр бойы – местностью вдоль Сырдарьи³. В том регионе находились, в частности, города Туркестан и Сыгнак – столица Джучидов левого крыла, «гавань Кипчакской степи», по выражению А.Ю. Якубовского (Якубовский 1929: 135).

Прочие пункты, кажется, не пользовались столь общепризнанной сакрально-символической репутацией, несмотря на их важную роль и славную историю, будь то западный форпост Исакчи, тысячелетний Ургенч или поднявшийся на торговле Азак. В этом ряду находилось и Крымское ханство. Его правителям удалось достичь могущества и авторитета, но на ментальной

³ Консультация К.З. Ускенбая.

карте ордынского и постордынского мира Крым не выделялся среди прочих рядовых окраинных провинций Золотой Орды. (Еще и поэтому для Менгли-Гирея было необходимо завоевать Престольное владение Тахт эли, т.е. Большую Орду – не как истощенный и беззащитный соседний юрт, но как олицетворение джучидской государственности).

Подобное исследование осложняется также полицентризмом ментального пространства: для кочевника священной являлась не только резиденция далекого и недоступного государя, но и малая родина с ее привычными с детства летовьями и зимовьями, водопоями и переправами... В жизни, выстроенной в соответствии с сезонным циклом кочевания, особое значение имели облюбованные места выпаса скота. Одним из обозначений понятия «родина» у жителей Ногайской Орды служило словосочетание яйлав-кыслав ери (Сикалиев 1994: 91) (земля летовья-зимовья). Но едва ли здесь присутствовали элементы сакрализации.

В данном очерке мы обращаемся к проявлениям сакрально-топографического организации пространства главным образом в сфере языческой (для данного региона – доисламской и внеисламской) культуры. Но для мусульман, каковых в Улусе Джучи и наследных ханствах становилось все больше, истинными духовными центрами служили священные города Аравии, а для правоверных Восточного Дешт-и Кипчака еще и «Купол Ислама Благородная Бухара» (*Ислам гумбази Бухара-йи шариф*) – центр и источник мусульманской учености и благочестия для огромного региона Центральной Азии.

С XV в. местом массового поклонения стал мавзолей суфийского поэта и проповедника Ходжа-Ахмеда Ясави в городе Туркестане (Ясы), на территории Казахского ханства⁴. До того ведущим исламским центром степного Дешта являлся город Сайрам в Южном Казахстане, сохранявший свою репутацию и после возвышения Туркестана. Известно казахское народное изречение: Сайрамда бар сансыз бап, Туркестанда туман бап («В Сайраме святых отцов (баба) бесчисленно, а в Туркестане несколько тысяч») (Маргулан 1950: 66, 67).

⁴ А.И. Лёвшин так описывает ситуацию первой трети XIX в.: «Едва ли кто-нибудь из киргиз-казаков (т.е. казахов. – В.Т.) был в Мекке, но они почитают Туркестан святым местом, и многие из них, особливо кочующих близ сего города, ездят в оный для поклонения гробу святого Кара-Ахмет ходжи, чрезвычайно ими уважаемого» (Лёвшин 1996: 315). Культу мусульманских святых, многие из которых жили в эпоху средневековья на рассматриваемой в очерке территории, посвящена обширная литература; обобщающее исследование см.: Басилов 1970; из последних работ, освещающих проблему на региональном материале, см.: Сызранов 2007; Селезнев и др. 2009.

Паломничество в некоторые из таких пунктов для мусульман Центральной Азии приравнивалось к малому хаджу.

В литературе неоднократно отмечалось, что ислам трансформировал родо-племенную идеологию братства по крови в идеологию братства по духу (Еремеев 1983: 53). Конечно, в Дешт-и Кипчаке не произошло полного сплочения тюркских племен в рамках единой общины, но зачатки единовременной солидарности все же проявлялись. После обращения Золотой Орды в ислам в начале XIV в. Дешт-и Кипчак стал полноправной частью мусульманского мира (*дар ал-ислам*), и по его территории пролегли стабильные маршруты далекого паломничества к Мекке. После распада Золотой Орды этими путями продолжали пользоваться жители разных, иногда враждующих между собой ханств (см. выше очерк «Хадж из Дешт-и Кипчака»).

При этом в истории наблюдается преемственность сакральных локусов среди разноплеменного населения. Наиболее наглядный пример – это выбор места для стольных городов. Для кочевого мира Евразии особое значение имели долина реки Орхон в Монголии, Семиречье и берега Нижней Волги. В этих регионах на протяжении столетий основывали свои резиденции правители различных кочевых держав. Конечно, при определении пункта для главной ставки учитывались и вполне материальные факторы: возможности обороны, близость воды, прохождение караванных трасс и прочее. В более поздние времена, при расселении русских по берегам Волги и дальше на восток, немало крепостей было основано ими на месте старых татарских или угорских городищ или в непосредственной близости от них – именно по причине их выгодного расположения.

На более локальном уровне известно почитание священных мест разными народами. Это можно наблюдать в Западном Казахстане – в частности, на Мангышлаке с его погребальными комплексами, которые были заложены в раннесредневековую огузскую эпоху и впоследствии продолжали служить для захоронений кипчакам и казахам (Ажигали 2002: 395–397).

Осознание человеком какой-либо местности как сакральной находится в тесной связи с его идентичностью, которая обычно сконструирована из нескольких уровней и проявляет себя по-разному в зависимости от обстоятельств. Для рассматриваемого региона наиболее прочным и долговечным объединением, с которым идентифицировали себя жители Дешт-и Кипчака, оказывалась группа родов, происходящих от общего реального или вымышленного предка. Обычно такую группу историки называют племенем; в разные времена у разных тюркских народов для нее были термины *бой* (*буй*), *ру*, *ырыу* и др.; в позднесредневековом Деште ее именовали *эль*.

В XI в. великий тюркский филолог Махмуд Кашгари записал в своем «Словаре тюркских наречий»: «Когда встречаются два человека, не знакомых

друг с другом, один из них приветствует другого и спрашивает: буй ким “какого ты роду племени?”... После этого они начинают беседу либо спешат разойтись, так как каждый из них знает, какую сторону представляет другой» (Махмуд ал-Кашгари 2005: 844). Подобное любопытство проявляется и в наши дни у башкир и казахов в вопросе при знакомстве: *рувиң ким?* или *қай элденсиң?*

Для эля оказывались значимыми не только память о первопредках, но и общие места погребений, пункты периодических встреч соплеменников из разных родов. Родовая и племенная идентичность составляли основной и самый прочный слой индивидуального и группового самосознания.

Следующим уровнем можно считать этнокультурную причастность к кочевому миру, понимание своеобразия и отличия скотоводческого уклада от жизни оседлых земледельцев и лесных охотников. Насколько можно судить по очень скупым свидетельствам источников, на протяжении XIV–XVIII вв. обозначением своей принадлежности к кочевникам служило слово *узбек*, без какой-либо привязки к конкретным этническим общностям или к эпониму (золотоордынскому хану Узбеку). Последний хан Золотой Орды Шейх-Ахмед, отмечая сходство племенного состава кочевников Дешт-и Кипчака и мигрантов из Улуса Джучи в Великом княжестве Литовском в начале XVI в., говорил о «нашем узбекском народе» (*бізниц озбэг та'іфісі*) (Утемиш-хаджи 1992: 96, 124, рис. XII). Однако не стоит буквально трактовать слова хана об узбекском народе как свидетельство сложившегося этноса. Слово *узбек* здесь могло иметь иное значение. В XVIII в. джунгарский хунтайджи заявил казахскому хану Абу-л-Хайру: «...перед оной вороной (российской императрицей. – *В.Т.*) мы не станем на колени, ибо де они (русские. – *В.Т.*) тележные, а мы узбеки (т.е. кочевники. – *В.Т.*)» (Казахско-русские 1961: 306).

Данная форма идентичности, кажется, не требовала манифестаций в виде общезначимых символов.

Далее располагался уровень политического сознания, т.е. причисление себя к подданным конкретного государя и соответственно к жителям определенного политического объединения (ханства, юрта). Вот здесь как раз сказывалось формирование политической культуры, которая выражалась, в том числе, в местах поклонения, равно почитаемых всеми подданными, вне зависимости от их племенной принадлежности, рода занятий и образа жизни. Пиетет перед перечисленными выше стольными городами и династическими некрополями представлял собой форму именно политической идентичности, т.е. принадлежности к сообществу подданных Джучиева улуса. Столицы и ханские некрополи были связаны с жизнью и смертью представителей правящей династии, т.е. являлись ее родовым достоянием. Но вместе с тем клан Джучидов вознесся над всеми подданными элями-племенами (образовав

впоследствии у казахов особое аристократическое сословие *торе*). Поэтому почтение к этому роду, наделенному божественной харизмой и монополией на царствование, испытывали все тюркские племена Дешт-и Кипчака, признавая для себя священными его святыни.

В последнем случае сфера исследований культурной антропологии пересекается с областью антропологии политической. Собственно, весь круг вопросов, связанных с постижением сакральной топографии, представляет собой сочетание проблем, изучение которых возможно лишь при комплексном привлечении нескольких научных дисциплин, составляющих антропологию пространства (о ней см.: Тишков 2003). Выше говорилось о полезности археологических изысканий; сюда же можно добавить фольклористику, картографию, социальную психологию и др. При таком подходе можно надеяться, что анализ образа Дешт-и Кипчака окажется столь же интересным и поучительным, как и исследование других местностей, интерпретированных с позиций сакральной топографии.

Ана Идель = Волга-Матушка

В судьбе государств и народов Восточной Европы Поволжский регион имел принципиальное, переломное значение. Именно вниз по Волге началось в XVI в. распространение границ России на юго-восток, именно в Поволжском регионе развернулось присоединение неславянских владений Московским государством, и Россия быстро (по историческим меркам) начала обретать имперский облик¹.

Во время своего путешествия по России в 1858 г. Александр Дюма-отец оставил следующую запись, которая часто цитируется: «Каждая страна имеет свою национальную реку. Россия имеет Волгу – самую большую реку Европы, царицу наших рек, – и я поспешил поклониться ее величеству Волге» (цит. по: Пузанова, эл. ресурс). В обыденном сознании Волга традиционно воспринимается как символ нашей страны, ее неперемнная принадлежность. Ей посвящено множество песен и стихов. В большинстве дошедших до нашего времени фольклорных и литературных сочинений Волга изображена с теплотой и нежностью. Слова из знаменитой песни об утоплении Разиным персиянки «Волга, Волга, мать родная, Волга русская река» могли бы служить эпиграфом и квинтэссенцией этого огромного пласта русской культуры². Однако изучение комплекса сведений о Волге и отношения к ней показывает, что далеко не только русским она доводилась «матерью», да и «русской рекой» в полном смысле она стала сравнительно недавно.

Поволжье являлось одним из регионов наиболее интенсивного взаимодействия этносов и культур в Восточной Европе. В бассейне среднего и нижнего течения Волги на протяжении тысячелетий менялись народы и государства, происходили миграции и завоевания. Во многом такая историческая насыщенность объяснялась географическим фактором. Данная зона находится в центре степного пояса Евразии. Поэтому потоки кочевых переселений с востока на запад, через «Ворота народов» (пространство между отрогами Южного Урала и Каспием), неизбежно пересекали Волгу. Кроме того, через ее низовья издавна проходили торговые трассы, в том числе северная ветвь Великого Шелкового пути. Волга служила и естественной меридиональной

¹ Аналогичную роль в отношении народов Сибири сыграл Камский торговый путь, по которому развернулось наступление России в сторону Сибири во второй половине XVI в.

² Единственное монографическое исследование о Волге как элементе русской культуры (и при этом в сравнении ее с Рейном) принадлежит немецкому историку Г.Хаусманну (Hausmann 2009).

магистралью-ориентиром: вдоль нее и по ней пролегли торговые маршруты, а также маршруты сезонных перекочевков.

Долгое время берега реки являлись обиталищем различных кочевых племен. Начиная с Великого переселения народов здесь побывали гунны и савиры, древние тюрки и древние венгры, авары и хазары, огузы и печенеги, кипчаки и волжские булгары. В XIII в. Поволжье было завоевано монголами и вошло в состав Золотой Орды. После ее распада там образовалось несколько татарских государств и Ногайская Орда. Во второй половине XVI в. Волга на всем протяжении стала российской. Смена государств и господствующих этносов приводила к смене языков, культур и этнокультурных традиций. Но, как правило, ни одна культура не исчезала бесследно и сохранялась в качестве наследия, пережитков и заимствований у последующего иноэтничного населения. Это относится как к материальной, так и к духовной сферам – хозяйственным навыкам, промыслам, языку, фольклору и т.д. Подобное наследование характерно и для последнего по времени крупного этнического массива Поволжья – русских³.

При этом вхождение полиэтничного Поволжского региона в состав России радикально изменило облик самого государства, а впоследствии и самосознание русского народа. Если на западных окраинах Российской империи, которые некогда входили в Речь Посполитую, подчеркивалась восточно-славянская общность, то на Волге «вспоминали», что в русском народе есть не только славянская, но финно-угорская, и тюркская составляющие (Миллер, эл. ресурс).

Образ крупнейшей реки Восточной Европы присутствует в мифологии и фольклоре всех поволжских народов. Ее культ фиксируется в нескольких формах и отражает различные уровни осмысления реальности, трансформации ее в сознании. Образ реки составляет часть так называемой сакральной топографии, т.е. религиозно-мифологического описания и понимания горного мира. «Земная» часть космографических воззрений включает несколько взаимосвязанных уровней: систему представлений о строении сакрального ландшафта (в данном случае поволжского) и о свойствах народов, населяющих край, а также систему реальных географических объектов, наделенных определенным сакральным смыслом (Теребихин 1993: 4, 5). Эти уровни в совокупности и составляют религиозно-мифологический образ Волги и поволжских земель как локальный вариант (диалект) картины мира.

К нашему времени наиболее крупными этническими сообществами в Поволжском регионе оказались тюрки и славяне. Те и другие, как известно,

³ О заимствованиях русскими многообразных культурных явлений у поволжских народов см.: (Трепавлов 2009).

имеют радикальные отличия в культуре, языке, исторической судьбе и проч. Однако Волга присутствует в традиционной культуре тех и других, и это присутствие обнаруживает некоторые общие черты. Великая река составляет важную часть сакральной топографии у русского и тюркских народов Поволжья, причем обращение в христианство или ислам не привело к исчезновению древнего культа Волги, но лишь вызвало переосмысление, частичное изменение ее места в народном сознании.

Поклонение реке-кормилице было чрезвычайно распространено в традиционных культурах. «Все крупные реки каждого ареала, – утверждает В.Н. Топоров, – Хуанхэ, Янцзы, Меконг, Ганг, Инд, Тигр, Евфрат, Волга, Днепр, Обь, Амур, Конго, Замбези, Миссисипи, Амазонка и т.п. – могут быть сакрализованными или, во всяком случае, входящими в мифологические мотивы» (Топоров 1988б: 375). Общеизвестно обожествление древними египтянами Нила (Хапи) и современными индийцами Ганга, а в раннесредневековой степной Евразии источники отразили почитание кочевниками Иртыша (Бартольд 1973а: 44). Хорошо изучен феномен обожествления рек у славян (см.: Афанасьев 1995: 88, 89, 104, 105, 110–121). По мере утверждения в регионе мировых религий языческая демонология все более отходит в низовые пласты культуры, оттесненная христианскими и исламскими космологическими представлениями.

Почитание реки не всегда означало позитивного отношения к ней. Зачастую наоборот, вода/река воспринималась как враждебная человеку сила, требующая подношений или жертв. Например, по представлениям чувашей, Волга служит обиталищем злобной нечисти, особенно водяного духа Вуташа (у марийцев – Вадыша) (Ашмарин 1984: 16, 17). Да и в народных чувашских песнях она – не абстрактный фон для переживаний (как в большинстве русских текстов), а жестокая, своенравная и коварная стихия (см., например: Vikar, Bereczki 1979: 468). Вообще фольклорные повествования о Волге насыщены сценами проявления ею негативных качеств. Она вспыльчива, мстительна, злопамятна, и, как правило, эти качества проявляются в контактах ее с многочисленной родней – реками и озерами Восточно-Европейской равнины, а также с Каспием. То Волга несется к морю, стремясь обогнать другие реки, то спорит с ними о старшинстве, то требует от них даров, то в гневе на непокорных может загородить их устья песком и илом и т.п. (см., например: Афанасьев 1995: 226; Жемчужины 1974: 13, 14; Легенды 1998: 317, 318, 320, 321, 338). В тюркских и финно-угорских сказаниях управы на нее, как правило, не находится. В русском же фольклоре имеется любопытная трансформация популярного сюжета о наказании реки. Царь Иван Васильевич при походе на Казань в 1552 г. за буйство и волнение во время перепра-

вы его войск приказал высечь Волгу, после чего она присмирела (Мифы 1996: 417, 418)⁴.

Очеловечивание потоков и водоемов, очевидно, хранит следы самого первого этапа формирования сакральной топографии этих мест. Причем заметно, что пространственный кругозор создателей и хранителей преданий оказывался на удивление широким. Например, к Волге сватаются такие далекие северные озера, как «братья» Селигер и Ильмень (в былине о Садко «славное озеро Ильмень» – брат Волги) (Волга 1937: 31; Легенды 1998: 317, 341); частым участником историй, связанных с нею, оказывается Каспий. Вообще «родственная» связь Волги с ближними и дальними географическими объектами иллюстрирует, пожалуй, древнейшие представления об организации ландшафта как результата деятельности языческих демиургов.

В известных нам преданиях тюрков и славян о сотворении мира Волга не фигурирует. Может быть, это связано с позднейшими миграциями данных этнических массивов в Поволжье. Что касается финно-угорского населения края, то хотя подобные сюжеты у него зафиксированы уже в «сниженных», сказочных формах, все-таки можно уловить связь реки с изначальным обустройством мира. Например, появление курганов и песчаных холмов на ее берегах марийцы объясняли тем, что богатырь Онар вытряхивал из лаптей набившийся песок (Мифы 1996: 335). Примечательны реликты культа Волги, как и смешение исторических реалий, в мордовской легенде.

*На горах то было, на горах на Дятловых,
Мордва своему богу молится,
К земле-матушке на восток поклоняется.
Едет мурза, московский царь, по Воложке,
По Воложке на суденышке.*

Стало быть, Волга находится вне религиозного поклонения мордвы, у которой имеются другие объекты почитания. Но дальше:

⁴ В 1767 г. «поход» на Среднюю Волгу (Казань) ритуально повторила Екатерина II. Во время путешествия императрица «символично “покоряла” подвластные ей земли, но, в отличие от Ивана Грозного, покоряла не огнем и мечом, а своим обаянием и распространением благотворных идей Просвещения». Любопытно, что в то время еще сохранялся взгляд на Поволжье как на если не враждебную, то чужую землю. Отголосок такого отношения сквозит в письме царицы некоей г-же Бельке: «Сегодня вечером или завтра утром я уезжаю в Казань вопреки трусам (выделено мною. – В.Т.)» (Ибнеева, эл. ресурс). Это тем более показательно, что еще во времена Ивана IV татарское Казанское царство воспринималось русскими интеллектуалами (в частности, автором «Казанской истории») как исконная часть Русской земли, некогда захваченная «погаными». Об этом мотиве в «Казанской истории» см.: Демин 2007.

*Поплыл мурза по Воложке,
По Воложке на суденьшке.
Где бросит горсточку –
Быть там градечку;
Где бросит щепоточку –
Быть там селеньицу* (Легенды 1998: 31)⁵.

Здесь со стороны Волги действует настоящий мироустроитель, персонафицированный, правда, в исторически нелепой фигуре мурзы-царя.

В приведенном фрагменте примечательна еще одна деталь. Волшебник–основатель населенных пунктов перемещается по реке и с ее водной глади осуществляет творение. То есть Волга как природная стихия первична, изначально по отношению к миру людей и их жизненному обустройству. Буквальная иллюстрация такого соотношения имеется в татарских сказаниях о богатыре Атле (Алпе). Считалось, что Волга получила свое древнее имя «Атиль» от него, а крупнейший город на ее берегах был основан и назван в свою честь сыном Алпа Булгаром (Урманчеев 1984: 117). Таким образом, первичный мир природных стихий и вторичный мир людей соотносимы друг с другом как старший и младший, отец и сын.

Ранжирование различных миров составляет обязательный элемент мифологии у разных народов. Однако обычно миры располагаются по вертикали – Верхний, Средний и Нижний. В случаях же с мурзой-царем и особенно с Атлом и Булгаром мы имеем дело скорее с горизонтально-хронологическим распределением миров. Мифологическое время (эпоха сотворения мира) соседствует здесь уже с эпическим временем (эпохой древних героев–витязей), поскольку на арену выходят не боги-демиурги, не духи и демоны, а земные персонажи из мира людей – их первопредки.

В этногонических преданиях Волга предстает как край ойкумены, крайний предел достижения странствующего народа, который стремится обрести родину. Наиболее разработана эта сюжетная линия в чувашских материалах. Во всех преданиях чувашей событийная канва сводится к миграции их предков в Поволжье с далекого юга (Юмарт 1984: 93). Причем сохранились отголоски еще тотемистической мифологии, участия животных прародителей. Рассказывается, что некогда чуваша жили в теплой стране на берегу моря, но, спасаясь от притеснений завоевавшего их царя, скрылись в пустыне. Из пустыни же их вывел волк, которого чуваша провозгласили своим вождем. Семьдесят семь дней и ночей народ шел за волком, пока не достиг волжских берегов. Люди здесь остались жить, а волк исчез (Легенды 1998: 431).

⁵ Тот же сюжет в прозаическом изложении см.: Мифы 1996: 286.

Богатырь Алп (Улп) ниспослан с неба отцом, громовержцем Аслати (Аслади), чтобы бороться со злом. Богатырь селится на горе Арамази, которая в одной из легенд отождествляется с Кавказом. Отсюда он отправляет двух своих сыновей на север – искать место для поселения, с поручением найти две реки. Старшему сыну надлежит обосноваться на правом берегу одной из них, младшему – в междуречье. Сыновья со стадами двинулись на север, отбиваясь от врагов, пока не вышли к месту впадения реки Атал в море. В течение семи лет они, вновь беспрестанно сражаясь, шли вверх по течению и наконец обнаружили место слияния двух рек – Атал (Волги) и Суры. Старший брат стал жить на правобережье Суры, младший – между Сурой и Волгой (Димитриев 1983: 16; см. также: Мифы 1996: 244, 245).

Другая легенда гласит, что гроза и ливень грозили погубить стада Улпа (мотив потопа). Для спасения их кузнец Азамат за неделю сковал от горы Арамази до Волги семицветный мост (радугу), по которому Улп со стадами перебрался на север, после чего мост исчез (Димитриев 1983: 16, 17).

Обретение родины на Волге – распространенная тема в тюркском фольклоре. Она заметна и в многочисленных вариантах «Огуз-наме» – свода этногонических преданий тюрков. В передаче персидского хрониста Рашид ад-Дина (начало XIV в.) праотец тюркских народов Огуз-хан приказал племени кипчаков поселиться на берегах Атиля и Йаман-су (?). Цель состояла в том, чтобы принудить тамошние мятежные племена возобновить выплату дани Огузу. Кипчаки повиновались хану и стали собирать дань для него. «С тех пор кыпчаки расположились там юртом, и эта страна была закреплена за ними» (Рашид ад-Дин 1987: 62, 63).

Еще более «реалистичен» (привязан к историческим реалиям) вариант дастана об Огузе, записанный в XVII в. Абу-л-Гази Бахадур-ханом. Огуз послал своего сына Кипчака на берега Тина и Итиля (т.е. Дона и Волги), дав ему много илей и нукеров (т.е. племен и воинов). «Со времени Огуз-хана и вплоть до времен Чингиз-хана на Тине, Итиле и Яике, на берегах этих трех рек, других илей, кроме кипчакского не было. Они жили в тех местах в течение четырех тысяч лет» (Кононов 1958: 43, 44).

В чувашской истории о волке подразумевается, что волжские берега пока безлюдны, и происходит заселение мира под руководством животного предка. Другие приведенные выше сюжеты о предках разворачиваются в пределах населенного мира. Как в предании об Алпе, так и в «Огуз-наме» мы видим, что ко времени прихода чувашей и кипчаков Поволжье уже было заселено враждебными им народами. Следовательно, здесь отразилась уже последующая стадия формирования сакральной топографии: Волга оказывается не столько краем ойкумены или обетованным убежищем, сколько пространственным стержнем, ориентиром по отношению к другим местностям и народам.

Тот же Абу-л-Гази приводит кораническое предание, чтобы объяснить, кем было заселено Поволжье до появления здесь кипчаков. Это предание удивительным образом перекликается с чувашским повествованием об исходе спасающегося от потопа богатыря с горы Арамази. Хивинский хронист пишет, что по воле своего отца, пророка Нуха, Йафес после потопа «покинул гору Джуди (аналог Арарата. – В.Т.) и отправился к берегам Итиля и Яика, где прожил до смерти 250 лет» (Кононов 1958: 39)⁶. Стало быть, от начала веков до эпохи Огуз-хана край был населен потомством Йафеса.

Естественно, предкам принадлежит заслуга дарования великой реке имени. Самой распространенной в фольклоре татар, башкир и чувашей является версия о богатыре Атле как эпониме Итиля (Димитриев 1983: 22; Урманчиев 1984: 100, 117; Волга 1986: 414). Кроме того, татарская народная этимология возводила данный гидроним к словосочетанию *ит тиле* – «собачий язык» (именно его напомнила своим трепетанием богатырю Булгару волжская вода в летний зной) (Вахидов 1926: 84). Ясно, что Волга обзаводится именем раньше всех прочих рек региона. Татарское предание гласит, что когда на место будущей Казани пришел отряд сына болгарского хана Алтынбека, то «не только Казанка, но и ... другие притоки матушки Волги не знали имен» (Легенды 1998: 36).

Итак, Волга обретает имя, ее берега становятся приютом для странствующего народа, она превращается в естественную пространственную ось, на которую нанизывается сакрально-топографическая конструкция мира.

Приход предков на Волгу и обживание ее берегов с необходимостью ставят вопрос об отношении к пространству за Волгой, т.е. дальше предначертанного предела расселения народа. Если место обитания народа – это любимая родина, то вне его – иной мир, хотя и не всегда враждебный.

Что же это делают за Волгой?

Из ремня возжжи вьют,

– спрашивает и отвечает чувашская песня (Иванов 1957: 38), не обозначая ни имени обитателей Заволжья, ни подробностей их жизни. Здесь главное в том, что «за Волгой» предаются странному занятию, неуместному по эту сторону реки. Там, за рекой, чуждый мир, который сохранил черты хаоса – в противовес упорядоченному «посюстороннему» бытию.

⁶ Герой другой коранической легенды, Искандер Зу-л-Карнайн (Александр Македонский), оказывается в Среднем Поволжье во время похода к краю мира – в земли Йаджуджей и Маджуджей. Среди волжских булгар и затем среди местных татар ходили легенды об основании Зу-л-Карнайном болгарских городов (см.: Измайлов 2000: 100, 101).

Сходный мотив, но скорее с позитивной – следовательно, более поздней – интерпретацией заволжского культурного пространства, отмечен в русской песне:

*Далеко, далеко степь за Волгу ушла,
В той степи широко буйна воля жила...
С казаком-бурлаком там водилась она* (Легенды 1969: 11).

В данном случае Волга осмыслена как граница между несвободой (порядком, государственностью) и волей (хаосом). Именно в заволжские степи как в иное, «нерусское» пространство удаляется из родных мест в поисках лучшей доли герой повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» (действие которой происходит в середине XIX в.).

Более наглядна интерпретация заволжских просторов как чуждого, и на сей раз несомненно враждебного мира в раннем русском историческом и песенном фольклоре. На востоке располагались кочевья кипчаков, затем золотоордынцев, и переправа с правого берега на левый означала для русских вступление в пространство зла и хаоса, а обратная переправа сулила возвращение на родину. Так, в одной песне девушка бежит из ордынского полона.

*Вышла к Волге красна девица.
Ночь темна, а за Волгой – Русь родная* (Легенды 1998: 321)⁷.

В другой песне река не названа, но по контексту подразумевается Волга как рубеж между русскими и врагами:

*Как за реченькой, как за быстрою
Не огонь горит, пышет молонья,
Это горит-болит сердце девичье...
По своем дружке, по дружке Ванюшке.
Злы татарушки города берут,
Города берут, по себе делют* (Фольклор 1946: 70).

Напомним и приведенный выше текст о наказании реки Иваном Грозным при переправе в походе на татар.

Подобная трактовка реки как границы между мирами имеет некоторое рациональное, историческое объяснение. С давних пор огромный водный поток разграничивал территорию обитания народов региона. В мусульманской географической литературе раннего средневековья Волга использовалась как самый удобный ориентир при описании степной Евразии. Например,

⁷ О хаосе как элементе мифической картины мира см.: Топоров 1988б: 340; 1988в: 581, 582.

она традиционно считалась рубежом между землями кимаков и огузов (хотя в действительности дело обстояло вовсе не так) (см., например: Материалы 1939: 167, 210 – ал-Истахри, «Худуд ал-алам»)⁸.

Кроме того, потребность в ориентировании заставляла подыскивать в пару Волге другую реку, чтобы определять страны как междуречья. В роли такой пары могли выступать различные объекты – в зависимости от места проживания и информированности авторов текстов. «Днепр бо потече из Оковьского леса... Из того же леса потече Волга на восток...», – описывает Русскую землю «Повесть временных лет» (ПСРЛ, т. 1: 7)⁹. Арабский хронист Марвази (XII в.) слышал о мадьярах как о живущих между Дунаем и Атилом (см.: Заходер 1967: 52). Выше рассказывалось, как Огуз-хан направил кипчаков на берега Итиля и неидентифицируемого Йаман-су. По преданию, приведенному хорезмийским автором Утемиш-хаджи (XVI в.), Чингис-хан разделил Улус Джучи (Золотую Орду) пополам между внуками по тому же принципу – «отдал Саин-хану правое крыло с вилайетами по реке Идил, а левое крыло с вилайетами вдоль реки Сыр (т.е. Сырдарья. – В.Т.) отдал Иджану» (Утемиш-хаджи 1992: 93).

Такие пары рек надолго сохранились в фольклоре, и в большинстве памятников предстают лишь как обрамление художественного пространства, без акцента на топографии. – Чувашская свадебная песня:

*Разбелым белы у ягодки цветочки,
Что меж Волгой и Свягою растет.
Распрекрасна свадебка у свата,
Что в довольстве и богатстве живет* (Сироткин 1965: 26).

В данном фрагменте, отражено представление о родине–междуречье как о благодатной земле, ограниченной двумя реками–ориентирами. Очевидно, составление пар происходило еще очень давно и характерно для традиционного осмысления топографии, поскольку данный прием замечен уже в «Слове о полку Игореве»: «Великий княже Всеволоде!.. Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти!» (Слово 1985: 41). Образ «батюшки Тихого Дона» как спутника и супруга «матушки Волги» сохранился и развился в былинах донских казаков (см., например: Волга 1937: 53). Французский дипломат XIII в. Гийом Рубрук, описывая Золотую Орду, отобразил ее

⁸ Представления о реке Атил на мусульманском Востоке подробно проанализированы в литературе (см., например: Бейлис 1984: 226; Заходер 1962: 100–104; Коновалова 1999: 84, 91; 2009: 50; Поляк 2001: 79–107).

⁹ Конечно, кругозор летописца был гораздо шире, и выше он называет не две, а восемь главных рек Руси (ПСРЛ, т.1: 5).

как страну двух рек – Волги и Дона (Этилии и Танаида) (Путешествия 1957: 110, 111).

Не раз в текстах, происходящих из разных стран, в паре с Волгой называется Яик (Урал). В башкирских сказаниях Идель и Яик – брат и сестра (Башкирские 1985: 33). Еще у Константина Багрянородного (X в.) «Геих», наряду с «Атилом», используется для описания мест кочевания печенегов (Константин Багрянородный 1989: 155). Уже приводились рассказы Абу-л-Гази об отправлении Нухом Яфеса к берегам Итилия и Яика, а Огузом кипчаков на Дон, Итиль и Яик. Однако самые яркие проявления связи двух рек обнаруживаются, пожалуй, в памятниках, которые содержат отголоски времен Улуса Джучи.

В татарской исторической песне «Кунак бабай жырды» действие происходит как раз в Джучиевом улусе, и герой, разлученный с родиной, взывает:

*Я прошу: меня верните
На Яик мой и на Волгу,
Где родился я и пил воду,
Старец я, в мольбе склоняюсь* (Надиров 1991: 7).

Еще более наглядно обнаруживается это в татарском дастане «Идегей». Огромная держава, одна из крупнейших империй средневековья, зачастую предстает там как область протекания лишь двух тех самых рек. –

*Там, где вольный Идиль бежал...
Там, где текла Яика вода...
Там, где Яик, там, где Идиль –
Было батыра четыре там.*

*Там где Идиль, там, где Яик,
Тридцать и девять было владык.
Герой дастана Идегей говорит Тимуру («Шах-Тимуру»):
Реки мои – Мать Идиль и Яик,
Булгар – моя страна* (Идегей 1990: 5, 58, 73, 108).

Показанное отношение к двум рекам было унаследовано и последующим тюркским населением региона – прежде всего казанскими татарами (именно от их сказителей записан цитируемый дастан), а также ногаями, которые устами своих предводителей, биев и мирз, неоднократно упоминали Итиль и Яик в сходном контексте («А отца (т.е. предка. – В.Т.) моего юрт был по трем рекам: по Волге да по Яику, да по Емь (Эмбе. – В.Т.) реке»; «А Волга и Яик – обое то отца (предка. – В.Т.) моево юрт, потому что отец мой князь велики (золотоордынский бек Эдиге. – В.Т.) на Яике, а другой отец же мне, Нурадин

мирза (сын Эдиге. – В.Т.), – на Волге» и т.п. (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 129, 167–167об.)).

Таким образом, трактовка Волги и Яика как стержневых магистралей страны–родины фиксируется в текстах с X и XI вв. (Константин Багрянородный о печенегах, «Огуз-наме» о кипчаках) до XVI в. (ногайские грамоты) и, условно говоря, даже до первых десятилетий XX в. (активный сбор и запись вариантов татарского дастана «Идегей» (Усманов 1990: 247; см. также: Гарипова 1994: 95, 96)). Можно предположить, что и те народы Поволжья, история которых слабо освещена источниками, также наследовали и передавали по эстафете своим преемникам подобные топографические интерпретации (хазары, саксины, волжские булгары, кипчаки и др.).

То же относится и к культуре Волги как матери и символа отчизны. Улус Джучи в дастане «Идегей» неоднократно именуется *Идел-йорт* (в переводе С.Липкина: «Идиль, Отчизна-Дом», «отчий мой дом – Идиль-река» (Идегей 1990: 128, 140)). Она действительно находилась в центре державы, вдоль нее пролегали ежегодные кочевки ханов Золотой Орды (Ракушин 1993: 161–170; 1994: 149–151), а в низовьях находился *Тахт эли* – ханский домен со стольным городом Сараем. До настоящего времени у татар бытуют поговорки: *Идел йорт – имин йорт* (Страна Волги – добрая страна) и *Болгар йорты – Идел йорт* (Страна Булгар – страна Волги) (Гарипова 1994: 101; Урманчиев 2001: 473). Связь Булгара с Волгой и отождествление Волги с родиной, прослеживаемые от золотоордынских времен до современности, позволяют предполагать бытование аналогичных явлений и ранее, в эпоху независимой Волжской Булгарии.

Более развернуто можно реконструировать отношение кочевников к великой реке по материалам письменности и фольклора, связанным с Ногайской Ордой. Прежде всего Итиль имел для кочевых ногаев чисто хозяйственное значение как стержень летне-зимних передвижений (Поноженко, Асанов 1993; Дубман 2005). К концу XVI в. основные экономические и политические интересы Ногайской Орды концентрировались в междуречье Волги и Яика. Утрата контроля над волжским регионом означала бы для ногаев и потерю независимости. Известно оправдание ногайского правителя-бия Урус-са перед турецким султаном в 1588 г. (в ответ на упреки в подчинении России): «От неволи учинились в московского воле: чья будет Асторохань и Волга, и Яик, и Самар, тово будем и мы» (Статейный 1891: 66–67). За восемь лет до того ногаи говорили русскому послу: «И только де государь велит казаком у нас Волгу и Самар и Еик отняти, и нам деи всем... пропасти» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 157).

Хотя традиционно основным районом ногайских кочеваний считался Яик, Волга тоже почиталась ногаями как составная часть родины. «Ныне б толко

чему было верить или б недруга моего Муцала (кабардинского князя. – В.Т.) извести – и я бы со всеми своими улусными людьми прикочевал бы на Волгу, – писал в 1653 г. астраханским воевода мирза Чобан Иштереков. – Люблю то место, потому что отчина наша» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1653 г., д. 1, л. 14). В арабописьменном оригинале этой грамоты значит: *Атам ери Эдил бойы* (моя отчина – берег Волги) (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1653 г., д. 1, л. 14).

Понятие «Волга-отчизна» (*атам ери*) имело у ногаев несколько значений. Во-первых, Волга являлась «юртом» предка ногайских биев Эдиге (Едигея) и местом кочевий его сыновей Науруза и Нур ад-Дина, о чем ногаи хорошо помнили и именно этим обосновывали свои территориальные претензии к России после завоевания ею Астраханского ханства (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 129, 167, 167об.; д. 6, л. 56об., 57, 81, 81об.). Причем Волга не воспринималась ими как изначальная колыбель народа. Историческая память ногаев запечатлела эпоху овладения ими Нижним Поволжьем – конец XIV в.: «Предки наши, праотец Идигии князь, с Токтамышем князем о Волге воину вели, и Волгу праотец наш Идигии князь у Тахтамыша князя взял воиноу, и с тех мест и по ся места (написано в 1626 г. – В.Т.) о Волге меж нас война а Идигия князя, потом и мы. И по ся места милостию Божию и великих государей московских помочью мы, мурзы и улусные наши люди, Волги никоторым своим недругом не дали» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 2, л. 159).

Во-вторых, в первой половине XVII в. волжские берега являлись для многих ногаев отчизной в собственном смысле, т.е. местом рождения, потому что в то время большинство населения Ногайской Орды оказалось прижатым казаками и калмыками к Астрахани. Даже откочевывая в безопасные крымские и кавказские владения, мирзы мечтали о возвращении к родной реке, поскольку «родилися было и взросли у Волги», «а от отца нашего Исмаила князя взросли и мурзами были у устья Волского» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 88, 93).

В сакральном организованном пространстве ногайской родины крупные реки представляли собой не только ориентиры-координаты, но и символы «дома» народа. Такая интерпретация Волги в буквальном микротопографическом смысле – как уподобление дому – сохранилась в фольклоре каракалпаков, предки которых некогда вышли из Ногайской Орды¹⁰.

Кроме того, именно Волга удостоилась ласкового обращения *ана* (матушка), в отличие от Яика, Самары, Эмбы и прочих стержневых координат сакральной топографии ногаев¹¹. Выражение *Ана Эдил* (Матушка Волга) не-

¹⁰ См. выше очерк «Сакральная топография кочевых степей (XIII–XVII вв.)».

¹¹ Можно догадываться, что подобное отношение к реке бытовало у исторических предшественников ногаев – татар Золотой Орды. В татарском дастане «Идегей»

однократно встречается как в репликах прародителя биев Эдиге, героя одноименного ногайского эпоса, так и в тексте, от лица рассказчика (Ногайдынь 1991: 18, 37 и др.). «Я уйду от тебя, уйду, Матушку Волгу перейду», – говорит в эпосе «Эр Таргыл» богатырь Таргыл хану Кандазе (*Мөн кетермен, кетермен, Ана Эдилден ытермен*) (Сикалиев 1994: 82, 83). Есть основания полагать, что данный образ был присущ не только эпическому и, может быть, песенному фольклору ногаев (как и у русских – см. ниже), но и фигурировал в их повседневной речи. В 1636 г. аталык (наставник) ногайского мирзы Джан-Мухаммеда заявил русскому послу В.Струкову (тот вел переговоры с ногаями, откочевавшими от Волги в донские степи): «А как де у Волги жили у матки своей, и нам де добре была покойнее» (выделено мною. – В.Т.) (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 2, л. 29).

Причем, в отличие от русского народного творчества, в письменных источниках, относящихся к Ногайской Орде («ногайских делах»), содержатся элементы рационального объяснения «материнства» Волги. Выше приводились высказывания мирз о ее берегах, на которых они «родились было и выросли». Тот же мирза Джан-Мухаммед говорил Струкову, что если бы не насилия астраханских воевод, то «сами бы де мы своево родьственнова стариннова корени не покинули и матки своеи Волги, где наша изначала вера зачалась» (выделено мною. – В.Т.) (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1635 г., д. 2, л. 170).

Попутно отметим любопытную деталь. В «родительской» паре с Волгой место «отца» у ногаев занимал не «батьюшка Тихий Дон», как это имело место в казачьих былинах, а неожиданный и странный персонаж. В январе 1555 г. в Москву доставили грамоту мирзы Арслана, в которой он извещал царя Ивана IV о смене власти в Орде: «А дядя мои Исмаиль князем учинился, а мне Волга досталась... Волга нам матерью учинилась, а лес нам отцом учинился» (Посольские 2006: 162). Пока трудно объяснить, каким образом это чуждое для степных кочевников понятие проникло в мифологизированное сознание ногаев. Может быть, имелись в виду леса, которые сменяли степь выше Самарской Луки? Лес встречается в документах, пожалуй, лишь в единственном аспекте – как обозначение самой северной летовки Ногайской Орды: «блиско Камы под лесом» (Посольские 2006: 102). Впрочем, почитание леса характерно для многих азиатских народов, в том числе для древних и средневековых тюрков (Иванов 1988: 49) (хотя ногаям это было, кажется, не присуще).

золотоордынский хан Тохтамыш восклицает: «Мать-река, полноводный Идиль!..» (Идегей 1990: 156).

В татарском дастане «Идегей» присутствует мотив разделения пространства на четыре части, которые детерминируются через реки. В монологе героя, обращенном к родине, страна удостаивается такого описания:

*...Дорогая Идиль-река,
С ней – Яик, Нукрат и Чулман
Орошают двенадцать стран»* (Идегей 1990: 129)¹².

В устах татарских сказителей реки еще и иллюстрируют пророчество о грядущем распаде царства, обозначая четыре разделившиеся области: Иртыш, Яик, Идиль, Чулман (Идегей 1990: 37).

Разнообразные интерпретации четырех сторон света присущи мировому фольклору в целом и заметны в ранних географических концепциях. В европейской книжной традиции, опирающейся, наряду с опытом наблюдений, на античную и библейскую традиции (Мельникова 1998: 22–31), было распространено убеждение, будто в раю находятся истоки четырех рек: Тигра, Евфрата, Гиона и Фисона (две последние сопоставимы соответственно с Нилом и Гангом). Сходная организация райского ландшафта заметна и в мусульманской сакральной топографии: на средневековых персидских миниатюрах из-под райского дерева туба, на котором сидит птица Хома, тоже по четырем направлениям растекаются четыре реки (Топоров 1988б: 374).

Миссионеры и дипломаты, которые пересекали Евразийский континент, то и дело вспоминали об этих четырех главных ориентирах христианской топографии (см., например: После 1968: 200, 201, 213; Шильтбергер 1984: 52). Чужеземцы, оказавшись в неведомых странах, пытались сопоставить новые географические реалии со сведениями из священных текстов. Так, некоторые европейские путешественники в XIII в. иногда именовали Волгу «Тигри(с)» (Книга 1955: 45, 241), хотя наверняка слышали и местное тюркское название «Итиль, Идель», и античное, традиционное для европейской географии того времени «Ра». Очевидно, в данном случае Марко Поло и Паскуале Викторианский соотносили Волгу не с реальным ближневосточным Тигром, а с одноименной рекой, проистекающей из Эдемского сада. Впрочем, Плано Карпини описывал Улус Джучи как страну четырех не библейских, а реальных рек: Днепра, Дона, Волги и Яика (Путешествия 1957: 70).

Что касается места Волги в «русском космосе», то специальные работы на эту тему, насколько нам известно, отсутствуют. Ниже мы увидим, что Волга изначально осваивалась восточными славянами и была включена ими в картину мира лишь в верховьях¹³. Хотя, конечно, такая крупная водная

¹² Нукрат – река Вятка, Чулман – здесь Кама.

¹³ Такое же мнение см.: Подосинов 1999: 48. Б.Н. Заходер считал, что поскольку древнейшие сношения Руси с Востоком осуществлялись по водным путям, то Волга с

артерия не могла не учитываться в конструировании картины мироздания, и не случайно в былинных текстах мы видим «родство» Волги с западными и северными географическими объектами: Ильменем, Селигером, Днепром, Двиной и проч.

Кругозор русского человека средневековья опирался на крупнейшие реки как стержневые ориентиры. Расширение пределов государства приводило и к расширению кругозора. Очевидно, к эпохе позднего средневековья относится описание страны, данное в былине «Соловей Будимирович»:

*Реки да озера к Нову-городу,
А мхи да болота к Белу-озеру,
Да чисто поле ко Опскову,
Темные леса Смоленские,
Высоки горы Сорочинские,
Широкие ворота Чигарицкие,
Широка мать Волга под Казань пошла,
Подале того и под Астрахань.
...Выбегала мать Непра река
Да устьем в море Черное (Волга 1937: 32–33).*

Заметно, как подробно перечисляются реалии славянского ареала Восточно-Европейской равнины, уже включая Украину, и как игнорируются признаки кочевых степей Нижнего Поволжья. Это естественно для архаического представления о радиальном пространстве, воспринимаемом в виде расходящихся от сакрального центра (в данном случае – «Святой Руси») концентрических кругов, которые затухают по мере приближения к границам неведомого (Топоров 1988а: 341). Долгое время малонаселенный регион на юго-востоке оставался чужим для славян, пристанищем лишь изгоев – казаков и разбойников. В другом варианте той же былины сказано:

*Выходила-выбегала Волга мати река,
Устьем бежит-то в синее море,
Во то синее море во Турецкое (Волга 1937: 34)*

– стало быть, море уже чужое, бусурманское, находящееся вне родины.

Сакрально-топографическое осмысление территориального расширения России, присоединения к ней новых земель и народов – интересная, но пока

глубокой старины стала для русских «матушкой», «русской рекой» (Заходер 1967: 158). Однако источники не подтверждают именно такого позитивного отношения русских к Волге для периода ранее XVII–XVIII вв. (см. ниже). Очевидно, для превращения ее в «матушку» и «русскую реку» требовалось более основательное ее освоение славянами, чем проезд купеческих судов в раннем средневековье.

мало изученная тема. На материалах Русского Севера она исследована Н.М. Терехихиным, который отметил важный принцип: «В процессе освоения (русскими. – *В.Т.*) инородческих и иноверческих земель Севера его пространство наделялось новым религиозно-мифологическим смыслом, включалось в сакральную географию Святой Руси, которая представляла собой земную проекцию христианского космоса» (Терехихин 1993: 4). Полагаю, что сходные явления могут быть обнаружены и в случае с Поволжьем. Во всяком случае уже в XII в. автор «Повести временных лет» уверенно использовал Волгу в качестве контактного звена между областями обитания потомства библейских патриархов: «...Потече Волга на восток и втечь ... в море Хвалыское. Тем же и из Руси (принадлежавшей к «жребию» праотца Яфета. – *В.Т.*) может ити в Болгары и в Хвалысы, и на восток дойти в жребий Симов» (ПСРЛ, т. 1: 7).

Наиболее активный приток русского населения в регион начался со второй половины XVI в. и продолжился в следующем столетии. Сначала сюда шли жители Русского Севера, Поморья. С середины XVII в. на юг двинулись крестьяне Верхнего Поволжья и «замосковных» уездов (Кузеев 1992: 151, 156).

В заселении русскими Поволжья проявились черты, характерные впоследствии при заселении других восточных регионов. Наблюдалось сочетание организованных (санкционированных властями) и стихийных миграционных процессов. Стремление перебраться на Волгу и за Волгу диктовалось поиском свободных земель, социальным расслоением, усилением крепостничества в центральных районах государства, правительственными репрессиями против участников массовых движений (Разинщина, раскол), стихийными бедствиями на западе – голодом, засухами и т.п.

В Среднем Поволжье власти стремились, с одной стороны, создать лояльную прослойку из коренных жителей, сформировав сословие служилых татар; с другой – образовать мощный слой русского населения и дворянского землевладения, чтобы прочно закрепиться в новоприсоединенном крае (Ермолаев 1982: 68, 72). Для этого проводилось и помещение и широкая раздача угодий церкви. В крепостные гарнизоны переводились из других городов служилые по прибору, а в сельскую местность – крестьяне, владельцам которых – вотчинникам, помещикам и монастырям – отводилась земля. Очень активно в заселении края проявили себя служилые дворяне (Бусыгин 1966: 54), которые стремились завладеть обширными, а к середине XVII в. и хорошо защищенными пространствами центральной части Среднего Поволжья.

В Саратовском крае сначала присутствовало лишь сезонное русское население во временных *зимницах*: оброчные охотники, рыболовы, бортники. Постепенно, с середины XVII в., там появляются и постоянные жители новопостроенных сел и деревень (Очерки 1993: 55, 56, 58). К обретению постоян-

ного жительство побуждала и правительственная политика по строительству новых укреплений и городов с 1630-х гг. – для защиты от буйствовавших вольных казаков и кочевников. Со временем здесь тоже образовались монастырские села рыболовов, а в конце XVII в. – и собственно монастырские земельные владения.

Нижнее Поволжье поначалу служило в основном военным форпостом государства с соответствующим составом русского населения. На протяжении первого столетия после завоевания татарских ханств это была почти безлюдная страна. В середине XVII в. А.Олеарий отмечал, что ниже Тетюшей (120 верст от Казани) вплоть до Астрахани «не видно ни одной деревни» (Олеарий 2003: 327). Стремление укрепить Волжский путь ставило перед правительством задачу соорудить здесь систему городов-крепостей. С середины XVII в. установилась обычная для южного российского пограничья практика строительства сплошных укрепленных линий для защиты земледельческих поселений. Лишь тогда в регионе стало расти русское население, активно осваивающее местные ресурсы. Однако полноценное земледельческое и промысловое освоение развернулось только после исхода калмыков в Джунгарию в 1771 г. (Дубман 1999: 212; Любавский 1996: 282, 283).

На протяжении очень долгого времени степи вдоль волжских берегов оставались малолюдными. В 1745 г. императрица Елизавета Петровна распорядилась выявить беглых подданных, переписать и поселить их на Волге в «пустых местах». Таковых набралось 3 тыс. человек, которые по прибытии на новое место жительства были обложены подушным окладом в 40 алтын (Черняева 1914: 112).

В укромных местах Нижнего Поволжья (к югу от Самары) обосновались ватаги разбойников и общины казаков:

*Как на Волге на реке на Камышинке
Казаки живут, люди вольные,
Донские, гребенские со яицкими* (Коротин, Коротин 1999: 150)¹⁴.

Они заселяли территории завоеванных Казанского и Астраханского ханств и распавшейся Ногайской Орды. Следовательно, славянские мигранты оседали попеременно со старым тюркским населением. Их взаимное влияние проявлялось в самых разнообразных аспектах, в различных сферах культуры. Одним из наиболее ярких признаков русского освоения Поволжья стало использование образа Волги в песенном и былинном фольклоре.

¹⁴ По замечанию Н.Н. Фирсова, в течение второй половины XVI в. Волга «становилась все более и более казацкой рекой» (Фирсов 1919: 124).

Прежде всего это культурное освоение – как вольными казаками, так и российскими подданными – проявилось в формировании своеобразного культурта реки, в складывании образа «Волги-матушки». По наблюдениям И.А. Петровой, насчитывалось шесть устойчивых словосочетаний, в которых присутствовал оним «Волга». Он встречался в семейных и любовных песнях, реже – в разбойничьих, тюремных, игровых (тогда как Дон, например, фигурировал, главным образом, в исторических песнях). Впрочем, уже с начала XIX в. подобные словосочетания практиковались редко, а затем и вовсе исчезли из текстов (см.: Джарьылгасинова, Супрун 1996: 135).

Действительно, песенный материал XVII–XIX вв. дает широкую панораму развития образа великой реки. Причем если в поздних произведениях Волга присутствует только как ритуальный элемент, как абстрактная «матушка» (см., например: Волга 1937: 83, 84, 101, 106 108, 109, 111–113), то в песнях XVII–XVIII вв. еще чувствуется новизна волжского ландшафта для славянских поселенцев. Бурлаку некрасовских времен она служила лишь абстрактной декорацией для излияния чувств:

*Волга моя матушка,
Русская река,
Пожалей, родимая,
Силы бурлака* (Волга 1937: 85).

А для казаков и крестьян-новоселов река выступала еще и как грозная стихия со своим характером, к которому требовалось приноровиться (недаром говорили: «Волга ину пору мать, а ину мачеха» (Волга 1937: 155)). Видимо, изначально, она, как и Яик, удостоилась эпитетов «великая» и «славная» и лишь затем стала «маткой», а впоследствии и «матушкой» (Волга 1937: 41, 43–45 и др.; ПСРЛ, т. 19: 12, 14).

Бытовало народное выражение: «Волга всем рекам мать» (Даль 1957: 346). А.Н. Афанасьев по этому поводу писал: «Волга, принимая в себя побочные реки, по прекрасному поэтическому выражению русского народа, доносит их к синему морю на своих могучих руках (в своих объятиях)» (Афанасьев 1995: 226). Легенды о Волге показывают, что первоначально только верховья ее были обжиты русскими и включены в мифологическую картину мира. Спор о старшинстве Волги и ее притока Вазузы (Афанасьев 1995: 226) ясно показывает незначительность размеров верхней Волги, с которой осмелилась состязаться неприметная речушка. Сказание о брате Днепре и сестрах Волге и Двине тоже могло зародиться только в местности, где находятся их

истоки, – в лесах Русской равнины (все три персонажа «ночуют в болотах» (Афанасьев 1995: 228)¹⁵).

Знакомство славянских мигрантов с новым местом жительства проявилось, в частности, в фиксации природных особенностей реки:

*Ах ты Волга ты, Волга,
Волга-матушка река!
К чему рано становилась,
Тонким льдом покрывалась,
Белым снегом усыпалась?
Со восточной стороны
Буен ветер повеваает,
Волгу-матушку ломает...
Мой стружочек разбивает.*

*Не тошно ли тебе, да Волга-матушка,
Со тонким это ледочком расставаться,
Со тонким это ледочком осенним,
Со осенним да с последним? (Волга 1937: 134, 137, 138, 145).*

Тонкий осенний лед был устойчивой сезонной приметой, и его установление на реке служило еще до прихода русских привычным временным ориентиром для кочевников. Ногайские стада в XVII в. перегонялись через Волгу «по первому льду для зимнего кочевья» с левого берега на правый и весной обратно «по последнему льду» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 61; 1638 г., д. 2, л. 39).

Славянское заселение сопровождалось не только осмыслением природных реалий, но и обживанием местности, в том числе через обозначение берегов («сторон») реки. В XVI в. и, может быть, в XV столетии берега Средней Волги именовались по природно-географическим признакам Луговой и Горной сторонами, нижней Волги – по этническим признакам: сторонами Ногайской и Крымской. Данные обозначения твердо держались в речи

¹⁵ М.Шевченко заметил, что коренные русские земли по верхней Волге (тверские, угличские, ярославские, костромские...) в стереотипном сознании русского человека не включались в географический и геокультурный образ Поволжья, которое расценивалось как особый регион, лишь начиная от Нижнего Новгорода – и далее на юг, до дельты (Шевченко, эл. ресурс). Любопытно, что средневековые мусульманские географы принимали за верхнюю часть Волги Каму, а собственно нижнюю Волгу не считали частью великой реки Итиль~Атил. «Большим Атилом» в разных сочинениях называется ее среднее или нижнее течение, или иногда даже только устье («Малым Атилом» для них был Терек) (Коновалова 2009: 32, 69, 136, 163).

волжан до второй трети XVII в. Судя по источникам, границей между Луговой/Ногайской и Горной/Крымской сторонами считалась Переволока – место, где Волга более всего сближается с Доном и где в 1589 г. был основан Царицын. Этническая номинация речных «сторон» была довольно типичной для этой части средневековой Евразии. Известны Сибирская и Ногайская стороны Иртыша, Крымская и Ногайская стороны Дона, Воронежа и др.

Легко догадаться, что подобные названия указывают на этносы-«гегемоны», на тех, кому принадлежали территории соответствующих «сторон». Смена гегемонов влекла и топонимические изменения. Так, в связи с вытеснением калмыками ногаев в 1620–1630-х гг. бывшую Ногайскую сторону сами ногаи стали называть Калмыцкой (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1631 г., д. 1, л. 69; д. 2, л. 46). Правда, русские не расценивали эпизодические набеги калмыков как достаточно глобальное явление для переименования волжского левобережья, хотя и Ногайской стороной оно уже не могло называться. Поэтому жители Царицына и других южных городов стали называть бывшую Ногайскую сторону Луговой – так же, как ранее обозначали область к северу от Переволоки (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1632 г., д. 1, л. 303). Правый берег по-прежнему оставался Крымской стороной, поскольку Крымское ханство продолжало существовать.

Русские первопоселенцы, в том числе казаки – выходцы из России, долгое время не могли воспринимать великую реку в ее низовьях с такой же теплотой, с какой к ней относились местные кочевники. «Родилися и выросли» они на Руси или на Дону, их «вера зачалась» тоже вдалеке от этого традиционно мусульманского региона. Поэтому на пустынные степные просторы они поначалу смотрели с настороженностью. От тех, вероятно, времен, сохранились поговорки: «Ахтуба пуста, а без караула не гуляй», «Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть близ неволге» (Терещенко 1853: 52; Старинные 1899: 92)¹⁶. Волжские низовья продолжали оставаться для русских «чуждедальной стороной» даже тогда, когда Волга превратилась в «матушку» и для пришельцев-славян¹⁷. Вот, например, народная песня «Сиротка»:

*Воспоила, воскормила меня Волга-матушка,
Воспитала меня легка лодочка ветляненька,
Возлелеяли меня мамки-няньки волны быстрые,
Возростила меня чужа дальна сторона Астраханская (Волга 1937: 81).*

¹⁶ Ахтуба – левый рукав нижней Волги.

¹⁷ По мнению Г.Хаусманна, это произошло не ранее XVIII в., а по мнению М.Шевченко – во второй половине XIX в., когда после продвижения России в Среднюю Азию Волга оказалась в глубине имперских владений (Hausmann 2009; Шевченко, эл. ресурс).

Показательна оценка Астрахани как далекого и чужого края. Расположение ее на отдаленных рубежах государства побуждало сопоставлять ее с другими окраинами: «Астрахань далече, а Сибирь и дале того» (Старинные 1899: 77)¹⁸.

«Сиротка» – это, в сущности, монолог разбойника. Долгое время волжские берега служили обиталищем вольных казаков, а затем еще и приютом для различных изгоев и беглецов. Данное явление отразили пословицы: «Платил долги, а не минул Волги», «Коли нечем платить долгу, так ехать (идти) на Волгу» (Старинные 1899: 133; Даль 1957: 343), т.е. либо в бурлаки, либо в разбойники. В XIX в. были записаны многочисленные народные песни, отразившие разбойную «колонизацию» безлюдного Поволжья.

*Куда глянешь – наша вотчина, от Козлова до Саратова,
до родимой Волги-матушки,
До родимой Волги-матушки, до широкого раздольища, –
Там нам смерти нет, ребяташки (цит. по: Милюков 2006: 247).*

*Далеко, далеко степь за Волгу ушла,
В той степи широко буйна воля жила...
С казаком-бурлаком там водилась она (Легенды 1969: 11).*

Особенно долго манили «лихих людей» обширные степи левобережья. Частые и массовые разбои на реке и по ее берегам продолжались вплоть до 1840-х гг. – до открытия пароходного движения (Черняева 1914: 111, 118)¹⁹. Позднее асоциальные элементы, скапливавшиеся в регионе, сочли более привлекательным заработок в качестве бурлаков и грузчиков во время навигации и хлебного сплава. С учетом многочисленности подобного населения центральные и местные власти установили в этих местах облегченный паспортный режим (Смирнов 1999: 34, 35).

При миграциях в Среднее и Нижнее Поволжье перед русскими объективно встала необходимость контактов с местными народами. При этом сами русские не составляли однородную этническую структуру с единой, общей

¹⁸ Сопоставление Поволжья с далекой Сибирью в народном творчестве вполне правомерно. Заселение и экономическая адаптация русскими обоих регионов проходили в одно и то же время; при этом левобережные территории долго находились вне активного освоения. Как замечает Ю.Н. Смирнов, «российское Заволжье гораздо ближе географически к центру страны, но при этом моложе исторически, чем, например, российская Сибирь» (Смирнов 1999: 35). Этот же автор высказал мнение о том, что еще во времена Петра I Заволжье было частью империи, но не самой России (Смирнов-1997: 17).

¹⁹ О разбоях и грабежах как постоянном факторе жизни Нижнего Поволжья XVI–XVII вв. см.: Карабущенко 2009: 58–64.

для всех них идентичностью. Существовали специфические общности «внутри» русского этноса на российском Севере (поморы) и Юге (казаки), а впоследствии также в определенном смысле в Сибири. Однако различия между ними являлись не более чем локальными вариантами единого цивилизационного, социально-культурного комплекса. Поэтому русская культура при всем своем региональном своеобразии приходила к нерусским народам прилизительно в одинаковых формах.

Унификации ее при внедрении в среду «инородцев» способствовали, во-первых, значительная роль государства при заселении окраин; во-вторых, единство доминирующей православной церкви и христианского культа «греческого закона», в котором, начиная со второй половины XVII в., уже не допускались местные вариации; в-третьих, господство единого литературного русского языка, применявшегося в официальных документах и прочих произведениях письменной культуры. На вновь осваиваемые земли были перенесены начала корпоративности (включая крестьянские «миры», посадские и казацкие общины, купеческие сотни, государственную бюрократию).

В Поволжье постепенно формировалась своеобразная цивилизационная модель, в которой черты славянской государственности сочетались с политическими традициями Востока. Этот синтез стал одной из важнейших характеристик уникальной российской цивилизации (см.: Российская 2003).

Весьма рискованно было бы утверждать, будто в процессе освоения региона русские переняли татарско-ногайский клишированный образ реки «матушки», хотя буквальное совпадение выражений «Ана Эдил» и «Волга-матушка» могло оказаться не простым совпадением. Косвенным опровержением гипотезы о подобном заимствовании служит то обстоятельство, что фольклорное определение «матушка» песнетворцы на Руси относили не только к Волге, но и к другим рекам²⁰. Кроме того, «батюшкой» считались Дон, Днепр и др. (см.: Волга 1937: 67, 70, 71; Афанасьев 1995: 233).

Однако можно отыскать и косвенные подтверждения калькирования русскими тюркского (ногайского) выражения. Кроме ногаев, ни один народ не распространял область своего расселения (кочевания) от Волги до Дуная со второй половины XVI в. И только ногаи имели основание утверждать в эпических сказаниях (эпос «Кокше батыр»): «Земля наша простиралась до реки Манан (т.е. Дуная. – В.Т.), до горы Балкан» (Сикалиев 1994: 81). Поэтому кажется вероятным предполагать ногайскую первооснову в русских поговор-

²⁰ Привычное отношение к реке-кормилице славянские мигранты переносили на новые места. Вот как, например, яицкие казаки отзывались о Эмбе, текущей к Каспию по бесплодным степям Западного Казахстана:

Из-под камешка бежит быстра реченька,

Быстра реченька, Эмба матушка (Коротин, Коротин 1999: 143).

ках Поволжья: «Волга – плыть долго, а Дунай широко, видно, Дунай с Волгой не сольются», «Видно уж Дунай с Волгой не сольются» (Старинные 1899: 87; Даль 1957: 346) (о несовпадении взглядов, характеров и т.п.). Сомнительно, чтобы русские поселенцы для сравнения с Волгой выбрали не Днепр, Дон, Каму или Яик, а далекий, находившийся в османских владениях Дунай²¹.

Очевидно, в данном случае проявился ногайский «след», ногайское очерчивание пространства на запад до Дуная. А раз так, то нет ничего странного в том, что и «Волга-матушка» могла быть унаследована пришельцами-славянами от местных кочевников, которые уже давно воспринимали *Ана Эдил* как «матушку», символ родины.

Таким образом, образ «Матери Волги» на протяжении огромного исторического периода был стержневым в картине мира у тюркского, финно-угорского и славянского населения Поволжского региона. Крупнейшая река Европы присутствует в мифологии и фольклоре всех местных народов. Исторические источники, памятники устного творчества и литературные произведения показывают, что своеобразный культ Волги традиционен для них. Ее место и роль в культуре, в том числе в сакральной топографии, сводятся к следующим позициям.

Во-первых, река являлась мифологическим антропоморфным персонажем, который находится в родственных отношениях с другими потоками и водоемами, вступал с ними в союзы или конфликты.

Во-вторых, она выступала в качестве компонента мифологизированной картины мира, проявляя себя в текстах то как ориентир и стержень мирового пространства, то как рубеж между различными (часто враждебными друг другу) мирами. В данном случае Волга составляла часть волшебного пространства, характерного для мифопоэтического отображения мира, – пространства замкнутого и ограниченного, сконцентрированного вокруг организующего центра, окруженного враждебным миром или хаосом.

В-третьих, Волга в эпической истории предстает как важный элемент изначального, постхаосного мира, заселяемого предками. В этой ипостаси она со временем превращается в обозначение страны и становится в народном сознании символом родины.

²¹ Хотя у западных славян слово *дунай* употреблялось в нарицательном значении как вообще «река» (Афанасьев 1995: 220), в приведенных изречениях все-таки явно фигурирует река Дунай.

Представления об истории и историческом времени у кочевников Евразии позднего средневековья

В наше время мир средневековых номадов Евразии уже не считается бесписьменным. Археологические раскопки и находки в архивохранилищах опровергли этот стереотип, сложившийся когда-то в европейской науке. Сейчас ясно, что история кочевников явила особый и яркий комплекс цивилизационных параметров, среди которых нашлось место как письменной культуре, так и специфическим способам хранения и передачи исторической памяти. Тюркская руника, уйгурский и арабский алфавиты имели довольно широкое распространение не только в элитных кругах, но и среди рядового населения. Тем не менее основная масса его в повседневной жизни почти не пользовалась письменностью, передавая значимую информацию современникам и потомкам изустным, вербальным путем. Данное утверждение относится как к насущным политическим вопросам, так и к сведениям о прошлом народов, о деяниях предков. При этом следует учитывать тот очевидный факт, что повседневная (да зачастую и политическая) жизнь основной массы степняков протекала в привычных условиях патриархальной экономики локальных общин и объективно не требовала линейного отсчета времени. Люди вырабатывали способы хронометрирования этой своей жизни в соответствии с практическими потребностями.

Деление времени на промежутки производилось в двух традиционных системах. Они не совпадали, поскольку описывали различные категории времени. Первая являлась порождением скотоводческого хозяйственного цикла и отражала естественную смену сезонов. В соответствии с ней год состоял из четырех главных интервалов, соответствовавших переходам на зимовья, весенние, летние и осенние пастбища, а эти интервалы членились на более мелкие временные отрезки, связанные с окотом, отелом, подрастанием молодняка, настригом шерсти и т.д. Исходя из региональных экономических особенностей данный способ исчисления времени отличался у жителей разных частей степной Евразии.

По второй системе, годы объединялись в двенадцатилетние циклы с присвоением каждому году имени животного. Как и в случае с первой системой, наблюдались вариации календаря (например, замена экзотичных для номадов Дракона и Обезьяны на Паука и Стрекозу и т.п.). Бесспорно фиксируется использование «восточного зодиака» кочевниками Евразии уже с раннего средневековья. Вопрос об источнике проникновения его в культуру степи до

сих пор остается дискуссионным. Косвенным подтверждением восточно- или южноазиатского происхождения может служить то обстоятельство, что с удалением к западу календарная система несколько упрощалась. Так, у средневековых тюрков Дешт-и Кипчака, в отличие от монголов, животные не дублировались цветами и названиями элементов мироздания (стихий); не замечен 60-летний цикл (составленный из пяти 12-летних); не практиковалось деление суток по тому же 12-членному животному принципу (объединение двухчасовых периодов в час Мыши, Быка, Тигра и т.д. – в той же последовательности, что и годичный «зодиак») (см. подробно: Захарова 1960: 32–65; Жуковская 1988: 32, 36–47).

Народы, обратившиеся в ислам, начинали использовать мусульманское летосчисление с арабскими названиями месяцев и отсчетом лет по хиджре. Впрочем, такое нововведение приживалось, как правило, прежде всего в ханских канцеляриях усилиями мулл и чиновников, приезжавших из Ирана или Мавераннахра. Поэтому датировка по хиджре характерна для официальных документов и дипломатических посланий (при этом нередко обозначение года по хиджре дублировалось указанием на животное, символизирующее данный год по двенадцатилетнему циклу) (см.: Усманов 1979: 257–264).

Названные выше системы летосчисления не применялись степенями при обращении к событиям давней истории. При этом заметим, что исторические реминисценции часто встречаются в источниках в виде поучительного примера предков, которому надлежит следовать потомкам. Чтобы сослаться на какой-нибудь эпизод прошлого, обычно вспоминали своего предка (современника этого эпизода) или государя, правившего в то время. Конечно, в своей среде кочевники оперировали персонами собственных правителей, но в общении с иноземцами могли апеллировать и к фигурам монархов из соседних стран¹.

В таком довольно относительном и приблизительном хронологическом отсчете, кажется, просматривается общепризнанный предел – эпоха предка в седьмом восходящем колене (т.е. примерно 170–180 лет назад). Именно этот срок, или череда поколений, традиционно считался предельной для установления кровного родства – и не только у евразийских кочевников. Обязательной нормой являлось знание человеком своих прародителей именно до седьмого колена включительно. Например, ногайская аристократия вела происхождение от золотоордынского беклербек Эдиге (Едигея), который погиб в 1419 г., и все множество ногайских аристократов–мирз долгое время, до конца XVI в., считалось братьями, дядями и племянниками.

¹ Настоящая работа была написана в период, когда автор этих строк занимался изучением Ногайской Орды, поэтому приводимые здесь заключения основаны в основном на средневековом ногайском материале.

Кровное родство распространялось до седьмого поколения. Люди, имеющие общего седьмого предка, были кровными родичами (*кардаш тукым*). При этом близкими родственниками считались потомки до третьего колена. Все представители первых трех поколений именовались *бир казан улесип шыкканлар* (вышедшие, разделив один котел). Терминология родственников существовала до шестого колена: *ата* (отец), *ул* (сын), *немере* или *йиен/жиен* (внук), *тёбере* или *йиеншер/жиеншер* (правнук), *шёбере* или *тувенсер* (праправнук), *шётшеке* или *туваят* (прапраправнук), *тувдык* (прапраправнук)².

Браки между дальними родственниками допускались, начиная с восьмого поколения, когда считалось, что прямое родство по отцу уже потеряно. Доминиканский монах Ж. де Люк, посетивший причерноморские степи в 1620-х годах, свидетельствовал, будто ногаи (крымские) «женятся на своих родственницах, за исключением родной сестры и тетки» (Люк 1879: 487). Однако документальный материал демонстрирует более сложный подход к родственным бракам.

Критерии дальности родства, позволяющие вступление в брак, истово соблюдалось, очевидно, в среде простонародья. В источниках многократно упоминается сватовство между людьми разных элей – племенных общин, экзогамных образований в рамках единого ногайского социума. А вот правящий клан *Эдигу уругу мангыт*, будучи замкнутой аристократической корпорацией, допускал браки между более близкими родичами, чем это позволялось общепринятой традицией. Вообще все мирзы одного поколения считались братьями и относились друг к другу как *ага* и *ини* – старшие и младшие братья (Гаджиева 1979: 17). За пределами данного поколения уже было возможным установление семейных союзов. Например, мирза Ураз-Мухаммед б. Дин-Ахмед б. Исмаил б. Муса женился на дочери Тохтара б. Ураз-Али б. Шейх-Мухаммеда б. Мусы, т.е. на своей четвероюродной племяннице; Аулия б. Ак б. Шейх-Мамай б. Муса – на дочери Уруса б. Исмаила б. Мусы, т.е. на своей троюродной сестре; Ак б. Байтерек б. Дин-Ахмед – на дочери Кара Кель-Мухаммеда б. Ураз-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда, т.е. на своей троюродной племяннице (дочери кузена); и т.п.

Таким образом, мирзы практиковали породнение через брак, не дожидаясь исхода шести обязательных поколений от общего предка. Здесь сказывались, возможно, не одни только политические соображения, но и необязательность столь длительного возведения кровного родства с точки зрения шариата. Ведь браки в Ногайской Орде скрепляли муллы, которые обладали значительным весом в обществе.

² Хотя приведенная здесь терминология зафиксирована у современных ногайцев (см.: Айбазова 1981: 63, 64; Керейтов 1982: 195), она, несомненно, отражает традиционные представления о принципах родства и межпоколенных отношений.

Все, что случалось раньше эпохи седьмого предка, уже принадлежало к седой старине и измерялось не историческим, а эпическим временем; до седьмого пращура царил «золотой век» древних богатырей, описываемый героическим эпосом. Эпоха «семи отцов» порой служила иносказательным обозначением всей истории народа, равно как и показателем его единения и солидарности. «А... Мансуровы дети... коли нам друзья бывали? – риторически спрашивал в 1639 г. мирза Джаббар-Мухаммед своих сыновей, откочевавших в Крымское ханство и поселившихся на землях тамошнего мангытского рода Мансур-улы. – **От семи наших отцов** [они] крововые наши недруги. А ныне им с нами как в дружбе быть?» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1639 г., д. 1, л. 97)³. Ногайский поэт XVII в. Каз-Туган Суюнч-улы в поэме «Джембойлук» выразил негативное отношение к ногайской территориальной группе джембойлуков (т.е. «живущих по реке Эмбе»). Джембойлуки оказались под калмыцким владычеством, отказались от борьбы с калмыцкими предводителями – тайшами и даже участвовали в набегах тайшей на бывших соплеменников. Каз-Туган пишет:

*Эти, называемые джембойлуками,
Предают отцов до шестого поколения.
Когда на страну нагрянуло бедствие,
Когда мои героические ногайцы,
Истекая кровью, сражаются и гибнут,
Мои джембойлукские сородичи,
Словно холощенные верблюды,
Отвернувшись от всех, отлеживаются* (Сикалиев 1994: 49–50).

Данный критерий числа предков целесообразно учитывать при изучении народных генеалогий и сочинений средневековых мусульманских авторов, использовавших фольклорные сюжеты, для отделения преимущественно исторических сюжетов от преимущественно легендарных.

В этом отношении характерны требования властями Ногайской Орды дани с Московского государства в 1530-х годах. Основанием для таких требований ногайская сторона считала свою победу над крымским ханом в 1523 г. и, стало быть, переход к ней его финансовых прерогатив: «От колких лет после царя (хана. – *В.Т.*) которые куны (деньги. – *В.Т.*) давал еси ему, тех забыл еси. И Бог тот (крымский. – *В.Т.*) Юрт нам дал» (Посольские 1995: 131). Для вящей убедительности приводились ссылки на московскую древность: «Дед (здесь в значении «предок». – *В.Т.*) твой Калита Иван двунадцати (ордын-

³ От Нур ад-Дина б. Эдиге вели происхождение все ногайские бии и мирзы, от его брата Мансура – мангытские беки Крымского ханства, многочисленная и влиятельная группировка крымской знати.

ским. – *В.Т.*) чиновникам ис калиты денги горьстью емлючи, посылал. И опосле того дяде нашему Темирю князю сорок тысяч алтын денег давывали. А нашим толды отцем еще Юрт ся не достал. А ныне, слава Богу, тот Юрт (здесь: бывшая территория Золотой Орды. – *В.Т.*) у нас» (Посольские 1995: 156) – выходит, нам и платите. Как видим, в качестве аргументов выступают прецеденты – поочередно – десятилетней давности (1523 г.), двухсотлетней (эпоха Ивана Калиты, вторая четверть XIV в.) и шестидесятилетней (эпоха мангытского беклербека Большой Орды Тимура, 1370-е–80-е гг.). Причем, самый длительный период обозначается посредством не какого-то ногайского пращура, а реального русского князя: память о реальных собственных предках такой давности у ногаев не сохранилась.

Вместе с тем и эпическому фольклору нельзя отказывать в историковедческой ценности. За период его бытования описываемые в нем события отразили множество своих жизненных аналогов. Эпический улус стал воплощением сонма реальных улусов, эпические богатырь или хан – усредненным эквивалентом тысяч исторических богатырей и ханов. Соответственно ситуации и отношения в героическом эпосе точно так же синтезировали черты своих реальных прообразов. Таким образом, тюрко-монгольский эпический фольклор чрезвычайно ценен не только своим происхождением из среды кочевников (в отличие от большинства письменных источников), но и интегративным характером содержащейся в нем информации.

По материалам героических сказаний (прежде всего наиболее архаичных – алтайских, тувинских, якутских, хакасских и др.) к таким интегральным характеристикам кочевого общества можно отнести: концепцию верховной власти (сакральный легитимизм и совокупность функций правителя); систему распределения власти и соответственно уделов в правящем клане и между родами (различные соправительственные комбинации, иерархия ханов), порядок организации улуса (административные органы, обеспечивавшие жизнь ханской ставки и затем – по инерции – зачаточного государства во главе с ханом).

Эпос, следовательно, служил не только хранилищем сведений о порядках «золотого века», но и приписывал эти порядки великим доблестным предкам, превращая их жизненные устои в образец для подражания (Теравлов 1994: 35–48).

Столь же непререкаемым авторитетом, освященным заветами предков, пользовался другой свод установлений старины – но уже обезличенный, не подкрепленный красочными примерами из биографий легендарных витязей. Речь идет о совокупности норм обычного права. Та их часть, что касалась социального и политического управления, объединялась в тюрко-монгольском мире понятием *төрү*. В кочевых империях *төрү* охватывало области отноше-

ний внутривидовых (т.е. отношения членов правящего клана между собой и с остальным населением), межродовых и межплеменных (соподчиненность «старших» и «младших» монархов), внутривидовых (связи сюзерена и подданных, функции государя, обязанности простонародья и знати перед вышестоящими властями, принципы военно-административного районирования, иерархия наместников), межгосударственных (расширение державы и включение в нее новых подданных). Для тюркских и монгольских народов в тюрю заключался алгоритм построения кочевой империи⁴.

Хранителями обычаев и племенной истории традиционно выступали старики-аксакалы. Особую ценность для познания и сохранения истории представляли народные генеалогии – удерживаемые в памяти старцами не только общепринятая фамильная цепь из семи предков, но и множество генеалогических ответвлений от общего первопредка. В условиях своеобразной кочевой социальности это означало информацию даже не столько о развитии и ветвлении кланов, сколько о старшинстве и меньшинстве родов и целых племен, потому что от младших родичей-предков происходили соответственно и младшие по статусу кланы и племена. За такими генеалогиями к периоду так называемой этнографической современности в тюркском мире закрепилось арабское название *шеджере*. За последнее столетие исследователями собрано и записано множество подобных произведений, из которых для источникововедения кочевников особую ценность представляют шеджере башкир, поволжских татар и казахов.

Перечисленные особенности исторического сознания средневековых кочевников проявлялись и в ссылках степных правителей на различные исторические прецеденты в контактах с соседними оседлыми государствами.

В «Сказании о Мамаевом побоище» (памятнике начала XVI в.) рассказывается, что намерение Мамай воевать с Москвой окончательно оформилось после расспросов у старых знатоков истории Золотой Орды: «Онъ же безбожный Мамай начать хвалитися и поревновать... царю Батыю, и нача спрашивать старых татаръ како царь Батый пленил Русскую землю. И начаша ему сказывати старые татарове, како пленил Русскую землю царь Батый, какъ взял Киев и Владимиръ, и всю Русь, словенскую землю, и великого князя Юрья Дмитреевича убилъ, и многих православных князей избилъ... Слышавъ же безбожный Мамай от своих старых татаръ и нача подвижен быти и диаволом палим непрестанно, ратуа на христианство» (Памятники 1981: 132). Разумеется, описанный разговор Мамай с советниками представляет собой плод художественной фантазии анонимного русского автора. Однако здесь верно и

⁴ О тюрю в рассматриваемом здесь значении см.: Скрынникова 1997: 45–47, 166, 117; Трепавлов 1991б.

точно переданы закономерности хранения и передачи исторической информации в кочевом социуме.

Обратимся вновь к ногайско-русской дипломатической переписке. В 1538 г. мирза Хаджи-Мухаммед б. Муса, только что получивший пост нурадина (наместника западных кочевий) осведомлялся у Ивана IV: «А спросишь своих старых старцов: Нурадын мирзины пошлины не ведают ли с Астархани. И ныне бы ту пошлину мне дали» (Посольские 1995: 208). Речь шла о том, что предок ногайский знати мирза Нур ад-Дин б. Эдиге в свое время, в начале XV в., взимал какие-то выплаты с Астраханского улуса. Фактически унаследовавший владения Нур ад-Дина Хаджи-Мухаммед намеревался возобновить получение астраханских «пошлин», и о точных размерах их спрашивался у Москвы. При этом предполагалось, что в российских владениях наверняка отложилась информация по этому конкретному вопросу, и мирза, конечно, знал, что подобные сведения русские фиксируют письменно. Однако он облек свою просьбу в соответствии с привычными приоритетами, призывая великого князя обратиться не к летописям и приказным записям, а к старикам (хотя понимал, что ни одного современника Нур ад-Дина через полтора столетия уже не осталось в живых).

Те же особенности можно вывести из сообщения бека крымских мангытов Баки Ивану IV в том же 1538 г., будто «с покоиником со отцем (предком. – *В.Т.*) нашим с Темирем князем твой отец (предок. – *В.Т.*) князь велики, любовь их меж себя и дружба опришно была... Еще старые у тебя карачи князи остались, и ты их вспроси...» (Посольские 1995: 209).

В дипломатической переписке русская сторона, надо сказать, принимала эти условности и направляла за Волгу, к ногаям, послания с аналогичными пассажами. В 1578 г. царь Иван Васильевич в грамоте мирзе Беку б. Шейх-Мамаю в ответ на претензии того на редкие посольства из Руси ссылался на прошлую дипломатическую практику в сходных выражениях: «А преж сего в Нагайскую Орду толко по два сына боярских бывало (в качестве послов. – *В.Т.*) – ко князю да и к нурадыну... О том старого обычая розведав и роспрося, уведаете» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 127об.). Ясно, что Иван IV в свою очередь призывал в свидетели уже реальных ногайских стариков – знатоков «старого обычая», которые объяснили бы мирзе исконный, сложившийся при предках порядок ссылок ногаев с Москвой.

Впрочем, когда решались принципиальные политические вопросы, московское правительство не подлаживалось под чуждые ментальные устои, но опиралось на авторитет письменных текстов. В 1562 г. бий Исмаил потребовал от царя отдать ему некоторые участки волжской дельты как «наврузовское княжое место» (подразумевался один из его боковых предков Науруз б. Эдиге). Из Москвы Исмаилу отвечали, что «про те есмь места сыскати

[сведений] не могли, и то есмь не слышали ж, чтоб нагаиские мурзы были в Азторохани» (РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 115об.).

Мне известен единственный случай, когда мурзы зывали не к памяти стариков, а к письменным документам. Полагаю, что это зависело от грамотности окружения каждого мурзы, присутствия при нем образованных лиц (как правило, духовного звания). В 1508 г. Алчагир б. Муса настаивал, чтобы Василий III принимал и «чтил» его послов так же, как принимали на Москве татарских эмиссаров в золотоордынские времена; выяснить это великому князю предлагалось, «посмотрив в старые дефтери» (Посольские 1995: 74). Упомянутый документ «дефтерь» (*дафтар*) в средневековых источниках обычно упоминается в значении податного списка, по которому Русь выплачивала ордынский *выход* (дань). Очевидно, к ставке Алчагира прибился какой-то грамотей, осведомленный в канцелярских порядках Золотой Орды (к тому времени со времени последней выплаты Москвой выхода прошло только 37 лет (см.: Горский 2001: 162, 163)).

В силу известных объективных условий письменная – в частности, книжная – культура не была широко распространена в кочевой степи. За исключением неясных слухов о существовании у ногаев в прошлом каких-то исторических сочинений (Корнис 1836: 4; Сикалиев 1994: 46), достоверных подтверждений этому нет. Впрочем, косвенным свидетельством изготовления книг в Ногайской Орде может служить ассортимент товаров, запрашиваемых биями из Москвы: краски, шафран, *тысячи* листов бумаги (Зайцев 2000а: 80). О внимании и почтении кочевников к «книжной премудрости» свидетельствуют и переговоры бия Дин-Ахмеда с Иваном Грозным о передаче ногаям конфискованной русскими у казанского посольства книги арабского географа XIII в. Закарии б. Мухаммеда ал-Казвини *Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мауджудат* (Чудеса творений и диковины сущего) (Зайцев 2000б: 84–98; Крачковский 1957: 362, 363; Трепавлов 1999: 35–38).

Была ли историческая информация лишь пассивным грузом в народной памяти или могла быть подвергнута идеологической ревизии и фальсификации? В пользу последнего положения говорит идеологическая ситуация в той же Ногайской Орде.

Правящий клан Орды принадлежал к тюркскому племени мангытов и поэтому не имел абсолютно никаких шансов на монархический ранг в силу отсутствия кровного родства с Чингисидами (кыят-борджигинами) – традиционными носителями ханской власти в том регионе. Приблизительно в XV в. в кочевой среде стали распространяться легенды о возведении родоначальника ногайских мирз Эдиге через святого проповедника Ходжи Ахмеда Баба-Туклеса к первому халифу Абу Бекру.

Происхождение рода от Баба-Туклеса послужило обоснованием власти мангыто-ногайских биев. Традиция приписывает формулировку этой легитимности Нур-ад-Дину, сыну Эдиге. Когда он убил золотоордынского хана Тохтамыша и стал править его подданными, те принялись судачить: покойный хан доводился-де потомком Чингисхану, а Нур-ад-Дин «не из этого племени». Новый властитель отозвался так: «Я от рождения верил и почитал единого Бога; сам Бог мне всюду покровительствовал; читал я много священных наших книг. А что я не из рода Чингиз-хана, то это меня ничуть не унижает, ибо я из племени славного турецкого богатыря Хочахмат Бабатукла». Народ, выслушав эту речь, успокоился (Ананьев 1900: 12). В варианте дестана «Эдиге», записанном Н.Османовым, исламская аргументация выглядит еще более веской: «Нурадил» утверждает, что появился он на свет в священный день пятницы; первыми произнесенными им словами была шахада (формула символа веры); он свободно читает по-арабски и т.д. (Османов 1883: 43). Сам эпический Эдиге объявил хану Тохтамышу о своей принадлежности к курейш – племени Пророка (Ногайдынь 1991: 31).

Святой Баба-Туклес считался потомком халифа Абу Бекра, и в мусульманском обществе Золотой Орды XV в. такое обоснование правления, судя по всему, показалось достаточным. В Ногайской Орде данная концепция стала официальной, и мирзы считали свои родословные от эпохи Мухаммеда и первых халифов. «Роспись мурзам ногайским, сколко в Малом Ногае мурз», составленная в августе 1638 г., гласит: «А роду нашему по нынешней по 146-й (т.е. 1637/38. – В.Т.) год ровно тысяча сорок семь лет» (РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 16). Стало быть, начало рода отсчитывалось с 591 г.⁵

Едва ли следует безоговорочно доверять эпосу и приписывать разработку идеологической концепции воинственному интригану Нур-ад-Дину (как это делал М.Г. Сафаргалиев (Сафаргалиев 1991: 480)). Гораздо более правомерно отнести это ко времени и даже персоне его отца Эдиге, который столкнулся с необходимостью узаконивания своей власти в державе Джучидов, своего господства над Джучидами. Не принадлежа к династической аристократии, беклербек вынужден был искать доводы в пользу своих преимуществ перед ней, а доказывать происхождение от халифа тысячелетней давности было легче, чем претендовать на родство с Чингисханом⁶.

Однако объявить себя потомком первого халифа было недостаточно для всеобщего признания. Требовалось, во-первых, сделать фигуру Абу Бекра

⁵ Столь точная дата не вполне ясна. Абу Бекр родился около 572 г.

⁶ При этом едва ли правомерно видеть в концептуальных поисках Эдиге стремление принизить или даже унижить ханский род (см., например: Юдин 1992: 54). Авторитет Джучидов был освящен традицией, и ногаи всегда с почтением относились к династии, несмотря на жестокие конфликты с отдельными ее представителями.

значимой для массы населения Золотой Орды, во-вторых, превратить генеалогическую легенду в орудие сплочения народа вокруг беклербека. Этим целям способствовала активная мусульманизация кипчакского населения, которую Эдиге развернул на подвластных землях⁷. Очевидно, не последнюю роль в этом сыграло мусульманские духовные иерархи⁸.

Заметим, что и в отношениях с Россией порой просматривается аналогичная сознательная фальсификация действительных фактов. Это наблюдается, в частности, в отношении ногаев к московскому царю, особенно после завоевания им Казани и Астрахани. С начала 1550-х годов в общении мангытских с царем предводителей появляется новый оттенок. Военная мощь его державы, распоряжение судьбами еще независимых, но уже запуганных им поволжских ханств поневоле принуждали степняков признавать больший политический вес и статус Ивана IV в системе послезолотоордынских Юртов. Поскольку в тюрко-монгольской государственной традиции того времени легитимный правитель Юрта должен был происходить только из рода Чингисхана, Иван Васильевич (как и мангытские бии) не мог получить доступа к ханскому трону. Как Рюрикович по отцовской линии он не имел никакого отношения к правящей ордынской династии, а по материнской являлся потомком беклербека Мамая из кипчакского племени киятов – тоже не Чингисида. Однако под воздействием новых политических реалий некоторые мирзы закрыли глаза на династическое несоответствие и лъстиво стали называть его Чингисидом (см.: Трепавлов 2001: 630).

Подобные искусственные генеалогические построения рождались из политической конъюнктуры, и таким образом историческая информация в кочевом мире превращалась в идеологический инструмент.

Можно заключить, что средневековые кочевники вырабатывали собственную, оригинальную трактовку исторического времени. Будучи замкнутыми в пределах скотоводческой экономики, они естественно воспринимали

⁷ Население западной части Улуса Джучи к тому времени было уже довольно сильно исламизировано. Мероприятия Эдиге адресовались в первую очередь жителям восточных степей, составлявшим его опору.

⁸ Другим важным средством освящения гегемонии мангытского вождя стала эпизация его облика. Уже в первые десятилетия после смерти Эдиге его личность и биография стали обрастать легендарными подробностями (Жирмунский 1974: 377, 378). Эпический ореол основателя мангыто-ногайской бийской династии бросал отсвет и на его потомков. Сама фигура родоначальника биев была сакрализована казахами и каракалпаками, которые почитали его как покровителя лошадей (Валиханов 1964: 36; 1968: 491, 492; Камалов 1991: 132). Начал формироваться знаменитый эпический цикл о сорока богатырях. По справедливому мнению Д.Девиза, он воплощал в себе «взгляд на единство, сплоченность и легитимность Ногайской Орды» (DeWeese 1994: 518–519).

время прежде всего как смену циклов и переходили к линейному счету лишь для насущных политических целей. Что касается понимания политической истории, то, в зависимости от этих целей, к обычной патриархальной череде предков на хронологической шкале присоединялись персонажи иного культурного ареала – правители и институты соседних стран. Средневековые документы показывают, что умелое манипулирование историческим знанием было привычно и знакомо в кочевой степи.

Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблемы адаптации)

Многонациональное Российское государство формировалось на протяжении нескольких столетий. Со второй половины XV в. его границы раздвигались все шире, в том числе на юг и на восток, поглощая территории расселения различных народов, некоторые из которых обладали собственной государственностью. В составе единой Российской державы эти народы постепенно адаптировались к ее политическому строю и законодательству, осваивали общение посредством доминирующего русского языка, овладевали достижениями российской науки и культуры, привнося в них и свой вклад.

Регионы, населенные неславянскими народами, один за другим попадали в сферу господства московского правительства. Как правило, этот процесс изображается в историографии довольно одномерно – как последовательное включение народов и территорий в состав России. Однако на самом деле обретение новых владений оказывалось делом долгим и сложным. Ведь за исключением завоеванных татарских ханств, остальные владения в Сибири, в кочевой степи и на Кавказе вступали в различную степень зависимости от Москвы посредством мирных, в том числе договорных отношений. Правящая традиционная элита совсем не желала сразу лишаться привычных привилегий и статуса, превратившись в «холопов» царя; и правительство, как правило, не форсировало номинальное присоединение земель к России, но обставляло это разнообразными дипломатическими процедурами.

Распространение территории России в Поволжье и на Урал в XVI в. имело следствием, во-первых, вступление в непосредственный, повседневный контакт с инокультурным тюрко-мусульманским миром; во-вторых, организацию управления, налогообложения, религиозной политики и т.д. по отношению к многочисленному неславянскому населению, не знакомому с нормами внутригосударственных отношений внутри Руси. Перед правительством вставала задача адаптации новоприсоединенных земель и народов к новой геополитической ситуации – пребыванию их в пределах России, «под высокою рукою Белого царя».

Все регионы и народы, примыкавшие к Московскому государству с востока, в свое время входили в состав Улуса Джучи (Золотой Орды). Отсюда вполне объясним формальный, типично «евразийский» взгляд на присоединение их к России как на «собрание» ею бывших ордынских владений. В XV–

XVI вв. население этих территорий продолжало сохранять значительное ордынское государственное наследие.

Золотая Орда имела разработанную и разветвленную систему управления. Она формировалась и изменялась на протяжении всех почти трех столетий существования государства. Начав с введения в завоеванном Дешт-и Кипчаке традиционных, принятых для всей Монгольской империи институтов, Джучиды впоследствии сумели также рационально использовать административные традиции покоренных народов и соседних стран. Образовался сложный комплекс управленческих органов и должностей, иерархически организованных центральных и местных ведомств.

В истории джучидской державы было несколько событий, которые можно интерпретировать как решающие вехи в трансформации ее административного устройства. Обретение государством фактической независимости от имперского правительства во второй половине 1260-х годов побудило сарайских ханов обустроить государство в соответствии с новым, самостоятельным статусом. Первым признаком этого была выдача ханом Менгу-Тимуром от своего имени ярлыков русским православным иерархам. Однако разгоревшееся после его смерти распри отвлекли джучидскую элиту от налаживания управления, и окончательно управленческая структура независимой Золотой Орды сложилась, очевидно, после окончания смуты, при хане Тохте (начало XIV в.). Вскоре принятие ислама Узбеком в качестве государственной религии повлекло новые преобразования, в результате которых Орда превратилась в одно из мусульманских государств-султанатов со всеми присущими им приемами и канонами управления, отработанными на протяжении столетий.

В дальнейшем, насколько можно судить по источникам, принципиальных преобразований в данной области не происходило. Междоусобицы 1360–70-х годов и нашествия Тимура не давали правителям Орды возможности совершенствовать ее устройство. Ведя жестокую борьбу за власть, они ограничивались лишь поддержанием тех административных институтов, которые сохранялись после политических катаклизмов.

Некоторые параметры управления оказались весьма устойчивыми и жизнеспособными. Они обнаруживаются как в Золотой Орде, так и в постордынских государствах – следовательно, являлись характерными для организации управления в этой части средневековой Евразии. К таким параметрам можно отнести:

- 1) монархическую власть хана;
- 2) участие в управлении *карачи-беков* – представителей нескольких (обычно четырех) аристократических татарских родов;
- 3) разделение кочевого населения и иногда территории на правое и левое крылья;

4) улусную систему – совокупность контингентов подданных и территориальных уделов, пожалованных ханом в управление военачальникам и «штатским» сановникам;

5) институт наместников-*дарухачи (даруга)*, или *баскаков*, в управлении городским и сельским оседлым населением;

6) *ясачное* налогообложение;

7) сочетание государственной администрации с традиционными органами управления местных жителей.

Пункты 2, 3 и 4 были присущи кочевой империи и целесообразны только для нее. Поэтому они были сохранены в наследных ханствах, но оказались не востребованными в Российском государстве (как одном из геополитических преемников Золотой Орды). Что касается прочих пунктов, то в разной степени их аналогии просматриваются в российской истории XV–XVII вв. Кроме того, история наследных юртов (Крым, Астрахань, Казань и др.) являла, на мой взгляд, в значительной степени процесс постепенного угасания устоев и принципов джучидской государственности.

В первой половине XVI в. ближайшими восточными соседями России были тюркские государства, «осколки» Золотой Орды – Казанское ханство и Ногайская Орда. Далее к востоку располагались земли башкир, по большей части подчинившихся ногаям. Южнее, в низовьях Волги, располагалось небольшое и слабое Астраханское ханство. Оно было отрезано от русских владений обширными казанскими и ногайскими землями и до 1550-х годов не вступало в активные политические отношения с Москвой. С начала XVII в. все более заметным становится присутствие и политическое воздействие мигрантов из Центральной Азии – калмыков.

Принципиальным рубежом в повышении статуса русского монарха в глазах соседних татарских правителей явилось подчинение Казанского и Астраханского «царств». В руках московских властей оказались бывшие ханские домены, включая «царево место» – руины Сарая. Именно подчинение татарских государств Поволжья и Сибири трактовалось в России как начало обретения Иваном IV царского достоинства, «а преж сего в Русской земле царей не бывало» (ПСРЛ, т. 34: 188; см. также: Котошихин 1906: 1). Само понятие «царь», очевидно, справедливо расценивается некоторыми историками в качестве демонстрации независимости по отношению к ханам. Хотя по своему происхождению на Руси оно, несомненно, греко-византийское, появление русского царя можно равным образом связывать с послеордынской политической ситуацией.

Правда, история предложила Ивану IV не очень много поводов проявить себя в этом своеобразном статусе. Например, в 1555 г. сибирский бек Ядгар, подвергавшийся узбекско-ногайским набегам, попросил царя принять его под

покровительство и защиту, обязавшись выплачивать за это 30 000 соболей ежегодно. Тот сперва колебался. Но посольства из Искера прибывали снова и снова. Наконец Иван Васильевич повелел считать сибиряков своими данниками и оказывать им подмогу против враждебных царевичей. В соответствии с положением старшего государя, как это было принято в Золотой Орде и в ее наследных владениях, Иван Грозный выдал Ядгару и Бек-Пуладу ярлык на княжение (бекство), обложил их юрт ясаком и назначил туда своего наместника-*даругу* (ПСРЛ, т. 13, ч. 1: 248, 276, 285). Впрочем, вскоре власть на Иртыше захватил Кучум, и зависимость ханства от Москвы сошла на нет.

Тем не менее ясно, что после подчинения поволжских юртов московский государь превратился в старшего государя по отношению к правителям Заволжья и Сибири. Причем исключение из сферы внешней политики казанского, астраханского, позднее – сибирского и отчасти ногайского факторов не привело к игнорированию восточной парадигмы управления. Во-первых, внутренняя организация бывших ханств была изменена и их элита лишена власти, но отдельные татарские и ногайские роды вошли в состав российской аристократии и формирующегося дворянства. Во-вторых, распространенная в ханствах система ясачной эксплуатации была не только в первое время сохранена там, но и взята на вооружение русскими властями, послужив в дальнейшем основным принципом отношений с народами Сибири.

В ходе экспансии за Урал правительство и воеводы использовали и другие перенятые из татарской административной практики приемы управления новоприсоединенными подданными: заключение *шертных* договоров с определением взаимных обязательств, взятие заложников-*аманатов* и др. Именно таким образом, с точки зрения и администрации, и местного населения, и должна была действовать законная власть – в том числе от лица «белого царя».

Традиционно начало экспансионистской эпопеи Московского царства отсчитывается с завоевания Казанского ханства. Сначала войска Ивана IV заняли правобережье средней Волги – так называемую Горную сторону, населенную в основном чувашами и черемисами (марийцами). Местные народы перешли в подданство новому сюзерену практически без сопротивления (см.: Бахтин 1998).

При этом следует отметить два важных момента. Во-первых, этническая атрибуция новых российских подданных не имела определяющего значения. Для русских властей жители Горной стороны являлись прежде всего жителями западных областей Казанского ханства, и их национальная принадлежность отступала на второй план. Не случайно торжественное посольство от поволжских народов в Москву летом 1551 г. возглавляли татары.

Во-вторых, смена элитой политической ориентации не может служить показателем настроений всего населения. Мы не имеем каких-либо надежных свидетельств об одобрении подданства царю со стороны простонародья. Зато достоверно известно, что уже весной 1552 г. вся Горная сторона восстала против русской администрации (которая удержала за собой лишь новую крепость Свияжск) и воссоединилась с Казанским ханством. Впрочем, как только огромная царская рать в августе двинулась на Казань и подошла к Свияжску, «горные люди» тут же подтвердили свое подданство Москве.

Как известно, 2 октября 1552 г. Казань пала. С запада начали прибывать стрельцы и служилые люди, русских в Среднем Поволжье становилось все больше; началась раздача земельных угодий помещикам и церкви. К 1557 г. очаги вооруженного сопротивления в Среднем Поволжье были подавлены. Очевидно, окончательное присоединение края к России должно датироваться окончанием освободительного движения в апреле 1557 г. Однако еще десятки лет тлело недовольство, вспыхивали мятежи. Сохранились свидетельства о переговорах местных заговорщиков с крымцами и ногаями о возможности избавления края от власти Москвы¹.

Нужно различать официальные мотивы «Казанской войны» (интересы веры и обороны) и реальные государственные потребности (интересы казны и дворянства).² Идеологическое обоснование кампании может свидетельствовать о зарождении имперского политического сознания в России (см. также: Хоскинг 2000: 16). Какими бы искусственными ни выглядели утверждения о распространении православия, о возмездии «нечестивым басурманам» за их набеги, они, эти утверждения, предстают как полноценное обоснование военной экспансии за пределы собственной этнической территории русских. Закладывалась основа концепции всеобъемлющей, наднациональной власти «белого царя».

Победа была ознаменована включением в большой царский титул словосочетания «царь Казанский», означавшего господство над всеми землями Казанского ханства. Данная формула подразумевала обращение в российское подданство народов завоеванного государства – не только поволжских татар, но и чувашей, мордвы, черемисов, удмуртов, части башкир. Никаких дополнительных указаний на их присоединение (например, «князь Чувашский», «князь Черемисский» и т.п.) в титуле не требовалось.

После взятия Казани московское правительство решило продолжить экспансию, чтобы завладеть всей Волгой. В отношении Астраханского ханства не действовали те доводы, которые могли оправдывать завоевание Казани.

¹ Новые факты и интерпретации см.: Присоединение 2003.

² Анализ см.: Бахтин 2001; Pelensky 1974.

Господствующий в историографии стандартный набор причин завоевания поволжских ханств (прекращение татарских набегов; освобождение из полона множества русских невольников; пополнение земельного фонда для раздачи дворянам плодородных угодий; овладение торговыми путями) не применим к Астрахани, за исключением разве что последнего пункта. Нижневолжский юрт всегда являлся для России сравнительно безопасным, отдаленным, был окружен не благодатными пашнями, а полупустынями. Для обоснования экспансии возникла удивительная по своей фальшивости идея о тождестве Астрахани с древней Тмутараканью – уделом князя Мстислава Владимировича (XI в.) и потому якобы исконной вотчиной великого государя (см.: Соловьев 1989: 468).

Проблема установления российской власти на землях, населенных башкирами, в историографии сводится, как правило, к описанию первых контактов местных предводителей с царем Иваном IV и с казанскими воеводами по поводу принятия подданства, а также к выяснению содержания выданных тогда «жалованных грамот». Из-за недостатка источников и, может быть, из-за кажущейся второстепенности вопроса исследователи обходят молчанием тему насаждения московской гегемонии на Южном Урале – то есть смену старых гегемонов новым и единственным. Известно, что ареал расселения башкирских племен в XV – первой половине XVI в. был разделен между тремя юртами – Казанским и Сибирскими ханствами и Ногайской Ордой. Причем большая часть современного Башкортостана находилась в ногайском «секторе влияния». Если гегемония Казани и Искера была сломлена Россией в результате военной победы, то отношения с ногаями выстраивались совсем иначе. Русско-ногайской войны не произошло, и Россия утверждалась в регионе без большого кровопролития, хотя сложностей и конфликтов здесь тоже хватало³.

В отношениях с восточными соседями Московского государства любопытно эпизодическое применение царем традиционной ордынской практики выдачи ярлыков. В литературе высказывается положение о том, что ханские ярлыки повлияли на развитие русского законодательства XIV–XVII вв. Проявилось это в использовании некоторых протокольных формул, появлении *тарханских* и *шертных* грамот (заменивших прежние *льготные* и *договорные*), использовании княжеских грамот как актов единоличного волеизъявления государя (Почекаев 2006: 20). Однако был в истории Московской Руси короткий период, когда ярлыки выпускались под этим своим собственным названием и выполняли те же функции, что в Золотой Орде.

³ См. выше очерк «Ногаи в Башкирии».

В 1555 г. сибирский бек Ядгар после обсуждения на курултае («всей землей Сибирской») решил признать сюзеренитет московского царя. Посольская миссия завершилась выдачей Ядгару соответствующего ярлыка, назначением в Сибирь русского даруги и установлением размера ясачной подати в пользу Ивана IV (ПСРЛ, т. 13, ч. 1: 248; Миллер 1999: 204, 205).

В историографии широко бытует версия о прагматическом характере этого альянса со стороны сибирцев. Одной из главных причин считают поиск Ядгаром могущественного покровителя перед лицом опасности, которую стали для него представлять шибанидские султаны с их притязаниями на юрт. Действительно, в летописных рассказах о первом сибирском посольстве в Москву содержится мотив этого шага: чтобы царь своих новых данников «от сторон ото всех заступил» (Книга 1850: 85; Летописец 1895: 28; ПСРЛ, т. 13, ч. 1: 248). Однако данное выражение слишком абстрактно, чтобы видеть в нем указание на конкретного противника. Ведь обязанность защищать покровительствуемого являлась неременной обязанностью старшего государя, независимо от существования реальной опасности в момент присяги-инвеституры. А первые сведения о военной активности некоего «шибанского царевича» привез из Сибири царский посланник Дм. Куров (Непейцын) только в ноябре 1556 г. (Книга 1850: 104; Летописец 1895: 64; ПСРЛ, т. 13, ч. 1: 276).

Еще одним основанием обращения Ядгара в Москву порой полагают «большое впечатление» от русского завоевания Казани и Астрахани (кстати, последнюю считали находящейся под властью царя уже с 1554 г.). На первый взгляд, для такой интерпретации тоже можно отыскать подтверждение в источниках. Представители Ядгара в январе 1555 г. начали свою миссию с того, что «здоровали государю... на царствах на Казаньском и на Астороханском» (Книга 1850: 84; Летописец 1895: 28; ПСРЛ, т. 13, ч. 1: 248), т.е. поздравляли его с этими приобретениями.

Но некоторые особенности политической обстановки и межгосударственных отношений той эпохи позволяют увязывать сибирскую дипломатическую инициативу не только с впечатлением от триумфального присоединения к Московскому государству двух юртов.

Прежде всего отметим, что в русских повествованиях посольство Ядгара предстает как непосредственное следствие «Казанского взятия» 1552 г. «Казанский летописец» так описывает ситуацию после возвращения царя из волжского похода в Москву: «Прочии же Казаньстии людие все, живущии во окрестных странах града того (Казани. – *В.Т.*), вся земля Казанская, **также и вся земля Сибирская** с молением прихождаху к царю государю... покаряющеся... и милости прошаху... и во всю волю вдашася православному царю государю» (ПСРЛ, т. 19: 478). В августе 1555 г. в память (инструкцию)

митрополичьему гонцу в Литву была вставлена заготовка ответа на возможный вопрос насчет причин титулования Ивана IV «Сибирские земли повелителем»: «Сибирская земля порядку с Казанскою землею; и как государь наш... взял Казань, и сибирский князь Едигерь бил челом государю нашему...» и т.д. (Сборник 1887: 479). Явно просматривается некая связь между обоими татарскими юртами – Казанью и Сибирью; новый статус Казанского «царства», завоеванного Иваном, определенно сказался на его восточном соседе.

Сибирское посольство 1555 г. было предпринято практически одновременно с аналогичными инициативами со стороны некоторых башкирских племен. Они обратились к московскому царю с просьбой о подтверждении их прав на родовые земли и получили соответствующие ярлыки (Башкирские 1960: 33, 111; Башкирские 2001: 231)⁴. Башкирская племенная элита видела в царе нового верховного сюзерена – так же, как и правитель Сибирского юрта.

Государственная традиция, которая утвердилась в этой части Евразии, предусматривала легитимность земельного владения только в форме пожалования от монарха. Хан не только жаловал земли и подвластное население, но и подтверждал право подданных на пользование их исконными, доставшимися от предков землями. Законно владеть ими можно было, только обладая разрешением и согласием со стороны высшей власти.

В случаях с сибирцами и башкирами налицо старый, унаследованный от Золотой Орды порядок: при смене монарха требовалось обновление (подтверждение) ярлыков, выданных его предшественником. Если так, то получается, что до 1552 г. такую функцию по отношению к башкирам и сибирцам исполняли казанские ханы. (Впрочем, загадочная история Сибирского юрта дает основания и для других версий, на которых я не стану останавливаться).

Указанный порядок издавна действовал при уходе от власти не только дарователя ярлыка, но и получателя. Именно этим можно объяснить ситуацию на начальном этапе взаимоотношений Ивана IV и Кучума, когда последний подтвердил даннические обязательства, а царь вновь направил в Сибирь своего даругу с новым ярлыком ((РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 91: «с своею жалованною грамотою»). Отсюда понятно отношение русских политиков к Кучуму как к государеву «посаженику», а после разрыва отношений – как к «изменнику» и «непослушнику».

⁴ Хотя шежере повествуют о переговорах башкирских депутатий непосредственно с Иваном IV, в официальном летописании не осталось никаких следов этого события. Очевидно, правительство общалось с биями через посредничество казанских воевод. Версия об общении с самим царем могла возникнуть из того факта, что все челобитные подавались на высочайшее имя, и ответы на них составлялись в московских приказах также от лица государя.

Причем при инвеституре Ядгара Москва осуществила полный набор процедур, принятых некогда в отношениях правителей Золотой Орды с вассальными данниками. В 1432 г. ближний боярин великого князя московского Василия II в речи, обращенной к хану Улут-Мухаммеду, перечислил эти обязательные элементы: «Наш государь... Василеи Васильевич ищет стола своего великого княжения, а твоего (т.е. ханского. – В.Т.) улусу, а по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком» (ПСРЛ, т. 12: 16).

Ярлык здесь представлен как одно из документальных подтверждений главного события – высочайшего пожалования, наряду с дефтерями – податными реестрами. (Для Сибирского юрта Иван IV также определил размер ясачной подати, исходя из численности «черных людей»). Кроме того, непременно завершением церемонии инвеституры было введение в должность пожалованного ярлыком правителя в присутствии ханского посла. Исполнять эту функцию в Искере в 1555 г. московский царь поручил некоему Дмитрию Курову, одновременно наделенному и полномочиями даруги («кому дань собрать») (ПСРЛ, т. 13, ч. 1: 248).

Западные башкирские племена до середины XVI в. входили в состав Казанского ханства. Правителям дорусской эпохи в башкирском историческом фольклоре приписывается распределение пастбищных, лесных и водных угодий между племенами, установление регулярного налогообложения (ясака), практика мобилизации молодых мужчин в ханское ополчение (Башкирские 1985: 97). Предания связывают первое распределение «земель и вод» между родами и ясачное обложение с золотоордынскими временами, с ханскими указами. Впоследствии в ответ на просьбу башкирской делегации уже казанский хан дал право пользоваться родовыми угодьями и наложил обязанность платить ясак (Лоссиевский 1881). Русским монархам пришлось взять на себя урегулирование владельческих прав на землю.

Ослабление Ногайской Орды и исход ногаев в южные степи давали башкирам возможность существенно расширить пределы своего расселения. В документальном оформлении нуждалось теперь не только обладание родовыми землями башкирских племен и кланов. Царскими пожалованиями требовалось утвердить также пользование бывшими ногайскими владениями.

С Иваном IV связывается повторное и окончательное пожалование башкирам прав на вотчинное владение землями. Он при приеме в подданство жаловал ранги и звания (биев и тарханов), подтверждал право на вотчинные земли, выдавал в подтверждение всего этого ярлыки (именно этот термин фигурирует в исторических преданиях).

Ясно, что население присоединенных территорий в основном продолжало жить на прежних местах, и при смене власти (в данном случае татарской на русскую) потребовалось обновление такого разрешения и согласия. В од-

ном из преданий башкирские посланцы так и говорят царю Ивану: «Закрепите нас на тех землях, что от века принадлежали нашим предкам» (Башкирские 2001: 231).

Таким образом, и в этом случае московское правительство объективно наследовало административные полномочия своих предшественников.

Известен случай прямой юридической преемственности царского земельного пожалования от ханского ярлыка. В 1690 г. при межевании мордовских земель жители двух деревень представили два правоутверждающих документа – жалованную грамоту казанского хана «Сафая» (очевидно, Сафа-Гирея) и оброчную грамоту царя Бориса Годунова. Вторая грамота скорее всего была выдана на основании первой, и обе были приняты чиновниками к рассмотрению (Герасимов 2000: 142)⁵.

Полновластие московского государя проявлялось в отношениях его со служилыми татарами – в том числе с правителями Касимовского царства. Само назначение на престол в Касимов, а с 1560-х годов и наделение ханским рангом всецело находилось в руках русского монарха. Я не стану подробно останавливаться на статусе Касимовского царства по причине его известности. Укажу лишь, что квинтэссенцией этого статуса могут послужить слова хрониста начала XVII в. Кадыр Али-бека Джалаира о своем патроне, царе Ураз-Мухаммеде: он «правой рукой действовал по шариату, а левой рукой – согласно ярлыку государя Бориса Федоровича-хана, бил кнутом воров, разбойников и неблагочестивых» (цит. по: Усманов 1972: 90). Следовательно, источником власти вассального хана и здесь выступает (помимо мусульманского права) выданный в Москве ярлык.

В отношениях между Россией и тюркскими соседями практика выдачи ярлыков на управление оказалась все-таки эпизодической. Она была рудиментом угасающей золотоордынской государственности. Да и действовала она лишь непосредственно в зоне татарской государственной традиции и в тех регионах, где сохранялась память об административных устоях Золотой Орды.

На смену этой практике пришла другая, гораздо более жизнеспособная форма отношений между правителями. С предводителями адыгов, ногаев и впоследствии народов Сибири отношения выстраивались на основании документов уже иного, явно более низкого ранга – шертных договоров (шарт-наме), определявших взаимные обязательства сторон. Определенную преемственность между ярлыками и шертями можно усматривать в отношениях московских государей с касимовскими царями, царевичами и сеидами. Пожалования (ярлыки) на Касимов сопровождалась шертными соглашениями татарских

⁵ Об этом явлении на территории бывшего Казанского ханства см. также: Исхаков, Измайлов 2005: 22, 23; Худяков 2003: 78, 79.

правителей и духовных иерархов с их русскими патронами (см.: Вельяминов-Зернов 1863: 149, 221).

Приведенное свидетельство относительно Ураз-Мухаммеда с упоминанием ярлыка уникально, как уникальны и само сочинение Кадыр Али-бека, и его известия о своеобразном Касимовском «полугосударстве». В известных мне русских материалах наделение касимовских правителей царственным рангом подается как пожалование с вручением жалованных грамот. Однако замечу при этом, что последние снабжались государевой красной печатью (РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1622 г., д. 8, л. 50 – инвеститура касимовского царя Арслана в 1614 г.). Это находит еще одну аналогию в ханских «алотамговых» жалованных ярлыках с красной печатью – относительно второразрядной, предназначенной как раз для скрепления суюргальных, тарханских и прочих указов (Усманов 1979: 145, 175). Равно как и сама форма длинного свитка-столбца, практиковавшаяся в допетровских канцеляриях, явилась вероятным заимствованием из Золотой Орды, где делопроизводство начиналось на основе вертикальной уйгурской письменности (Ostrowski 1990: 534).

К сожалению, ни один из названных выше ярлыков не сохранился. Все они известны только по редким упоминаниям в хрониках и преданиях. Очевидно, в московской делопроизводственной практике термин ярлык по отношению к местным жалованным документам не прижилось и было заменено многозначным эквивалентом грамота (напомню, что в начале XIV в. произошло наоборот). Может быть, здесь сказалась потребность изжить память о временах ордынского подданства⁶. Тем ценнее прямые указания в русских текстах XVI–XVII вв. о выдаче в Москве ярлыков татарским и башкирским правителям.

На рубеже XVI–XVII вв. в рассматриваемом регионе начинает проявляться присутствие еще одной политической силы – калмыков. Объективно они вместе с Россией, башкирами и казаками приняли участие в дележе геополитического ногайского наследства. Главные интересы калмыцких правителей-тайшей были обращены на нижневолжские и западносибирские степи. Тем не менее в источниках просматриваются признаки экспансионистских устремлений и в направлении Башкирии. В 1623 г. тайша Уруслан заявил жителю одной деревни Катайской волости Уфимского уезда: «...Кочуем де

⁶ В отличие от русских, такой потребности не испытывали тюркские подданные России. Понятие *ярлык* сохранялось в их языках для обозначения царских указов. В 1639 г. некий касимовец Аликей в своем завещании упоминал *Михайла Федорович... йарлиги хэм улажиниеси* – «указ и уложение» царя Михаила Федоровича (в переводе В.В. Вельяминова-Зернова – Вельяминов-Зернов 1864: 242). А для средневековых башкир, по замечанию Р.Г. Кузеева, любой письменный документ являлся «ярлыком» (Башкирские 1960: 182).

мы все тайши здесе по Тоболу реке... Наперед де вы сего даывали ясак нагайцом, а ныне де дадите ясак мне, а я де к вам пришло для ясаку послов своих». В ответ на возражения башкир (платим, мол, русскому государю) тайши пригрозил им нашествием сибирско-татарского царевича Ишима, сына хана Кучума (Миллер 1941, прил.: 293).

Полагаю, что в условиях постоянных притязаний ногаев на южноуральские территории и эпизодических угроз со стороны калмыков могучий тыл в виде русских воевод и крепостных гарнизонов послужил значительным стимулом для лояльности башкир по отношению к России.

В присоединенных владениях устанавливалась власть русских наместников-воевод и вводилась административная система, присущая всему Московскому царству. В тех землях, что входили в состав государства добровольно, оставляли прежнее племенное устройство, но теперь уже под верховенством царя и воевод. Кроме того, в России XVI–XVII вв. существовали два вассальных ханства – Касимовское (до 1681 г.) и Калмыцкое. Их правители назначались из Кремля и полностью зависели от правительства.

В Среднем Поволжье, которое до начала XVIII в. официально именовалось Царством Казанским, новая власть устанавливалась трудно. Как указывалось выше, пять лет в бывшем Казанском ханстве бушевало партизанское движение, позднее местные народы неоднократно поднимали восстания (Черемисские войны) против русской администрации. Вся полнота власти – гражданской и военной – принадлежала там казанскому и свияжскому воеводам. Поволжье выступило как бы испытательным полигоном для воеводской системы, которая в XVII в. была распространена на всю державу. Специально для контроля над новыми территориями на Волге, за поступлением оттуда налогов в столице образовали особое ведомство – приказ Казанского дворца.

Для окончательного утверждения на Волге правительство применяло разнообразные меры. Развернулась христианизация края. Наряду с широким церковным строительством и организацией в Казани епархии (с 1589 г. – митрополии), церковные иерархи получали и административные полномочия; но главная задача их состояла в крещении местного населения. Перешедшие в православие пользовались податными льготами, что приводило к значительному росту прослойки новокрещеных.

Традиционная элита волжских народов была оттеснена от власти. Большую часть татарских беков истребили или «вывели» в Центральную Россию. Лишь на самом низшем уровне, в волостях, правительство сохранило «лучших людей» – татарских мирз (мурз), чувашских, марийских и удмуртских сотенных князей. При этом власти стремились увеличить число так называемых служилых татар, наделяемых за службу поместьями. Служилые освобождались от выплаты ясака и получали поместное жалованье. Остальное

население составляло слой ясачных людей (ясак здесь сохранялся до введения подушной подати в 1724 г.).

В Поволжье хлынуло множество русских: служилых людей, дворян, монахов. Именно из русских формировалась отныне администрация. Русские «татарские головы» из дворян вершили суд среди местного населения. Сразу после завоевания Казани началось испомещение – главным образом, в окрестностях Казани и Свияжска.

Постепенно росло и крестьянское русское население края. На новых местах оно получало освобождение от несения повинностей на три года. Наиболее активно заселялись крестьянами церковные и монастырские земли.

У башкир вся местная верхушка поначалу оставалась в неприкосновенности. Этот народ делился на племена и роды во главе с биями. Кроме того, от прежних времен уцелело деление Башкирии на пять провинций-*дорог* (от *даруга*), а они, в свою очередь, состояли из волостей. Каждая волость соответствовала, как правило, одному племени; с разрастанием и ветвлением племен волостей становилось все больше. Через волостных биев (по-русски – «старшин») осуществлялась вся правительственная политика в крае. Но башкиры имели и значительную автономию. Например, для решения важных вопросов не всегда привлекали уфимского воеводу, а собирали волостной сход-*йыйын*; известны и общебашкирские йыйыны.

Подданство царю башкиры рассматривали как свой свободный выбор, как результат взаимного согласия с Москвой. Но во второй половине XVII в. стало окончательно ясно, что правительство и местные власти вовсе не рассматривают их как равноправных политических партнеров и союзников. На башкирских пастбищах и охотничьих угодьях появлялись русские деревни, произвольно менялись нормы налогообложения... Эти нарушения, вместе со злоупотреблениями воевод, вызвали массовое возмущение башкир и череду их восстаний. Народные движения удалось подавить, но недовольство тлело, и в следующем столетии вновь вылилось в новые мятежи.

В определенном смысле правитель Московского государства по отношению к поволжским и заволжским народам принимал на себя функции верховного сюзерена, традиционно связывавшиеся некогда с правителями Золотой Орды, Казани и Сибири. В XVIII в. башкиры вспоминали о той ситуации именно в таком контексте: «Мы, башкирские народы, наши отцы, деды и прадеды, великому государю в подданство пришли своими волями, **оставя своих прежних ханов**, и великие государи нас содержали по нашей воле...» (цит. по: Асфандияров 1982: 23). Да и сам Иван IV в обращении к населению Южного Урала призывал его платить яsak русскому царю, «якоже и прежним казанским царям» (ПСРЛ, т. 13, ч. 1: 221).

Следовательно, в отношении восточных и южных соседей Россия XV–XVII вв. представляла как победоносный участник борьбы за геополитическое наследие Золотой Орды. Соответственно при налаживании отношений с бывшими ордынскими подданными – татарами, башкирами и ногаями – зачастую использовались привычные для них схемы, что обеспечивало их менее болезненную адаптацию к жизни в пределах Московского государства. С калмыками, пришедшими на Волгу относительно поздно, центральные и местные власти выстраивали отношения в целом по тем же традиционным моделям.

Источники и литература

Архивные источники

Российский государственный архив древних актов:

- ф. 77. Сношения России с Персией
- ф. 89. Сношения России с Турцией
- ф. 112. Дела едисанских, ембулуцких, едишкульских и буджацких татар
- ф. 119. Калмыцкие дела
- ф. 121. Кумыцкие и тарковские дела
- ф. 122. Киргиз-кайсацкие дела
- ф. 123. Сношения России с Крымом
- ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами
- ф. 131. Татарские дела
- ф. 137. Боярские и городовые книги
- ф. 141. Приказные дела старых лет
- ф. 181. Рукописное собрание библиотеки Московского городского архива МИД
- ф. 214. Сибирский приказ
- ф. 389. Литовская метрика
- ф. 1290. Юсуповы

Опубликованные источники и исследования

- Абд-ал Кадир 2005 – Абд ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин. Маджма ал-ансаб ва-лашджар. Алматы, 2005.
- Абусейтова 1985 – Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985.
- Агаджанов 1993 – Агаджанов С.Г. Ногайцы и туркмены: исторические и этнокультурные связи // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. С. 36–42.
- Ажигали 2002 – Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
- Айбазова 1981 – Айбазова Е.С. Термины родства в ногайском языке // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981. С. 56–68.
- Акты 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 3. 1613–1645. СПб., 1841.
- Акты 1884 – Акты о выездах в Россию иноземцев // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Т. 8. СПб., 1884. С. 83–328.
- Акты 1890 – Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890.
- Акты 1914 – Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1914.
- Акты 1915 – Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля – 1613 г.). М., 1915.
- Акты 1918 – Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918.

Алексеев 2003 – Алексеев А.К. Золотоордынские элементы в официальной истории аштарханидских государств в Средней Азии. «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуда б. Вали (XVII в.) // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003. С. 63–65.

Алексеев 2006 – Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения *Бахр ал-асрар*. СПб., 2006.

Алексеева 1957 – Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии XVI–XVII вв. Черкесск, 1957.

Алфавитный 1853 – Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Борских книгах. М., 1853.

Амелькин, Селезнев 2005 – Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в сознании современников и потомков. Воронеж, 2005.

Ананьев 1900 – Ананьев Г. Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 1–38 (отд. паг.).

Ананьев 1909 – Ананьев Г. Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ставрополь, 1909. С. 1–29 (отд. паг.).

Антология 1980 – Антология дагестанской поэзии. Т. 1. Песни народов Дагестана. Махачкала, 1980.

Антонов 1994 – Антонов А.В. Из истории Палаты родословных дел // Историческая генеалогия. 1994. №3. С. 80–106.

Антонов 1996 – Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996.

Арапов 2001 – Арапов Д.Ю. Первый российский указ о паломничестве в Мекку // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 293–301.

Архипов 1855 – Архипов А.П. Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах // Кавказ. 1855. №29. С. 119–120.

Асфандияров 1982 – Асфандияров А.З. Башкирские источники XVI–XIX вв. о добровольном присоединении края к Русскому государству // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 6–18.

Атласи 1992 – Атласи һ. Себер тарихы. Сөен-бикэ. Казан ханлыгы (тарихы эсэрлэр). Казан, 1992.

Афанасьев 1995 – Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1995.

Ахмедов 1965 – Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахмедов 1985 – Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Таш., 1985.

Ашмарин 1984 – Ашмарин Н.И. Введение в курс чувашской народной словесности // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары. 1984. С. 3–48.

Бабур-наме 1993 – Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М.Салье. Ташкент, 1993.

Багaley 1887 – Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.

Бартольд 1963 – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 167–433.

- Бартольд 1964а – Бартольд В.В. Улугбек и его время // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 123–196.
- Бартольд 1964б – Бартольд В.В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 388–399.
- Бартольд 1965 – Бартольд В.В. К истории Хорезма в XVI в. // Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 257–259.
- Бартольд 1966 – Бартольд В.В. Халиф и султан // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 15–78.
- Бартольд 1968 – Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 17–192.
- Бартольд 1973а – Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбар* // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 23–62.
- Бартольд 1973б – Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973. С. 119–210.
- Басилов 1970 – Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М., 1970.
- Баскаков 1940 – Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь. М.; Л., 1940.
- Баскаков 1993 – Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. 2-е изд. М., 1993.
- Баталов, Беляев 1998 – Баталов А.Л., Беляев Л.А. Некоторые проблемы сакральной топографии средневекового русского города // Сакральная топография средневекового города. М., 1998. С. 13–22. (Известия Института христианской культуры средневековья, т. 1).
- Бахтин 1998 – Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
- Бахтин 2001 – Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. №5. С. 52–72.
- Башкирские 1960 – Башкирские шежере. Сост., пер. текстов, введ. и комм. Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960.
- Башкирские 1985 – Башкирские предания и легенды. Уфа, 1985.
- Башкирские 2001 – Башкирские народные предания и легенды. Уфа, 2001.
- Башкирские 2002 – Башкирские родословные. Вып. 1. Уфа, 2002.
- Бейлис 1984 – Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 208–228.
- Беляев 1917 – Беляев И.А. Сказание об Едигее и Тохтамыше: Каракалпакская народная поэма // Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. 3. Асхабад, 1917. С. 1–39 (отд. паг.).
- Беляев 2005 – Беляев Л.А. Сакральная топография Москвы: храм–кладбище–город. К постановке вопроса // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. III. М., 2005. С. 29–41.
- Беляков 2006 – Беляков А.В. Ахматовичи в России // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006. С. 515–514.

Белокуров 1888 – Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского Гл. архива МИД. Вып. 1 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1888. Кн. 3 (146). С. 1–СХХІХ, 1–584.

Бентковский 1883 – Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1. Ногайцы. Ставрополь, 1883.

Берх 1833 – Берх В. Систематические списки боярам, окольниковым и думным дворянам с 1468 года до уничтожения сих чинов. СПб., 1833.

Бидлиси 1976 – Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Ч. 2. М., 1976.

Богоявленский 1936 – Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. Т. 5. М., 1936. С. 48–101.

Боярская 1986 – Боярская книга 1627 г. М., 1986.

Бояршинова 1960 – Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск, 1960.

Брун 1972 – Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. Одесса, 1872.

Булгарова 1999 – Булгарова М.А. Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999.

Буссов 1961 – Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. М., 1961.

Бусыгин 1966 – Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – нач. XX вв.). Казань, 1966.

Бутков 1869 – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869.

Валеев, Томилов 1996 – Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996.

Валиханов 1964 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 3. Алма-Ата, 1964.

Валиханов 1968 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 4. Алма-Ата, 1968.

Вахидов 1926 – Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // Вестник научного общества татароведения. 1926. №4. С. 82–91.

Вельяминов-Зернов 1859 – Вельяминов-Зернов В.В. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. 4. СПб., 1859. С. 262–279.

Вельяминов-Зернов 1863 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 1. СПб., 1863.

Вельяминов-Зернов 1864 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 2. СПб., 1864.

Веселовский 1947 – Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Вып. 22. М., 1947. С. 101–132.

Виноградов 2006 – Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой Степи. М., 2006. С. 26–73.

- Виноградов 2007 – Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Кн. I–II. М., 2007.
- Водарский 1975 – Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М., 1975. С. 70–107.
- Волга 1937 – Волга в песнях и сказаниях. Саратов, 1937.
- Волга 1986 – Волга родная. Сказки народов Башкирии, Татарии и Чувашии. Л., 1986.
- Волкова 1974 – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.
- Вяткин 1941 – Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. М.; Л., 1941.
- Гаджиева 1979 – Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев: XIX – начало XX в. М., 1979.
- Газиз 1994 – Газиз Г. История татар. М., 1994.
- Гайворонский 2007 – Гайворонский А. Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007.
- Галонифонтибус 1980 – Галонифонтибус И. Сведения о народах Кавказа (1404 г.) (из сочинения «Книга познания мира»). Баку, 1980.
- Гарипова 1994 – Гарипова Ф.Г. Исемнәрдә-ил тарихы. Казан, 1994.
- Георги 1991 – Георги И.И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 4. СПб., 1799.
- Гераклитов 1923 – Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
- Гераклитов 2000 – Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // *Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.* Сборник материалов и документов. М., 2000. С. 140–145.
- Герберштейн 1988 – Герберштейн С. Записки о Московии. Пер. с нем. А.И. Малейна и А.В. Назаренко. М., 1988.
- Глебов-Стрешнев 1855 – Глебов-Стрешнев Ф.П. Список бояр, окольных и других чинов с 1578 года до царствования Феодора Алексеевича // *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России.* Кн. 2. Половина 1. М., 1855. С. 121–144.
- Головинский 1878 – Головинский П.А. Кумыкские ногаи // *Сборник сведений о Терской области.* Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 314–315.
- Горский 2001 – Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.
- Гурлянд 1906 – Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары // *Труды 2-го областного Тверского археологического съезда.* Отд. 2. Тверь, 1906. С. 5–16.
- Давкараев 1959 – Давкараев Н. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Ташкент, 1959.
- Даль 1957 – Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Дворцовые 1850 – Дворцовые разряды. Т. 1 (1612–1628 гг.). СПб., 1850.
- Дворцовые 1851 – Дворцовые разряды. Т. 2 (1628–1645 гг.). СПб., 1851.
- Дворцовые 1852 – Дворцовые разряды. Т. 3 (1645–1676 гг.). СПб., 1852.
- Демин, 2007 – Демин А.С. Двудесятилетний автор «Казанской истории» // *Вестник Общества исследователей Древней Руси.* 2002–2003 гг. М., 2007. С. 134–144.

Демкин 1986 – Демкин А.В. Феодальное землевладение Романовского уезда в конце XVI в. // Аграрный строй феодальной России: XV – начало XVIII в. М., 1986. С. 99–120.

Джарылгасинова, Супрун 1996 – Джарылгасинова Р.Ш., Супрун В.И. Седьмая конференция по ономастике Поволжья // Этнографическое обозрение. 1996. №5. С. 132–136.

Димитриев 1983 – Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Ч. 1. Чебоксары, 1983.

Димитриев 1900 – Димитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 8. Пермь, 1900.

Димитриев 2006 – Димитриев С.В. Среднеазиатские куруки в эпоху Шибанидов (по материалам XVI в.) // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой Степи. М., 2006. С. 143–158.

Долгоруков 1855 – Долгоруков П.Д. Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855.

Дополнения 1846 – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1846.

Дополнения 1854 – Дополнения к тому III-му Дворцовых разрядов. СПб., 1854.

Дубман 1999 – Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Нижнего Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999.

Дубман 2005 – Дубман Э.Л. Особенности системы кочевания у ногайского сообщества середины XVI в. (на примере ногаев Волго-Уральского междуречья) // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005. С. 140–168.

Духовные 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Евстигнеев 1995 – Евстигнеев Ю.В. Ногай и ногайцы // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995. С. 77–82.

Егоров 1985 – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Еремеев 1983 – Еремеев Д.Е. Отражение патриархальных и родо-племенных традиций в шариате (к вопросу о социальных истоках мусульманского права) // Народы Азии и Африки. 1983. №1. С. 46–56.

Ермолаев 1982 – Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

Жемчужины 1974 – Жемчужины Жигулей. Предания, сказы, легенды. Куйбышев. 1974.

Жирмунский 1974 – Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Жуковская 1988 – Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

Забелин 1882 – Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. М., 1882.

Зайцев 2000а – Зайцев И.В. К истории книжной культуры в Джучидских государствах // Восточный архив. 2000. №4–5. С. 77–82.

Зайцев 2000б – Зайцев И.В. Посольства из Казани в Крым 1549 года // *Orientalistica Juvenile*. Сборник работ молодых сотрудников и аспирантов. М., 2000. С. 84–98.

- Зайцев 2002 – Зайцев И.В. Образование Астраханского ханства // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 32–62.
- Зайцев 2004 – Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). М., 2004.
- Зайцев 2006 – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006.
- Зайцев 2009 – Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития: рукописи, тексты и источники. М., 2009.
- Закиров 1966 – Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.
- Замятин 2006 – Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.
- Записки 1988 – Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988.
- Захарова 1960 – Захарова И.В. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 32–65.
- Заходер 1962 – Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. М., 1962.
- Заходер 1967 – Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967.
- Зияев 1965 – Зияев Х. Ўрта Осиё ва Волга бўйлари (XVI асрнинг иккинчи ярми – XIX асрлар). Тошкент, 1965.
- Ибнеева, эл. ресурс – Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 году: узнавание империи. Электронный ресурс: <http://idealhistory.org.ru/pdfs/10Ibneeva/pdf>.
- Иванов 1935 – Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков. М.; Л., 1935. С. 9–89.
- Иванов 1957 – Иванов Н.И. О чувашском народном стихосложении. Чебоксары, 1957.
- Иванов 1988 – Иванов В.В. Лес // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. С. 49–50.
- Игнатъев 1868 – Игнатъев Р.Г. Чортово городище в окрестностях г. Уфы // Сборник Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. Уфа, 1868. С. 19–28.
- Игнатъев 1883 – Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 328–355.
- Игнатъев, Гурвич 1883 – Игнатъев Р.Г., Гурвич Н.А. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии и Оренбургского края с самых отдаленных времен до настоящего // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. I–XXVII (отд. паг.).
- Идегей 1990 – Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990.
- Измайлов 1993 – Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического сознания населения Золотой Орды в XIII–XV вв. // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 17–32.
- Измайлов 2000 – Измайлов И.Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 99–105.

Измайлов 2002 – Измайлов И.Л. Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Измайлов 2006 – Измайлов И.Л. Нашествие Аксак-Тимура на Болгар: мнимая реальность и татарская историческая традиция // Источники и исследования по истории татарского народа. Казань, 2006. С. 244–262.

Иоасафовская 1957 – Иоасафовская летопись. М., 1957.

Ирмуханов 2001 – Ирмуханов Б.Б. Из истории казахов: «Аз»-Жанибек, Казахское ханство и жузы. Алматы, 2001.

Исин 1985 – Исин А.И. Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI века // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985. С. 37–49.

Исин 1988 – Исин А.И. Взаимоотношения между Казахским ханством и Ногайской Ордой в XVI в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1988.

Исин 2004 – Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI в. Алматы, 2004.

Ислам 1991 – Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

История 1937 – История Татарии в материалах и документах. М., 1937.

История 1974 – История Каракалпакской АССР. Т. 1. Ташкент, 1974.

История 1991 – История Башкортостана. Учебное пособие. Ч. 1. Уфа, 1991.

История 1993а – История Казахстана. Очерк. Алматы, 1993.

История 1993б – История Узбекистана. Т. 3. Ташкент, 1993

История 2005 – История Казахстана в русских источниках. Т. I. Алматы, 2005.

Источниковедение 2002 – Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Исхаков 1985 – Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 36–65.

Исхаков 1995 – Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв.) // Панорама-Форум. Казань, 1995. №3. С. 95–107.

Исхаков 1997 – Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997.

Исхаков 2006а – Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006.

Исхаков 2006б – Исхаков Д.М. Еще раз о казанских князьях рубежа XIV–XV вв. // Источники и исследования по истории татарского народа. Казань, 2006. С. 151–156.

Исхаков 2009а – Исхаков Д.М. Булгарский вилайат накануне образования Казанского ханства // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. №2. С. 123–138.

Исхаков 2009б – Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.

Исхаков, Измайлов 2005 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань, 2005.

Исхаков, Измайлов 2007 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007.

Кабардино-русские 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957.

Казахско-русские 1961 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1961.

Калмыков и др. 1983 – Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы: историко-этнографический очерк. Черкесск, 1983.

Калмыцкие 1969 – Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.

Калоев 1993 – Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX века). М., 1993.

Камалов 1991 – Камалов С.К. О географических названиях в эпосе «Едиге» // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. М.; Терекли-Мектеб, 1991. С. 132–134.

Карабущенко 2009 – Карабущенко П.Л. Астраханское царство. Астрахань, 2009.

Карамзин 1989 – Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. М., 1989.

Катанов 1896 – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. Тобольск, 1896.

К.Д.Э. 1834 – К.Д.Э. О нагайском племени татар // Санкт-Петербургские ведомости. 1834. №96.

Керейтов 1982 – Керейтов Р.Х. Терминология родства у ногайцев // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура). Черкесск, 1982. С. 191–212.

Керейтов 1995 – Керейтов Р.Х. Ногайский этнос и его соседи в условиях широкого пространственного расселения (северо-кавказские и нижнеповолжские группы) // Проблемы взаимодействия национальных культур. Ч. 1. Астрахань, 1995. С. 34–35.

Киреев 1970 – Киреев А.Н. Башкирский героический эпос. Уфа, 1970.

Кляшторный, Султанов 1992 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Кляшторный, Султанов 2004 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.

Книга 1843 – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). М., 1843.

Книга 1850 – Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 5. М., 1850. С. 19–148.

Книга 1950 – Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.

Книга 1955 – Книга Марко Поло. М., 1955.

Коновалова 1999 – Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

Коновалова 2009 – Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009.

Кононов 1958 – Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.

Константин Багрянородный 1989 – Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Корнис 1836 – Корнис В. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. Ч. 33. М., 1836. С. 3–23 210–230, 269–297.

Коротин, Коротин 1999 – Коротин Е.И., Коротин О.Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков. Антология. Самара; Уральск, 1999.

Котошихин 1906 – Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.

Кочекаев 1988 – Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. А.-А., 1988.

Краутхаймер 2000 – Краутхаймер Р. Три христианские столицы. Топография и политика. М., 2000.

Крачковский 1957 – Крачковский И.Ю. Избранные сочинения Т. 4. М.; Л., 1957.

Кузеев 1957 – Кузеев Р.Г. Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству // Советская этнография. 1957. №4. С. 3–12.

Кузеев 1966 – Кузеев Р.Г. К установлению этнических связей Башкирии со Средней Азией и Западной Сибирью (по данным шежере, исторических преданий и легенд) // Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы за 1965 год. Тез. докл. Уфа, 1966. С. 85–93.

Кузеев 1968 – Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I – начале II тысячелетия н.э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд) // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. Уфа, 1968. С. 228–248.

Кузеев 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974.

Кузеев 1978 – Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

Кузеев 1991 – Кузеев Р.Г. Башкиры и ногайцы: этнические взаимосвязи // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. Тез. докл. Москва; Теркли-Мектеб, 1991. С. 38–40.

Кузеев 1992 – Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

Кулешов 2000 – Кулешов Е.В. Сакральная топография Нового времени: Святая земля // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 177–190.

Кумеков 1994 – Кумеков Б.Е. Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII – нач. XIII в. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1994.

Кушева 1963 – Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963.

Кушева и др. 1958 – Кушева Е.Н., Аполлова Н.Г., Ромодин В.А. Народы Кавказа и Средней Азии в XVI и в первой половине XVII в. // Всемирная история. Т. IV. М., 1958. С. 566–590.

Ланнуа 1852 – Ланнуа Ж. Путешествие Гильбера де Ланнуа по Южной России в 1421 году. Одесса, 1852.

Левшин 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.

Легенды 1969 – Легенды и были Жигулей. Куйбышев, 1969.

Легенды 1998 – Легенды и предания Волги-реки. Нижний Новгород, 1998.

Летописец 1895 – Летописец русский // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1895. Кн. 3. С. I–IV, 1–190 (отд. паг.).

Лоссиевский 1881 – Лоссиевский М.В. Из неизданных арабских и татарских хроник Оренбургского края // Оренбургский листок. 1881. №8. 22 февраля.

Лэн-Пуль 2004 – Лэн-Пуль Ст. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. М., 2004.

Люк 1879 – Люк Ж. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 11. Одесса, 1879. С. 473–493.

Любавский 1996 – Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

Мажитов, Султанова 1994 – Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994.

Маликов 2007 – Маликов А.М. Узбеки группы кунграт долины Зерафшана в XIX – начале XX в. Самарканд, 2007.

Малиновский 1863 – Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 178–419.

Марджани 2005 – Шихабуддин Марджани. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I. Казань, 2005.

Маргулан 1950 – Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

Масанов 1995 – Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; Москва, 1995.

Маслюженко 2007 – Маслюженко Д.Н. Сибирские Шибаниды в середине XVI в.: проблемы сопоставления на раннем этапе функционирования Сибирского ханства // Сулеймановские чтения. Материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. Тюмень, 2007. С. 56–57.

Материалы 1864 – Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864.

Материалы 1932 – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Л., 1932.

Материалы 1939 – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.; Л., 1939.

Материалы 1969 – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII в. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

Матонин 2002 – Матонин В.Н. Священное пространство Поонежья и Онежского Поморья (2-я половина XIX – 30-е гг. XX в.) // Русская культура на рубеже веков. Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002. Электронный ресурс <http://www.booksite.ru/fulltext/pos/ele/nie/phe/nom/en/2.htm>.

- Махмуд ал-Кашгари 2005 – Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005.
- Мельникова 1998 – Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе V–XIV века. М., 1998. С. 22–31.
- Местнический 1910 – Местнический справочник XVII века. Вильна, 1910.
- Миллер, эл. ресурс – Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка. Электронный ресурс: <http://polit.ru/lectures/2005/04/14/miller.html>.
- Миллер 1937 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937.
- Миллер 1941 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941.
- Миллер 1999 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999.
- Милоков 2006 – Милоков П.Н. Семидесятипятителетие освобождения крестьян // История и историография России. Из научно-литературного наследия русского зарубежья. М., 2006.
- Мифы 1996 – Мифы древней Волги. Саратов, 1996.
- Мордовина 1970 – Мордовина С.П. Служилые князья в конце XVI века // Труды Московского историко-архивного института. Т. 28. М., 1970. С. 326–340.
- Муканов 1974 – Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Средне-го жуза. Алма-Ата, 1974.
- Мустакимов 2008 – Мустакимов И.А. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2008. №1. С.142–157.
- Мутенин 1948 – Мутенин И.Т. Исторические сведения о ногайцах и караногайцах, населяющих Грозненскую область // Известия Грозненского областного института и Музея краеведения. Вып. 1. Грозный, 1948. С. 129–135.
- Надиров 1991 – Надиров И.Н. Поэтические особенности исторических и лирических песен // Поэтика татарского фольклора. Казань, 1991.
- Нарбут 1994 – Нарбут А.Н. Родословные росписи. Вып. 2. Князья Урусовы. М., 1994.
- Насонов б. г. – Насонов А.Н. Юсуповские вотчины в XIX-ом веке. б. м., б. г. (Доклады Академии наук СССР 1926 г.).
- Небольсин 1852 – Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852.
- Некрасов 1999 – Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. 1999. №3. С. 45–58.
- Немоевский 1907 – Записки Станислава Немоевского (1606–1608) // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. Вып. 6. М., 1907. С. 1–309 (отд. паг.).
- Нестеров 1988 – Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв. Археология и история. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- Новосельский 1948а – Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
- Новосельский 1948б – Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. Т. 26. М., 1948. С. 198–216.

Новый 1853 – Новый летописец // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 17. М., 1853. С. 1–212 (отд. паг.).

Ногайдынъ 1991 – Ногайдынъ кырк баътири. Ногай халк дестанлары. Махачкала, 1991.

О службах 1826 – О службах и походах боярских // Отечественные записки. 1826. Сентябрь. №77. С. 403–431.

Олеарий 2003 – Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.

Описи 1960 – Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.

Османов 1883 – Османов Н. Ногайские и кумыкские тексты. СПб, 1883.

Отводная 1971 – Отводная книга по Уфе (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 259–351.

Открытая 1995 – Открытая книга Башкортостана. Уфа, 1995.

Отрывок 1876 – Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 3. СПб., 1876. Стб. 161–294.

Очерки 1953 – Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Ч. 2. М., 1953.

Очерки 1955 – Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955.

Очерки 1956 – Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956.

Очерки 1993 – Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993.

Очерки 2003 – Очерки Марджани о тюркских народах. Казань, 2003.

Павлов 1957 – Павлов Н.П. Татарские отряды на русской службе // Ученые записки Красноярского пед. института. Вып. 9. Красноярск, 1957. С. 165–177.

Памятники 1890 – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890.

Памятники 1892 – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. СПб., 1892.

Памятники 1898 – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. СПб., 1898.

Памятники 1981 – Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV в. М., 1981.

Пашин 1912 – Пашин П. Из поездки к ногайцам с антропологической целью // Русский антропологический журнал. 1912. №1. С. 38–42.

Петрей де Ерлезунда 1867 – Петрей де Ерлезунда П. История о Великом княжестве Московском. М., 1867.

Платонов 2007 – Платонов Е.В. Сакральная топография деревень в нижнем течении р. Шелонь // Антропологический форум. 2007. №7. С. 231–280.

Плетнева 1990 – Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.

Подосинов 1999 – Подосинов А.В. О названии Волги в древности и раннем средневековье // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999.

Поляк 2001 – Поляк А.Н. Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 79–107.

Поноженко 1987 – Поноженко Е.А. Политический строй ногайцев в XV – середине XVII в. // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1987. №6. С. 33–41.

Поноженко, Асанов, 1993 – Поноженко Е.А., Асанов А.М. Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // Половецкая луна. 1993. №1–2/5–6. С. 116–125.

Попко 1880 – Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. СПб., 1880.

После 1968 – После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М., 1968.

Посольская 1984 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. Подгот. текста М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина. М., 1984.

Посольская 2003 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003.

Посольские 1995 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995.

Посольские 2006 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.

Посольство 1928 – Посольство князя Мышецкого и дьяка Ивана Ключарева в Кахетию. 1640–1643 гг. Тифлис, 1928.

Почекаев 2006 – Почекаев Р.Ю. Ярлыки ханов Золотой Орды: историко-правовое исследование. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. СПб., 2006.

Присоединение 2003 – Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН 14 ноября 2002 г. М., 2003.

Продолжение 1793 – Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 9. СПб., 1793.

ПСЗ, т. 1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1. СПб., 1830.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Повесть временных лет. Л., 1926; т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853; т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1901; т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1904; ч. 2. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1906; т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М., 2000; т. 20. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910; т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910; т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963; т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. М., 1965; т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978; т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987; т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.

Пузанова, эл. ресурс – Пузанова А.Ю. Волга – национальная река России. Электронный ресурс: <http://geo.1september.ru/2005/15/31.htm>

Путешествия 1954 – Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954.

Путешествия 1957 – Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1957.

Разрядная 1966 – Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Разрядная 1974 – Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.

Разрядная 1975 – Разрядная книга 1550–1636 гг. Кн. 1. М., 1975.

Разрядная 1976 – Разрядная книга 1550–1636 гг. Кн. 2. М., 1976.

Разрядная 1982 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. М., 1982.

Разрядная 1983 – Разрядная книга 1637–1638 гг. М., 1983.

Разрядная 1989 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989.

Разрядная 1994 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994.

Ракушин 1993 – Ракушин А.И. К вопросу о сезонных перекочевках золотоордынских кочевников улуса Бату // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993. С. 161–170.

Ракушин 1994 – Ракушин А.И. К вопросу о сезонных пастбищах в Улусе Джучи // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 149–151.

Рахим 2004 – Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань, 2004. С. 555–594.

Рахматуллин 1988 – Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв.: вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988.

Рашид ад-Дин 1960 – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960.

Рашид ад-Дин 1987 – Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Баку, 1987.

Резван 1998 – Резван Е.А. Ал-хаджж из России // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. М., 1998. С. 96–99.

Родоная 1955 – Родоная С.Э. Борьба донского казачества с турецко-татарской агрессией в первой половине XVII в. и его взаимоотношения с Грузией. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955.

Родословная 1787 – Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787.

Родословная 1851 – Родословная книга Великого Российского государства великих князей... // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851. С. 1–130 (отд. паг.).

Родословная 1997 – Родословная башкир Юмран-Табынской волости со сведениями Мухаметсалима Уметбаева, дополненная относящимися к ней сведениями. Уфа, 1997.

Роспись 1899 – «Роспись, кто был на Москве царей и царевичев разных земель...» за XV–XVI вв. // Чтения при Обществе истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1899. С. 5–8.

Российская 2003 – Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003.

Рудаков 2009 – Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М., 2009.

- Рычков 1896 – Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.
- Рычков 1949 – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова, Э.А. Эверсманна, С.С. Неустроева. М., 1949. С. 43–204.
- Рябинин 1886 – Рябинин А. Уральское казачье войско. Ч. 2. СПб., 1886.
- Савелов 1906а – Савелов Л.М. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым, 1626–1628 гг. Симферополь, 1906.
- Савелов 1906б – Савелов Л.М. Родословные записи. Вып. 1. М., 1906.
- Сагитов 1962 – Сагитов И.Т. Каракалпакский героический эпос. Ташкент, 1962.
- Садиков 1947 – Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 132–166.
- Саидов 2007 – Саидов А. Политическое и социально-экономическое положение Бухарского ханства в XVII – первой половине XVIII вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Душанбе, 2007.
- Самарская 1993 – Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Кн. I. Самара, 1993.
- Сафаргалиев 1938 – Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда в середине XVI в. Канд. дисс. М., 1938.
- Сафаргалиев 1949 – Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ Мордовского гос. пед. института. Саранск, 1949. С. 32–56.
- Сафаргалиев 1996 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996. С. 278–521.
- Сборник 1854 – Сборник летописей. Казань, 1854. (Библиотека восточных историков, изд. И.Н. Березиным, т. 2, ч. 1)
- Сборник 1856 – Сборник Муханова. М., 1856.
- Сборник 1879 – Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
- Сборник 1884а – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Сборник 1884б – Сборник Русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. I. СПб., 1884.
- Сборник 1887 – Сборник Русского исторического общества. Т. 59. Памятники сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1566 гг.) СПб., 1887.
- Сборник 1892 – Сборник Русского имп. исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 3. СПб., 1892.
- Сборник 1895 – Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. СПб., 1895.
- Сборник 1941 – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941.

- Селезнев и др. 2009 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009.
- Сикалиев 1994 – Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.
- Сироткин 1965 – Сироткин М.Я. Чувашский фольклор. Чебоксары, 1965.
- Ситнянский 1995 – Ситнянский Г.Ю. Эштеки – финно-угры в составе киргизов? // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С. 44–50.
- Сказание 1955 – Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955.
- Сказания 1831 – Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 1. СПб., 1831.
- Скальковский 1843 – Скальковский А. О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 40. 1843. С. 105–130, 147–190.
- Скрынникова 1997 – Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
- Слово 1985 – Слово о полку Игореве. М., 1985.
- Словцов 1886 – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. СПб., 1886.
- Смирнов 1917 – Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1917.
- Смирнов 1997 – Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.
- Смирнов 1999 – Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII – середина XIX в.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1999.
- Смирнов 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. М., 2005.
- Собрание 1819 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819.
- Собрание 1822 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822.
- Соколов 1898 – Соколов Д.Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 4. Оренбург, 1898. С. 45–65.
- Соловьев 1989 – Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. М., 1989.
- Сталь 1900 – Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. Тифлис, 1900. С. 53–173.
- Старинные 1899 – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XVIII столетий. Вып. 1. СПб., 1899.
- Статейный 1891 – Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. №14. Симферополь, 1891. С. 43–80.
- Статейный 1892 – Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. №15. Симферополь, 1892. С. 70–94.
- Статейный 1995 – Статейный список посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641 г. М., 1995.
- Сташевский 1911 – Сташевский Е.Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911.

Столяров 2001 – Столяров В.П. Духовно-символическое пространство сакральных комплексов России как объект национального наследия (на примере Соловецкого архипелага) // Ставрографический сборник. Кн. 1. М., 2001. С. 113–130.

Султанов 1982 – Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.

Султанов 2001 – Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингизхана. Алматы, 2001.

Султанов 2005 – Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 254–272.

Султанов 2006 – Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Сухоруков 1903 – Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.

Сызранов 2007 – Сызранов А.В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань, 2007.

Сыроечковский 1940 – Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3–71.

Таварих 1967 – Таварих-и гузида-Нусрат-наме. Ташкент, 1967.

Тали 1959 – Абдуррахман-и Тали. История Абулфейз-хана. Таш., 1959.

Татищев 1966 – Татищев В.Н. История российская. Т. 6. М.; Л., 1966.

Теляковский 1991 – Теляковский Н.Н. Старина и святыни города Романова // Старина и святыни города Романова. Ярославль, 1991. С. 5–78.

Теребихин 1993 – Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993.

Теребихин 1999 – Теребихин Н.М. Лукоморье. Очерки религиозной геософии и маринистики Северной России. Архангельск, 1999.

Терещенко 1853 – Терещенко А. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда // Москвитянин. 1853. №22 (ноябрь). Кн. 2. Отд. 2. С. 51–85.

Тишков 2003 – Тишков В.А. Культурный смысл пространства // Этно-журнал. №2 (август 2003). <http://www.ethnonet.ru/lib/index.html>

Толстова 1977 – Толстова Л.С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 141–164.

Толстова, Утемисов 1963 – Толстова Л.С., Утемисов А. Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. Нукус, 1963. Вып. 4 (14). С. 42–54.

Топоров 1988а – Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. С. 340–342.

Топоров 1988б – Топоров В.Н. Река // Там же. М., 1988. С. 377–376.

Топоров 1988в – Топоров В.Н. Хаос первобытный // Там же. С. 581–582.

Трепавлов 1991а – Трепавлов В.В. Институт кековатства в Ногайской Орде // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана. Гурьев, 1991. С. 62–64.

Трепавлов 1991б – Трепавлов В.В. Тöру у древних тюрок и монголов // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. М., 1991. Вып. 18. С. 19–30.

Трепавлов 1993 – Трепавлов В.В. Нурадины Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. С. 43–61.

Трепавлов 1994 – Трепавлов В.В. Россия и кочевые степи. Проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. №2. С. 49–62.

Трепавлов 1997а – Трепавлов В.В. Волга в культурной традиции народов Восточной Европы // Этнографическое обозрение. 1997. №6. С. 103–108.

Трепавлов 1997б – Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.

Трепавлов 1998 – Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. 1998. №1–2 (4–5). С. 101–114.

Трепавлов 1999 – Трепавлов В.В. Приключения «Чудес творений»: из ханской библиотеки Казани в «либерию» Ивана Грозного // Гасырлар авызы = Эхо веков. 1999. №3/4. С. 35–38.

Трепавлов 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов 2002 – Трепавлов В.В. Волга в сакральной топографии тюрок и славян // Великий Волжский путь. Ч. II. История формирования и развития. Казань, 2002. С. 137–150.

Трепавлов 2006 – Трепавлов В.В. Среднее Поволжье в эпонимической традиции позднего средневековья // Источники и исследования по истории татарского народа. Казань, 2006. С. 181–188.

Трепавлов 2007а – Трепавлов В.В. Казанский сюзеренитет: *translatio imperii* от ханства к царству // Казань и алтайская цивилизация. 50-я ежегодная междунар. алтаистическая конф. Труды и материалы. Казань, 2007. С. 205–206.

Трепавлов 2007б – Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения. Материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. Тюмень, 2007. С. 101–102.

Трепавлов 2009 – Трепавлов В.В. Русские переселенцы в Поволжье и Приуралье XVI–XVIII вв.: особенности адаптации // Уральский исторический вестник. 2009. №2 (23). С. 75–83.

Тунманн 1991 – Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991.

Урманчеев 1984 – Урманчеев Ф.И. Героический эпос татарского народа. Казань, 1984.

Урманчеев 2001 – Урманчеев Ф.И. Народное поэтическое творчество // Татары. М., 2001.

Урусов 1993 – Урусов К.С.-Б. К истории рода Урусовых: фамильная хроника. М., 1993.

Урусовы 1873 – Урусовы. Княжеский род // Всемирная иллюстрация. 1873. Т. 9. №1. С. 17–18.

Ускенбай 2002 – Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII–XIV веках. Из истории Ак-Орды // Вопросы истории Казахстана. Исследования молодых ученых. Вып. III. Алматы, 2002. С. 7–37.

- Усманов 1972 – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.
- Усманов 1979 – Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
- Усманов 1982 – Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.
- Усманов 1990 – Усманов М.А. О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 247–254.
- Усманов 1997 – Усманов М.А. Соседи называли их «татарами» // Родина. 1997. №3–4. С. 40–44.
- Устюгов 1947 – Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Вып. 24. М., 1947. С. 30–110.
- Утемиш-хаджи 1992 – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.
- Фаизов 1995 – Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995.
- Фаизов 1999 – Фаизов С. Ислам в Поволжье. VIII–XX вв. Очерк истории. М., 1999.
- Федоров-Давыдов 1973 – Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Федоров-Давыдов 1994 – Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Филоненко 1915 – Филоненко В.И. Башкиры. Уфа, 1915.
- Филошкин 2006 – Филошкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.
- Фирсов 1919 – Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 2. Казань, 1919.
- Флетчер 1905 – О государстве Русском. Сочинение Флетчера. СПб., 1905.
- Фольклор 1946 – Фольклор Саратовской области. Кн. 1. Саратов, 1946.
- Хафиз-и Таныш 1989 – Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 2. М., 1989.
- Хорошкевич 2001 – Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.
- Хорошкевич 2004 – Хорошкевич А.Л. Отражение представлений о регионах Государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2002 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B. 63). С. 102–127.
- Хоскинг 2000 – Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000.
- Худяков 1991 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
- Худяков 2003 – Худяков М.Г. История покорения Малмыжского края // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край. Йошкар-Ола, 2003. С. 35–86.
- Черепнин 1948 – Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948.
- Черняева 1914 – Черняева М. Когда и как стала Волга русской рекой. М., 1914.
- Шевченко, эл. ресурс – Шевченко М. Русские – вообще не народ, или Поволжье – сердце России. Электронный ресурс: <http://kreml.org/opinions/95552464>
- Шежере – Шежере Гирает бия. Семейный архив Н.М. Мириханова.

Шильтбергер 1984 – Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984.

Шипонко 1881 – Шипонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 гг. Первый период: 1263–1613 гг. Пермь, 1881.

Штаден 1925 – Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Пер. и вступ. ст. И.И. Полосина. Л., 1925.

Щелкунов 1915 – Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины XVII века // Сб. Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 13. Новочеркасск, 1915. С. 114–159.

Щербатов 1903 – Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 5. СПб., 1903.

Эвлия Челеби 1961 – Эвлия Челеби. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 1. М., 1961.

Эвлия Челеби 1979 – Эвлия Челеби. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. М., 1979.

Юдин 1992 – Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 14–56.

Юмарт 1994 – Юмарт Г.Ф. Некоторые особенности развития чувашских исторических песен // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984. С. 74–91.

Юматов 1961 – Юматов В.С. Древние предания у башкирцев Чубиминской волости // Башкирия в русской литературе. Т. 1. Уфа, 1961. С. 250–254.

Юсупов 1866 – Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых. Ч. 1. СПб., 1866.

Юсупов 1867 – Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых. Ч. 2. СПб., 1867.

Ягмур 2006 – Ягмур Х. Хадж. М., 2006.

Якубовский 1929 – Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака) // Сообщения Гос. академии истории материальной культуры. Т. II. Л., 1929. С. 123–159.

Ярославские 1913 – Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль, 1913.

Aboul-Ghazi 1871 – Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des mogols et des tatares. Т. 1. St.-Petersbourg, 1871.

Bennigsen, Berindei 1980 – Bennigsen A., Berindei M. Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587–1588) // Harvard Ukrainian Studies. 1980. Vol. 3/4. Pt. 1. P. 71–91.

Bennigsen, Lemerrier-Quellejey 1973 – Bennigsen A., Lemerrier-Quellejey Ch. La Moscovie, l'empire ottoman et la crise successorale de 1577 – 1588 dans le khanat de Crimée // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14. №4. P. 453–487.

Bennigsen, Lemerrier-Quellejey 1976 – Bennigsen A., Lemerrier-Quellejey Ch. La Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'études turques. 1976. Т. 8. №2. P. 203–236.

Bennigsen, Veinstein 1980 – Bennigsen A., Veinstein G. La Grande Horde Nogay et le commerce des steppes pontiques (fin XVe siècle – 1560) // Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi, 1071–1920. Ankara, 1980. P. 49–63.

Bregel 1982 – Bregel Yu. Tribal Tradition and Dynastic History. The Early Rulers of the Qongrats According to Munis // Asian and African Studies. 1982. Vol. 16. P. 357–398.

Burton 1988 – Burton J.A. Who Were the First Ashtarkhanid Rulers of Bukhara? // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1988. Vol. LI. Pt. 3. P. 482–488.

Carrère d'Encausse 1970 – Carrère d'Encausse H. Les routes commerciales de l'Asie Centrale et les traitements de reconquete d'Astrakhan // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1970. Vol. 11. №3. P. 391–422.

Collins 1991 – Collins L. On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502 // *Manzikert to Leparno. The Byzantine World and the Turks, 1071–1571*. Amsterdam, 1991. P. 361–399.

DeWeese 1994 – DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park (Pennsylvania), 1994.

Frank 1994 – Frank A. The Siberian Chronicles and the Taybughid Biys of Sibir'. Bloomington, 1994 (Papers on Inner Asia. №27).

Hausmann 2009 – Hausmann G. Mütterchen Wolga. Ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert. Frankfurt a. M., 2009.

Inalcık 1948 – Inalcık H. Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı tesebbüsü (1569) // *Belleten. Türk Tarih kurumu*. 1948. Cilt 12. Sayı 46. S. 349–402.

Ischboldin 1973 – Ischboldin B. Essay on Tatar history. New Delhi, 1973.

Ivanics, Usmanov 2002 – Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Daftar-i Čingiz-nämä). [B.] I. Szeged, 2002.

Kappeler 1992 – Kappeler A. Moskau und die Steppe: das Verhältnis zu den Nogai-Tataren im 16. Jahrhundert // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1992. B. 46. S. 87–105.

Kortepeter, 1966 – Kortepeter C.M. Gazi Giray II, khan of the Crimea, and Ottoman policy in Eastern Europe and Caucasus, 1588–1594 // *The Slavonic and East European review*. Vol. 44. №122. 1966. P. 139–166.

Krautheimer 1983 – Krautheimer R. Three Christian Capitals: Topography and Politics. Berkeley, 1983.

Kurat 1961 – Kurat A.N. The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // *Slavonic and East European Studies*. 1961. Vol. 40. №94. P. 7–23.

Lietuvos 1994 – *Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427–1506)*. Parengė E.Banionis. Vilnius, 1994.

Lietuvos 1995 – *Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8 (1499–1514)*. Parengė E.Baliulis, A.Firkovičius, D.Antanavičius. Vilnius, 1995.

McChesney 1980 – McChesney R.D. The «Reforms» of Baki Muhammad Khan // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24. №1–2. P. 69–84.

The North 1992 – *The North Caucasus Barrier. The Russian Advance Towards the Muslim World*. L., 1992.

Oesterle 2009 – Oesterle J.R. Kalifat und Königtum im Vergleich. Herrschaftsrepräsentation der Fatimiden, Ottonen und frühen Salier an religiösen Hochfesten. Darmstadt, 2009.

Osmanlı 2005 – *Osmanlı belgelerinde Kazan*. Ankara, 2005.

Ostrowski 1990 – Ostrowski D. The Mongol Origin of Muscovite Political Institutions // *Slavic Review*. 1990. Vol. XLIX. P. 525–542.

Pelensky 1974 – Pelensky J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague; Paris, 1974.

Pritsak 1967 – Pritsak O. “Non-Wild” Polovtsians // Honor Roman Jakobson. Vol. II. The Hague; Paris, 1967. P. 1615–1623.

Tarih 1973 – Tarih-i Sahib Giray Han. Ankara, 1973.

Trepavlov 1994 – Trepavlov V.V. The Social Status of the Yakut Epic Hero // *Asian Folklore Studies*. 1994. Vol. 54. P. 35–48.

Vernadsky 1953 – Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953.

Vikar, Bereczki 1979 – Vikar L., Bereczki G. Chuvash Folksongs. Budapest, 1979.

Трепавлов Вадим Винцерович

**Тюркские народы средневековой Евразии.
Избранные труды**

Научное издание

Оригинал-макет – Л.М.Зигангареева, Р.Ф.Гатаулина

Подписано в печать 03.06.2011 г. Формат 70×100 ¹/₁₆

Усл. печ. листов 15,75 Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17В

